

40/11/2003
1-203
57445

Министерство образования Российской Федерации
Калмыцкий государственный университет

Дарваев П. А.

**КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК
В СВЕТЕ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ
ЯЗЫКА И РЕЧИ:**

**ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

г. Элиста, 2003

ИС (Калм)
Д-201

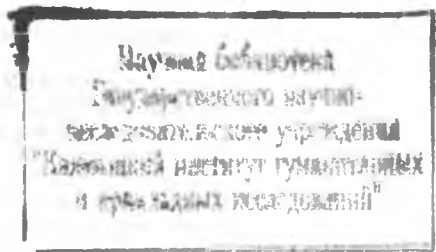
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДАРВАЕВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ

**КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК
В СВЕТЕ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ
ЯЗЫКА И РЕЧИ:**

*проблемы функционирования
и перспективы развития*

51/45
ca

Элиста, 2003

ББК 80/84
Д 201

Ответственный редактор:
Доктор филологических наук *М. У. Монраев*

Рецензенты:
Канд. филол. наук *В. Н. Мушаев*
Канд. филол. наук *А. Э.-Г. Уланова*

Дарваев П. А.
Д 201 **Калмыцкий язык в свете теории культуры языка и речи.**
Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2003. – 280 с.

Монография является результатом многолетних исследований особенностей функционирования калмыцкого языка. В ней рассматривается история развития калмыцкого языка, ее теории и практики. Здесь впервые делается попытка проанализировать калмыцкий язык с позиции общелингвистической теории культуры языка и речи. Особое внимание в монографии уделено тем ошибкам, которые мешают эффективному функционированию калмыцкого языка, предлагаются пути их устранения.

Книга заинтересует калмыковедов, лингвистов, широкий круг специалистов, занимающихся проблемами национальных языков вообще и калмыцкого языка – в частности. Она будет полезна преподавателям калмыцкого языка и учащимся средних школ, студентам, всем, кто интересуется проблемами калмыцкого языка.

ISBN 5-94587-093-5

© Дарваев П., 2003.

Научное издание

Дарваев Петр Александрович

**КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК
В СВЕТЕ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ**
проблемы функционирования
и перспективы развития

Технический редактор Э. Убушаева
Корректоры: Н. Меклеева, Д. Чанкаева.
Компьютерная верстка В. Манджиева.
Подписано к печати 30.06.03.
Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ 2652.

ЛР № 010169 от 07.02.97.
АПП «Джангар», 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы обусловлена тем, что сегодня особенно остро встали вопросы нормирования калмыцкого литературного языка, поиска новых путей, ведущих к активизации его функционирования. В связи с этим возникает необходимость в новых подходах к освещению и интерпретации тех или иных явлений языка, в систематизации конкретного языкового материала на основе последних достижений в теории языка и речи.

Теория культуры языка и речи для современного калмыцкого языка как никогда актуальна. Она может служить критерием для определения внутрилингвистических причин, препятствующих функциональной активности калмыцкого языка, с устранением которых будущее калмыцкого литературного языка можно считать обеспеченным.

Состояние изученности проблемы. Впервые основные положения теории культуры языка и речи на материале русского языка были освещены в работе Б.Н. Головина «Основы культуры речи», опубликованной в 1980 году. «*Культура языка* окажется не чем иным, - пишет Б.Н. Головин, - как степень развития и богатства его лексики и синтаксиса, отточенностью его семантики, многообразием и гибкостью его интонации и т.д. *Культура речи* - это...совокупность и система ее коммуникативных качеств, а совершенство каждого их них будет находиться в зависимости от разных условий, в число которых войдут и культура языка, и незатрудненность речевой деятельности, и смысловые задания, и возможности текста» (85, с. 14). Разумеется, многое из вышесказанного уже исследовалось в калмыцком языке. Но в целом калмыцкий язык с позиции теории культуры языка и речи освещается впервые.

Целью данного исследования является выработка основных положений теории и практики калмыцкого языка и речи в связи с последними теоретическими разработками лингвистов на материале русского и других языков.

В связи с этим ставятся следующие задачи:

- определить потенциальные возможности функционирова-

ния калмыцкого языка, обусловленные историей его развития;

- определить теоретические предпосылки калмыцкого языка для уяснения степени его культуры;

- определить теоретические предпосылки для уяснения степени культуры калмыцкой речи;

- определить роль текстологии в решении проблем культуры калмыцкого языка и речи;

- определить роль теории культуры языка и речи в деле возрождения калмыцкого литературного языка.

Методологической основой исследования является материалистическое понимание природы языка и речи, а также лингвистическая концепция Б.Н. Головина об основах культуры языка и речи.

Основными методами исследования являются описательно-аналитический, этимологический, сравнительно-исторический и функционально-контекстуальный. Кроме того, автор предлагает новый текстологический метод, соединяющий как литературоведческий, так и лингвистический подходы с позиции культуры речи и лингвистики текста.

Научная новизна исследования состоит в том, что здесь автор впервые в калмыцком языкознании рассматривает калмыцкий язык и калмыцкую речь с позиций современной теории культуры языка и речи.

Теоретическое значение работы заключается в возможности использования результатов исследования при определении норм литературного языка, при написании академической и исторической грамматик, при разработке вопросов стилистики, орфографии, орфоэпии, текстологии и диалектологии калмыцкого языка.

Практические результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания калмыцкого языка, при написании учебников, спецкурсов и т. д.

Апробация результатов работы проводилась в форме:

- докладов на научных конференциях: «Проблема культуры калмыцкой научной и художественной речи». Сб. «Материалы научных чтений, посвященных памяти проф. А.Ш. Кичикова». Элиста, 26 декабря 2001 года; «Сокровенное сказание монголов» как источник изучения биографии Чингис-хана», «Нормы калмыцкого языка», Элиста, 14-18 сентября 1999 года; «К истории становления калмыцкого языка», Элиста, 2002 г.; «О проблеме правильности калмыцкой речи», Улан-Батор, 2002 г.; «Этапы формирования монгольских языков». Сб. «Владимирцовские чтения», М., 1989 г.

- статей: «К вопросу о формировании корневых гнезд в тюркских и монгольских языках». Сб. «Исследования по лексике калмыцкого языка», Элиста, 1981 г.; «О калмыцких терминах» - на калмыцком языке, «Хальмг үнн», Элиста, 1994 г.; «Калмыцкий язык может и должен жить», «Время Калмыкии», Элиста, октябрь 2000 г.; «Хотели сделать лучше, а получилось как всегда», Элиста, «Калмыцкий университет», 10 апреля 2001 г.;

- учебных пособий: «Краткое введение в сравнительную монголистику», Элиста, 1989 г.; «Самоучитель калмыцкого языка», Элиста, 1992, 1995 гг.; «Хальмг келнэ номин оршл (Введение в науку о языке)», Элиста, 2003 г. и т.д.

Гипотеза: Угасание функциональной активности калмыцкого языка усугубилось тем, что, кроме экстралингвистических факторов, на его функционирование повлияли и чисто лингвистические причины:

1. Ошибки, допущенные при установлении литературных норм, которые привели к затруднению взаимопонимания носителей языка и их отчужденности от литературного нормированного языка;

2. Ошибки, допущенные при создании современной «безгласной» орфографии, которая не отражает реального звучания калмыцкой речи;

3. Теоретическое и практическое иждивенчество в калмыцком терминотворчестве;

4. Отсутствие текстологических работ в области фольклора, древней и современной литературы.

Устранение вышеназванных факторов, на наш взгляд, дает надежду на возрождение языка и калмыцкого народа.

Самое главное - государственное регулирование и управление процессом возрождения и расширения функциональной значимости калмыцкого языка, являющегося гарантом сохранения калмыцкой нации.

ГЛАВА I

К ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

1.1. Носители калмыцкого языка

Носителями современного калмыцкого языка являются калмыки, составляющие 45 % населения Республики Калмыкия, расположенной в междуречии Волги и Дона, соседствуя с Волгоградской, Астраханской, Ростовской областями, Ставропольским краем и Республикой Дагестан. Согласно переписи населения 1989 года, их численность составляет 144,4 тысяч человек. За пределами республики, в дальнем и ближнем зарубежье проживает еще около 25 тысяч калмыков.

По своему внутриэтническому составу калмыки делятся на четыре улуса: торгуты - около 72 тысяч, дербеты - около 55 тысяч, бузавы - около 24 тысяч и хошуды - около 9 тысяч, проживающих в 13 районах и в столице республики - Элисте. Внутри каждого улуса - субэтноса - существует множество более мелких подразделений родового, племенного и даже этнического характера, о которых существует специальная литература (7, 137, 148, 247).

С момента своего вхождения в состав России в 1609 году до настоящего времени калмыки привлекают к себе особое внимание ученых и туристов, писателей и художников: П. Паллас, Н.Я. Бичурин, А.В. Попов, А. Бобровников, Б.Я. Владимирцов, В.Л. Котвич, Г.И. Рамstedт, С.А. Козин, А.М. Позднеев, Б.К. Пашков, В.В. Бакунин, И.А. Житецкий, Н.Н. Поппе - вот далеко не полный список ученых, писавших о калмыках. В художественной литературе о калмыках писали А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Т.Г. Шевченко, Л.Н. Толстой, Сергей Аксаков, Сергей Есенин и другие. Калмыцкая тематика занимала важное место в творчестве мастеров русской живописи и графики Ивана Аргунова, Ореста Кипренского, Василия Верещагина, Ильи Репина и др.

Сравнительно немногочисленный калмыцкий народ выдвинул из своих рядов немало известных имен России. Среди

них можно назвать адмирала русского флота Дениса Калмыкова, освободителя болгарского народа от османского ига - генерала Александра Дондукова - Корсакова, генерала Корнилова, художников Федора Калмыка и Алексея Егорова, зодчего - соавтора Аничкова дворца Григория Дмитриева, архитекторов Михаила Петрова и Александра Иванова. Федор Плевако и Владимир Ульянов также не чужие для калмыков, так как у одного мать, а у другого бабушка были астраханскими калмычками. Герой Советского Союза Эрдни Деликов, Ока и Басан Городовиковы, Валерий Очиров и другие - всего 22 человека - также являются гордостью всех патриотов России. Вероятно, поэтому 100 лет назад, в 1912 году, русский историк Г.Н. Прозритлев писал: «Когда русский человек поставил свое знамя высоко над всеми соперниками в обладании страной, не может быть забыт калмык, как сын великой страны, для оберегания единства которой и он проливал свою кровь. Прошлое этого народа и его горячая преданность русскому делу обязывает к работе на пользу его, для приобщения его к культурным успехам настоящего» (113, с.14 - 15). Однако судьба калмыцкого народа, будучи, по выражению В.И. Ленина, «беспрерывной цепью страданий», сложилась не столь удачно, как он того заслуживал.

Одной из первых трагедий народа в составе России стал уход двух третей калмыков из России в Китай в 1771 году. Вот что по этому поводу писал А.С. Пушкин, освещая предысторию пугачевского восстания: «Между Волгой и Яиком, по необозримым степям астраханским и саратовским кочевали мирные калмыки, ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя ее южные границы. Русские приставы, пользуясь их простотой и отдаленностью от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смиренного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения они решились оставить Россию» (113, с. 15). Часть калмыков, оставшаяся верной до конца, была наказана. Указом Екатерины Великой Калмыцкое ханство было ликвидировано, люди рассредоточены, лучшие пастбища и водопои отняты и заселены крестьянами из русских и украинских губерний.

Второй трагедией калмыцкого народа явилась гражданская война, разделившая всех пополам на «белых» и «красных» и почти ополовинившая численность двухсоттысячного населения.

Однако самой страшной трагедией, последствия которой не изжиты до сих пор, стала насильственная депортация кал-

мыков в Сибирь 28 декабря 1943 года. Вот что пишет по этому поводу ученый - социолог, философ К.П. Катушов: «Насильственная депортация калмыцкого народа, ликвидация его автономии, показавшееся вечностью тринадцатилетнее прозябание в Сибири по своей разрушительной силе превзошли все мыслимые и немыслимые пределы. Носители нетленной ценности любого народа - старшее поколение - почти сплошь вымерло, язык калмыцкий оказался на грани забвения. Да и само слово «калмык» было изъято из энциклопедических справочников того периода. Насильственная депортация калмыков на деле обернулась против них геноцидом» (113, с. 19).

Плоды былых трагедий мы пожинаем уже сегодня. Материалы международного семинара, проходившего в Элисте 10 - 16 мая 1999 года по проблеме «Языки народов России: перспективы развития», ясно показали, что, если не предпринять срочных мер по совершенствованию языковой политики в России и в республике, калмыцкий язык исчезнет в течение ближайших 10 - 15 лет (259, с. 53). Однако сегодняшнее состояние языка обусловлено не только экстралингвистическими причинами, о которых подробно сказано в работе Г.А. Дырхеевой (102), но и причинами чисто лингвистического характера. Чтобы их понять, необходимо обратиться к истории формирования калмыцкого языка, к истории его носителя - народа.

1.1.1. Об этнониме «калмык»

Под этнонимом «калмыки» подразумевается народ, говорящий на одном из западно-монгольских наречий, который сложился в результате объединения древних родов, племен и народов, игравших в разное время заметную роль в исторических событиях народов Центральной Азии и Южной Сибири. Из множества версий по интерпретации этнонима «калмык» лишь одна, предложенная Н.Н. Убушаевым, пытается объяснить суть данного наименования, которая, по мнению вышеназванного ученого, заключается в арабо-персидском наименовании собаки - «калб», который «явился праформой хальбин, а от хальбина до хальмиг один шаг» (179, с. 81). Большинство других ученых, придерживаясь версии о происхождении слова «калмык» от тюркского «калмак», означающего «остаток», не дают приемлемого ответа на вопрос: чей остаток? Мнение же Н.Н. Убушаева не только оригинально, но и весьма вероятно. Но отдельные погрешности в фонетической цепи реконструкции: кальби - кальбин - хальмин - хальминг - хальмыг при внешней безупречности и, самое главное, при отсутствии веских

оснований считать собаку или волка определяющим тотемом ойратов и современных калмыков не позволяют согласиться с ним безоговорочно. Дело в том, что этноним «калмак» появился в различных источниках задолго до принятия его самими калмыками и обозначал он сначала представителей союза «Дербен ойрат». Следовательно, в процессе усвоения иноязычного «непонятного» наименования проявились элементы народной этимологии, которые отражены в версиях С. Каляева, А.Ш. Кичикова и В.П. Дарбаковой, приведенных в статье Н.Н. Убушаева «Происхождение этнонимов «калмык» и «хальмыг» (179, с. 77). Так тюркское слово «калмак», означающее «остаток», превратилось в «халимаг», означающее нечто, связанное с известным для калмыков глаголом «халиху» или «холиху», т.е. «склонный к парению» или «склонный к смешиваемости». На наш взгляд, тюркоязычные соседи имели в виду «остаток» хуннов, которые в 93 году н. э. после поражения, понесенного от сяньбийцев, в количестве ста тысяч семей приняли добровольно наименование «сяньби». Во главе этих «новоиспеченных» сяньбийцев «встал знатный хуннский род Хуян» (93, с. 220). Именно из этих «остатков», как известно, потом вышли «500 семейств Ашина», создавших государство древних тюрок (95, с. 22). Именно остатки древних тюрок или «тюркютов», расшифрованных как «тюркют» или вернее «турк-ут», что первоначально означало «кузнецы, плавильщики железа», пройдя стадии «дархутов», что означало «привилегированное сословие, свободное от податей», и «туркаутов», что означало «гвардеец», вновь вернулись к «остаткам хуннов» в виде «торгутов», потомков гвардии Чингис-хана. Вероятно, поэтому появление торгутов во главе с Хо-Орлюком на южных рубежах России не встретило сколько-нибудь серьезного сопротивления у бывших жителей Золотой орды.

Доказательством правомерности подобного утверждения, на наш взгляд, является наличие среди «Дербен ойратов» и калмыков трех из четырех древних хуннских родов. Это род волка - чонос, соответствующий хуннскому роду Хуянь. Это род быка или оленя - бухус, соответствующий хуннскому роду Си-Люань-ди, из которого был шаньюй Модэ. Это род ворона - керейт, соответствующий хуннскому роду Сяйбу (93, с. 75). Только род Лань, представлявший потомков китайского принца Шун Вэя, у калмыков не представлен. Однако, зная, что это был род, символизировавший цветок орхидеи, цветок вечной молодости и бессмертия, мы можем найти его отголоски в почитании калмыками цветка тюльпана - «бамба цецег». Кроме того, в эпосе «Джангар» говорится о стране «Бумбай», название кото-

рой мы переводим как «сто тысяч стойбищ». Тогда словосочетание «Бумбаин орон», как это представлено в эпосе, надо переводить «страна ста тысяч стойбищ», так как слово «Бумбай» является сочетанием числительного «бум», означающего «сто тысяч» и существительного «бай», означающего «стойбище, жилище» (110, с. 119). Значения же «памятник, монумент, могильная плита, маленький чайник, шарик», данные в «Калмыцко-русском словаре», являются либо вторичными, либо результатом народной этимологии. Думается, совершенно неслучайно первый хан тюркютов рода Ашина, вышедшего из среды остатков хуннов, назывался «Бумин - хан», т.е. как «хан ста тысяч» (95, с. 26 - 27).

Что же это за страна, «где неизвестна зима, где всегда - весна, где, не смолкая, ведут хороводы свои жаворонки сладкогласые и соловьи, где и дожди подобны сладчайшей росе, где неизвестна смерть, где бессмертны все, где небеса в нетленной сияют красе, где неизвестна старость, где молоды все? Благоуханная, сильных людей страна, обетованная богатырей страна?». Конечно же, это волшебная страна орхидеи (101, с. 9).

1.1.2. Об этнониме «дербет»

Дербеты являются одним из важнейших составляющих калмыцкого народа, образуя дербетский улус, где основу представляют род быка - бухус и род волка - чонос. Среди других подразделений дербетов Г.О. Авляев выделяет следующие: цорос, батут, хойт, шарнут, саарлмуд, хоонут и бурул (7, с. 136 - 140). Часть из них, как считает историк, встречается и в составе других улусов.

Сам этноним «дербет» возник сравнительно недавно, так как в «Сокровенном сказании монголов» он представлен как «дербен» (208, с. 65). В лексическом плане этноним «дербет» является монгольской формой множественного числа от числительного «дербен», означающего «четыре». Это дает возможность предположить, что этноним «дербет» является монгольским наименованием древних хуннов, а их предполагаемое родство с цоросами объяснить тем, что и цоросы являются хуннами, только названными персидским числительным «чоро», означающим «четыре», получившим монгольское оформление множественного числа. Для такого предположения есть и исторические основания.

Согласно монгольским источникам, дербеты ведут свое происхождение от легендарных четырех сыновей Дува Сохура, которые в «Алтан тобчи» именуются как Донай, Докшин, Эм-

нек и Эркек. Из всех историков только Г.О. Авляев пытается расшифровать названные имена, совершенно верно полагая, что в них скрыты «табуированные названия каких-то предков - тотемов зооморфного происхождения» (7, с. 132). И не его вина в том, что его расшифровка не удовлетворяет, т.к. радиус поиска у него был слишком широк. Мы же полагаем, что в именах сыновей зашифрованы тотемы четырех хуннских родов: ворона, волка, оленя и орхидеи. Отсюда и расшифровка: Донай - это соответствие калмыцкого «донка», обозначающее метафорически ворона или человека - пройдоху (110, с. 207). В современном монгольском языке встречается лишь однокоренное «донхор», означающее «человек, имеющий головной убор большого размера», и глагол «донхойх», означающий «быть длинноношим и большеголовым» (149, с. 152). Если это не ворон, ставший тотемом рода Суйбу, входившего в четырехчленный союз хуннов, то что это? (93, с. 75). Примечание о том, что представитель этого рода всегда исполнял должность государственного судьи и делопроизводителя, невольно вызывает желание ассоциировать его с древнеегипетским богом луны Тотом, покровителем письменности, выступающим в образе птицы Ибис. Тогда его напарник, бог солнца Ра, в Мемфисе выступавший в образе быка Аписа, может объяснить, почему у хуннов после 940 года до н.э. вместо оленя стал почитаться образ быка, а их наименования стали почти неразличимыми: бука «бык», буга «олень» (110, с. 115, 124; 101, с. 120, 125). Старое же наименование оленя «хоро» или «хоран», думается, забылось. Об этом свидетельствуют этимологические изыскания Л.Б. Олядыковой относительно древнерусского слова «хоругвь», которое она связывает с древнемонгольским словом «хоронго», означавшим «антилопа» (156, с. 24).

Имя Докшин. означающее по-калмыцки «свирепый, хищный, беспокойный, резкий и сильный», безусловно является метафорическим наименованием волка (110, с. 203).

Имя Эмнег. переводимое с калмыцкого как «дикий, не прирученный, необъезженный», без всякого сомнения можно отнести к оленю.

Имя Эркек. переводимый с калмыцкого как «капризный, нежный, ласковый», по всей видимости, надо связывать с понятием «цветок орхидеи» (110, с. 703).

1.1.3. Об этнониме «торгут»

Торгуты, как известно, являются основателями Калмыцкого ханства и составляют ядро сравнительно молодого этно-

са, именуемого «калмыки». Именно предводитель торгутов Хо-Орлюк, подписав договор о добровольном вхождении в состав России в 1609 году, стал продвигаться к южным границам России и в 1632 году расположился со своими людьми в районе Нижнего Поволжья. Затем, как известно, подкочевали дербеты и хошуды. Так образовался союз трех улусов. Затем в результате перехода части торгутов и дербетов в состав донского казачества и их смешения образовался четвертый улус-бузава.

По своему происхождению торгуты считаются потомками гвардии Чингис-хана, куда набирали самых сильных, умных и красивых из числа военной элиты и свободных людей (208, с. 195-196). Это и отразилось на составе этнических подразделений торгутов сегодня, описанных Г.О. Авляевым. Назовем те, которые выделены в его работе: керейты, меркиты, харануты, багуты-баргуты, му-хорин, бульчин, зюнгары, хапчин, цатан, тайджиут, батут, эльджигут, алангосуд, цатхалы, шарад, бомаднут, харахус - харвос, цорос и другие (7, с. 65-101). Из древнейших родов, как видим, здесь представлены род ворона-керейт, из которого происходили калмыцкие ханы, и род быка-харахус, образованный из стяжения словосочетания «хара бухус», о чем свидетельствует его вариант «харвос», образованный из того же словосочетания. Интересно то, что среди торгутов нет рода волка, как среди дербетов, а есть род баргутов - багутов, т.е. волкодавов. Интересно и то, что керейты, особенно бага-цохуры, были в отношениях экзогамного брака с родом «бухус», т.е. быков, который считался старшим среди дербетов. Думается, это рудимент древнехуннского обычая экзогамии, когда шаньюй брал жен из определенного круга родов (93, с. 75).

Не отрицая того, что современные торгуты в своей основе восходят к гвардии Чингис-хана, необходимо заметить неудовлетворительный характер подобного объяснения этнонима «торгут». Поэтому разные ученые в разное время искали приемлемое объяснение данному слову. Наиболее последняя, с нашей точки зрения, версия опубликована известным этимологом - калмыковедом Н.Н. Убушаевым в специальной статье «Торгуты-этнос, этноним, этимология», где приводится почти вся библиография по данной проблеме (179, с. 181-188). Жаль, что такой тонкий знаток исторической фонетики и семасиологии, как Н.Н. Убушаев, остановившись на образе волка, не увидел разницу между племенным наименованием «торгут» и родовым наименованием «Ашина», что значит «волчица» у древних тюрков или, по Л.Н. Гумилеву, «тюркютов». Ведь в конце своей статьи, ссылаясь на «Очерки...» Г.Н. Потанина, он приво-

дит пример со словом «дархан», имеющим пять значений: кузнец, свободный, аристократ, привилегированный, знатный (179, С. 187). Это лишь подтверждает нашу версию о том, что этноним «ту-кю» в китайской версии, расшифрованный П. Пеллио как «тюрк-ют», возник в качестве прозвища «кузнец, плавильщик», данного Бумын-хану его сюзереном жужаньским ханом Анахуанем. Однако мысль автора статьи о связи слова «торгут» с тюркским словом «тургак», означающим «сторож, часовой, стражник» (104, с. 587), можно принять как вполне достоверную, т.к. тюркюты Ашина были не только кузнецами и плавильщиками железа, но и наемной дружиной у Анахуаня. Если вспомнить, как они во главе с Бумыном покорили пятьдесят тысяч восставших телесцев, прибывших из западной Джунгарии, то эта версия кажется весьма удачной (95, с. 27). Но скорее всего здесь произошло наложение друг на друга двух близких по звучанию слов. Во всяком случае волком здесь не пахнет. Кроме того, нельзя упускать из виду то, что Ашина считались потомками волчицы. Отцом же их был хуннский принц. У телесцев же, будущих уйгуров, все было наоборот: отец - волк, а мать-хуннская принцесса. Если мы вспомним, что хуннский шаньюй был из рода оленя-быка, то все становится на свое место. Тогда догадка Л.Н. Гумилева об уходе части северных хуннов на Алтай после поражения в 93 году имеет веское основание (95, с. 81). При этом надо уточнить, что туда пришли еще и представители рода волка-кият, побывавшие в Европе, познавшие секреты металлургии и военного ремесла. На это указывает форма слова «кият», означающее «волки из рода борджигид», т.е. «серой волчицы», тогда как у хуннов эпохи Модэ, как известно, род волка назывался «хуян». За это время у слова «Хуян» первая гласная в результате редукции потеряла огубленность и превратилась в гласную «ы», а согласный звук «х» вновь обрел былую взрывность. Так возникло слово «кыян». Но, возможно, произошло то и другое, т.е. бегство на Алтай после 93 года, возвращение части разгромленных гуннов после 468 года и переселение «500 семейств Ашина на Алтай после 439 года. Это и позволило, вероятно, создать одну легенду из нескольких, когда речь шла о происхождении, о чем говорит и Л.Н. Гумилев в своей монографии «Древние тюрки» (95, с. 81). Вопрос о том, почему тюркюты подчеркивают свое происхождение от волчицы, а не волка, может быть решен, если предположить, с одной стороны, существование матриархата в среде тюркютов, с другой - желание подчеркнуть преемственность власти от рода быка - оленя, т.к. волчица родила своих детей от гуннского принца, представи-

теля рода быка-оленя, следовательно, они могут претендовать на власть отца. О господстве матриархата говорит счет родства по материнской линии. Если бы было иначе, дети, рожденные от гуннского принца, должны были бы считаться «бухусами». Если все так, то телесы, будущие уйгуры, принадлежали к роду быка-оленя, т.к. их предком, т.е. отцом был волк. Тогда становится понятным свидетельство Л.Н. Гумилева о том, что «тюркюты были наиболее монголоидными из всех тюркских племен 6-8 веков» (95, с. 181), а «уйгуры были народом европеоидным, подобно своим предкам - рыжеволосым ди» (95, с. 182). Среди калмыков тоже торгуты являются наиболее монголоидными, а дербеты и особенно бузавы более европеоидными.

Таким образом, заключая проблему об этнониме «торгут», мы можем сказать, что современные торгуты являются продолжателями традиций древних тюрков-тюркютов.

1.1. 4. Об этнониме «хошуд»

Хошуды составляют третий улус в составе калмыцкого народа. Его образование Г.О. Авляев относит к 1663 году, когда «на Волгу прибыла хошеуто-дербетовская группировка улусов тайши Конделена-Убаши и Даяна-Омбо, сына Далая-тайши дербетского, которая признала власть правителя волжских калмыков Мончака и верховную власть русского государства... Поселение хошеутов тайши Конделена-Убаши в Нижнем Поволжье привело к формированию Хошеутовского улуса в Калмыцком ханстве» (7, с. 103).

Этнический состав и количество хошудов, по свидетельству историков, в корне изменился после ухода большей части калмыков в 1771 году. Он обновился и пополнился за счет различных групп торгутовских улусов. Наиболее древними и известными компонентами хошудов считаются «кереиты, хахачины-кереиты, эркетени, мергечюты, ики-хошуты, бага-хошуты, доглуты, цагаланкины, увшанкины, хазлай, хатаматы, давлуты, шангуты, шабинеры и чигачинеры» (7, с. 123).

Этноним «хошуд» обычно связывают с монгольским словом «хошун», означающим «строй острою колонной». Таким строем стоял полк Хабту Хасара в центре гвардии Чингис-хана, поэтому хошудские ханы вели свое происхождение от родного брата Чингис-хана Хабту Хасара и относили себя к роду «борджигин-кият» (7, с. 120-121). Однако, по признанию Г.О. Авляе-

ва, происхождение и этническая история хошудов, их роль в этногенезе ойратов и калмыцкой этнической общности «во многом еще не изучены» и не ясны (7, с. 120).

Не отрицая связь хошудских ханов с Хабту Хасаром, мы все же не можем пройти мимо того факта, что Хабту Хасар был женат на кереитке. Это обстоятельство и позволило Чингис-хану усыпить бдительность кереитов перед последним сражением, когда от имени Хасара диктовал послание с просьбой принять его в свое подданство (208, с. 137). Кроме того, смущает необычная агрессивность Аша-гамбу против Чингис-хана. Если предположить, что он был главой тангутской части кереитов и родным братом Ван - хана, который часто бывал у него в своих скитаниях, то его имя «Аша» можно связывать с древними тогонцами, прибывшими в район Северного Тибета в 312 году, когда «700 сяньбийских семей откочевали за белой лошадью на запад и добрались до плоскогорья Цайдам, где на берегах озера Куку-нор основали царство Тогон, или Туйуйхунь. Название народа восходит к имени первого их вождя, брата предводителя южных сяньбийцев Муюна-Хоя (94, с. 31-32). Именно у тогонцев, как известно, впервые появилась легенда об Аджаяе, у которого было двадцать сыновей. Перед смертью он проделал то же, что и Алан-гоа со своими пятью сыновьями, выдал сначала по одной стреле, затем в связке по двадцать стрел с единственной просьбой — сломать. Так на примере стрел он учил их единству. «В состав тогонцев, кроме муюнов, вошло племя «белых сяньби», - свидетельствует Л.Н. Гумилев в своей книге «Хунны в Китае» (94, с. 32). Известно также, что тогонцы славились разведением пегих цинхайских лошадей. Думается, переселение части хошудов в район озера Куку-нор, помимо прочего диктовалось еще и памятью о былой исторической родине, хотя и не всех, но определенной части населения, участвовавших в их этногенезе. Некоторые антропологические черты, близкие к тибетским, особенности в материальной и духовной культуре современных хошудов, также дают основание связывать их с древними тогонцами. Однако окончательное решение этого вопроса оставим специалистам. В отношении же языка хошуды относятся к носителям торгутского говора.

1.1.5. Об этнониме «бузавь»

Данным этнонимом называются обычно донские калмыки, вошедшие в состав Войска Донского и проживавшие компактно в отдельных районах Ростовской области и Ставропольского края. Контакты калмыков с донскими казаками, как изве-

стно, берут свое начало с середины 17 века, когда калмыцкие воины совместно с казаками вели ожесточенные бои за целостность южных рубежей России с крымскими и турецкими захватчиками. И уже тогда были случаи, когда отдельные группы калмыков оставались на Дону. С усилением власти калмыцких ханов участились и случаи мятежа отдельных представителей феодальной верхушки, участвовавших в междоусобной борьбе. Так, наиболее известным из них был Бока-нойон, родной брат Аюки, отделившийся от престолонаследника еще в 1670 году и невольно или вольно участвовавший на стороне восставших казаков Степана Разина. После подавления восстания Бока-нойон ушел на Дон и добился того, что его приняли в среду донских казаков. Затем в 1690 году, как свидетельствуют историки, три зайсанга: Четерь, Батыр и Тайдзабежали на Дон. В 1696 году, «негодую на хана Аюку за притеснения», Баахан-тайджи обратился к Петру I с просьбой разрешить ему «перенести свои кочевья на Дон, к Черкесску, и отправлять службу наравне с прочими донскими казаками». Так «постепенно сложилась категория так называемых коренных, или базовых, калмыков, в число которых входили калмыки, окончательно осевшие на Дону. За каждого из них бывшим владельцам было выплачено по 30 рублей» (158, с. 148-149). Казаки и правительство, узнавшие калмыков, их боевые и человеческие качества, всячески поощряли их переход на Дон. Чтобы привлечь сюда больше калмыков, «страшных Крыму», правительство установило для них ряд поощрительных мер. В частности, годовое жалование служилого калмыка было на 15 рублей больше оклада служилого казака (158, с. 150). Так появилась первая версия, которая может считаться основной, объясняющая этноним «бузавы», т.е. «базовые». Остальные, типа «нареченные оружием» или «показавшие оружие», не берутся в расчет. Однако и это объяснение, на наш взгляд, страдает погрешностями не только семантического характера, но и с позиций фонетических соответствий.

Во-первых, русское слово «базовые» имеет ударение, падающее на гласный звук первого слога. Поэтому в калмыцкой речи должно было бы образоваться слово «баазыв». Здесь же на калмыцкой почве слово получает звучание типа «бузаавы», т.е. долгота приходится на второй слог. Здесь скорее всего мы имеем дело с кличкой «бызагу», которая с тюркского переводится как «теленок», т.е. «дети Быка-нойона». Вероятно, эта кличка была дана тем калмыкам, которые одни из первых во главе с Бука-нойоном перешли в разряд донских казаков. Затем эта кличка была перенесена на всех калмыков, поселив-

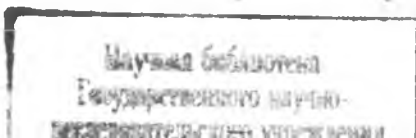
шихся на Дону. Затем и сами калмыки стали называть себя этим непонятным словом, вкладывая в него тот смысл, который считали наиболее подходящим: «нареченный оружием» или «показал ружье». Как бы там ни было, так думают некоторые представители этого улуса, например, К.П. Катушов (113, с. 45). Образование же этнонима «бузавы», думается произошло следующим образом: бызагу-бузау-бузавы. Так этноним, означающий «теленка», мог иметь и второй семантический план, а именно: принадлежность части калмыков, образовавших улус бузава, к древнему роду быка-оленя, представленных частью калмыков, вышедших из дербетского улуса.

В антропологическом плане бузавы наиболее европеоидный компонент среди калмыков.

Так на юге России за последние 400 лет сложилась калмыцкая нация, как бы олицетворяющая мудрость и терпение ворона, верность и решительность волка, силу и плодовитость быка, быстроту и благородство оленя, чистоту и жизнестойкость орхидеи. Калмыки-достойные потомки своих предков: хуннов, некогда соединивших народы Востока и Запада и положивших немало сил для формирования евразийских народов и их центра Великой России. Хочется, чтобы и далее они занимали свое достойное место в дружной семье евразийских народов. Но для этого надо сохранить калмыцкий язык и калмыцкую речь.

1.2. Этапы развития калмыцкого языка

Калмыцкий язык, как известно, принадлежит к западной ветви монгольской семьи языков. Поэтому его история была тесно связана с историей развития монгольских языков. Вместе с тем нельзя забывать и того, что сами монгольские языки развивались в едином русле развития с тюркскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским и японским языками, образующими так называемую алтайскую языковую общность, где, по свидетельству В.Л. Котвича, тюркские языки в своем развитии продвинулись далеко вперед, за ними непосредственно следуют, иногда забегая вперед тюркских, монгольские языки и, наконец, довольно далеко позади них идут тунгусские и другие языки (126, с. 352). Это дает нам право, не отрицая правомерности периодизации развития монгольских языков, установленную Б.Я. Владимирцовым и поддержанную Г.Д. Санжеевым и Д.А. Павловым, присоединиться к периодизации развития тюркских языков, предложенную Н.А. Баскаковым (21, с. 106-175).

Так, по мнению Б.Я. Владимирцова, в истории развития монгольских языков выделяются:

1. Древний период-с неизвестного времени по XIII век.
2. Средний период-с XIV века по XV век.
3. Переходный период-с XVI века по XVII век.
4. Новый классический-с XVII века по XX век (71, с. 47).

Современные же данные науки позволяют нам выделить в истории калмыцкого языка, как одного из языков монгольской семьи западной ветви, следующие этапы развития:

1. Алтайская эпоха (с неизвестного времени по III век до н.э.).
2. Хунно-Сяньбийская эпоха (с III века до н.э. по V век н.э.).
3. Тюркюто-Киданьская эпоха (с VI века по XII век.).
4. Среднемонгольская эпоха (с XIII века по XVII век.).
5. Новомонгольская эпоха (с XVIII века по октябрь 1917 года.).
6. Новейшая эпоха (с октября 1917 года по настоящее время).

Разумеется, данная периодизация во многом условна, но мы постараемся через нее показать не только исторические перипетии народа-носителя языка, но и отдельные процессы, происходившие в языке, что привело к образованию калмыцкого языка и народа.

1.2.1. Алтайская эпоха (до III века до н.э.)

Исследователи, изучавшие историю развития языков, неоднократно отмечали тесную связь и непосредственную зависимость развития и совершенствования языка с развитием и усложнением общественной жизни народа. Бедные в плане лексики, несовершенные в плане грамматического строя языки первобытных племен, взаимодействуя с другими языками, обогащаясь и совершенствуясь, с развитием общества превращаются в языки племенных союзов, народностей и наций (21, с. 106). При этом обычно исторические памятники не дают каких-либо достоверных и подробных сведений о языках древних племен, составивших когда-то алтайскую языковую общность. Более того, часто отдельные сведения, содержащиеся в китайских или других источниках, даются в искаженной форме, что также создает трудности в определении истины. Однако, как считает Н.А. Баскаков, использование сравнительно-исторического метода при анализе более поздних и достоверных фактов таких языков, как тюркские, монгольские,

финно-угорские и некоторые другие, может быть весьма эффективным, т.к. остатки родо-племенных структур этих народов были до недавнего времени на поверхности истории (21, с. 106). При определении исторических этапов развития калмыцкого языка мы исходим из того, что каждый общий язык для каждого племени или союза племен формировался в среде родов и племен отдельной, исторически возникшей общности, внутри которой он получал те различия, которые и определяют ныне его генетические связи с другими родственными и отдаленно родственными языками, в частности, с другими монгольскими, алтайскими и урало-алтайскими языками. Поэтому при реконструкции тех или иных древних лексических и грамматических фактов мы пытаемся установить их датировку, этап исторического развития и принадлежность к определенной общности, т.к. монгольские, как и тюркские, народы с ярко выраженным скотоводческим хозяйством имели большую степень нивелировки особенностей языка, чем земледельческие народы, и, следовательно, незначительные различия своих диалектов. Примером тому может служить калмыцкий язык, где диалектные различия столь незначительны, что их называют говорами. Отдельные их различия обусловлены как внутри лингвистическими причинами, так и экстралингвистическими факторами, возникшими в результате контактов с другими родственными или не родственными языками. Определить их природу и пути их устранения — одна из важнейших задач современного калмыковедения и, если так можно выразиться, калмыкистики.

При решении проблемы родства языков, на наш взгляд, учеными часто в пылу полемики упускается одно важное обстоятельство, вытекающее из самой природы языка, а именно: любые языки по своей природе не могут быть чисто генетическими или контактными, они могут быть только контактно-генетическими. Это происходит на уровне семьи, рода, племени, народа и нации. Только контакты языков, их последующая нивелировка дают толчок к их развитию и совершенствованию на всех уровнях. Поэтому проблема родства алтайских языков, думается, давно решена: родство алтайских языков носит контактно-генетический или генетико-контактный характер.

Сходство монгольского слова «келен» с финским «килиен» и тюркским «тили», означающими «язык», позволяет предположить, что уже в алтайскую эпоху будущие тюркские языки стали проявлять некоторые особенности, позволившие им затем, контактируя с другими языками, их развить во всем

многообразии, представленном современными их потомками. Среди них, на наш взгляд, были такие особенности, которые вытекали из самой природы языка, как склонность к закрытым слогам, отмеченная В.Л. Котвичем (126, с. 42), например:

монг. көкө,	тюрк. көк «голубой»
монг. аба,	тюрк. аб «облава, охота»
монг. эре,	тюрк. эр «муж, мужчина»
монг. эке,	тюрк. өг «мать»
монг. меңге,	тюрк. мец «родинка, знак»
монг. сага-,	тюрк. саг-«тянуть, доить»
монг. шика-,	тюрк. сук-«жать, зажимать» и т.д.

К сожалению, В.Л. Котвич в данных примерах видел наоборот, склонность монгольских языков к удлинению слов. Однако, если сопоставить другие примеры, где в тюркских словах присутствуют два конечных согласных вместо монгольского открытого слога, то склонность тюркских языков к закрытому слогу уже не вызывает сомнения, например:

монг. эрке,	тюрк. эрк «власть, сила»
монг. үрге-,	тюрк. үрк - «пугаться»
монг. кирга-,	тюрк. кырк- «стричь, резать» и т.д.

(126, с. 41).

Мы это явление наблюдаем в дербетском говоре калмыцкого языка и считаем его отражением влияния тюркских языков, в которых редукция конечных гласных под влиянием ударения была столь значительной, что она в конце концов исчезла. В дербетском же говоре конечная гласная переходит в предшествующий слог, например, вместо «келв?» будет сказано «келев», что значит «он сказал», а это по звучанию сближается с нормальной формой глагола ед. числа недавно прошедшего времени I лица «келүв», что значит «я сказал», и порождает двусмысленность.

В остальном, как справедливо считает Н.А. Баскаков, монгольские языки, из которых вырос калмыцкий, ни в чем не отличались от тюркских, тунгусских, маньчжурских и будущих корейского и японского языков. Это была эпоха, когда их носители, величаясь родами волка, оленя, ворона и орхидеи, собирались отделиться от своих вчерашних соседей, поклонявшихся по-прежнему медведю, мировому дереву, чьим олицетворением был небесный олень, собаке - родному брату волка, коню и ослу, символизирующему выносливость и плодородие,

хотя многие, как прежде, поклонялись духам гор, лесов и вод, солнцу и луне, земле, змее и духам предков.

1.2.2. Хунно - сяньбийская эпоха (с III века до н.э. по V век)

Данная эпоха считается первой, о которой сохранились сколько-нибудь вразумительные данные. Большею частью это обрывочные записи китайских историографов, которые имели обыкновение изменять слова на свой лад. Поэтому единственную хуннскую фразу, сохранившуюся в китайских источниках, Н.А. Баскаков считает недостоверной (21, с. 119). Однако фраза, относящаяся к IV веку и звучащая как «сючжу тилейгянь, кучу тогоудан» в транскрипции В.П. Васильева и как «сие оутчи тиликанг поукоу кхиу-ткотанг» в транскрипции А. Ремюза, которая переводится на китайский язык как «войско выйдет и Пугу будет взят», с позиций монгольского или калмыцкого языка расшифровывается весьма сносно. Только для этого необходимо устранить некоторые искажения, которые, по свидетельству Л.Н. Гумилева, часто встречаются в китайских источниках. Тогда фраза принимает следующий вид: «сирег одутчи тили канги Пукуги хидуткотанг», т.е. «церег одужи, тере кан Букуги кидуктан», что в переводе означает «пойдите с войском и уничтожьте этого хана Буку». Это подтверждает монголоязычность хуннов. Однако дело, видимо, не в этом. Просто в данную хуннскую эпоху тюркские языки еще были во многом близки с древнемонгольскими диалектами, они еще не отдалились от алтайского пракорня, хотя именно в эту эпоху происходит окончательное отделение тюркских языков от монгольских. В качестве первых дифференциальных признаков тюркских и монгольских языков Н.А. Баскаков называет переход комплекса «ти» в «си» или в «чи»: тунг. ти, тюрк. си, монг. чи «ты», а также возникновение соответствий монгольским «р» и «л» тюркских «з» и «ш». Например, «букура», развившееся в калмыцкое бууры «самец верблюда» и чувашское «вакар», означающее «крупнорогатый скот», калмыцкое «укер» и туркменское «өгүз», означающее «корова», дают основание считать, что языки огузов, предков аваров, сабиров, болгар и чувашей, были близки к монгольским, в частности к калмыцкому, и лишь под влиянием иноязычных соседей и действия закона экономии речевых усилий из «р, л» - языков превратились в «з, ш» - языки, т.е. в языки огузов. Об этом свидетельствуют так называемые монголизмы в древнерусских источниках, отмеченные Л.Б. Олядыковой (156). Это объясняет и природу «нартов»,

отмеченных в осетинском эпосе Т.А. Гуриевым (97). Надо считать, что именно в эту эпоху зарождается калмыцкий язык, язык ста тысяч хуннских семей, принявших в 93 году наименование «сяньби», а в 545 году создавших Древнетюркский каганат. Видимо, именно в эту эпоху в монгольских языках произошел первый и второй перелом гласного «и», отмеченный Б.Я. Владимирцовым и Г.Д. Санжеевым (71, 197). Иначе трудно было бы представить появление названия рода «А-шина», из «Аһа чинуһа», т.е. «госпожа волчица», где согласный «ч» стал как «ш», а комплексы «аһа» и «уһа» - превратились в «-а».

1.2.3. Тюркюто - киданьская эпоха (с VI века по XII век)

Тюркюто-киданьская эпоха характеризуется уже разделением монгольских диалектов на западные-тюркютские и восточные-киданьские. При этом тюркютские диалекты сохраняли большую близость с тюркскими языками, особенно с теми, что назывались «р-л» - языками племен, входивших в состав Гуннского государства, затем в состав племенных союзов булгар и хазар. Образование Тукуюского государства во главе с родом «Ашина», простиравшегося границами до Тмутаракани, Мерва, Балха и Индии, способствовало не только нивелировке западно-монгольских наречий, но и образованию под воздействием местных условий новых языков, которые ныне характеризуются обычно как тюркские. Среди них особое место занимают наречия, представленные в орхоно-енисейских памятниках, открытых Н.М. Ядринцевым в 1889 году. Расшифрованные благодаря усилиям В. Томсена и В. Радлова они имеют важное значение не только для тюркологии, но и для монголистики, особенно для калмыкистики. Крупнейшими памятниками являются:

1. Памятник в честь Гудулу-хана, известный также под именем «Онгинский камень», который относится к 692-693 годам н.э.;
2. Памятник в честь Кюль-тегина и Могиляна-Билге-хана, который относится к 732 году;
3. Памятник в честь Тоньюкука, найденный Е. Клеменцем в 1897 году;
4. Памятник в честь Кули-Чура, открытый В.Л. Котвичем.

Уйгурский язык и письменность оказали большое влияние на формирование не только западно-монгольских наречий, но и на монгольский литературный так называемый классический язык. Уйгурская письменность и терминология широко используется всеми монголами до настоящего времени.

Некоторое представление о процессах, происходивших в эту эпоху, можно получить при сравнении тюркских и монгольских слов с чувашскими. Например:

тюрк. от	чув. удэ «огонь»	монг. отачи «лекарь»,
тюрк. ит	чув. йыдэ, йидэ	монг. эзен «собака, хозяин»,
тюрк. ок	чув. ухэ	монг. угы «корень»,
тюрк. кыл	чув. хэлэ	монг. килгасун «конский волос»,
тюрк. кудурук	чув. хурэ	монг. худурга «хвост, подхвостник»,
тюрк. инек	чув. эне	монг. үниген «корова, верблюдица»,
тюрк. сүнүк	чув. шэмэ	монг. чимүген «костный мозг» и т.д.

Последний пример показывает, как по-разному реализовались производные от общего тюрко-монгольского глагола «сын-(сым-)», означающего «впитывать, всасывать», восходящего к праформе «тын-» означавшего «познавать, пробовать, вкушать, всасывать», которая в свою очередь дала другие гнезда слов, например, др.-тюрк. тын-ла, монг. сон-со, чин-ла, чин-на «слушать, познавать»; др. тюрк. таны- «знать», монг. тани-«узнавать», где обнаруживается вариация широких и узких гласных, вернее, задних и переднерядных (104, с. 531).

Думается, именно в тюркюто-киданьскую эпоху наметившиеся ранее процессы, протекавшие под действием универсального закона «экономии речевых усилий», типа: редукции гласных, спондантизации взрывных согласных, образование двогласия в результате выпадения интервокальных согласных, ослабление и дальнейшее выпадение начальных или анлаутных согласных и гласных, еще более отдалили монгольские языки от тюркских и способствовали образованию западно-монгольского наречия стоящего между ними.

В это же время формируется костяк восточно-монгольских наречий, где ведущая роль принадлежала древнекиданьскому наречию. По справедливому замечанию Л.Л. Викторовой, культура современных монгольских народов и особенно калмыков, в составе которых обнаруживаются представители кара-китаев, выходцев из киданей. впитала многое из духовной и материальной культуры киданей: древний обряд похорон на деревьях, культ дерева и собаки, культ коня и осла, заместителя оленя, и другое (65, с. 150). По мнению Л.Л. Викторовой, кидани причастны к распространению среди монголов уйгурской

письменности, т.к. императрица киданей была всегда из уйгурского рода Сяо, а многие министры были ее родственниками (65, с. 152).

Для понимания генезиса калмыцкого народа и его языка очень важно понять языковую принадлежность племенного союза «цзубу», о чем еще ведутся споры среди ученых. Так, Г.О. Авляев считает, что они были прямыми участниками этногенеза калмыков (7, с. 65-101). Вместе с тем не учитывается то, что найманы, входившие в этот союз, были киданями, откочевавшими в 1041-1042 годах в составе 16 тысяч кибиток на запад и образовавшими христианское племенное объединение Найман (восемь). Само же наименование «цзубу», на наш взгляд, было образовано от монгольского «сыбу-шибу», что означало «птицы», т.к. основу этого племенного объединения составляли часть тюркок-шато, представлявших «черных воронов» и ставших известными потом под этнонимом «керейт». Это они в 1007 году приняли христианство несторианского толка. Это их предводитель «Му-ку-сы» или Маркус был казнен в столице киданей г. Шанцзине в 1087 году. Это керейты помогли изгнанному принцу киданей Елюю-Даши после 1125 года создать государство кара-кытаев, чьи потомки с керейтами и другими родами образовали калмыцкую нацию. Керейты, по мнению Л.Н. Гумилева, относились к числу черных татар и были «самым крупным и самым культурным из монголоязычных народов Центральной Азии (96, с. 106).

Сейчас уже не секрет, что сяньбийцы, которых ранее считали тунгусоязычными или тюркоязычными, были монголоязычными. Работы венгерских ученых Л. Лигети и Д. Кара наглядно демонстрируют их монголоязычие (133, 111). Дердь Кара отмечал, что язык киданей, насколько позволяет судить об этом незначительное количество слов, был весьма архаичным и в то же время сильно продвинутым в плане редукции. Рассмотрим некоторые из них в сравнении с другими монгольскими языками:

кидань: тау,	монг. табун	дагур. тау	калм. тавын «пять».
кидань. жау	монг. жагун	дагур. жау	калм. зуун «сто».
кидань. таули	монг. таулай	дагур. тауль	калм. туула «заяц».
кидань. наир	монг. наран	дагур. нар	калм. нарын «солнце»
кидань. саир	монг. саран	дагур. сароол	калм. сары «луна».
кидань. шаваа	монг. сибэгун	дагур. шобоо	калм. шовуун «птица».
кидань. кашуу	монг. халага	дагур. хасоо	калм. халаа «жесть».
кидань. по	монг. хон	чжур. фон «год»	калм. өөнө «год» (111, с.10).

Как видно из примеров, характерной чертой киданьского языка было выпадение интервокальных согласных, что сближает его с дагурским. Однако эта черта в известной степени присутствует и в калмыцком языке, хотя и не во всех случаях. Следовательно, выпадение интервокальных согласных и образование на их месте долгих гласных было свойственно монгольским языкам уже в тюркюто-киданьскую эпоху. Кроме того, наблюдения над известным этнонимом «Ашина», расшифрованным Л.Н. Гумилевым как «благородный волк» (95, с. 23), позволяют считать, что и второй перелом гласного «и», когда комплекс «ти» превращается в «чи», был известен задолго до тюркюто-киданьской эпохи, ибо, если «А» есть слово «Аһа», потерявшее интервокальную согласную и выражающее понятие «госпожа» (110, с. 26), то слово «шина» отличается от своей первоначальной формы «чинуга» в значении «волк», восходящему к эпитету «сильный, мощный», более «изношенным» видом, где обнаруживается уже вместо «ч» согласный звук «ш», претерпевший процесс деаффрикатизации и потери интервокальной согласной во втором слоге, т.е. «чинуга» уже превратился в «шина» через стадии «шинуа» из «шинуга». В калмыцком же слово «чоны» со значением «волк» и слово «чаңһы» со значением «сильный, мощный» сохранили свои начальные аффрикаты «ч», хотя и восходят оба к праформе «тынуган» со значением «могущий». В отношении же слова «аһа» можно отметить лишь то, что оно функционирует только в калмыцком языке с интервокальной проточной увулярной согласной, тогда как в бурятском и халхаском оно существует в форме «ахай» (149, с. 47; 236, с. 65). Это свидетельствует о том, что только калмыцкий язык сохранил тюркютское значение «госпожа, княгиня», тогда как другие, например, бурятский язык, его почти утратили, сблизив его с другим словом «ахы», означавшим «старший» (110, с. 56-57). Таким образом, сочетание слов «аһа чинуһа», означавшее «госпожа-волчица», название титула «ябгу», означавшего соправителя «без престола», а в переводе с калмыцкого «пеший», т.е. «беспрестольный», как считает Н.Н. Убушаев, название священной горы тюркютов «Бодын», соответствующее калмыцкому названию «Богдын», кроме того, замечание Л.Н. Гумилева о том, что тюркюты были самыми монголоидными среди других народов, входивших в каганат (95, с. 181), позволяют считать тюркютов монголоязычными, а калмыцких торгутов их далекими потомками, которые сумели сохранить наиболее архаичные черты древнемонгольского языка и совместно с остатками хуннов: «дербетами» в монгольском обозначении, «цоросами» в персидском обозначении

нии и «ойратами» в финно-угорском обозначении - вошли в состав империи Чингис-хана. При этом они сохранили общие с тюркскими языками соединительный падеж с показателями: -луга, -луге, местный падеж с показателями: -га, -ге, развили способность, как и тюркские языки, принимать сказуемыми лично-предикативные частицы. Это позволило им в дальнейшем безболезненно войти в четырехсоставный союз «Дербен ойрат». Это своеобразие остатков хуннских и древнетюркских племен и позволило затем остальным монголам называть их «хари», т.е. «дальними» или даже «чужеродными». Думается, именно в эту эпоху стали закладываться основы своеобразия будущего калмыцкого языка. Родовичи «Борджигид-Кият», на наш взгляд, по своему наименованию должны были считаться потомками «благородной волчицы», т.к. слово «борджигин» означает «самка серой масти», а «кият» - это «волки». Кроме того, именно среди них стал популярным слово-этним «монгол», которое было образовано от сочетания «монко эл», что по-древнетюркски означало «вечный эл», «бессмертное государство», о чем свидетельствует Л.Г. Гумилев в книге «Древние тюрки» (95, с. 63). Потому-то они, кроме прочего, именовались еще и как «тайджигуд», т.е. «принцы, наследники ханов». Именно старшинство по материнской линии, при прочих равных условиях, позволило бедному Темучину победить Джамуху и стать Чингис-ханом, а это уже продолжение традиций древних тюрок.

1.2.4. Среднемонгольская или ойратская эпоха (XIII - XVII вв.)

Данная эпоха названа «среднемонгольской» потому, что в это время с образованием империи Чингис-хана все монгольские говоры и наречия подверглись нивелировке. «Ойратской» же мы ее называем потому, что уже в это время, по свидетельству Рашид-ад-дина, язык ойратов несколько отличался от языка остальных монголов (189, с. 118). И хотя данная эпоха представлена уже многочисленными письменными памятниками, для истории калмыцкого языка особый интерес вызывает «Сокровенное сказание монголов», написанное неизвестным автором приблизительно около 1240 года. Дело в том, что его языковые особенности позволили академику Б.Я. Владимирцову считать его автора представителем ойратской языковой общности, на что Г.Д. Санжеев возражал тем, что ойратские особенности могли быть характерны и другим мон-

гольским языкам (188, с. 4-5). Среди названных особенностей необходимо указать следующие:

- отсутствие явлений прогрессивной лабиальной гармонии гласных, например, «долаан» из «долуган» в значении «семь», «көдээ» из «көдүге» в значении «степь» и т.д.

- специфические формы некоторых слов, например, «дебел»-калм. «девел»-«шуба, халат», «хамига»-калм. «хамаа»-«где», «өберүн»-калм. «эврээн»-«сам, свой» (198, с. 5). Кроме того, можно указать и такие черты, характерные калмыцкому языку этого периода, как:

- незавершенность образования долгих гласных, о чем свидетельствуют дифтонги: ай, уй, үй, ий, ой, өй;

- системная близость гласных к тюркскому вокализму, состоявшему из восьми гласных: а, э, о, ө, у, ү, ы, и. Лишь постепенное графическое обозначение двух фонем: «ы» и «и» - одной буквой «и» привело к образованию нейтральнорядного «и», хотя Б.Я. Владимирцов допускал их сохранность в ряде говоров, среди которых, думается, надо назвать говоры керейтов, дербенов, ойратов и тайджиутов, которые в последующем стали восприниматься как говоры торгутов, дербетов, цоросов и хошудов;

- использование в грамматическом плане окончаний соединительного падежа: -луга, -лүге и местного падежа: -га, -ге, формы условного деепричастия с окончанием -хула, -күле; использование при сказуемом лично-предикативных частиц, что сближало его с тюркскими языками (197, с. 19; 157, с. 5);

- сохранение гармонии не только по рядности гласных, но и «гармонии» среди согласных фонем, например, увулярные взрывные «к» и «г» использовались только в словах с заднерядными гласными, тогда как заднеязычные взрывные согласные «к» и «г» употреблялись в словах с переднерядными гласными. Отсюда возникала вариативность слов по рядности: «гатлаху-гетлекү» - «миновать, переходить», отмеченная Б.Я. Владимирцовым (71, с. 14);

- отсутствие фактов третьего перелома гласного «и», когда комплекс «чи», теряя гласную «и», превращается в комплекс со свистящей аффрикатой «ц», а комплекс «жи» таким же образом получает начальную аффрикату «дз», получившую в дальнейшем форму спиранта «з» (198, с. 50-52).

- спирантизация и исчезновение анлаутных взрывных согласных, начавшиеся в предшествующую эпоху, например, русский «буланый»-«лошадь светло-красной масти», ст.-монг. «улаган», монгор. «фулаан», дунс. «хулан», баоань. «фэлан», калм. «улан»-«красный» (220, с. 35) и т.д.

Таким образом, в среднемонгольскую, или ойратскую эпоху, калмыцкий язык, получив многое в плане нивелировки с другими монгольскими языками, вместе с тем приобрел и те черты, что стали свойственны его будущим диалектам, например, певучесть в торгутском, заимствованную у китайцев, и неспешность речи в дербетском, свойственную сибирским тюркским и тунгусским языкам (160, с. 83).

Говоря об «ойратской» эпохе, мы не можем не коснуться и проблемы этимологии этнонима «ойрат». Об этом слове написано много (158, с. 55-58; 7, 147, 226 и т.д.). Для краткости мы остановимся на последней работе Н.Н. Убушаева, охватывающей все предшествующие мнения на сей счет. В своей статье «Происхождение этнонима «ойрат», автор выдвигает по сути две оригинальные версии. По одной из них Н.Н. Убушаев, поддерживая версию Г.И. Рамstedта, возводит этноним «ойрат» к праформе «богурат», что означало «быки-коровы», и связывает с известным этнонимом «мукрин». По другой версии, которую Н.Н. Убушаев считает более предпочтительней, этноним «ойрат» является «омонголившимся» финским словом «койра», означающим «собака, волк». При этом автор ссылается на киргизский плач: «Ойротто жог ойроным, кыргызда жог кайраным», где «ойроным» переводится как «герой, силач», являющийся эпитетом тотема собаки-волка (226, с. 107-110). Если учесть замечание Рашид-ад-дина о том, что Худуха-беки, глава ойратов, был из племени «дербен» (189, с. 138), то можно предположить, что этноним «ойрат» возник в результате «народной» этимологии и наложения друг на друга трех слов «богуран», давшего «мукрин» со значением «принадлежащий к роду быка-коровы», финского слова «койран» со значением «принадлежащий к роду собаки-волка» и монгольского «ойра» со значением «вблизи, близко» (149, с. 295). На правомерность первой версии наталкивает мысль о том, что «дербен» и сегодняшнее «дербет», хотя и считаются общим наименованием хуннов, состоявших из четырех родов: волка, оленя-быка, ворона и цветка-орхидеи, по традиции составляют такую общность, где во главе стоит род быка-оленя, т.е. род шаньюя Модэ. Подтверждением тому могут служить калмыцкие дербеты, где главенство принадлежит роду быка-оленя. Среди торгутов тоже есть род быка-оленя, именуемый «хара бухус, харавхус, хархус», но здесь главенство принадлежит роду ворона, «кереитам», поэтому они в число дербетов не включаются, хотя в результате взаимных браков эти два рода смешались настолько, что составили этническое ядро сравнительно молодой калмыцкой нации.

Финское же наименование «койран», развившееся затем в киргизское «ойран» или «ойрон» со значением «волк-собака», могли принести на Алтай остатки гуннов, вернувшихся после разгрома их у Западного моря, ведь не случайно же волчица понесла от хуннского царевича, чьи потомки создали «вечный эль», преобразованный в «монгол», а один из их отпрысков-Темучин Чингис-хан сегодня признан мировым сообществом человеком второго тысячелетия. Думается, легендарный юноша принадлежал к роду быка-оленя, а родоначальницей рода «Ашина» или «Аһа чинуһа» была девушка из рода волка. Древнейший обычай экзогамного брака между четырьмя родами настолько крепко связал их судьбы, что они действительно должны были считаться между собой «близкими». И хотя слово «ойра» не может образовать множественное число через суффикс -т, но если очень хочется, то, как говорится, можно. Так этноним «ойрат», потеряв свое первоначальное значение, которое, на наш взгляд, означало «принадлежащий к роду быка-оленя», т.е. формой родительного падежа от праформы «богура», приобрело новое - «союз близкородственных».

1.2.5. Новомонгольская или калмыцкая эпоха (XVIII в.-1917 год)

Данную эпоху можно смело называть уже калмыцкой, т.к., во-первых, в конце XVII-го и в начале XVIII-го века Калмыцкое ханство стало признанным субъектом России, что выразилось в закреплении титула «хан» за правителями в официальной переписке с царским правительством. Во-вторых, что особенно важно, наименование «калмык» стало признаваться самими калмыками как этноним, определяющий их самоидентификацию, тогда как до этого времени они называли себя либо «торгутами», либо «дербетами», либо «хошудами», т.е. племенными наименованиями. В-третьих, именно в эту эпоху калмыки стали объектом пристального внимания ученых, а это дает возможность опираться на достаточно точные источники при определении характерных черт языка данной эпохи, которые в основном сводятся к следующим особенностям:

1. На месте дифтонгов предшествующей эпохи наконец образовались долгие гласные, например, вместо «көбеун» стали говорить «көбүүн» (мальчик, юноша), вместо «оула» стали говорить «уула» (гора), вместо «тейму» стали говорить «тииме» (такой);

2. Появилась совершенно новая фонема, отсутствующая в других монгольских языках, характеризующаяся как передне-

рядная среднего подъема широкого раствора гласная, похожая на немецкую «ä». Сегодня она обозначается в калмыцком языке буквой «э». При этом долгая «э» образовалась на месте дифтонга «ай» или долгой гласной «э», например, «байна» стало звучать как «бээнэ», что значит «есть, существует» а «темеен» стало звучать как «темээн», что значит «верблюды».

Краткая гласная «э» образовалась под воздействием соседствующей гласной «и», которая «палатализует» предшествующие согласные звуки или переводит в передний ряд предшествующие гласные звуки, например, «алихан» стало звучать либо как «элхен», либо как «альхын», что значит «ладонь», слово «алиман» стало звучать либо как «элмен», либо как «альмын», что значит «яблоко», слово «салкин» стало звучать либо как «сэлкен», либо как «салькын», что значит «ветер», слово «дакиид» стало звучать либо как «дэкээд», либо как «дакаад», даже слова типа «манай», что значит «наш», и «танай», что значит «ваш», часто получают оформление типа «мэнээ» и «тэнээ»;

3. Гласные верхнего подъема узкой огубленности «у» и «ү», теряя губное напряжение и подъем, стали превращаться в гласные среднего подъема и широкой огубленности «о» и «ө». Хотя эти явления в тюркских языках были известны еще в хунно-сяньбийскую эпоху, например «угур» - «огур» или «үгүз» - «өгүз», что значило «бык, корова». В калмыцкую эпоху оно стало одним из признаков диалектных различий торгутского и дербетского говоров (21, с. 121; 117; 225).

4. В системе согласных в результате так называемого третьего «перелома» гласного «и» на месте шипящих аффрикат «ч» и «ж» появились соответственно свистящая аффриката «ц» и спирант «з», например: «чисун» стало звучать как «цусын», что значит «кровь», «жиһасун» стало звучать как «заһсын», что значит «рыба» и т.д.

5. Увулярные взрывные согласные «к» и «г» в интервокальной позиции превратились в проточные «х» и «һ», например, слово «мука» стало иногда звучать как «муха», что значит «тупой», слово «гага» стало иногда звучать как «һаһа», что значит «тетя по отцу» и т.д.

6. В грамматическом плане, помимо отмеченных ранее лично-предикативных частиц, калмыцкий язык, разрушив существующую трехмерную координацию: тала «в сторону», өөде «вверх» и уруу «вниз», обрел форму направительного падежа -ур, -үр, возникшую в результате переосмысления послелого «уруу», что значит «вниз». Бытовавшая до этого времени форма дательного падежа -һа, -һэ была заменена формами местного падежа, в результате чего образовался современный датель-

но-местный падеж с формами на -ды, -де, -ты, -те, например, зунаһа-зунды «летом», хавраһа-хавырты «весной», сөөнэһэ-сөөде «ночью» и т.д.

В теоретическом плане работы П. Палласа, Ю. Бергмана, Г. Цвика, А. Попова, А. Бобровникова и В. Котвича, о которых речь пойдет ниже, стали основой для дальнейшего изучения и совершенствования грамматики калмыцкого языка.

1.2.6. Новейшая или современная эпоха (1917 - 2001 гг.)

Современная эпоха в развитии калмыцкого языка характеризуется как самая процветающая и вместе с тем как самая драматическая, т.к. с одной стороны, только в данную эпоху калмыцкий язык получил фактически статус национального языка, несущего важные общественные функции. Именно в эту эпоху калмыцкий язык стал объектом анализа исследователей из коренных лиц, хорошо владевших тонкостями языка. Именно в эту эпоху была сделана попытка создания единого литературного языка с кодификацией всех его сторон. Именно в этот период политика языкового строительства стала делом государственной важности, получающей всемерную поддержку как местного руководства, так и руководства России.

С другой стороны, революция и гражданская война, ополовинившие численность и без того малочисленного народа, Великая Отечественная война и незаконная депортация народа в Сибирь на 13 лет и на 13 дней, унесшие цвет национальной культуры и основных носителей языка, поставили вопрос: быть или не быть калмыцкому языку и, следовательно, народу? Социальные потрясения последних лет еще более обострили этот вопрос и заставили искать пути выхода из создавшегося положения. Среди причин, приведших к столь печальному исходу, необходимо указать и на собственно лингвистические причины.

Во-первых, в современном калмыцком языке получила дальнейшее распространение редукция гласных в не первых слогах слов. Письменная речь, неукрепленная продуманной орфографией, оказавшись во власти устной речевой стихии, все более отдалялась от живой речи и часто становилась непонятной. Поэтому реформы графики и орфографии, грамматики и терминологии, нормативной базы калмыцкого языка, проводившиеся в 1925, 1928, 1930, 1934, 1938, 1941, 1992 и 1998 годах, сами за себя говорят об их продуманности, последовательности и эффективности.

Во-вторых, трудности, возникающие при создании единого литературного языка из-за замкнутости диалектов и соперничества их носителей между собой, в калмыцком языке были усугублены еще и влиянием русскоязычного окружения. Процесс, требующий известной терпимости и благоразумия, не получил широкой поддержки в обществе полуграмотной советской интеллигенции. Да и сегодня, когда национальный язык находится, как говорится, «на последнем издыхании», некомпетентность и известная амбициозность отдельных «больших» людей не позволили провести реформу орфографии в соответствии с научными требованиями.

В-третьих, отсутствие достаточного количества квалифицированных специалистов, владеющих живым разговорным калмыцким языком, знакомых с историей развития как монгольских, так и тюркских языков, умеющих пользоваться данными теории в практической деятельности, стала трагедией калмыцкого языкознания. Только в последнее время, с приходом нового поколения ученых, получивших полное классическое образование, появляется надежда устранить как в теории, так и в практике ошибки, допущенные нашими предшественниками.

В-четвертых, писатели, журналисты, артисты и прочие деятели культуры и искусства, призванные пропагандировать и укреплять литературный язык, часто, втянутые в вышеуказанное соперничество, разрушают единое речевое и языковое пространство.

Вместе с тем нельзя не отметить и то огромное усилие наших учителей-предшественников, которое они в условиях войны, депортации и социальных потрясений приложили для сохранения и совершенствования калмыцкого языка, для создания современного калмыцкого языкознания. Их усилиями описаны фонетическая, морфологическая, синтаксическая системы калмыцкого языка, описаны стили, лексика, фразеология. Начаты работы по анализу текстов художественной литературы, фольклора, исторических и литературных памятников. И самое главное, налажена система непрерывного обучения калмыцкому языку. Написаны словари, самоучители и разговорники. Подготовлена плеяда высококлассных специалистов по калмыцкому языку и литературе. Создан факультет калмыцкой филологии и культуры, калмыцкий университет и калмыцкий институт гуманитарных исследований. Теперь осталось все это богатство использовать с умом и осмотрительностью. Нельзя допустить, чтобы мрачные прогнозы об исчезновении языка через 10-15 лет оправдались.

1.3. Говоры калмыцкого языка

В современном калмыцком языке обычно выделяют два основных говора: дербетский с несколькими подговорами и торгутский также с несколькими подговорами. Разница заключается лишь в том, что Б.Я. Владимирцов в своей классификации 1929 года внутри дербетского говора выделяет «большэдербэтский» и бузавский подговора, а внутри торгутского говора-калмыцко-уральский и калмыцко-оренбургский подговора (71, с. 6). Н.Н. Убушаев в своей монографии «Фонетика торгутского говора калмыцкого языка», вышедшей в 1979 году, внутри дербетского говора выделяет только «ики-дербетский», а внутри торгутского - «волго-каспийский, оренбургский и цатанский». Кроме того, он, вслед за В. Котвичем, склонен считать бузавский подговор самостоятельным говором (225, с. 26). Э.Ч. Бардаев в своей работе «Современный калмыцкий язык. Лексикология», изданной в 1985 году, выделяет уже четыре говора: дербетский с ики-дербетским, бага-дербетским и бузавским подговорами, торгутский с волжским, хошутским и каспийским подговорами, оренбургско-уральский и говор иссык-кульских калмыков (16, с. 100).

Разумеется, тонкости данного вопроса должны решаться теми, кто занимается этим делом непосредственно. Однако уже сейчас можно отсеять из классификации Э.Ч. Бардаева говор кара-кольских или иссык-кульских калмыков. Дело в том, что мы не оспариваем близость данной языковой общности к калмыцкому языковому сообществу. Но они находятся в другой среде, исповедуют другую религию и отдалены от основной массы калмыков на большие расстояния. Это обстоятельство принуждает нас отказаться от включения иссык-кульских калмыков в состав калмыцкого народа, а их говор в состав говоров калмыцкого языка.

Учитывая все «за» и «против», мы вынуждены согласиться с Н.Н. Убушаевым, предлагающим различать в калмыцком языке три говора: дербетский, торгутский и бузавский.

Из всех существующих говоров в плане изучения и пропаганды дербетскому говору, можно сказать, повезло больше всего. Кроме того, по мнению Т.А. Бертагаева, он лег в основу калмыцкого литературного языка, хотя официально провозглашается, что в основе литературного языка лежат торгутский и дербетский говоры. По этим двум причинам мы начинаем анализ с дербетского говора.

1.3.1. Дербетский говор. носители которого составляют при-

близительно 35 % калмыкоязычного населения республики (100, с. 4), характеризуется следующими качествами:

1. В фонетическом отношении в нем наиболее последовательно допускается ослабление губного напряжения и подъема языка, а это приводит к образованию гласных «о» и «ө» на месте исторически обусловленного узкого огубленного гласного верхнего подъема «у» или «ү». Поэтому его иногда называют «о»-говором, например, «һорвын» вместо «һурвын», что значит «три», «өвел», вместо «үвел», что значит «зима» и т.д.

2. В нем обнаруживается более последовательный переход заднерядных гласных в переднерядные под воздействием гласного «и», чем в других говорах, например, «манай» здесь дает «манэ» или «мэнэ», что значит «наш».

3. Если же по каким-то причинам гласная «и» не меняет рядность гласных слова, то происходит палатализация четырех согласных «л», «н», «д», «т», предшествующих ей в слове, например, «алиман» дает «альмын», что значит «яблоко», «алихан» дает «альхын», что значит «ладонь», «салкин» дает «салкын», что значит «ветер», «угатай» дает «угатя», что значит «неимуший» и т.д.

4. В нем проявляется не только качественная, но и количественная редукция гласных, т.е. укорачивается или даже полностью исчезает гласная в конце слова: например «йовый» вместо «йовйа» (пойдем-ка), «келев» вместо «келвэ» (сказал) и т.д.

Думается, данное качество дербетского говора повторяет не только особенности халха-монгольского языка, где буквально съедаются окончания слов, но и отражает склонность к закрытым слогам тюркских языков, возникшую еще в хунно-сяньбийскую эпоху. Одной из причин названной редукции, видимо, надо считать силовое ударение, падающее как в тюркских, так и в калмыцком языке на последний слог слова. Именно силовое ударение, где сила выдоха компенсируется ее длительностью, т.е. сила ударения обратно пропорциональна длительности звука, на наш взгляд, стала основой склонности к закрытому слогу как у тюркских языков, так и халха-монгольского языка и дербетского говора. Следовательно, это отражение действия закона экономии речевых усилий, например, дерб. «хулһныг, хулһын»-«мышь», халх.-монг. «хулгана»-«мышь», торг. «хулһны»-«мышь», п.-монг. «хулагана»-«мышь» (110, с. 608; 149, с. 563; 126, с. 34-37).

5. В дербетском говоре склонность к редукции дополняется сращением и стяжением словосочетаний в одно слово, где часто исчезают даже согласные звуки, например, говорится

«кемжәнә» вместо «кен медже бәәнә?» (кто знает?), «юцгад?» вместо «юн гиһад?» (что говоря?, почему?) и т.д.

Думается, в результате вышеуказанных просодических процессов именно в дербетском говоре начался процесс разрушения гармонии гласных и согласных, например, торг. «гигэд» (говоря) - в дерб. «гиһад», торг. «кегэд» (делая) - в дерб. «кеһад», словосочетание «йовад бәәнә» в дербетском говоре получило форму «йовадәнә», что значит «похаживает». Образование новых суффиксов типа -чәнә, -жәнә, -чкы, -чке, возникшие в результате сращения окончания соединительного деепричастия -же, -че с глаголами: в одном случае «бәәнә», в другом - «оркы», тоже, видимо, впервые произошло в дербетском говоре в результате действия закона экономии речевых усилий или «языковой лени».

6. В некоторых подговорах дербетского говора наблюдается замена свистящей аффрикаты «ц» на заднеязычный спирант «х»: например, вместо «цуг» говорится «хуг» (все), «цугтан» звучит как «хугтан» (совместно, все вместе) и т.д.

7. В морфологическом плане дербетский говор характеризуется неразличением форм направительного падежа -ур, -үр и орудного падежа -ар, -эр, например: «дундаһур» вместо «дундаһар» (посередине), «деегүр» вместо «деерәһэр» (поверху) и т.д.

Кроме того, в нем обнаруживается ряд особых глагольных форм, являющихся результатом стяжения и сращения словосочетаний, например, «келнәхен», образованное из «келнә гинә» (сказывают, что говорит), «келдегже», образованное из «келдег чиген» (оказывается, говорит) и т.д.

8. В плане интонационной характеристики известно замечание Номто Очинова, который считал, что «дербеты говорят вяло и медленно» (160, с. 83).

9. В лексическом плане данный говор, по свидетельству В.И. Рассадина, содержит больше заимствований из тюркских языков, чем другие говоры. Кроме того, в нем сохранились такие слова, которые сохранили свои архаичные черты, утраченные другими, например, «аһурсын», образованное из «адһурсын» и превратившееся в других говорах в «адусын» (скотина).

Если же учесть еще некоторые антропологические особенности дербетов, которые выражены в большей степени европеоидности, чем торгуты и хошуды, в близости к южно-сибирской разновидности монголоидной расы, куда обычно включаются алтайцы, киргизы и казахи, то станет понятным, что они в лице рода оленя были связаны с белокурыми «динлинами», вышедшими из массы европеоидного народа «бома».

1.3.2. Торгутский говор. носители которого составляют 45% калмыцкого населения, характеризуется большим консерватизмом и близостью к исторической основе, чем другие говоры калмыцкого языка. Именно поэтому Б.Я. Владимирцов, будучи убежден в монгольском происхождении керейтов, предполагал, что монгольский письменный язык возник у них до эпохи Чингис-хана и что Чингис-хан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык, язык достаточно фиксированный, изображавшийся при помощи уйгурских букв (71, с. 19-20). Если же учесть еще и то, что в детстве Темучин, будущий Чингис-хан, воспитывался при дворе керейтского Ванхана, то предположение академика становится весьма достоверным. Следовательно, торгутская версия в этом случае становится предпочтительней остальных. Рассмотрим конкретно особенности торгутского говора, которые заключаются в следующем:

1. В фонетическом отношении он сохраняет узость и подъем гласных «у» и «ү», например: п.-монг. гурбан, торг. гурвын «три», п.-монг. эбүл, үбүл-торг. үвел «зима», п.-монг. хуби-торг. хүве «часть, доля» и т.д. Поэтому его иногда называют «у»-говором.

2. Менее чувствителен он и к воздействию гласного «и», чем дербетский: например, п.-монг. дакиад-торг. дакаад «опять, снова», п.-монг. такиа - торг. такаа, дерб. тэкээ «курица», п.-монг. манай - торг. манаа, дерб. мэнээ «наш» и т.д. Однако это не значит, что в нем не происходят процессы, вызванные влиянием гласного «и». Как будто бы нарочно в торгутском происходит переход гласных из заднего ряда в передний там, где в дербетском происходит палатализация предшествующего согласного, например, п.-монг. алиман - торг. элмен, дерб. альмын «яблоко», п.-монг. алихан - торг. элхен, дерб. альхын «ладонь», п.-монг. салкин - торг. сэлкен, дерб. салькын и т.д.

3. Торгутский говор более последователен в соблюдении гармонии гласных по рядности и сохранил отдельные черты гармонии согласных, например торг. уужана, дерб. уужэнэ «пьет» (из «ууже бээнэ»), торг. кегэд, дерб. кеһэд «делая» и т.д.

4. В торгутском говоре наблюдается склонность к открытому слогу, характерная древнемонгольскому языку, поэтому он сохраняет конечные гласные в глагольных формах желательного наклонения -йа, -йэ, например, һарйа «выйдем-ка», келйэ «скажем-ка», в форме недавно прошедшего времени -ва, -вэ, һарва «вышел», келвэ «сказал» и т.д. При этом надо заметить, что эта склонность к открытому слогу настолько велика, что порой гласные вставляются даже там, где их не должно быть, например: п.-монг. мал «животное» - торг. малы, п.-монг. бал «мед» - торг. балы и т.д.

Однако склонность к сохранению конечных гласных торгутского говора как бы «компенсируется» склонностью к редукации гласных первых слогов, например: п.-монг. тейгегед, дерб. тиигэд, торг. тегэд «таким образом»; п.-монг. үгей, угай, дерб. угаа, торг. гоо «нет» и т.д.

5. В цатанском подговоре торгутского говора сохранилось использование шипящих аффрикат «ч» и «ж» там, где в остальных говорах и подговорах уже используются свистящие аффрикаты «ц» и спирант «з», например: п.-монг. жигасун «рыба», торг. -цат. жаһсын, п.-монг. чагасун «бумага», торг. -цат. часын «бумага» и т.д. (225, с. 130-131).

6. В морфологическом плане торгутский говор более последователен в использовании послелого «тала», что значит «сторона», и строго различает формы направительного падежа -ур, -үр и орудного падежа -ар, -эр при образовании наречий со значением «по чему-либо», например: торг. дундаһар «посередине», но дундаһур «к середине», дерб. дундаһур «посередине, к середине», торг. деерәһәр «поверху», но «деерәһүр «кверху», дерб. дегүр «поверх, кверху», торг. дораһар «понизу», но дораһур «книзу», дерб. дораһур «понизу, книзу» и т.д.

7. В торгутском говоре строго различаются формы соединительного (-ла, -лә) и совместного (-та, -тә) падежей, например: «нохала наадхы», что значит «играть с собакой», но «нохата анһучелхы», что значит «охотиться с собакой». В дербетском часто это различие не соблюдается.

8. В торгутском говоре дательного-местный падеж имеет основу личного местоимения первого лица единственного числа «нам-», тогда как в дербетском говоре в результате прогрессивной ассимиляции образуется «нан-», хотя в винительном падеже в обоих говорах используется основа «нам-», т.е. форма «намаагы», что значит «меня».

9. В торгутском говоре рядная гармония гласных нарушается лишь при использовании отрицательной частицы -гоо, образованной от слова «угаа», что значит «нет».

10. В интонационном плане торгутский говор сохранил преемственность с ойратским языком, который, по мнению Ю. Лыткина, развил в себе «мягкость, гибкость и упругость, которых был лишен язык восточных монголов, живость и необыкновенную сжатость, удивительную беглость и кипучесть живого говора...» (158, с. 60-61). По мнению же Номто Очирова, «торгутская речь отличается от дербетской силой и энергичностью, изобилует эмфатическими долготами и усилениями на отдельных слогах, чего незаметно у дербетов, которые го-

ворят вяло и медленно» (160, с. 83). Думается, мелодическая подвижность речи торгутов - это отражение влияния китайской речи, где высота тона играет смысловоразличительную роль. Столетнее пребывание в китайской среде, видимо, отложило свои отпечатки на торгутской речи. Спокойствие и некоторая монотонность речи дербетов, вероятно, являются результатом влияния на них речи сибиряков, которые обычно говорят неторопливо.

1.3.3. Бузавский говор. носители которого составляют 14 % калмыцкого населения, ранее считался подговором дербетского говора. Однако В.Л. Котвич и Н.Н. Убушаев считают его самостоятельным говором (225, с. 26). Думается, для этого есть все основания. Будучи оторванными от основной массы калмыков, бузавы создали говор, вобравший не только особенности двух основных говоров, но и собственное своеобразие. «В лексико-фонетическом плане бузавинский говор весьма своеобразен», - отмечает и Э.Ч. Бардаев (16, с. 104). Рассмотрим некоторые из них:

1. В бузавском говоре, как и в дербетском, обнаруживается процесс ослабления губного напряжения и снижение подъема узких огубленных гласных верхнего подъема «у» и «ү», что приводит к образованию на их месте гласных «о» и «о», например: буз. Овше вместо торг. Увше, восходящего к «убаши» (мирянин, принявший духовный обет) (110, с. 526), буз. сөме вместо торг. сүме, восходящего к тиб. «суми» (храм) (110, с. 465).

2. В бузавском говоре, как в торгутском, обнаруживается большая устойчивость заднерядных гласных в не первых слогах, например: буз. дакад, торг. дакад, дерб. дэкад «опять, снова» (110, с. 189), буз мана, торг. мана, дерб. мэна «наш» (110, с. 340).

3. В бузавском говоре заднерядность гласных первых слов сохраняется даже там, где в других говорах они превратились уже в переднерядные, например: др.- монг. морин, буз. морын, торг. мөрен, дерб. мөрен «конь» (110, с. 360), буз. маальхы, торг. мээлхе, дерб. мээлхе «блеть» (110, с. 346), буз. таальхы, торг. тээлхе, дерб. тээлхе «снимать» (110, с. 484), буз. тамкы, торг. тамкы-тэмке, дерб. тэмке «табак» (110, с. 486).

4. В бузавском говоре сохранились такие архаичные формы слов, которых уже нет ни в одном другом говоре, например: буз. хонин, торг., дерб. хөөн «овца» (110, с. 603).

5. Вместе с тем в бузавском говоре обнаруживаются процессы спирантизации взрывных согласных там, где в других говорах этого не произошло, например: буз. толха, торг., дерб. толһа «голова» (16, с. 105), буз. солха, торг., дерб. солһа «левша» (16, с.105), буз. өвһен, торг., дерб. өвген «старик» (16, с. 105).

6. В бузавском говоре наблюдаются своеобразные глагольные формы, например: нарһахы, торг., дерб. нарһхы «вытаскивать», буз. келһәхе, торг., дерб. келһхе «заставить сделать» (16, с. 105). Своеобразна форма родительного падежа личного местоимения первого лица единственного числа «минән» вместо торг., дерб. мини «мой», буз. чинән, торг., дерб. чини «твой» (16, с. 105). Кроме того, в нем сохранился архаичный вид условного деепричастия на -хла в виде -хлаһа, образованного из стяжения -ху, -луһа, -кү, -луге например: келхләһә, торг., дерб. келхлә «если сказать», буз. ирхләһә, торг., дерб. ирхлә «если придти» и т.д.

7. В силу маргинальности своего положения бузавский говор сохранил множество архаизмов, например: бедерхе «желать, хотеть», көсрә «напрасно, попусту», көб «кадушка» и т.д. (16, с. 105).

Кроме того, есть слова, получившие своеобразное оформление, например: буз. маасылхы, маакылхы «пинать», буз. армылже «веревка», торг., дерб. арһымже «аркан» (110, с. 49), буз. чаначе «тыква», торг. хавыг «тыква» (110, с. 561). В нем появились слова, отсутствующие в других говорах, например: сактя «хром», вероятно из торг. сатья «сафьян» (110, с. 443), жулвдыг «шкура», доошкы «верхняя одежда из кожи жеребенка», бууле «петля», өг «подстилка», бууқыр «плуг», беевен «медный купорос», отыг «рысь», вероятно из өтег «медведь» (110, с. 427).

Особый слой лексики составляет в бузавском говоре ряд заимствований из украинского и других соседних языков, например: кочет «петух», сернег «спички», цибаркы «ведро», кохты «кофта», зеләте «жилет», зерве «жребий», каптан «кафтан, пальто» и т.д. (16, с. 105).

Оторванный характер бузавского говора обусловил и появление в нем своеобразных словосочетаний на уровне фразеологизмов, например: «баслад авчекхы», вероятно, связанное с русским словом «баз», что значит «ограждение». Отсюда и возникло «окалмыченное» слово «басылхы», т.е. «оградить базом, изгородью», т.к. указанное словосочетание переводится как «отрезать часть чего-либо, присвоить» (16, с. 105). Словосочетание «ише эке» в значении «прабабушка» тоже объяснимо через калмыцкое «ише», означающего «ствол» (10, с. 275). Словосочетание «оңһин деле», что значит «грива лошади перед седлом», объяснимо словом «оңһын», что значит «чистый, священный, девственный» (110, с. 399), но есть масса словосочетаний, объяснение которых требует глубокого этимологического анализа, например: «содада әмтен», что значит «родные братья». Здесь,

думается, без тюркского «сагадым» в значении «мой дорогой, родной, близкий» не обошлось. Ср. др.-тюрк. жакын «близкий, находящийся вблизи» (104, с. 237). Словосочетание «үдэн үйе», что значит «родничок на голове у детей» тоже, видимо, надо объяснять через калмыцкое слово «үде», что значит «полдень, зенит солнца» (110, с. 545) и т.д.

Таким образом, три говора калмыцкого языка, описанные выше, оставляли как бы «вещь в себе». Со временем в результате сложения калмыцкой нации эти говоры и сам калмыцкий язык должен был перейти в стадию существования «вещи для себя», т.е. сформироваться в виде калмыцкого литературного языка. Насколько трудным был этот путь мы рассмотрим ниже.

1.4. История становления калмыцкого литературного языка

Среди самых первых работ, где в той или иной мере освещаются монгольские языки, необходимо назвать словарь Махмуда Кашгарского, жившего в XI веке. Этот словарь был издан Ахмедом Рифатом в Стамбуле в 1915 году. В нем приведены материалы как по тюркским языкам: кыргыз, кыфчак, огуз, тухси, ягма, чигиль, башкурт, так и по монгольским: татар, ябаку, басмыл, чумул, каи, которые одновременно владели и тюркскими языками. Слова в словаре расположены в порядке возрастания количества составляющих их звуков. В словаре дифференцированы имена и глаголы, дана довольно подробная фонетико-морфологическая характеристика тюркских языков и их классификация как по языковому признаку, так и по географическому расположению их носителей. Признаками, определяющими характер языков и отнесение их в ту или иную группу, Махмуд Кашгарский считал:

1. Соответствие й-ж в начале слова;
2. Соответствие м-б в начальной позиции;
3. Соответствие д-т в начале слова;
4. Соответствие й-з в середине слова;
5. Соответствие й-н в конце слова, а также ряд других морфологических признаков.

Вторым наиболее древним сочинением, относящимся к середине XII века, но сохранившимся в списках 1305 и 1492 годов, является филологическое сочинение аль-Замахшари, умершего в 1143 году, «Мукаддимат аль-адаб», представляющее собой арабско-персидско-монгольский словарь.

К середине XIII века относится анонимный тюркско-монголь-

ско-персидский словарь, составленный в Египте в 1245 году, изданный голландским востоковедом Т. Хоутсма в Ляйдене в 1894 году.

К началу XIII века относится и так называемый «Чингисов камень», найденный у реки Урулюнгуи в Нерчинском округе в Забайкалье в начале XIX века. Далее надо указать летописи Рашид-ад-дина, где помимо исторических сведений, немало замечаний и по языку. Сюда же можно отнести сочинение арабского филолога Джамал эд-дина ибн Муханны «Халиат ул-лисан ве хали бат уль-бейан», представляющее собой лингвистическое исследование по словарю и грамматике одного из огузских языков, характеризующегося значительными элементами языка уйгуров Восточного Туркестана, а также монголов. По предположению П.М. Мелиоранского, оно было написано в XIV веке в северо-западном Иране или в современном Азербайджане. В нем также отмечается чередование начальных согласных б-м, т-д, в других позициях слова - чередования ф-п, к-х, вскрывается природа и процесс образования вторичных долгот в тюркских и монгольских языках. Следовательно, сравнительно-сопоставительный метод, а в некоторой части и элементы сравнительно-исторического метода не были чужды восточным и главным образом арабским филологам средневековья, в трудах которых встречаются весьма интересные наблюдения и выводы, не потерявшие своего значения и для современной науки.

Начало изучения тюркских и монгольских языков на Руси относится к глубокой древности. Об этом свидетельствуют многочисленные слова и термины, заимствованные через гуннов, болгар, хазар и отраженные в одном из древних литературных произведений Руси в «Слове о полку Игореве», например: яруг «овраг», орьтема «покрывало», хоронго «хоругвь», каган и т.д. (156). Однако все это носило практический характер: для обслуживания правительственных посольств и торговых караванов. Тесные взаимоотношения с Золотой Ордой требовали подготовки хороших переводчиков, знающих как кыпчакский, так и монгольский языки, которые в это время уже несколько различались.

Начиная с XII века получают распространение на Руси так называемые «хождения». Одним из первых русских, кто совершил хождение в Иерусалим в 1106-1107 годах, был игумен Даниил, проживший там около 16 месяцев и описавший свое путешествие примерно в 1113 году. Но самым известным было «Хождение Афанасия Никитина за три моря в 1466-1472 годах», в котором содержались обширные географические и языковые

сведения. После завоевания Русью Казани в 1552 году и Астрахани в 1554 году начались интенсивные сношения со Средней Азией. Посредниками в этих отношениях сначала были ногайские князья, а с приходом калмыков в район Урала и низовий Волги в начале XVII века эта миссия перешла к ним. Поэтому появилась потребность вспомнить вновь монгольский язык.

Итак, до XVII века научного, систематического изучения тюркских и монгольских языков на Руси не было. Изучение их было вызвано лишь необходимостью общения с могучими соседями, которое вылилось в XIII веке в военно-политический союз против католического Запада. Так, Русь, ставшая щитом для западноевропейских народов против нашествия монголов, в то же время явилась преградой на пути западноевропейской экспансии на Восток. Так, вобрав в себя лучшие элементы восточной и западной культуры, Россия стала центром евразийской цивилизации. Если до эпохи Петра I Русь была в основном страной азиатской, то после петровских реформ она стала проводником западной культуры на восток, что вылилось в походе Ермака в Сибирь в 1581-1585 годах. После этого началось интенсивное освоение Сибири: в 1587 году был основан Тобольск, а в 1632 году — Якутск.

Освоение Сибири. Средней Азии. Северного Кавказа и юга России потребовало большое количество переводчиков. Их подготовка требовала соответствующих учебников, пособий, словарей и лексиконов. Одним из таких пособий был известный словарь Памвы Беренды, называемый «Лексикон словеноросский, имен толкование всечестным отцем кир Памвою Берендою протосиггелом Фрону Иерусалимского згромажденный...», изданный в Киеве в 1627 году и переизданный вторым изданием в Кутеинском монастыре в 1653 году. В 1600 году был закончен «Большой чертеж», где были использованы все имеющиеся сведения о землях России, собранные в разное время. К сожалению, сам «Большой чертеж» был утрачен, осталась лишь объяснительная записка к нему. Особенно подробно в «Большом чертеже» были представлены топонимические данные, относящиеся к Западной Сибири, т.е. к местам, где обитали предки калмыков. В 1667 году тобольский воевода Петр Иванович Годунов получил предписание: «Всю сибирскую землю описать, грани земель и жилищ межи, реки и урочища и всему учинити чертеж». Вскоре карта была составлена и отпечатана. В 1672 году она вышла вторым изданием. Появились копии, из которых отметим копию, изданную Пальмквистом в Стокгольме и Г. Шлессингом в Германии. Сведениями П.И. Годунова о Сибири воспользовался также голландец Н.К. Вит-

зен, живший в Москве в 60-х годах XVII века и издавший в 1687 году «Новую карту Севера и Востока Азии и Европы», а в 1692 году издавший свой труд «Северная и Восточная Тартария» в Амстердаме. Среди прочих языков там имеется материал и по калмыцкому языку. Дерфер, разбирая эту работу, отмечает огромное количество русских слов, например, он пишет: «Я» в даурском должно быть «би или бида», где «или» - это русский союз. Калмыцкий текст, видимо, написан самим Витзенем, т.к. Дерфер не находит в нем русского влияния.

Послепетровский период изучения тюркских и монгольских языков уже характеризуется организованностью и систематичностью. Так в 1716 году в январе был издан указ об отправлении 5 учащихся московских латинских школ в Персию для обучения языкам турецкому, арабскому и персидскому. Для собирания материалов и изучения Кавказа и Сибири были посланы приглашенные на русскую службу специалисты: Готлиб Шабер, живший с 1670 по 1739 годы, поступивший на службу к Петру I в 1712 году в качестве лейб-врача, в 1717 году был направлен на Кавказ, а Д.Г. Мессершмидт, натуралист и ориенталист, в 1720-1727 годах - в Сибирь. В результате деятельности этих ученых остались рукописные заметки Г. Шабера «Меморабилиа Руссико-Азиатика», где было дано много образцов текстов и материалов на различных языках, и в том числе на калмыцком. Рукопись после смерти Шабера его наследниками была отослана в Голландию и там напечатана, но с 1760 года до сих пор она в виде манускрипта находится в частных руках в Гааге. Д.Г. Мессершмидт оставил:

1. «Мессершмидтиана ад лингуас популорум Сибириа пертинентес»;
2. «Лектионес ориенталес сеу лингуарум аликуот ориенталиум элемента»;
3. «Номина анималиум Арабико-Персико-Татарико-Латина...»;
4. «Специмен дер Цаален айнигер Ориенталишен унд Сибиришен велкер», где были собраны значительные материалы, тексты и лексика языков народов России, в том числе и калмыцких 14 числительных.

Крупные географические и лингвистические исследования этого периода принадлежат также полтавскому пленнику Петра I, шведскому офицеру И. Табберту-Страленбергу, долго жившему в Сибири. Его сочинение «Северная и Восточная части Европы и Азии», изданная в Стокгольме в 1730 году на латыни, кроме географических описаний и карт, содержит также первую классификацию тюркских, угро-финских, монгольских

и палеоазиатских языков. И. Страленбергу принадлежит также регистрация, хотя и вторичная после С.Е. Ремезова, енисейско-орхонских памятников и открытие сочинения Абуль Гази-хана, умершего в 1663 году, «Шеджере-и-тюрк», т.е. «Родословное древо тюрков», первый перевод которого сделан на русский язык бухарским ахундом и записан русским писцом. С этого утерянного перевода был сделан немецкий перевод шведом Шенетремом, издавшим его в 1680 году, затем французский перевод, изданный в 1726 году и, наконец, с французского был сделан русский перевод В.П. Тредьяковым, жившим с 1703 по 1769 год.

Иоган Христиан Шнитшер был автором сочинения «Руководство по изучению калмыцкого языка», изданного в Стокгольме в 1744 году. Он в 1715 году следовал с дипломатической миссией в Китай. В Саратове он написал свои записки о калмыках. Неизвестный шведский офицер переписал эти записки, которые в конце концов попали в руки издателя Ларса Салвиуса.

Герхард Фридрих Миллер, живший в 1705-1783 годах, собирал лингвистический материал по тюркским, монгольским и финским языкам во время своего путешествия в Сибирь в 1733-1743 годы. Его «Собрание русской истории» в 4-х томах, вышедшее в Санкт-Петербурге в 1760 году, в сущности послужило образцом и руководством описания иностранных языков. Он в известном смысле был предшественником работ И.Э. Фишера.

Иоган Эбергард Фишер, родившийся в 1697 году, был автором «Истории Сибири со времен ее открытия до завоевания этой страны русским оружием», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1768 году. Среди его работ, содержащих материалы и по монгольским языкам, надо выделить следующие: «О народах и имени татарском, также о древних монгольцах и их языке», «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», вышедшие в 1755 году, где даны сопоставления тюркской и монгольской лексики. Кроме того, он принял на себя издание трудов Г.Ф. Миллера. Во время поездки И.Э. Фишера в Сибирь в 1739-1747 годах к нему перешел лингвистический материал, собранный при Петре I В.Н. Татищевым в бытность его управляющим уральскими горными заводами. И.Э. Фишер передал его рукопись историку Августу Людвигу фон Шлецеру, который после отъезда из России подарил ее Геттингентскому университету, где она находится по настоящее время.

Деятельность В.Н. Татищева, хорошо знавшего калмыков и татарский язык, заключалась не только в организации во-

стоковедного образования, но и в непосредственном собирании научного материала по языкам народов, входивших в Оренбургский край и в соседние области. Так, В.Н. Татищевым была организована в Самаре татарско-калмыцкая школа, где позже по инициативе П.И. Рычкова и при участии Ахунда Махмута Абдрахмана был начат русско-татарско-калмыцкий лексикон, сохранившийся в Академии наук под названием «Анонимного русско-татарско-калмыцкого словаря», составленного на три первые буквы алфавита: А, Б, В и состоящего из 98 листов текста. Для В.Н. Татищева лингвистический материал собирался в 1734-1738 годах по специальной программе. Немало было сделано им и по сбору данных, относящихся к калмыкам.

Петер Симон Паллас, живший в 1741 по 1811 годы, был приглашен в 1768 году академиком и коллежским ассесором в Санкт-Петербург. С 1768 года по 1774 год он предпринимает длительное путешествие через Восточную Россию, во время которой в 1769 году он посетил калмыков на Волге. В его очень подробном путевом дневнике встречается много калмыцких терминов, не потерявших свою ценность по сей день. Отражением его деятельности послужили такие сочинения, как «Путешествие через различные провинции Российской империи», вышедшее в Санкт-Петербурге в 1771 году, «Собрание исторических сообщений о монгольских народностях» в двух томах, вышедшее там же в 1776 и 1801 годах, «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею высочайшей особы», вышедшее в двух томах в Санкт-Петербурге в 1786-1789 годах. Последняя его работа в известном смысле венчает науку о языке XVIII века. Вместе с тем удивляет и то, что этот ученый на основе простых наблюдений сделал по сути научное открытие, генетически связав калмыков с их далекими предками-гуннами. Да, он жил среди калмыков в Царицине и его окрестностях, он жил также и среди бурят, и среди «оставшихся под русским господством монголов», но как он сумел понять то, что с трудом понимаем мы, вооруженные сегодня всеми средствами историко-лингвистического анализа современности? Гениально.

Иоган Петер Фальк, бывший профессором ботаники в «Саду Русской императорской медицинской коллегии», предпринял в 1768-1773 годах путешествие в южные области Волги, где он познакомился среди прочих народов с калмыками. В его «Докладе по изучению топографии Российской империи», изданном в двух томах в Санкт-Петербурге в 1785-1786 годах, содержит-

ся много калмыцких терминов, особенно ценных тем, что они собраны специалистом-ботаником.

Бенжамин Бергман был одним из первых западноевропейских ученых, собравших богатый фольклорный материал калмыков, путешествуя в 1802-1803 годах. Его высочайшая заслуга заключается в том, что он первым обнаружил и представил миру калмыцкий эпос «Джангар».

Юлиус фон Клапрот, живший в 1783-1835 годах, в 1823 году в Париже издал «Азиатский полиглот». До этого в 1804 году он служил адъютантом по восточным языкам в Академии наук России. В 1805 году он сопровождал посольство Головина до границ Китая и потом, по поручению Академии, предпринял исследовательское путешествие на Кавказ. Калмыцкий материал был собран им в этом путешествии и опубликован в его работе «Путешествие на Кавказ и в Грузию в 1807-1808 годах» в Берлине в 1812 году. Словарь монгольского языка у Китайской стены, халхаский, бурятский, олетский в Джунгарии и калмыцкий можно найти в его «Азиатском полиглоте» на страницах 276-284.

Генрих Август Пвик является автором «Путешествия из Сарепты в различные калмыцкие села Астраханской губернии в 1813 году с 26 мая по 21 августа по новому стилю», вышедшего в Лейпциге в 1827 году. Но прежде всего он известен как автор двух работ о письменности ойратов: «Граматики западномонгольского, т.е. ойратского или калмыцкого языка», вышедшей в Кеннигсфельде в 1851 году и словаря — «Справочника западномонгольского языка», вышедшего в Виллингене в 1852 году.

Более подробную библиографию по русско-монгольским отношениям можно найти в работе Г.Н. Румянцева и С.Б. Окунь «Сборник документов по истории Бурятии XVII века», вышедшей в Улан-Удэ в 1960 году, Л.М. Гатауллиной и др. «Русско-монгольские отношения 1607-1636», вышедшей в Москве в 1959 году. Еще больший материал ждет своего опубликования и хранится в архивах Санкт-Петербурга, Москвы и Казани, Астрахани, Ростова и Элисты.

Первая кафедра восточных языков возникла в Московском университете в 1811 году во главе с крупнейшим русским востоковедом А.В. Болдыревым, жившим в 1780—1842 годах.

Вторым по времени, но более крупным по значению был центр востоковедения, представленный в Российской Академии наук и в Санкт-Петербургском университете, где преподавание восточных языков было начато с 1822 года И.С. Сенковским, жившим в 1800-1858 годах. 7 августа 1855 года был от-

крыт факультет восточных языков при Санкт-Петербургском университете, первым деканом которого был крупный тюрколог-языковед А. Казембек, живший в 1802-1870 годах, приглашенный из Казанского университета в 1849 году.

Наконец, третьим крупным центром востоковедения была Казань, где с 1826 года 23 года подряд преподавал восточные языки вышеназванный А. Казембек в Казанском университете, в духовной академии и гимназии.

Крупнейшими монголистами того времени были А.В. Попов, написавший «Граматику калмыцкого языка» в 1847 году и А. Бобровников, написавший «Граматику калмыцко-монгольского языка» в 1849 году. Оба они работали в духовной академии Казани. Их коллега, профессор Казанского университета О. Ковалевский примечателен тем, что впервые записал текст песни о Джангаре у хошудов Поволжья в 1854 году.

Имена таких ученых, как А.М. Позднеев, известного по «Калмыцкой хрестоматии», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1892 году, К.Ф. Голстунский, известный по «Монгольско-русскому словарю», вышедшему в 1938 году в Ленинграде, и по открытию двух «багацхуровских» песен эпоса «Джангар», В.Л. Котвич, известный по работе «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка», вышедшей в Петрограде в 1915 году, Г.И. Рамstedт, известный по «Калмыцкому словарю», изданному в Хельсинки в 1935 году на немецком языке, и другие заслуживают отдельного специального изучения и освещения.

Таким образом, к началу современной эпохи калмыцкое языкознание уже имело не только солидный фактический, но и теоретический багаж. Примером тому могут служить три грамматики: А. Попова, А. Бобровникова и В. Котвича. Однако, что можно легко заметить, авторами всех работ по калмыцкому языку были в основном представители некалмыцкой национальности, что обусловило появление отдельных неточностей как в практическом, так и в теоретическом плане, а это отразилось на языковой теории и практике современности. Рассмотрим грамматику калмыцкого языка этого периода.

1.4.1. Первые шаги кодификации калмыцкого языка

Первым шагом в деле описания и нормирования калмыцкого языка, т.е. его кодификации, можно считать «Граматику калмыцкого языка», написанную А.В. Поповым и выпущенную в Казани в 1847 году. «Составлять законы для языка, при совершенно необработанных пособиях—дело не легкое», - пи-

шет автор (172, с. 9). Трудности автора, думается, проистекали не только из-за необработанности практических пособий по калмыцкому языку, но и вследствие неразработанности общей языковедческой теории того времени. Так, в фонетической части автор не различает буквы и фонемы, называя все буквами, и тем самым дает понять, что он рассматривает письменную речь, т.е. так называемый «Книжный язык». Он сам об этом говорит: «Я старался со своей стороны всеми силами объяснить грамматические формы языка книжного такими же формами языка разговорного» (172, с. 8). Думается, нет необходимости рассматривать и приводить здесь все неточности или ошибки, допущенные автором первой грамматики. Остановимся лишь на тех, что затем повлияли на составление современной грамматики, где они сохранились до сих пор.

1. Деление гласных на «твердые», «мягкие» и «средние», что сегодня определяется как рядность (89, с. 5). Такое определение рядности гласных калмыцкого языка, во-первых, не является точным, а, во-вторых, не может считаться целесообразным, т.к. это сблизжает гласные звуки с согласными. Рядность, как известно, определяет степень продвинутости языка вперед или назад при образовании гласного звука, а «мягкость» определяется продвинутостью языка к небной части, т.е. к палатале, отсюда и их название «палатализованные». При этом надо помнить, что гласные звуки в калмыцком языке сохранили древнее деление на два ряда. Это в халха-монгольском и некоторых других монгольских языках образовались звуки так называемого «среднего ряда», возникшие из переднерядных в результате ослабления языкового напряжения, например, көвүн «мальчик», күүкен «девочка» (110, с. 309, с. 329), но халх. хүүхэн «девушка, женщина» (149, с. 580). Кроме того, нельзя путать букву «и», которая может считаться «нейтральной», т.к. обозначает на письме и звук «и» переднего ряда, и звук «ы» заднего ряда, о чем догадывался еще Б.Я. Владимирцов (71, с. 149). При этом надо знать, что калмыцкое «ы» не соответствует русскому «ы», который является звуком более высокого подъема. Поэтому прав Н.Н. Убушаев, когда говорит, что «торгутский говор знает два оттенка «и»: мягкий оттенок, как русский «и» в словах типа «Ирина» ... и твердый оттенок, несколько похожий на русский «ы» (225, с. 39), что русский «ы» в калмыцкой обработке воспринимается как гласный переднего ряда (225, с. 39). Но трудно согласиться с ним, когда он утверждает, что «в калмыцком языке нет гласной фонемы «ы», а есть твердые и мягкие оттенки гласного «и», что не было «ы» и в старописьменном калмыцком языке, хотя перед этим

приводит живые примеры из современного калмыцкого языка, например, атыхы «быть хмурым», худыхы «сникнуть», халыхы «выпучиваться» (225, с. 40). Просто калмыцкая гласная «ы» была названа «редуцированной», неясной гласной заднего ряда нижнего подъема прикрытого раствора, тогда как «а», отличается от него лишь тем, что является гласной широкого раствора. Введение же в орфографию старописьменного монгольского, затем ойратского языка «нейтральной» буквы «и» надо считать очень удачным приемом, который надо использовать и в современной орфографии.

2. «Ударение голоса в калмыцких словах бывает двоякое: короткое и долгое. Первое всегда употребляется на последнем слоге, например, ельчи «посланник», зарлик «повеление», ябуху «ходить». Последнее же - в середине и конце слов. Для обозначения долгого ударения калмыки имеют особенный знак - сербе «крючок», обыкновенно приставляемый ими в некоторых словах с правой стороны к гласной букве того слога, на котором ударяется голос, например: күрелекү «окружить», инекү «смеяться», теерме «жернов», сааху «доить», ухан «разум», чинен «величина, мера», зааху «показать, научить» (172, с. 20).

Здесь автор явно путает долготу гласного звука с ударением. Эта ошибка, к сожалению, повторяется и в современной грамматике, когда Д.А. Павлов называет ударение термином «ударлт», что означает «долгота» или «длительность», образованное от глагола «удархы» со значением «длиться, продолжаться, тянуться, замедляться, запаздывать» (110, с. 528). В словах «хэлэхе», что значит «смотреть» (110, с. 589), бүркээсен, что значит «крышка» (110, с. 129), Д.А. Павлов ударение видит, как и А.В. Попов, на втором слоге, т.е. там, где обнаруживается долгота (162). Ударение же, как отражение интенсивного выдоха, служащего для разделения слов в потоке речи, в калмыцком языке одно и оно падает на последний слог слова. Этим и отличается словосочетание от сложного слова: в сложном слове должно быть одно ударение, которое принято называть силовым. Мелодическое же ударение, которое часто рассматривается в монголистике, думается, надо относить к интонационной характеристике живой устной речи.

3. «Калмыцкие слова разделяются на семь частей речи: имя, местоимение, глагол, наречие, послеречие, союз, междометие», - пишет А.В. Попов (172, с. 28). В современном калмыцком языке выделяются двенадцать частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, причастие, деепричастие, наречие, послелог, союз, частица и междометие.

4. «Падежей в калмыцком языке находится девять: именительный, родительный, отделительный, дательный, винительный, звательный, творительный, инструментальный и творительный, совокупительный - ла, -лэ» (172, с. 49).

В современном калмыцком языке тоже выделяются девять падежей, но они уже такие: именительный, родительный, дательный, винительный, орудный, совместный, соединительный, исходный и направительный. Как видим, здесь уже нет звательного падежа, но есть совместный, который, вероятно, был пропущен, т.к. иначе у А.В. Попова насчитывается всего восемь падежей. Кроме того, в современном калмыцком появился новый падеж - направительный, возникший в результате грамматикализации слова «уруу», что значит «вниз», сохранившийся лишь как основа в слове «уруудхы», что значит «спуститься, опускаться» (110, с. 537).

5. В главе о глаголе А.В. Попов, можно сказать, «утонул» в материале. Не отделив причастия и деепричастия как самостоятельные особые формы глагола, не определив систему наклонения, залога, вида, не уловив тонкостей калмыцкого языка, автор часто делает ошибочные выводы, например, говоря о причастии прошедшего многократного действия, он утверждает, что «это причастие в просторечии употребляется слитно, т.е. с опущением конечной согласной буквы настоящего многократного причастия и первого слога причастия вспомогательного глагола и приложением долгого ударения к конечной гласной букве настоящего многократного причастия -даасан или -деесен, например, магтадаасан «беспреданно хваливший», һарудаасан «беспреданно выходивший», бичидеесен «беспреданно писавший» (172, с. 138). Автор не уловил одной очень важной закономерности: причастие с причастием в калмыцком языке не сочетается, тогда как причастие с глаголом или деепричастем сочетается легко и свободно. Следовательно, здесь не многократное причастие настоящего времени «с опущением конечной согласной буквы», а деепричастие раздельное на -ад, -эд, с добавлением «остатка» от причастия прошедшего времени от вспомогательного глагола «аху», т.е. «агсан». Тогда надо объяснять данный случай как сращение сочетания раздельного деепричастия с причастием прошедшего времени: магтад агсан - магтадагсан - магтадаасан «хваливший беспреданно», һарад агсан - һарадагсан - һарадаасан «выходивший беспреданно», бичид агсан - бичидагсан - бичидеесен «писавший беспреданно». Скорее всего с деепричастием соединялся полный глагол «байгсан», т.к. на современной почве сочетание этих слов дает сращение «магта-

дээсен», «һарадээсен», «бичэдээсен», которые преобразуются в результате редукции гласных в формы «магтаадэсен», «һараадэсен», «бичээдэсен» в вышеуказанных значениях. Однако даже этой ошибкой автор подтвердил наличие в языке того времени, т.е. 1838 - 1847 годы, процесса стяжения словосочетаний в одно слово. Да и глагол «аху», широко известный в старописьменном монгольском, на наш взгляд, является результатом «разрушения» вспомогательного глагола «байху», где анлаутный согласный взрывной выпал. Вместе с тем, надо отметить, что «Грамматика калмыцкого языка» не потеряла своей ценности до сих пор и должна стать объектом не только теоретического, но и текстологического анализа, хотя и чувствуется некоторая небрежность или поспешность, приводящая к досадным ошибкам.

«Грамматика монгольско-калмыцкого языка» А. Бобровникова, выпущенная в Казани в 1849 году, является вторым по времени выхода крупным сочинением, где исследуется и описывается не только книжный, т.е. письменный, но и разговорный язык. Говоря о близости монгольского и калмыцкого языков, автор исходит, во-первых, из языков ойратской и монгольской письменности, во-вторых, из чисто практических соображений, которые он сформулировал следующим образом: «Для изучающих калмыцкий язык в настоящее время нет самого нужного пособия - лексикона. Но так как для монгольского языка издан ныне Г. Ковалевским возможно полный лексикон, который может быть вместе прекрасным пособием для изучающих калмыцкий язык, то, *сближая письменности монгольскую и калмыцкую*, я имел в виду доставить учащимся калмыцкому языку *возможность пользоваться этим пособием*. Впрочем и кроме этого для изучающего калмыцкий язык полезно ознакомиться с письменностью монгольской, потому что *на монгольском они найдут лучшие образцы языка*, так как калмыцкая письменность еще очень небогата народными произведениями, имеющими какое-нибудь литературное достоинство. С другой стороны, я имел в виду для изучающих монгольский язык доставить такое пособие, которое открыло бы им настоящее значение монгольского письма и облегчило переход от изучения языка книжного к разумению живой речи» (40, с. 7-8). Будучи выходцем из бурятской семьи, Алексей Бобровников очень хорошо знал живую монгольскую речь, работая при духовной академии, он познакомился и с живой калмыцкой речью. Вероятно, это обстоятельство позволило Алексею Бобровникову сделать такие заключения по калмыцкому языку, которые не потеряли своей актуальности по сей день.

1. Автор впервые отмечает в калмыцком языке факт образования долгих гласных из дифтонгов: «В монгольско-калмыцком языке семь долгих гласных. С мягким придыханием ай, эй, ий, ой, уй, ей, и үй в выговоре калмыков в конце слов «и» не слышен. Поэтому калмыки часто вместо хуйиху пишут хууху «просить», вместо ирэнэй «приходит» - иренээ (40, с. 14-15). Последний пример свидетельствует о том, что им еще не было замечено образование гласного переднего ряда среднего подъема широкого раствора «э».

2. Автор впервые отмечает в живой речи факты редукции гласных и их «беглости». При произношении гласных в целом слове нужно наблюдать: повышение тона или ударение, сжатие или неясное произношение и произношение беглое или выбрасывание гласных. Повышение тона или ударение в монгольско-калмыцком языке бывает всегда *на последнем слоге*.

«С понятием ударение не должно смешивать понятие о долгой гласной. Вообще надо заметить, что ударение монгольско-калмыцкое отличается от ударения русского: именно русское ударение сообщает гласной... некоторую долготу. Калмыки в русских словах для обозначения ударения, когда оно бывает не на последнем слоге, пишут долгие гласные» (40, с. 33-34).

3. Впервые говоря о «сжатии» или редукции гласных, А. Бобровников указывает и на его характерные особенности, чего не могут сделать современные ученые, споря более полувека о том, как их обозначать. «Последняя гласная слова, если она короткая, несмотря на повышение тона, произносится бегло и сжато, так что почти теряет свойственный себе звук и слышится как русское «ы» или «э»: аха - ахы «старший брат», эзен - эзын. В примерах гласные, подлежащие сжатию, будут обозначаться таким образом: ā, ě (40, с. 34-36). Именно это указание А. Бобровникова было взято на вооружение А.Ш. Кичиковым, когда в последний раз в 1998 году мы пытались реформировать современную орфографию. При этом не обращалось внимание на его другое замечание о том, что «Сжатое произношение гласных в конце слова нужно наблюдать особенно для различения гласных долгих от коротких. Потому-то, если мы слова произносим эзен, модон, это будет значить «своего господина», «свое дерево» (40, с. 36). Значит, автор был бы не против обозначения слова «господин» как «эзен», если бы это не совпало с другим словом «эзээн», означающего «своего господина». Но ведь сегодня долгая гласная «э» в непервых слогах уже давно превратилась в фонему «э», чего еще не было при А. Бобровникове. Поэтому решение обозначать редуцированные гласные в соответствии с рядностью буквами: «ы» и «е», думается, было верным и было бы одобрено А. Бобровниковым.

Самым ценным, на наш взгляд, вкладом автора в теорию калмыцкого языка является его положение о «беглости» гласных в потоке речи. Будучи ограниченными положением об агглютинативном характере калмыцкого языка, многие калмыцкие лингвисты игнорировали явление «беглости» гласных вообще, что создавало трудности при создании калмыцкой орфографии и орфоэпии. Думается, именно из-за этого «провалилась» и последняя реформа орфографии, а надо было учесть лишь следующее: «Беглое произношение, а в разговоре выбрасывание гласных, бывает в коротких средних слогах, когда перед гласною и после нее до ближайшей гласной находится только по одной согласной: тамага-тамга «печатль», тологой-тологой «голова», өбөгөн-өбгөн «старик», аруда-арда «позади», өрөкө-өркө «отверстие наверху кибитки» (40, с. 36-37).

4. То, что А. Попов едва отметил в своей главе о глаголе, А. Бобровников отметил особо: «В разговорном языке монголы и калмыки иногда сливают несколько слов в одно. При этом из двух встретившихся коротких гласных одна опускается, и если слова разных звуков, гласные одного должны измениться применительно к звукам гласных другого. Затем слившиеся слова подвергаются изменениям и сокращениям по правилам, выраженным выше», т.е. «беглости» и «сжатия»: келе үгей образовало «келүгей», т.е. «безъязыкий», абчи одбой-абчидба «унес» (40, с. 37).

5. Автор грамматики обращает внимание на чередование «б»-«м» и «м»-«н» звуков в калмыцком языке. Буквы «б» и «м», «м» и «н» могут также заменять одна другую: хабар-хамар «нос», хоорумда-хоорунда «между, в промежутке», хабсурху «соединять» и хамду «вместе» имели общий корень «хаб» или «хам» (40, с. 49-50).

6. Вводя в оборот грамматики термины «имена предметные» и «имена качественные», автор пытается наметить определенные критерии при определении категорий «часть речи», которая до сего дня еще не имеет четких параметров (40, с. 56, 63).

7. Автор, используя термин «частицы» как применительно к частям речи, так и к словообразовательным суффиксам, заставляет задуматься над уточнением данного термина, чтобы разграничить понятия «слово», «частица» и «суффикс» в диакроническом и синхроническом планах (40, с. 80).

8. Автор впервые в калмыцкой грамматике в разделе о глаголах выделяет понятие «залог» (40, с. 123).

Разумеется, с высоты сегодняшнего дня можно найти мно-

го недостатков в данной работе, от опечаток до грубых ошибок, но в целом, как первое серьезное научное произведение, грамматика Алексея Бобровникова не потеряла своей ценности до сего дня. Даже намеренное сближение монгольского с калмыцким языком позволяет выявить довольно значительные расхождения и является серьезным предупреждением для тех, кто силой пытается внедрить монгольские термины в калмыцкий язык, отдавая тем самым и без того далекий письменный, нормированный литературный язык от живой устной речи носителей калмыцкого языка. Это отдаление не просто рождает отчуждение, основанное на непонимании, но и неуправляемую стихию всеобщей анархии в устной и письменной речи и постепенное угасание общественной значимости национального языка вообще и литературного — в частности.

Третьим «китом» современной калмыцкой грамматики стала работа известного монголиста - алтаиста В.Л. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка», выпущенная в Петрограде в 1915 году и переизданная в Ржевице в 1929 году. В ней говорится в основном о том, что письменный язык, основанный на Зая-пандитской орфографии, названной «тодо бичиг», т.е. «ясное письмо», за 250 лет оторвался от живого разговорного настолько, что стал непонятным большинству народа. Компромисс же между ними «не был закреплен и вполне определенной новой орфографии не создано. Причин тому было много: с одной стороны - отсутствие среди калмыков интеллигентного класса, недостаток школ с преподаванием калмыцкого языка, невысокий уровень развития преподавательского персонала, отсутствие рационально составленных учебников, с другой - деление калмыцкого языка на говоры, колебания в произношении отдельных слов и звуков даже представителями одного говора и вообще трудность установить орфографию, которая бы в полной мере удовлетворяла представителей разных калмыцких племен. Над всем же этим царит слабое распространение калмыцкой грамоты и постепенное вытеснение ее в монастырях-хурулах тибетскою и в официальных сношениях — русскою. Результатом такого положения является то, что теперь почти всякий грамотный по-калмыцки пишет так, как это ему кажется лучше. Другим же, при чтении написанного приходится руководствоваться больше чутьем и общим смыслом. Большею последовательностью отличается орфография, принятая в изданиях европейских ученых, но и она не получила широкого распространения среди калмыков, отчасти в силу указанных выше общих причин, отчасти вследствие присущих ей самой особенностей, ка-

ковы: *предпочтение старых форм современным даже там, где для этого нет особых оснований*, неустойчивость орфографических правил - одно и то же слово в разных местах пишется различно - и прямые недостатки: *не у всех гласных обозначается долгота* там, где она имеется в современном языке (125, с. 3-4).

Прошло почти сто лет, а кажется, что написано сегодня.

«Приступая к составлению краткого очерка грамматики калмыцкого разговорного языка, - пишет В.Л. Котвич, — я поставил своей целью не только дать пособие для изучения строя этого языка, но также, по возможности, содействовать внесению некоторого однообразия в современную калмыцкую орфографию. В этих видах я в основу своего очерка положил современную живую речь калмыков и, отмечая явления этой речи, параллельно указываю, как они запечатлевались в письме ранее по старой орфографии Зая-пандиты и каким образом их можно было бы передать ближе к нынешнему произношению. Последнее представлялось далеко не легким делом. Прежде всего приходилось считаться с существованием в калмыцком языке говоров, по крайней мере двух: дэрбэтского и торгутского, и стараться поэтому предложить орфографию, которая была бы в известной мере приемлема и для дербетов, и для торгутов. К счастью, отличия этих говоров в общем немногочисленны и существенного влияния на орфографию оказывать не могут. Более серьезные затруднения вызвало:

1. Появление в современном языке таких звуков, для которых в алфавите Зая-пандиты нет соответствующих букв;

2. Появление таких сочетаний звуков, которые представляются недопустимыми с точки зрения основных принципов орфографии Зая-пандиты;

3. Исчезновение гласных звуков... В общем мною принято за правило писать так, как теперь говорят калмыки, и использовать при этом новые знаки, которые не употребляются калмыками. Если недостаток букв или основные правила орфографии Зая-пандиты лишают возможности точно передать какое-либо явление живой речи, то допускаются отступления от последней в пользу прежней орфографии. *Там, где существуют различия по говорам или вообще колебания в произношении, отдается предпочтение той форме, которая ближе к старой орфографии»* (125, с. 4-5). Особенно важно замечание автора: *«Устанавливая те или иные грамматические положения, я руководствовался главным образом говором дэрбэтов-астраханских и ставропольских, который мне более известен. Особности торгутского говора приводятся лишь изредка, по-*

чти всецело благодаря указаниям Н.О. Очирова. Содействием последнего я пользовался почти во всех частях настоящего очерка» (125, с. 5-6).

В своей грамматике В.Л. Котвич выделяет следующие гласные калмыцкого языка:

1. Задние, гортанные, мужские, твердые: а, о, у;
2. Передние, небные, женские, мягкие: е, ө, ү;
3. Средние, нейтральные: э, и (125, с. 7).

Далее он дополняет этот ряд гласных их долгими и краткими разновидностями (125, с. 8). При этом он пользуется транскрипционными знаками долготы - «черточка над буквой» и краткости - «галочка над буквой». Звук «э» обозначается «а», как в немецком языке. Все это в дальнейшем отразится и в работе над составлением калмыцкой орфографии.

Именно здесь кроется миф о существовании «средних» или «нейтральных» по рядности гласных в калмыцком языке. Рассмотрим их подробнее.

В отношении «нейтральнорядного» «и», отмеченного Б.Я. Владимирцовым, мы уже говорили и поясняли, что «нейтральнорядность» буквы «и» не говорит о «нейтральнорядности» звука «и». Первое было обычным орфографическим приемом, когда одной буквой обозначали «и» и его заднерядный вариант «ы», а второе - это уже заблуждение, т.к. в калмыцком не может быть гласной по рядности «нейтральной»: она либо «заднерядная», либо «переднерядная». Третьего не дано. В.Л. Котвич здесь явно не прав.

В отношении гласной «э» можно сказать следующее: она возникла из дифтонга «ай» и долгого «э» и произносится долго. Краткая же гласная «э» образуется только из «а» под воздействием соседствующего гласного «и». Чем же «э» отличается от «а»? Только продвинутостью языка вперед, что называется «переднерядностью», чем же «э» отличается от «э»? Только более широким раствором губ. Поэтому ее называют гласной переднего ряда, среднего подъема, широкого раствора. Таким образом, в одном случае «а» под воздействием «и» опередняется и превращается в новую калмыцкую фонему «э». В другом случае «э» под действием долготы увеличивает свой раствор губ и превращается также в гласную «э». И никакого места для средней или нейтральной рядности здесь нет. Эта ошибка В.Л. Котвича до сего дня держит мертвой хваткой некоторых наших современных ученых.

Кроме того, В.Л. Котвич впервые в данной грамматике заговорил как сторонник сонорной теории, признавшей слогаобразующую роль за отдельными сонорными согласными. Это

было взято на вооружение создателями существующей орфографии. Слабо разбираясь в теории слога, они согласились с его рассуждениями по поводу слогообразующей роли сонорных, но не обратили внимание на его рекомендации: «там, где гласные исчезли не бесследно, а заменены слогообразующими согласными, *желательно восстанавливать гласные*, сообразуясь с предыдущими сохранившимися гласными» (125, с. 12). Так поступили буряты и монголы. Поэтому у них проблема обозначения редуцированных гласных была решена. Так поступили и некоторые тюркоязычные народы. В калмыцком же языке редукция гласных произошла в большей степени, чем в названных языках, поэтому их обозначение у калмыков еще не получило приемлемого решения.

В системе согласных калмыцкого языка В.Л. Котвич отмечает переход «б» в «в» в непервых слогах, т.е. спонантизацию взрывного под действием закона «экономии речевых усилий», появление свободных согласных «ч» и «ж» (125, с. 20-21).

Автор грамматики впервые отмечает факты разрушения системы гармонии гласных и согласных, которые проявились в использовании заднеязычных и увулярных согласных с гласными переднего ряда, чего до этого не было (125, с. 22-23).

В своей грамматике В.Л. Котвич выделяет в калмыцком языке 6 частей речи:

1. Имена существительные и прилагательные;
2. Числительные;
3. Местоимения;
4. Глаголы;
5. Наречия, включая предлоги и союзы;
6. Междометия (125, с. 35).

В калмыцком языке автор различает 10 падежей из II: именительный или неопределенный, звательный, родительный, дательный, винительный, исходный, творительный, соединительный - две формы, направления и предельный (125, с. 66). «При возвратном склонении: именительный падеж с возвратным притяжением не употребляется, родительный падеж с этим притяжением встречается сравнительно редко, главным образом в песнях, подражающих старому стилю», - считает автор грамматики (125, с. 88).

Говоря о формах повелительного наклонения первого лица, автор допускает явную ошибку, считая, что «перед данною, т.е. -йа, -йе, приставкою после кратких гласных и согласных основы обыкновенно появляется долгий «и»: суу «садись», сууйа, сууй «сядемте», зөө «приобретай, вези», зөөйе, зөөй «приобретемте, повеземте», ире «приходи», ирийе, ирий «придемте», һар «вы-

ходи», нариийа, нариий «выйдемте» (125, с. 109). Дело в том, что по закону «беглости» гласных, отмеченного еще А. Бобровниковым, не то, чтобы долгота, там и краткость должна исчезнуть у гласных, ибо за нею до ближайшей гласной следует только один согласный звук «й».

Весьма интересным является также и замечание В.Л. Котвича о глаголах, когда «изъявительные обыкновенно принимают для первого и второго лиц особые личные окончания, образованные от соответствующих личных местоимений. Употребление этих окончаний не является однако обязательным, т.к. наряду с обычным выражением: би суунээв иногда появляется и би суунээ (125, с. 155). Здесь мы обнаруживаем не только дербетское влияние, о чем автор говорил в начале грамматики, но и влияние халха-монгольского языка, где отсутствие лично-предикативных частиц является отличительной особенностью при сравнении его с калмыцким и бурятским языками.

Говоря о вводных предложениях при рассмотрении глагола «приказывать» автор пишет «Глагол «приказывать» обыкновенно передается в данном случае глаголом «говорить» - келкү, гекү, при *чем* лицо, к которому обращено приказание, ставится в винительном падеже: эзн көвүүги «неге хөө аваад ире гежи келве - «хозяин приказал мальчику привести одну овцу» (125, с. 173).

Алогичность такой постановки падежной формы привлекла внимание ученого, но не позволила ему это как-то объяснить. А ключик прост. Здесь подразумевается «умолчание» деепричастия, следующего за формой винительного падежа, т.е. предложение должно было звучать так: эзен көвүүге дуудад, «неге хөө аваад ире», -гиже келвэ, что значит «хозяин позвав мальчика, сказал: «приведи одну овцу». Это результат действия закона экономии речевых усилий на уровне синтаксиса калмыцкого языка.

Вот весь теоретический и грамматический багаж, который лег в основу создания современного калмыцкого литературного языка, его грамматики. Более подробный анализ указанных грамматик приведен в статье Очир-Гаряева В.Э. (158).

1.4.2. Нормы современного калмыцкого литературного языка

Как известно, становление литературного языка неотделимо от формирования самой нации. После создания Калмыцкой автономной области в 1920 году до 1925 года в Большедер-

бетовский улус переселились кумские, терские, кубанские, донские, оренбургские и уральские калмыки. С 1927 года центр управления народом из Астрахани перемещается в поселок Элиста. В 1935 году автономная область была преобразована в автономную республику. Это потребовало неотложных действий в плане расширения функций калмыцкого языка и превращения его в полнокровное орудие культурного строительства нации.

Первым шагом в этом направлении явился переход на русскую графику, обусловленный как политическими, так и практическими мотивами. Однако это потребовало многолетних усилий к поиску способов передачи калмыцких звуков и речи в соответствии с их реальным звучанием. К сожалению, эта проблема так и не решена до сих пор. Достаточно сказать, что реформы проводились в 1925, 1928, 1930, 1934, 1938, 1941, 1960, 1972, 1992 годах. Последняя попытка реформирования калмыцкой орфографии была предпринята в 1998 году и «благополучно провалилась» в 2001,

Как известно, проблема разработки и создания норм литературного языка весьма специфична и трудна из-за преодоления диалектных различий и межэтнического соперничества, из-за нежелания основной массы людей менять свои привычки, учиться говорить по-новому. Кроме того, язык - это, пожалуй, единственная сфера человеческой деятельности, где каждый, усвоивший несколько десятков слов, позволяющих общаться в быту, считает себя его знатоком. Только межэтническая терпимость и желание выработать общий литературный язык, способный сохранить культурное богатство народа, его духовное своеобразие и средство его самоидентификации, позволяют создать его без особых затруднений. Рассмотрим эту проблему у калмыков.

В 1931 году по решению специальной комиссии, решавшей вопрос о диалектной базе халха-монгольского, бурят-монгольского и калмыцкого языков, в основу калмыцкого литературного языка был положен торгутский говор как наиболее близкий к исторической основе, как говор наиболее многочисленной и орабоченной части калмыцкого народа. Однако уже через три года, т.е. в 1934 году, без особых объяснений было принято решение «считать основой литературного языка торгутский и дербетский говоры». Вот что пишет по этому поводу и ходу строительства литературного языка Д.А. Павлов, бывший как участником, так и исполнителем многих реформ: «Для дальнейшего развития калмыцкого литературного языка, его терминологии и орфографии, для определения его диалектной базы

большое значение имела 4-я языковедческая конференция. На ней было решено построить орфографию современного калмыцкого языка на фонетико-морфологическом принципе и строго придерживаться закона гармонии гласных. Здесь же *было решено в основу литературного языка положить торгутский и дербетский говоры, что вызвало тогда серьезный спор* (166, с. 100). Примечательно то, что здесь Д.А. Павлов не упоминает решение специального комитета 1931 года, рекомендовавшего в основу калмыцкого литературного языка положить торгутский говор. Только в последнее время в своей статье «Становление и развитие норм калмыцкого литературного языка» Д.А. Павлов признается: «Касаясь вопросов поисков диалектной базы калмыцкого литературного языка, следует отметить, что на состоявшейся в Москве 10-17 января 1931 года конференции по вопросам языка и письменности монгольской группы народов было решено калмыцкий литературный язык создавать на основе торгутского говора». Элистинская конференция по вопросам языка и письменности Калмыкии, состоявшаяся 17-20 мая 1931 года, внесла уточнение, что торгутский говор, признаваемый ведущим в деле создания литературного языка, должен впитывать в себя все ценное из других говоров» (168, с. 39). С другой стороны, Б.Б. Бадмаев тогда предложил, на наш взгляд, самый оптимальный вариант решения: за основу брать не какой-то говор, а принцип *близости к исторической основе*. К счастью, его все поддержали. Было решено в междиалектных отношениях руководствоваться следующим: при чередовании

«у» - «о»	литературной нормой считать «у»,
«ү» - «ө»	— считать «ү»,
«ү» - «и»	— считать «ү»,
«о» - «ө»	— считать «о»,
«а» - «э»	— считать «а», т.е.

нейтрализовать «ослабляющее» действие закона экономии речевых усилий и «опередняющее» влияние соседствующей гласной «и», например, торг. *hurvyn* - дерб. *horvyn* (из *gurban*) «три», торг. *xuve* - дерб. *xöve* (из *xubi*) «часть, доля, счастье, участь», дерб. *onyсын*-торг. *önsen* (из *onıs*) «замок», дерб. *salkын* - торг. *sälken* (из *salkın*) «ветер» и т.д.

Однако постепенно вышеуказанный принцип литературного языка начинает вытесняться так называемым «фонетическим» принципом, который открыл дорогу «ослабленным» и «опередненным» формам. Так появилась альтернатива «ү»-«и», где вполне резонно предпочтение отдавалось «ү», хотя это противоречило принципу исторической близости, например, *büшмед*

- бишмед (из бешмет) «пятиклинка, верхнее платье, костюм». За нею появилась альтернатива «-ак» - «-эк», где правильной формой признавалась «-эк», например, торг. дакад - дерб. дэкэд (из дакиад) «опять, снова», торг. макыр - дерб. мэкер (из макир) «кривой» и т.д. Особым «писком» научной мысли в этом плане явилось «обогащение лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов». По этому поводу Д.А. Павлов пишет: «Используется и диалектная лексика, это допускается в слушающих»:

1. Когда нужные слова отсутствуют в литературном языке: аархы «веялка», ценг «вилы», көвг наряду с ковныг «копна», хавыг «тыква», хаяр «огурец», сүүлч «рулевой», нашар «парусина», тагт «мост»;

2. Когда слова, восходящие к одному и тому же корню, развились в говорах по-разному и входят в литературный язык в разных значениях: хуби - хув у торгутов бытует в значении «часть» и «счастье», а у дербетов в том же значении – хөв. В литературную норму принято хув «часть», но хөв «счастье». Аналогично: түгэх «распространить», төгэх «раздавать», үмсх «целовать», өмсх «одеваться», гемнх «обвинить», гемтх «заболеть», тэвц «подставка», таг «полка», тагт «мост» и т.д. Впрочем, есть и случаи, когда слова, произносящиеся в говорах по-разному, имеют одинаковое значение, они входят в литературный язык как синонимы. хора и өрэ «комната», шам и шомр «лампа», хама и альд «где», цуһар и хуһар «все» (166, с. 103-104). Удивительно. Кто же спорит, что в литературный язык могут входить слова из говоров, если таковых нет в литературном, но почему надо в литературный язык вводить именно «ценг» в значении «вилы», если в торгутском есть окалмыченный вариант его заимствования «биинг»? Почему слово «копна» должно передаваться двумя вариантами его окалмыченного заимствования «көвг» и «ковныг», если второй вариант более близок к своему оригиналу? Почему русское слово «огурец» передается не его окалмыченным заимствованием «һурцыг», а каким-то словом «хаяр», где явно обнаруживается связь со словом «отбросы», образованного от глагола «хай»? (110, с. 568). На каком основании форма «хөв», отвергаемая нормами литературного языка, вводится в литературный язык, если у нее те же значения, что и у формы «хүве»? Почему форме «үмсхе», означающей «одевать», придали значение «целовать», если это значение принадлежит другому слову «үнсхе», только совпавшему по звучанию со словом «үмсхе»? Ведь известно древнемонгольское слово «үмүскү», что значит «одевать» и древнемонгольское слово «үнескү», что значит «нюхать». Вероятно, здесь

надо было за формой «үмсхе» оставить его исконное значение «одевать» и возродить древнее слово «үнсхе» в значении «нюхать, целовать», т.к. монголы и калмыки не целуются, а нюхают друг друга. Введение же отвергнутой формы в литературный язык лишь запутало и затемнило истинные значения вышеуказанных слов. Придание же статуса синонимов таким фонетическим соответствиям как «цугтан, цуһар» и «хугтан, хуһар» в значении «все» вносит путаницу в определение самого понятия «синоним», т.к. это не разные слова с близкими значениями, а одно и то же слово в различном фонетическом оформлении, где исконное «ц» через стадию «с» превратилось в «х», что мы наблюдаем в бурятском языке.

Окончание недавнепрошедшего времени -бай, -бей, как известно, получило отражение в торгутском -ва, -вэ и дербетском -вы, -ве, например, торг. һарва-дерб. һарвы «вышел», торг. келвэ - дерб. келве «сказал». Однако положение о необозначении редуцированных гласных привело к тому, что вместо торг. «һарва» стали писать «һарв», вместо торг. «келвэ» стали писать «келв», приближаясь тем самым к халха-монгольской манере письма, а по сути к древнетюркской речи, где склонность к закрытому слогу стала основой ее дифференциации от древнемонгольской. Кроме того, необозначение редуцированных гласных в указанной форме привело к тому, что на практике стали говорить «һарыв» и «келев», что стало провоцировать совпадение формы 1-го и 3-го лица: би һарыв «я вышел», тере һарыв «тот вышел», би келев «я сказал», тере келев «тот сказал». Если бы пошли по другому пути — пути сохранения близости к исторической основе, то этого не произошло бы: би келүв «я сказал», но тере келвэ «тот сказал», би һарув «я вышел», но тере һарва «тот вышел». Противопоставление 1-го и 3-го лица находят фонетическое отражение, а это предпочтительней, чем этих материальных показателей нет.

Форма желательного наклонения, которую можно назвать «призывной», в древнемонгольской и ойратском имела показатель -йа, -йе, которая развилась в современном калмыцком языке в торг. -йа, -йэ и дерб. -ий, -й: һарйа «выйдем-ка», келйэ «скажем-ка» и һарий «выйдем-ка» и келий «скажем-ка». На первый взгляд, эти расхождения незначительны, но стоит только сравнить утвердительные формы желательного наклонения с вопросительными: торг. һарйа «выйдем-ка» и һарйу? «может быть, выйдем?», келйэ «скажем-ка» и келйү? «может быть, скажем?», дерб. һарий «выйдем-ка» и һарий? «может быть, выйдем?», келий «скажем-ка» и келий? «может быть, скажем?», т.е. нет различия в дербетском варианте между утвердительной и

вопросительной формами, а это хуже, чем то, что они различаются, ибо основой всякой грамматической структуры является различие. Более того, в словах с долгими гласными в первом слоге происходит их разрушение: торг. сууйа «сядем-ка», сууйу? «может быть, сядем?», дерб. суй «сядем-ка», суй? «может быть, сядем?», торг. ууйа «выпьем-ка», ууйу? «может быть, выпьем?», дерб. уй «выпьем-ка», уй? «может быть, выпьем?» и т.д. Как видно из примеров, дербетские формы, будучи просторечием, не только вносят путаницу в речь, но и разрушают корни самих слов и создают двусмысленность в понимании речи.

Даже падежные формы не остались в стороне от «дербетизации», например, форма дательного-местного падежа личного местоимения первого лица единственного числа в торгутском говоре звучит как «намды», т.е. «мне», а в дербетском она в результате прогрессивной ассимиляции получила форму «нанды», тогда как в винительном падеже оба говора говорят одинаково: «намагы», т.е. «меня». Почему-то именно в дербетском говоре, где зародился показатель направительного падежа -ур, -ур из послелого «уруу», т.е. «вниз», стали путать его с орудным падежом на -ар, -эр, например, торг. хаалһар «по дороге» и хаалһур «к дороге», дундаһар «по середине», дундаһур «к середине», деерэһэр «по верху», деерэһур «к верху». В дербетском все эти формы передаются через суффиксы -ур, -ур: хаалһур «по дороге, к дороге», дундаһур «по середине, к середине», деерэһур или даже деегур «по верху, к верху». К счастью, в дербетском еще нет формы доогур «по низу», существующий в халха-монгольском, а это значение передается словом «дораһур».

Выводы: Итак, калмыцкий язык имеет более чем двухтысячелетнюю историю своего развития, но, вопреки официальным утверждениям, нормы калмыцкого литературного языка были разрушены и стали таковыми, что Т.А. Бертагаев в своей энциклопедической статье 1959 года должен был признать, что «В качестве основы литературного языка был положен дэрбэтский диалект как диалект населения, занятого не только скотоводством, но и земледелием и промышленным производством» (29, с. 500). Так в предшествующие годы шанс на создание калмыцкого литературного языка и образование вокруг него единого национального культурного пространства был упущен. По сути «фонетико-морфологический» принцип, принятый в грамматике, был превращен в чисто «фонетический», что породило, в конечном счете, принцип: «пиши так, как считаешь нужным». Поэтому сегодня вся художественная, научная и публицистическая литература представлена образ-

цами различных говоров или просторечия. Малочисленность национальной интеллигенции, погрязшей в межэтническом соперничестве, отсутствие должного внимания к национальным проблемам со стороны государства, политические репрессии 30-х годов, насильственная депортация всего народа в Сибирь с 1943 по 1956 годы, отмирание старшего поколения, знавшего язык с младенческих лет, сужение сфер применения калмыцкого языка, отсутствие достаточно квалифицированных кадров в научной и педагогической сфере деятельности, отсутствие словарей, научно обоснованных грамматик и, самое главное, орфографии и орфоэпии, частые и не продуманные до конца реформы по языку привели к тому, что калмыцкий литературный язык стал отчуждаться от носителя живого разговорного языка, представленного в говорах. Этот процесс еще более усугубился в связи с безоглядным заимствованием терминов из русского и из халха-монгольского языков.

Таким образом, калмыцкий язык стоит сегодня на грани отмирания. Только осознание причин этого явления, только их устранение и неукоснительное следование требованиям науки, представленной в теории культуры языка и речи, максимальная концентрация всех сил народа позволит языку эпосов и сказок сохраниться и сохранить калмыцкую нацию. Для того, чтобы это исполнилось, есть все основания.

ГЛАВА II

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОНИМАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА И РЕЧИ

2.1. О культуре калмыцкого языка

Говоря о культуре калмыцкого языка, мы имеем в виду определение, данное Б.Н. Головиным: «Культура языка окажется не чем иным, как степенью развития и богатства его лексики и синтаксиса, отточенностью его семантики, многообразием и гибкостью его интонации» (85, с. 14).

2.1.1. Степень развития и богатства калмыцкой лексики

Лексикой того или иного языка обычно именуют весь словарный состав. При этом имеют в виду слова в их индивидуальном лексическом значении. «По своему составу лексика калмыцкого языка представляет собой сложную систему, состоящую из разных по значению и происхождению, по сфере употребления и стилистической окрашенности групп слов», - пишет Э.Ч. Бардаев в своей специальной монографии «Современный калмыцкий язык. Лексикология» (16, с. 3).

Это пока единственное монографическое исследование, рассматривающее лексический состав калмыцкого языка, определяющее ее задачи и отражающее состояние современной калмыцкой лексикологии. Поэтому, думается, будет правильно, если мы несколько подробнее остановимся на анализе данной работы.

В главе «Словарный фонд калмыцкого языка» Э.Ч. Бардаев пишет: «Современный калмыцкий язык располагает значительным по объему и богатым по разнообразию словарным фондом. Сколько же слов в современном калмыцком языке? На этот вопрос трудно дать хотя бы приблизительный ответ. Это объясняется тем, что калмыцкий язык в настоящее вре-

мя еще не располагает более или менее полным лексикографическим трудом. Самым объемным из всех имеющихся словарей по калмыцкому языку является «Калмыцко-русский словарь» 1977 года, охватывающий примерно 26 тысяч слов и словоформ. Однако названная цифра ничего еще не говорит определенного о количественном составе лексики калмыцкого языка в целом, ибо в словарь вошли не все слова и термины из старописьменных памятников, фольклора, художественной литературы и, что особенно важно, из лексики эпоса «Джангар» (16, с. 6-7).

Анализ лексического состава «Калмыцко-русского словаря» показал, что даже поверхностный взгляд на лексический состав обнаруживает чрезмерное завышение количества самостоятельных слов. По нашим подсчетам их оказалось всего не более 5320 лексем. Остальные слова — это различные формы слова и заимствования из русского языка. Кроме того, здесь широко представлены различные диалектные и фонетические соответствия одного и того же слова, разные этапы его развития, заимствования из халха-монгольского языка, например: боол «раб, рабыня» (110, с. 109) и бөгел «холоп, раб» (110, с. 112), бишмүд «бешмет» (110, с. 102) и бүшмүд «бешмет» (110, с. 132), даржеңнхы «дребезжать, тарахтеть» (110, с. 184) и таржеңнхы «дребезжать» (110, с. 478), ааг «настой, язычок, крючок» (110, с. 17) и аг «настой, крючок, рог, зуб, развилка» (110, с. 24), аһурсын «животное» (110, с. 27) и адусын «скотина, домашнее животное, тварь» (110, с. 28). Сравните халха-монгольское адгус «скот» (149, с. 22), агсхы «вооружаться, обеспечивать» (110, с. 26) и аксхы «оснащать, вооружать» (110, с. 32), агты «конь, рысак, холощенный жеребец, мерин» (110, с. 26) и акты «конь, мерин, холощенный жеребец» (110, с. 32), аяңһы «удар грома» (110, с. 60) и айеңһы «гром, молния» (110, с. 31). В последнем примере можно видеть, с какой небрежностью дается русский перевод, т.к. слово «молния» на калмыцком языке звучит как «цэкеллһен» (110, с. 629).

Безоглядное заимствование из халха-монгольского приводит к появлению разных дублирующих друг друга слов, вносящих путаницу в лексическую систему. Например, эмдрел «жизнь, существование, оживание, воскрешение, бытие» (110, с. 65) является производным от глагола эмдерхе «оживать, воскресать» (110, с. 66), поэтому его значения «жизнь, существование, бытие» не соответствуют значению производящей основы. Слово «жизнь» в калмыцком языке, существующее еще со времен хуннов, звучит как «жирһел», что значит «жизнь, счастье, блаженство, наслаждение, веселье» (110, с. 230). Поэтому

не случайно китайские крестьяне, убегая к хуннам, говорили, что у хуннов само название жизни означает «блаженство и веселье». Только халха-монгольское влияние заставило слово «эмдрел», кроме значений «оживание, воскрешение», придать еще и значения «жизнь, существование и бытие». Сравните амьдрал «жизнь, существование, воскрешение, оживление» (149, с. 37), производное от глагола амьдрах «жить, существовать, оживать, воскресать, приходить в чувство» (149, с. 37). Если монгольское наименование жизни связано со словом «амь» или калмыцким «эмен», означающим «жизнь, душа» (110, с. 66; 149, с. 36), то калмыцкое наименование жизни в значении «бытия», а не в значении «быть живым», восходит к глаголу «жирхе», что значит «живи, наслаждайся, блаженствуй, будь счастлив» (110, с. 230). Само бытие у калмыков считалось «блаженством, счастьем, наслаждением», которое было связано с «движением». Может быть, поэтому наши предки не страшились смерти и не боялись жить, говоря: «Что ж, если и прольется, то лишь чаша крови, если и засохнут, то лишь восемь трубчатых костей», т.е. жили без страха и умирали без упрека.

Неумное желание калмыцких ученых во что бы то ни стало заменить международные и русские термины на калмыцкие или монгольские часто дают обратный эффект, т.е. вместо ясности, понятности вносит путаницу и абсурд. Например, зокьял «произведение, создание, творение» (110, с. 251) является окалмыченным монгольским словом «зохиол», имеющим значения «сочинение, произведение, создание, творение, литература» (149, с. 199). На монгольской почве это вполне подходящий термин, т.к. в халха-монгольском языке существует глагол «зохиох», производящий вышеуказанный термин и означающий «сочинять, создавать, налаживать, упорядочивать, творить» (149, с. 199). В калмыцком же языке есть слово «зокал» со значением «правило, положение, порядок» (110, с. 250), являющееся производным от глагола «зокахы», что значит «заставить, чтобы подходило, соответствовало», которое само является формой побудительного залога от глагола «зоххы» (110, с. 251). К нему близко по значению и корню монгольское «зохимж», означающее «соответствие, годность» (149, с. 199). Но даже здесь нет зацепки, чтобы связать их со значением «творение, произведение, сочинение, литература». Кроме того, в калмыцком языке давно существует слово «үүдэвер» со значением «произведение» (110, с. 556). В отличие от слова «зокьял», оно понятно и семантически, т.к. его связь со словом «үүдэхе», означающим «создавать, производить» (110, с. 556), весьма прозрачна и структурно, т.к. соответствует модели калмыцкого

словообразования. В слове же «зокьял» обнаруживаем несуществующий в калмыцком языке словообразовательный суффикс «-ял».

Еще одним примером, если не заимствования, то стремления во всем подражать монгольским братьям, на наш взгляд, является использование слова «эвэ», которое подается в словаре как устаревшее слово, означающее «мелодия, гармония, фонема» (110, с. 63). На понимание слова «эвэ» как термин «фонема», думается, повлияло монгольское слово «авиа», означающее «шум, звук» и слово «авианзүй», означающее «фонетика» (149, с. 19). Однако калмыцкое «эвэ», на наш взгляд, не имеет никакого отношения к значению «звук», т.к. является результатом стяжения парного слова «э-бээ», понимаемого как «гармония». Например, вот как используется данное слово А.Ш. Кичиковым: «Сул цагин түүк «Боова» болхла, эмтн э-бээдэн орчкшн, таңһч шинрж босад, эдл-ахун болн эрдм-герлин өргжлтэрн ахдү болгч келн-улсас кенэснь чигн тату биш йовх цаг илдкжэнэ» (116, с. 30). «Что касается повести последних лет «Боова», то в ней отражается время, когда народ занял свое постоянное место, заново восстановив свою республику, и по своим хозяйственным, культурно-просветительским показателям развития не уступает никому среди других братских народов».

Из примера ясно, что здесь прежде всего речь идет о «месте, которое занимает или находят», поэтому мы вправе предположить, что само словосочетание «э-бээ» является результатом разрушения парного слова «зээ-бээ», где «зээ» означает «пространство, свободное место» (110, с. 243) и «бээ» означает «веха, мета, цель для стрельбы, место обитания» (110, с. 87). Тогда сочетание «зээ-бээһэн олхы» означает «найти свое место», «зээ-бээдэн орхы» означает «занять свое место», т.е. «быть в гармонии с окружающими». Отсюда возникло и значение «гармония». Однако ни «мелодии», ни «звука» найти здесь невозможно, т.к. для них есть другое калмыцкое слово «айес», означающее «мелодия, мотив, напев» (110, с. 31). Кстати, само слово «айес» является, на наш взгляд, формой множественного числа древнемонгольского слова «айа», развившегося в калмыцком в «ээ», что значит «звук, шум» (110, с. 61).

В словаре также наряду с правильными формами слов часто встречаются формы, искаженные в результате пропуска необходимых звуков или небрежного применения словообразовательных и словоизменительных суффиксов. Например, наряду с «гегэрхе», означавшим «светлеть, рассветать, просвещаться», приводится слово «гегэхе», означающее то же самое, но с пропуском глаголообразующего суффикса «-р» (110, с. 134),

«евэл», означающее «покровительство», сопровождает слово «евэлхе», означающее «собирать деньги во время карточной игры за обслуживание» (110, с. 222), где обнаруживается недостача одного глаголообразующего суффикса «-л», т.е. вместо «евэллхе», что значит «выступать покровителем», написали так, как слышится «евэлхе». Слово «ирмхе», означающее «мигать, подмигивать» (110, с. 273), несомненно является «испорченным» словом «чирмхе», что значит то же самое (110, с. 653). Слово «кевлэ», означающее «живот, утроба» (110, с. 287), безусловно является рудиментарным остатком праформы для слова «кее-ле», что значит «живот, утроба, брюхо» (110, с. 289). Даже стяженное словосочетание «нохадьг», образованное из словосочетания «ноха идег», т.е. «пусть съест собака», находится в словаре и переводится как разговорное «да ладно, пусть» (110, с. 383).

Невнимательное отношение к законам калмыцкого словообразования позволяет некоторым терминотворцам создавать слова, затемняющие их значения. Так, вместо слова «хэрүцэн», означающего «общение, взаимодействие, взаимоотношение» и образованного от глагола «хэрүцхе», что значит «отвечать, общаться, взаимодействовать, перепираться» (110, с. 590), автор статьи придумал слово «хэрлцэн» (110, с. 590) в том же значении и «хэрцэн» в значении «отношение» (110, с. 590), образованные от глагола «хэре», что значит «возвращаться» (110, с. 590). Абсурдность слова «хэрлцэн» состоит в том, что глагол «хэре», будучи возвратным, не может принимать суффикс совместного, содействующего залога. В слове же «хэрцэн» глаголообразующий суффикс «-ц» не может присоединяться к глаголу «хэре», он должен присоединяться к имени существительному «хэрү», что значит «ответ, обратно» (110, с. 590). Тогда получается логически верная цепь: хэрү «ответ» - хэрүце «отвечай, пререкайся, общайся, взаимодействуй» - хэрүцэн «общение, взаимодействие, взаимоотношение».

Таким образом, Э.Ч. Бардаев прав, когда говорит о том, что единственный пока самый объемный словарь, вобравший в себя материалы всех предшествующих словарей, не дает возможности судить о степени развития и богатства калмыцкой лексики. Сегодня много говорится об издании толкового словаря, хотя еще не сделана простая опись лексики художественной, научной и педагогической литературы, лексики средств массовой информации, лексики фольклора и письменных памятников. Отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров, слабая научная база и нехватка финансовых средств для издания уже имеющихся наработок в облас-

ти лексикологии и лексикографии не позволяют в полной мере оценить уровень развития и богатства калмыцкой лексики.

Система калмыцкого словообразования, думается, тоже должна входить в понятие лексического богатства, ибо она дает возможность создавать новые слова и тем самым обогащать словарный фонд языка.

В калмыцком языке существуют все четыре способа словообразования, выделяемые в языкознании: лексико-семантический, лексико-морфологический или, как указано в «Грамматике калмыцкого языка», лексико-морфолого-синтаксический (89, с. 90), лексико-синтаксический или, как указано в вышеназванной грамматике, синтактико-морфологический (89, с. 86) и суффиксальный, который назван в той же грамматике «аффиксальным» (89, с. 70).

Лексико-семантический способ словообразования состоит в том, что образование нового слова происходит в результате семантического развития одного и того же слова по линии многозначности, например, толһа «голова» и «курган» (110, с. 502), хамыр «нос» и «выступ» (110, с. 573), сорул «насос» и «мундштук» (110, с. 456, 463), бурчег «горох» и «дробь для ружья» (110, с. 121), мөңген «серебро» и «деньги» (110, с. 358) и т.д.

Лексико-морфологический способ словообразования или конверсия состоит в том, что в результате переосмысления значения слова оно переходит из одной категории частей речи в другую. «В результате конверсии получают новые слова, - пишет Э.Ч. Бардаев, - разные части речи с различным лексическим значением, хотя по структуре и звучанию они совпадают, т.е. омонимичны» (16, с. 50). Конверсионный способ представлен в калмыцком языке четырьмя видами: субстантивацией, адъективацией, адвербиализацией и глагольно-именной омонимией:

1. Субстантивация или переход в имена существительные из других частей речи происходит:

- от имен прилагательных, например, боры «серый»-«серко» (110, с. 110), халун «горячий»-«жара» (110, с. 570), киитен «холодный»-«холод» (110, с. 299), байен «богатый»-«богач» (110, с. 77), муу «плохой»-«зло» (110, с. 361), сээн «хороший»-«добро» (110, с. 445) и т.д.

- от причастий, например, ирегче «приходящий»-«будущее» (110, с. 272), үүлдегче «действующий»-«глагол» (110, с. 556), атхым «способный зажать, сжимать»-«щипцы» (110, с. 56), хусдыг «скользящий»-«спички» (110, с. 613, 614) и т.д.

- от количественных числительных, например, тавнасы

нурвы хасхла, хойер үлдхе «если от пяти отнять три, останется два» и т.д.

2. Адъективация или переход слов из других частей речи в категорию имен прилагательных происходит:

- от причастий, например, хатмыр-хатмыл «засыхающий» - «сухощавый» (110, с. 583), күүрмег-күүрег «склонный ломаться, ломающийся»-«хрупкий» (110, с. 331), үүрмег «размельчающийся»-«мелкий» (110, с. 558) и т.д.

- от формы совместного падежа имен существительных, например, ухата «с умом»-«умный», сурһульта «с образованием»-«образованный» (110, с. 462) и т.д.

3. Адвербиализация или переход различных форм других частей речи в категорию наречий происходит:

- от имен прилагательных, например, муу күүн «плохой человек» - муу бээнэ «плохо живет», сээн күүн «хороший человек», сээн бээнэ «хорошо живет»;

- от формы орудного падежа имен существительных, например, эне өрүһэр би бахтнав «я люблюсь этим утром», но эне өрүһэр би хэрнэв «этим утром я отправляюсь домой», сөөһэр «ночью», зунар «летом» и т.д.

4. Глагольно-именная омонимия является рудиментом древнего состояния тюркских и монгольских языков, о котором Э.В. Севортян пишет: «Наибольшее развитие и господство способа корневой глагольно-именной омонимии относится к глубокой древности. Не случайно поэтому, что большую часть корневых глагольно-именных омоформ удастся восстановить лишь путем сравнительного или этимологического анализа... Древняя глагольно-именная омонимия в тюркских языках не может рассматриваться как специфически тюркская черта. В более широких масштабах и более регулярно глагольно-именная омонимия как живая, еще действующая система свойственна ряду генеалогических общностей» (200, с. 39). Одной из таких общностей является монгольская, куда входит калмыцкий язык, например, атхы «сжимать в руке, брать горсть чего-либо», «горсть, пригоршня» (110, с. 56), авы «брать, взять, получить», «чары, облава» (110, с. 23, 20), чимке «щипать», «щепотка» (110, с. 651) и т.д.

5. *Лексико-синтаксический способ* или словосложение, которое Т.А. Бертагаев подразделяет на два вида: основосложение и словосложение (33, с. 240), в калмыцкой грамматике подразделяют на четыре вида: парные слова, составные слова, сложные слова и сложносокращенные слова (110, с. 86-87).

В «Грамматике калмыцкого языка» сложные слова начинаются с парных слов:

1. Парные слова, каждое из которых, сохраняя свое исконное значение в отдельности создают одно общее, смежное понятие: ахы-дүү «братья» (110, с. 57), возникшее от соединения ахы «брат» (110, с. 56) и дүү «младший» (110, с. 218), эке-эцке «родители», возникшее от эке «мать» (110, с. 693) и эцке «отец» (110, с. 705), эдел-аху «хозяйство» (110, с. 692), образованное от эdle «пользуйся чем-либо» (110, с. 692) и т.д., аху «имущество, хозяйство» (110, с. 58).

2. Составные слова в отличие от обычных слов не подвергаются слиянию. По характеру синтаксической связи они подразделяются на отдельные группы:

- составные слова, связанные без морфологических показателей, т.е. по принципу примыкания: цаһан өвсен «ковыль», хар һуйер «рожь», хар модын «дуб», сохыр номын «крот», хаш чолун «мрамор» и т.д. (89, с. 88);

- составные слова, первый компонент которых имеет аффиксы совместного или родительного падежа: хамудин чикен «гуж», хамудин салдырһы «супонь», дерин һадыр «наволочка» и т.д. (89, с. 88).

- составные слова, образованные при переводе с других языков путем калькирования: аһар дере «воздушная подушка», зальта зүркен «пламенное сердце», бузыр дээн «грязная война» и т.д. Думается, эта категория слов ближе к понятию словосочетание, чем к понятию сложные слова, т.к. на калмыцкой почве русское «лесоповал» - это сложное слово, а на калмыцкой почве - простое словосочетание «моды белделһен», т.е. «заготовка деревьев».

3. Сложные слова, компоненты которого часто бывают неделимыми, по классификации Т.А. Бертагаева, относятся к категории «основосложения», где компоненты, срациваясь, подвергаются фонетическим и морфологическим изменениям, например: телтер «та сторона, заграница», возникшее из «тере талы», что означает «с той стороны», энтел «эта сторона», возникшее из «эне талы», т.е. «эта сторона», эжго «безлюдный», образованное из «эжин угай», т.е. «без хозяина», невчкен «немного», возникшее из «неге бичкен», «одно маленькое», юңгад «почему?», образованное из «юн гиһэд?», т.е. «что сказав?», эндер «сегодня», образованное из «эне өдер», т.е. «этот день». Часто в таких сложных словах один из компонентов остается без изменения, т.е. заимствуется без изменения, а второй переводится на калмыцкий язык: электрокүчен «электросила», телехэләһэчнер «телезрители», электрокөрә «электропила», автоясвыр «авторемонт», фотозурыг «фотокарточка», полит-

зэнглэче «политинформатор», политкөдлэче «политработник» и т.д.

4. Сложносокращенные слова, хотя их и делят на три группы, можно, думается, ограничить двумя видами:

-основосложения: өцкелдүр «вчера» (110, с. 427), образованный из үчүкен, что значит «маленький» (110, с. 558) и өдер, что значит «день» (33, с. 239), күсдундур «полтора» (110, с. 329), образованный из күцце, что значит «завершенный» (110, с. 332) и дундур «посередине, половина» (110, с. 215). В этот же разряд слов должно было войти и словосочетание «урже өдер», т.к. в живой речи два слова произносятся слитно и имеют одно ударение, но пока в словаре они пишутся раздельно «урже өдер», что значит «позавчера» (110, с. 536);

- сращения глагольных словосочетаний: өрөвдхе «соболезновать, сочувствовать» (110, с. 425), образованное из өре, что значит «грудь, душа, середина, недра» (110, с. 422) и өвдхе, что значит «болеть» (110, с. 409). К этой же группе слов должны, на наш взгляд, относиться все образования с глагольными суффиксами -жана, -чана, -чк, т.к. последние выделяются из сращенных форм соединительного деепричастия на -же, -че и глаголов бээнэ, что значит «есть, имеется» (110, с. 88) и оркхы, что значит «ставить, ложить, класть» (110, с. 402). Служебный глагол настолько стал активно грамматикализировываться, что, кроме «бээнэ», который стал сращиваться даже с разделительным деепричастием: келэдэнэ «постоянно говорит», цокадэнэ «постоянно бьет», йовадэнэ «постоянно ходит» и т.д., в последнее время активизировался глагол «одхы», что значит «идти, отправляться, посещать» (110, с. 393), нарчодхы «выйти» (110, с. 159), үкчодхы «подохнуть, умереть» (110, с. 549), т.е. выражает законченность действия. На пороге сращения стоит и вспомогательный глагол «йовхы», что значит «идти», часто превращаясь в формант - «овхы», выражая продолжительность сиюминутного действия с соединительными деепричастиями: нарчовна «сейчас выходит», келжовна «сейчас говорит», босчовна «сейчас поднимается» и т.д. Таким образом происходит процесс разрушения закона гармонии гласных и сращения слов, где гласные относятся к разным категориям рядности. Однако в современной грамматике, за редким исключением, закон гармонии гласных соблюдается весьма строго там, где по логике и по реальному звучанию нарушение гармонии гласных закономерно, например, суффиксы -жана, -чана тому яркое подтверждение: нарче бээнэ-нарчээнэ-нарчэнэ-нарчана «выходит» и т.д.

Суффиксальный или, как указано в «Грамматике калмыц-

кого языка», морфологический способ словообразования состоит в том, что от одних и тех же основ при помощи различных словообразовательных суффиксов образуются разные слова, например, авы «бери» (110, с. 23), авылһын «принятие, набор, взятка» (110, с. 21), авылһче «взяточник» (110, с. 21), авале «первая жена, первый муж» (110, с. 20) и т.д. При этом для образования тех или иных частей речи используются специальные словообразовательные суффиксы. Наиболее продуктивными и многочисленными считаются суффиксы, образующие имена существительные: -че, -аче, -вче, -л, -лһын, -лһен, -лты, -лте, -выр, -вер, -мже, -дыл, -дел, -дын, -ден, -ан, -эн, -ал, -эл, -але, -ур, -үр, -ул, -үл, -уле, -ар, -эр, -р, -ре, -кер, -мыр, -мер, -сыр, -да, -дә, -мда, -мдә, -а, -э, -у, -ү, -уд, -үд, -ла, -лә, -ха, -хә, -кә, -һы, -һа, -һын, -ген, -н, -ң, -лың, -лең, -ңһу, -ңгү, -г, -м, -мыл, -мул, -це, -цы, -ш, -зы, -зыг, -цыг, -чег, -мыг, -мег, -шег, -же, -жен, -жерһен, -ве, -вы, -тын, -тен, -чуд, -чүд, -ахын, -әхен, -ыхын, -ихен (89, с. 70-86).

Второе место по продуктивности и многочисленности занимают суффиксы, образующие глаголы от основ различных частей речи: -лы, -ле, -ны, -не, -ды, -де, -те, -ты, -ры, -ре, -сы, -се, -рхы, -рхе, -рке, -ше, -ша, -шә, -це, -че, -же, -зе, -жеңне, -тры, -тре, -ады, -әде, -ары, -асы, -әсе, -вкы, -вке, -мсы, -мсе, -мце, -лды, -лде, -шлы, -шле, -члы, -чле, -кры, -кре, -слы, -сле, -а, -ә, -ы, -и, -не (89, с. 178-189).

Сюда, разумеется, вошли не все словообразовательные суффиксы имен и глаголов, да и те, что описаны во многом еще требуют уточнения. Однако уже то, что есть, позволяет говорить о широких возможностях словотворчества в калмыцком языке. Остается лишь уточнить их семантическую специфику, т.е. поработать над отточенностью их семантики.

Синтаксис калмыцкого языка также не намного отстает от высококультурных языков в плане форм выражения мысли. Однако, располагая разными сложными и сложноподчиненными моделями предложений, калмыцкий язык чаще всего использует простые предложения со множеством причастных и деепричастных оборотов, со строгим порядком расположения членов предложений, когда сказуемое всегда стоит в конце предложения, определение предшествует определяемому слову, обстоятельство предшествует сказуемому и подлежащему, дополнение предшествует сказуемому, но не может предшествовать подлежащему, подлежащее всегда предшествует сказуемому и дополнению. Все это весьма подробно описано в работах У.У. Очирова и Г.Ц. Пюрбеева (161, 182, 183).

Таким образом, в плане лексического, морфологического и

синтаксического богатства калмыцкий язык почти ни в чем не уступает самым развитым языкам мира, например, русскому. Относительно же интонации в калмыцком литературном языке ничего вразумительного не говорится, даже так называемая орфоэпия, без которой не может существовать ни один литературный язык, представлена лишь отдельными замечаниями в разделе практической фонетики, описывающей различные просодические процессы (89, 38). Если же исходить из практических наблюдений и замечания Н.О. Очирова относительно торгутского говора в плане интонации, а Ю. Лыткина относительно ойратского говора вообще, то и в плане богатства и выразительности калмыцкой интонации можно быть спокойным. Остается лишь описать ее и ввести в официальный оборот через орфоэпию.

2.1.2. Отточенность семантики лексико-морфологических единиц

В силу того, что большинство слов относится к разряду многозначных, часто установить различие между главным и второстепенным значением в слове бывает очень трудно. Кроме того, в калмыцком языке сосуществуют так называемые фонетические варианты слов, отражающие разные исторические этапы их развития. На этом основании Т.А. Бертагаев выделяет в монгольских языках «фонетический способ образования слов» (33, с. 269). На наш взгляд, указанный способ правомерен лишь в диахроническом плане, способствуя уяснению этимологии слова, уточнению его семантики.

Насколько отточена семантика калмыцких слов. насколько точно передается их значение, можно судить на примере словарных статей «Калмыцко-русского словаря» 1977 года. Например, слово хархы передается «видеть, смотреть, глядеть» (110, с. 581). Значения «смотреть» и «глядеть» действительно являются синонимами, различающимися лишь стилистической окраской: «смотреть» — более официален, «глядеть» — несколько просторечно. Но значение «видеть» связано совершенно с другим понятием и передается другим калмыцким словом «үзхе», которое переводится почему-то снова как «смотреть, увидеть, видеть» (110, с. 574). Это явное неразличение двух разных понятий и значений слов «смотреть» и «видеть». Ведь не случайно говорится: «Смотрю в упор, но не вижу», т.е. «смотреть» - это одно, а «видеть» - это другое.

Синонимы «смотреть» и «глядеть» в калмыцком языке тоже можно разделить: «хархы» более соответствует русскому «смот-

реть», т.к. будучи более древней формой, чаще используется в высоком стиле, а «хэлэхе», будучи более молодой фонетической модификацией предыдущего слова, чаще всего используется в разговорно-бытовом и нейтральном стилях.

Таким образом, при внимательном рассмотрении семантики слов, указанных выше, можно разграничить их семантику следующим образом: хархы-«смотреть», хэлэхе-«глядеть», а үзхе-«видеть». Тогда и производные от этих глаголов: «харцы», переводимый в словаре как «взор», и «хэлэце» с тем же значением (110, с. 581, 589), можно было бы различать: харцы-«смотр. осмотр», а хэлэце «взгляд».

Второй довольно многочисленной группой слов, где двусмысленность рождается из-за соседства фонетических соответствий или стяженных и нестяженных форм слова, можно было бы не заниматься, если бы все руководствовались едиными нормами отбора слов, помещаемых в двуязычные, толковые и этимологические словари по разным обоснованным критериям. Наличие всех фонетических вариантов слов, думается, было бы полезно в словаре «этимологическом» и отчасти в «толковом». В двуязычных же словарях не должно быть места ни диалектным, ни фонетическим, ни историческим вариантам слов. Здесь должно быть лишь то, что отобрано с позиций целесообразности.

Третья группа слов не столь многочисленна, как вторая, но она отражает вредную тенденцию «безоглядного заимствования» у соседа готовых терминов, дублирующих собственные слова.

В «Калмыцко-русском словаре» наряду со словом «эмдрел», что значит «жизнь, существование, бытие» (110, с. 65), приводится слово «жирһел», что так же означает «жизнь, счастье, блаженство, наслаждение» (110, с. 230), и «бээдел-жирһел» со значением «жизнь» (110, с. 88). Здесь настораживает непонимание значения слова «жизнь». В первом слове значения «жизнь, существование, бытие» подается как синонимы. Во втором слове значения «жизнь, блаженство, счастье» так же считаются синонимами. В третьем же слове уже одно значение «жизнь» передается двумя словами. Почему?

На наш взгляд, все дело в том, о чьей «жизни» идет речь. Если речь идет о жизни человека, то это несомненно «жирһел», т.е. «жизнь как блаженство, дарованное свыше создателем», если же речь идет о жизни нечеловека, т.е. скотины, природы и прочего, то это уже «бээдел», т.е. «существование, бытие». Поэтому третье парное слово «бээдел-жирһел» означает обобщенное понятие «жизнь человека и всего прочего», т.е. прибли-

жается к русскому значению слова «жизнь». О разграничении понятий «человек» и «не человек», хотя и одушевленный, говорит тот факт, что в грамматике только в отношении к человеку ставится вопрос «кто?». В отношении же животных и неодушевленных предметов ставится вопрос «что?». Кроме того, нельзя забывать свидетельство китайских рабов, объяснявших свое бегство к предкам калмыков — хуннам тем, что у хуннов «сама жизнь означает «веселье, блаженство». Это подтверждается и философской пословицей: «Жирһел уга зовлың уга, зовлың уга жирһел уга», что примерно означает «Без блаженства нет страданий, без страданий нет жизни», которое, видимо, первоначально звучало несколько иначе: «Жирһлең уга зовлың уга, зовлың уга жирһел уга». Просто слово «жирһлең», означающее «блаженство», (110, с. 230) было ошибочно заменено словом «жирһел». Тогда пословица получает чисто буддийское звучание «Без жизни нет страданий, без страданий нет жизни».

Слово «бәәдел», означающее «состояние, положение, обстановка, ситуация, вид, наружность, жизнь, быт» (110, с. 87), скорее всего связано с понятием «существование», т.е. с жизнью нелюдей, не человека, т.к. является производным от глагола «бәәхе», что значит «быть, находиться, стать, существовать» (110, с. 89-90).

Слово «эмдрел», означающее «жизнь, существование, бытие» (110, с. 65), на наш взгляд, явление искусственное, т.к. его основа «эмдерхе», что значит «оживать, воскресать», при получении имяобразующего суффикса -л должно было образовать слово, обозначающее либо процесс, либо результат действия, отраженного в основе, т.е. значение «оживание» или «воскрешение». Трудно представить, чтобы жизнь калмыка состояла из ежедневного «воскрешения и оживания из мертвых», т.к. «жить» для калмыка значит «двигаться, шевелиться, наслаждаться, быть счастливым, преодолевая страдания». Но если суждено будет умереть, то расставаться с жизнью без сожаленья. И действительно, слово «амьдрал», означающее «жизнь, существование, воскрешение, оживление» обнаруживаем в халха-монгольском языке (149, с. 37). Так, бездумное заимствование слова «эмдрел» из родственного языка нарушило систему семантических взаимосвязей слов в калмыцком языке и систему понятий. Находясь во власти речевой стихии, наши лексикографы наряду с глаголом «эмдерхе», что значит «оживать, воскресать», в том же значении приводят слово «эмелхе» (110, с. 66), «эмрелхе» (110, с. 67). Наличие же существительного «эмрел» (110, с. 66) предполагает наличие еще и глагола «эмерхе» в смыс-

ле «оживать». Не слишком ли много воскрешений? Действительно, и в калмыцком, и в халха-монгольском значение «живой» передается одним словом «амьд» (149, с. 37) и «эмде» (110, с. 65), следовательно, все значения «оживания» должны иметь в основе это слово. Остальные формы - это скорее всего лишь ослонки глагола «амидара-амьдара» или «эмдре-эмдерхе».

Итак, если семантическая отточенность в области лексики может быть достигнута разъяснениями, пропагандой и точностью словарей, то семантическая отточенность словообразовательных суффиксов невозможна без учета исторических традиций и грамматической природы суффиксов, без нормативного регулирования их употребления по стилям. Рассмотрим некоторые из них.

Отточенность семантики словообразовательных суффиксов в калмыцком языке является одной из важнейших проблем не только теории, но и практики. Наличие более полусотни суффиксов, участвующих только в образовании имен существительных, безусловно, можно считать признаком их избыточности, т.к. многие из них обладают схожими значениями. «Несоответствие между потенцией языка и его семантическим наполнением явилось основой возникновения избыточных вначале, но нужных впоследствии аффиксов, - пишет по этому поводу Т.А. Бертагаев (33, с. 127), - немалую роль играла в возникновении однородных и однозначных аффиксов разделенность языка на говоры и диалекты, возможность их обособленного словотворчества и создания аффиксов, впоследствии интегрированных посредством переноса из диалекта в диалект». Кроме того, Т.А. Бертагаев указывает как на стилистический, так и на исторический факторы, влияющие на образование множества недифференцированных, однозначных словообразовательных суффиксов. При этом надо учитывать, что по своей природе часто одни и те же суффиксы выступают словопроизводящими в разных частях речи, например, многие суффиксы, производящие имена существительные, являются суффиксами причастий, превратившихся в имена прилагательные: -м, -мг, -мр, -мл, -сн, -дг, -ч. Например, атхым «возможное схватить, хватаемое, щипцы» (110, с. 56), үүрмег «крошащийся, мелкий, крупинка» (110, с. 557), хатмыр «склонный засыхать, сухощавый», хатхмыр «вышитый, вышивка» (110, с. 583, 584), эцсен «похудевший, худой» (110, с. 705), боодыг «связывающий, связка, сноп, плотина, водохранилище» (110, с. 109), хулхаче «крадущий, вор» (110, с. 609) и т.д. Впервые этимологическую и функциональную характеристику некоторых словообразовательных суффиксов дал Т.А. Бертагаев в своей книге «Лексика совре-

менных монгольских литературных языков» (33, с. 133-237). Было бы полезно провести подобное исследование и в отношении калмыцких словообразовательных суффиксов. Тогда можно было бы избежать такого явления, когда одно и то же значение передается различными формами слов, например, глагол «йилһхе», что значит «различать, отличать, разделять, обособлять, сортировать, выяснять, разбирать» (110, с. 277), образует «йилһән», что значит «отличие, дискриминация», «йилһвер», что значит «различие, отличие, разница, разбор», «йилһел», что значит «различие, отличие, разница», «йилһелһен», что значит «разделение, разграничение, сортировка, разбор», «йилһелте», что значит «классификация», «йилһце», что значит «особенность» (110, с. 277). Так три разных суффикса: -эн, -вер, -л образуют три слова, где общим является значение «отличие». Это, думается, не свидетельствует об отточенности семантики указанных суффиксов, хотя различия между ними обнаружить можно. Например, суффикс -эн, -ан образует отглагольные имена существительные со значением абстрактного состояния процесса действия: шуугы «шуми»-шууган «шум», бооцы «договаривайся»-бооцан «договор, соглашение», үүме «волнуйся, смущайся»- үүмэн «волнение, смута». Только в редких случаях производные этого суффикса получают значение объекта действия, заключенного в корне: тэре «сей»-тэрэн «сев, посев», иде «кушай, ешь»-идэн «еда, пища». С этимологической точки зрения данный суффикс, на наш взгляд, является рудиментом, суффикса древнего причастия на -ган, -ген, сохранившегося в таких словах как йовһын, что значит «идущий, пеший», болһын «становящийся», унһын «падающий», торһын «прочный, крепкий, удерживающий, т.е. шелк». Сегодня этому причастию соответствует суффикс -гче и отчасти -сын, -сен. Суффикс -л образует имена существительные с теми же значениями, но с добавлением результата действия: үлде «оставайся» - үлдел «остаток», үке «умри, подохни»- үкел «смерть». Кроме того, суффикс -л весьма архаичен и малопродуктивен в современном словообразовании, хотя регулярен при отрицательной частице -го: үзе «видь», үзелго «не видя», һары «выходи», һарылго «не выходя». Суффикс же -выр, -вер сегодня очень продуктивен и по своему значению близок с предыдущим суффиксом -л, но дополнительно его производные могут выступать субъектами действия, названного в корне: һарды «руководи», һардыр «руководство, правительство». В этимологическом плане -выр, -вер представляется нам показателем какого-то древнего причастия со значением «способный», перешедшим затем в показатель -мыр, -мер. Об этом свидетельствуют

такие слова, как «ула», что значит «красней» и улавыр, что значит «красноватый, краснеющий», «шаа», что значит «втыкай» и «шаавыр», что значит «втыкаемое, кол». В этой ситуации, кажется, было бы разумно ограничить употребление вышеназванных суффиксов соответствующими рамками: -ан, -эн употреблять со значением *абстрактного состояния*, например: шуугы «шуми», шууган «шум» в официально-деловом, высоком стиле; -л употреблять со значением объекта действия, например: саны «думай», саньл «дума», йөрэ «желай благо», йөрэл «благопожелание» также в высоком стиле, а -выр, -вер употреблять в нейтральном стиле со значением результата действия, например, дииле «победи», диилвер «победа», ашлы «делай итог», ашелвыр «заклучение, резюме, вывод».

Разумеется, это лишь благие пожелания, решающее же слово за практикой. Но стремление как-то упорядочить употребление словообразовательных суффиксов благотворно сказалось бы на культуре речи и языка. Опыт же такой специализации в калмыцком языке уже имеется, например, -ур, -үр, -ул, -үл закрепили за собой функцию образования имен существительных со значением орудия действия, в результате чего созданы весьма удачные неологизмы типа «бичүр», что значит «ручка для письма», «биллүр», что значит «стирательная резинка» и т.д.

Весьма явственно выделяется суффикс -мже, пытаясь соответствовать русскому суффиксу -ость: болһа «будь осторожен»-болһамже «осторожность», багта «вмещай» - багтамже «вместимость», чады «сумей»-чадымже «умение, умелость», кергле «требуй»-керглемже «потребность» и т.д.

К числу специализированных суффиксов, образующих имена существительные от именных и глагольных основ со значением деятеля или профессии человека, занимающегося тем, что указано в производящей основе, относятся суффиксы -че: мөрэн «лошадь, конь»- мөрче «коневод», хөөн «овца»- хөөче «овцевод», толһа «голова»-толһаче «главный, глава» и т.д., -аче, -эче: биче «пиши»-бичэче «писатель», һарды «руководи»-һардаче «руководитель», шалһы «разбирай, критикуй»-шалһаче «критик» и т.д.

Суффикс -вче также имеет свою определенность, образуя от именных основ имена существительные, означающие нечто, что служит покрытием того, что обозначено в производящей основе: тоха «локоть»-тохавче «налокотник», нүден «глаз»- нүдевче «шоры, наглазники», далы «лопатка»-далывче «наплечник», хурһын «палец, перст»-хурһывче «наперсток», күзүн «шея»-күзүвче «ошейник» и т.д. Вместе с тем надо заметить, что по-

пытка авторов «Грамматики калмыцкого языка» образовать неологизм «салькывче» в значении «форточка» от имени «салькын», что значит «ветер», не может считаться удачной, т.к. не отвечает главному требованию: «означать то, что служит покрытием». Форточка не является предметом, закрывающим, покрывающим ветер, скорее всего, наоборот, является приспособлением, служащим улавливать свежий воздух (89, с. 72).

Только строгое и последовательное использование словообразовательных суффиксов с учетом их основных смысловых и стилистических оттенков позволит повысить уровень их дифференциации и отточенности семантики, чего, к сожалению, пока еще в калмыцком словообразовании не наблюдается. Это возможно, на наш взгляд, только при повышении общего уровня культуры калмыцкой письменной речи, способной нейтрализовать необузданную стихию просодических изменений устной речи. Рассмотрим их ближе.

2.2. О культуре калмыцкой речи

Говоря о культуре речи, мы исходим из определения, данного Б.Н. Головиным: «Культура речи — это ... совокупность и система ее коммуникативных качеств: правильность, точность, чистота, логичность, богатство, выразительность и уместность, а совершенство каждого из них будет находиться в зависимости от разных условий, в число которых войдут и *культура языка, и незатрудненность речевой деятельности, и смысловые задания, и возможности текста.*

Чем богаче система языка, тем больше возможностей варьировать речевые структуры, обеспечивая наилучшие условия коммуникативного речевого воздействия. Чем обширнее и свободнее речевые навыки человека, тем лучше, при прочих равных условиях, он «отделывает» свою речь, ее коммуникативные качества... Чем богаче и сложнее смысловые задания текста, тем большие требования он предъявляет к речи, и, откликаясь на эти требования, речь приобретает большую сложность, гибкость и многообразие» (85, с. 14).

Прежде, чем перейти к анализу коммуникативных качеств калмыцкой речи, думается, будет полезным рассмотреть те условия, от которых зависит их совершенство, т.е. культуру языка, незатрудненность речевой деятельности, смысловые задания и возможности калмыцкого текста. В силу того, что культуру калмыцкого языка мы отчасти уже рассмотрели, остановимся на анализе последующих трех проблем.

2.2.1. Степень незатрудненности речевой деятельности

Речь любого языка, как известно, подразделяется на устную и письменную. Калмыцкий язык, будучи одним из подразделений монгольских языков, на различных этапах своего развития пользовался разными системами письма. Однако реальные письменные памятники калмыцкого языка относятся к сравнительно позднему времени, т.е. к концу XVII-го, началу XVIII века, когда с появлением Калмыцкого ханства в составе России возникла потребность в письменной речи. Основная же функция калмыцкого языка осуществлялась в форме устной речи. Поэтому в ней более всего отразились фонетические процессы просодического характера: стяжение слов, образование долгих гласных, редукция гласных непервых слогов, переход заднерядных гласных в переднерядные под воздействием соседствующего гласного «и», образование особой гласной переднего ряда, среднего подъема, широкого раствора «э» и т.д. Думается, и так называемые диалектные различия в калмыцком языке обусловлены разной степенью воздействия универсального закона «языковой лени» или «экономии речевых усилий». Вот почему, на наш взгляд, формирование единых норм литературного языка, орфографии и орфоэпии протекало в мучительной борьбе и до сего дня не получило научно обоснованных критериев.

Современная калмыцкая орфография — это наглядный пример нарушения закона о степени незатрудненности речевой деятельности. Уже то, что со времени перехода калмыцкого языка на русскую графику в 1925 году до настоящего дня было совершено 11 попыток ее реформирования с целью приближения письменной речи к устной, свидетельствует о ее неблагополучии.

Одной из главных проблем калмыцкой орфографии была и остается проблема обозначения долгих гласных в односложных словах и долгих и редуцированных или «неясных» гласных в непервых слогах калмыцких слов. Современное написание типа «көглжрһн», что значит «голубь» или «көдлмшчһртмдн», что значит «нашим рабочим» никого не устраивает, т.к. не позволяет использовать слоговой метод при обучении калмыцкому языку на начальном этапе, не дает возможности расставить ударения слов, обозначить беглость редуцированных гласных и т.д. Что же мешает решить эти проблемы? На наш взгляд, во-первых, отсутствие точного представления о фонетической системе гласных калмыцкого языка

ка, во-вторых, неразличение понятий «звука-фонемы» и «буквы», которой она обозначается, в-третьих, нежелание признать факт «беглости» редуцированных гласных. Все это было ярко продемонстрировано при последней попытке реформирования калмыцкой орфографии в 1998 году. Что положительного было в ней?

Наконец-то были определены буквы, которыми должны были обозначаться редуцированные гласные: «ы»-для заднерядных, «е»-для переднерядных. Об этом, как известно, А. Бобровников писал: «Сжатое произношение гласных в конце слова нужно наблюдать особенно для различения гласных долгих от коротких. Потому-то, если мы слова произносим «эзеен, модоон», то это будет значить «своего господина», «свое дерево». Примечание. В примерах гласные, подлежащие сжатию, будут обозначаться таким образом: а-краткое, э-краткое и пр. Беглое произношение, а в разговоре выбрасывание гласных бывает в коротких средних слогах, когда перед гласною и после нее до ближайших гласных находится только по одной согласной: тамага-тамга «печатъ», толгой-толгой «голова», өбөгөн-өбгөн «старик», аруда-арда «позади», өрөкө-өркө «отверстие на верху кибитки». Если выбрасывается гласная «и», согласные буквы удерживают свое мягкое произношение: халиху «летать»-хальху, хаалиху «плавиться»-хаальху, алибулаху-альбулху «шалить» (40, с. 36).

Здесь уже имеется указание на «краткое а», которое, теряя широту раствора при редукции, превращается в «ы», т.к. калмыцкое «ы», в отличие от русского «ы», является гласной нижнего подъема и противопоставляется гласной «а» по узости раствора, а гласной «и» по рядности языка. Потому-то русское «мы» калмыки произносят почти как «ми». Именно различие лишь по рядности позволило древнемонгольским писарям обозначать их одной буквой «и», которая в заднерядной огласовке звучала как «ы», а в переднерядной как «и». Именно это обстоятельство позволяло и позволяет падежные формы родительного и винительного падежей обозначать через «и»: -ин, -иг, например: һарин «руки» и һариг «руку». Только в 1972 году Д.А. Павлов по совершенно надуманной причине после четырех букв: «л», «н», «д», «т» ввел в употребление в названных формах и глаголах кулых «смотреть косо» (110, с. 321), һалых «смотреть, широко раскрыв глаза» букву «ы».

У А. Бобровникова, как мы видели ранее, есть и указания по «беглости» гласных. Данное правило можно сформулировать еще короче: *любая редуцированная гласная исчезает, если ее от последующей гласной отделяет лишь одна согласная, на-*

пример: хальмыг «калмык», но халемгин «калмыка», көделмеш «работа», но көдлешэр «работой». В последнем случае идет передвижка первой редуцированной гласной к концу, чтобы между ней и соседними гласными было не менее двух согласных звуков. Редко их может отделять три согласные: ясруллһын «улучшение», еще реже и только при соседстве гоморганных согласных допускается стечение четырех согласных: ясруллһна «улучшения», марттха «пусть забудет» и т.д. Так на практике мы видим действие диалектического закона «единства и борьбы противоположностей», т.е. действие закона «экономии речевых усилий», требующего выпадения и редукции гласных, сокращения количества слогов, и закона «сохранения смысловых различительных функций», требующего максимально сохранить, если не гласные, то хотя бы согласные звуки слова. Засилие первого закона приводит к образованию форм типа: кемжэнэ? «Кто знает?», а засилие второго закона приводит к образованию форм типа: кен медже бээнэ? В гармонии же они должны дать форму типа: кен меджэнэ? Поэтому принцип целесообразности, вводимый в понятие нормы, является важнейшим критерием в деле совершенствования уровня культуры речи и языка.

Думается, игнорирование этого принципа как при установлении норм литературного языка, так и норм орфографии не позволило избежать многих противоречий. Например, в свое время Б.Б. Бадмаев выдвинул лозунг ориентироваться не на какой-либо диалект в признании той или иной формы литературной, а принцип «близости к исторической основе». Это было наиболее целесообразным решением в той ситуации. Теперь надо было с этих же позиций подойти к нормам орфографии. Но этого не произошло. Дербетизация литературных норм привела к отрыву и отчуждению литературного языка от основной массы носителей и к анархии в плане нормирования, а ориентация современных реформаторов орфографии на язык Зая-пандитской письменности, существовавшей около 400 лет назад, привела к отказу от самой идеи реформирования современной калмыцкой «самой уродливой», по выражению Н.С. Трубецкого, орфографии, где на одну гласную приходится 11 согласных: көглжрһндмдн «нашему голубю» или 12 согласных: көдлмшчнртмдн «нашим рабочим», предложив нечто обратное, например, ясырулылһына «улучшения» вместо ясруллһна, халымыг «калмык» вместо хальмыг и т.д.

Путаница с восстановлением долготы в винительном и родительном падеже с формами -ыын, -иин, -ыыге, -ииге, привлечение для обозначения редуцированной гласной переднего

ряда в словах с заднерядной огласовкой после мягких согласных: ж, ч, ль, нь, дь, ть, й гласной «и», являющейся полногласной: толи «словарь», сули «овес», халимаг «калмык», болжи «будучи», ачи «внук» и т.д., когда гласная «и», потеряв подъем в результате редукции давно превратилась в «э», точнее «е», попытка вслед за бурятами и халха-монголами обозначать «э» в непервой позиции через «э», тогда как по русской и калмыцкой традиции в непервых слогах и в неначальной позиции все привыкли писать и видеть «е», обозначение редуцированных гласных там, где по закону должны быть полногласные «а» и «э», например, в окончаниях глаголов недавно прошедшего времени -ва, -вэ, в формах желательного наклонения первого лица -йа, йэ, например, һарва «вышел», келвэ «сказал», һарйа «выйдем-ка», келйэ «скажем-ка» и т.д. — не позволило получить поддержку у населения и большинства ученых и педагогов. Даже явный «ляпсус» с формой дательного падежа от личного местоимения первого лица единственного числа «нанды» вместо «намды», что значит «мне», остался в неизменном виде. Причиной тому, думается, была не только поспешность и авральный характер работ по реформированию, но и недостаточная общая научная подготовленность многих вопросов, особенно по «беглости гласных», закрытость и нетерпимость к инакомыслию в среде реформаторов. Отсюда и печальный конец: реформы свернуты, финансирование, которое и без того было скудным, прекращено, а внимание руководства республики переключено на другие проблемы. Следовательно, сама идея реформирования орфографии, если не похоронена совсем, то отодвинута на долгие годы в необозримое будущее. Одно радует, что ведущие ученые университета под руководством ученых из Москвы не сложили руки и продолжают работу над новой академической грамматикой, над проектом новой орфографии и орфоэпии.

Как известно, отрицательный результат - тоже результат. Одно ясно, что современная орфография не соответствует требованиям культуры речи, где незатрудненность играет важную роль. Следовательно, рано или поздно нам придется ее реформировать с учетом всего положительного, что накоплено за все прошлые годы. Среди прочего уже сегодня можно считать находкой решение не обозначать долгие гласные в непервых слогах, т.к. они не играют фонематической роли. Их долгота должна проявляться только на уровне орфоэпии соответственно правилу: все нормальные гласные непервых слогов читаются долго, если их несколько, то долго читается лишь первая из них, например, слово «хулхаче» «вор» должно чи-

таться «хулхааче», а «харада» - «ласточка» - «хараада» т.к. в слове должна быть лишь одна долгая гласная.

Современная калмыцкая орфоэпия еще находится на уровне разработки. Основными причинами, вызывающими затруднения при определении орфоэпических норм, по мнению профессора Д.А. Павлова, являются: во-первых, расхождения в речи калмыков, отражающие особенности диалектов и говоров современного калмыцкого языка, во-вторых, орфография, значительно отличающаяся от живой речи, в третьих, структура калмыцкого слова без обозначения на письме редуцированных гласных (167, с. 199). Более того, по мнению профессора Д.А. Павлова, ударение, которое в калмыцком языке наряду с гармонией гласных служит как бы одним из признаков, определяющих границы слова в общем потоке речи, «является наименее изученным» (167, с. 187). Пытаясь как бы примирить два исключаящих друг друга мнения: мнение А. Бобровникова о том, что калмыцкое ударение падает на последний слог, и мнение Б.Я. Владимирцова о том, что ударение в монгольских языках падает на первый слог, Д.А. Павлов после рассуждения о том, что «категорию ударения нельзя представлять только в чистом виде, что это единство разнохарактерных явлений при главенствующем значении силового ударения», систему калмыцкого ударения характеризует следующим образом:

1. Ударение падает на первый слог слова:

- при наличии кратких гласных в первом слоге и неясных гласных во всех последующих слогах: ахы «старший брат», келхе «говорить», кехе «делать», сурһыхы «учить», цасын «снег», кевес «ковер» и т.д.

- при наличии долгих гласных в первом слоге независимо от характера гласных в последующих слогах: цаасын «бумага», деевер «крыша», хүүрэ «сухой», суулһы «ведро», уухы «пить» и т.д. (167, с. 189). Вместе с тем профессор уловил, но не понял природу такого явления, как большая длительность редуцированных гласных в конечной позиции, которая порой «длиннее любых других кратких гласных первого слога» (167, с. 53). «Так, в слове ахы «брат» краткий гласный «а» составляет 80 мс, а редуцированный 110 мс, в слове бичек «письмо» краткий «и» составляет 75 мс, а редуцированный - 90 мс», - пишет Д.А. Павлов. Следовательно, в слове ахы «брат» редуцированный гласный не длиннее краткого гласного, а интенсивнее, иначе он не был бы редуцированным.

2. Ударение падает на последний слог слова:

- в двусложных словах с кратким гласным в первом и полногласным - во всех остальных — ясные гласные: хараада «ла-

сточка», нөкээдүр «послезавтра», кезээнэ «давно», өмээрэн «вперед» и т.д.

- в многосложных словах с полногласными в последнем и редуцированными гласными в предшествующих слогах слова (видимо, надо понимать: кроме первого - П.Д.): килемһэ «заботливый», бүтөнһү «замкнутый» и т.д.

3. Ударение падает на предпоследний слог слова:

- в многосложных словах, в которых первый слог с краткой, а последний с неясной гласной: бүркээсен «крышка», хатаахы «сушить», шораады «в пыли», дарууку «следующий» и т.д.

- в сложнокрашенных словах с ясными гласными, где на стыке морфем соединяющиеся морфемы имели долгую гласную или восходили к ней: унтжаана «спит» (из унтже бээнэ), меджээнэ «знает» (из медже бээнэ) и т.д.

- в сложнокрашенных словах при наличии слогов с редуцированными гласными или слогаобразующими согласными в конечной позиции слова: келжээтен «продолжайте говорить», унтжаахыш «не спит», меджээхеч «знаешь», но при наличии долгих гласных в первом слоге ударение остается на первом слоге, а второстепенные — на предпоследнем: саатулгдыжана (саатулыгдыжана - П.Д.) «убаюкивается», буулһыжана (буулһжана - П.Д.) «разгружает» и т.д.

4. Ударение падает на любой *непервый* слог слова с ясным гласным при наличии неясных гласных во всех остальных непервых слогах многосложного слова: эрээтерхе «рябить», угаальгдыхы (угаалегдыхы - П.Д.) «ощущать отсутствие», халцхалыгче «бреющий», (делающий лысым - П.Д.) и т.д.

5. При наращении лично-предикативных, желательных или вопросительных частиц ударение *переходит на последний слог слова*, если гласный первого слога является кратким: келич «скажи», келит «скажите», йовлу? «уехал?», йовса «хочу пойти» и т.д. При наличии долгих гласных в первом слоге ударение сохраняется на этом слоге: күүний? (күүний? - П.Д.) «человек ли?», теермий? (тееремий? - П.Д.) «мельница ли?», суужану? «сидит ли?» (167, с. 190-191).

Таким образом, Д.А. Павлов, хотя и отрицает тождество между ударением и длительностью, но утверждением того, что «ударные гласные калмыцкого языка отличаются от неударных не только силой звучания, но и длительностью», (167, с. 194), противоречит самому себе и ударение не отличает от долготы. Поэтому у него «ударение может падать на первый, последний и предпоследний слоги». Более того, им непонято высказывание Л.Р. Зиндер о том, что «в языке со связанным ударением при наличии развитой флексии или агглютинации уда-

рение будет неизбежно подвижным». «Подвижность ударения» по месту в конкретном слове и его постоянство в позиционном плане так и не были поняты профессором, хотя он и говорит: «Ударение в калмыцком языке, в отличие от русского, является фиксированным, т.е. связанным, позиционно определенно-местным». И тут же добавляет: «Однако в калмыцком языке допускается некоторая подвижность ударения, например, така «курица»-такатаады (такаатады - П.Д.), «имеющему курицу», т.е. фиксирует снова долготу, а не «передвижение» ударения на конец слова. Отсюда, видимо, и его калмыцкий термин «ударлт», означающий скорее «долготу», чем «ударение», т.к. «удаархы» означает «длиться, продолжаться, замедляться, запаздывать» (110, с. 528). «При этом указанные выше позиции, на которые приходится ударный слог, строго соблюдаются. В этом отношении мы имеем твердо установившуюся норму, соблюдение которой отвечает орфоэпическим требованиям калмыцкого литературного языка», - заключает свой рассуждения Д.А. Павлов (167, с. 191). При таком запутанном определении одного из важнейших компонентов калмыцкой орфоэпии, думается, трудно было рассчитывать на высокое качество произносительных норм.

Следующим также не менее важным элементом калмыцкой орфоэпии является интонация. «Интонация — это ритмико-мелодический рисунок речи создаваемый повышением и понижением тона, ускорением или замедлением темпа речи, паузами, изменением *тембра речи*, а в калмыцком языке еще изменением длительности гласных, *усилением ударения* и другими фонетическими средствами», - пишет Д.А. Павлов (167, с. 195). В этом достаточно верном определении несколько настаивает словосочетание «*тембр речи*». Тембр, являясь определенной окраской голоса, служит лишь выразительности речи и не может изменять саму речь. Здесь либо описка, либо непонимание. Рассмотрим далее. Выделяются четыре типа интонации:

1. Завершенный: ^
2. Завершенный с выделением: ~
3. Вопросительный: ~
4. Незавершенный: ~

1. *Высказывание с завершенной интонацией* в калмыцком языке, как и в большинстве языков, характеризуется восходяще-нисходящим движением тона, т.е. «мелодикой». Движение интенсивности во фразе имеет понижающийся характер. Это, видимо, надо понимать как ослабление силы голоса. По данным Д.А. Павлова и Т.С. Есеновой, «интенсивность в слове

носит не понижающийся, а повышающийся характер» (167, с. 196). Длительность звуков в конце предложения больше, чем длительность звуков в начале.

2. *Интонация выделенности* создается, как правило, усилением частоты основного тона, т.е. повышением голоса «длительности», т.е. долготы и «интенсивности», т.е. силы голоса или громкости. Мелодический рисунок этого типа интонации имеет нисходящий рисунок: длительность гласного выделенного слова резко увеличивается, максимум интенсивности также приходится на гласный выделенного слова. Динамическая кривая фразы, таким образом, зависит от положения выделенного слова во фразе и может иметь тенденцию повышения к концу, если выделенное слово занимает финальную позицию в предложении. Частота основного тона также повышается на гласном выделенного слова, однако повышение бывает незначительным.

3. *Мелодическая кривая вопросительной интонации* зависит от оформления вопроса. Калмыцкий язык располагает тремя способами оформления вопроса: вопрос с вопросительным словом, вопрос с различными вопросительными аффиксами и *собственно вопрос без специальных показателей вопросительности, кроме интонации*. (Последнего способа вопроса без показателей вопросительности в калмыцком языке не существует. Однако рассмотрим, что пишут авторы далее -П.Д.). «*Собственно вопрос* характеризуется общим восходящим рисунком: ~, в отличие от предложения с вопросительным словом, для которого возможны как восходящие линии, так и восходяще-нисходящие: ~, также нисходящие: ~. В вопросительных предложениях с вопросительными словами максимум частоты приходится, как правило, на один из гласных, чаще на последний, в многосложных вопросительных словах. Дальнейшее движение - ровно нисходящее. Акцентная кривая во всех типах вопроса понижающаяся. Эффект вопросительности создается за счет резкого подъема тона на гласном вопросительного аффикса.

4. *Мелодическая кривая при незавершенности* близка к мелодической кривой частного вопроса. Однако в отличие от вопросительной мелодики начало более низкое, и общий рисунок движения тона имеет восходяще-нисходящий характер с преобладанием восходящей ветви: ~. Относительная длительность гласных короче, чем при завершенности с выделением и без выделения (167, с. 196-198). Примечательно здесь то, что под видом интонации рассматриваются лишь мелодика, т.е. движение голоса на повышение или понижение тона, и силы -

на громкость или тихость голоса. Здесь ничего не говорится о темпо- ритме, хотя в ней содержится одно из диалектных различий, о паузах, о логическом ударении, не говоря уже о тембре голоса, влияющем на выразительность речи. Но даже то немногое, что сказано, не получило удобоваримого оформления. В сущности вся современная орфоэпия ограничивается так называемой «практической фонетикой», где отражаются фонетические процессы ассимиляции, диссимиляции, метатезы и опрощения, возникающие в процессе живой речи. Вместе с тем можно констатировать, что для написания современной калмыцкой орфографии и орфоэпии есть все необходимое, но для этого надо лишь устранить те препятствия, во многом рукотворные, о которых говорил Д.А. Павлов: во-первых, при диалектных фонетических различиях надо считать литературными те формы, которые наиболее близки к исторической основе, как это было предложено еще Б.Б. Бадмаевым в начальный период формирования литературных норм. Это будет способствовать нейтрализации действия «закона экономии речевых усилий», ведущего к чрезмерной редукции гласных, «ослаблению» или выпадению согласных, к чрезмерному сращению словосочетаний, ведущих к образованию «темных» слов типа «нохадътха» из «ноха идтхэ», что значит «пусть его собака съест», или «муульта» из муу үүлтэ, что значит «с плохим делом» и т.д. Тогда такие слова, как «хөве» - «доля, счастье», введенное в литературный язык наряду с «хүве», өмсхе «одеваться», введенное в литературный язык вместо исконного «үмсхе», дэкэд «опять, снова», введенное в литературный язык вместо закономерного «дакад», не будут разрушать литературные нормы орфоэпии. Во-вторых, в морфологическом плане необходимо использование:

- полногласных окончаний глагола недавно прошедшего времени -ва, -вэ, восходящих исторически к -бай, -бей: харубай-харва «вышел», келебей-келвэ «сказал» и т.д.

- полногласных окончаний глагола желательного наклонения -йа, -йэ, встречающихся в ойратской и старомонгольской письменности, вместо превратившихся в закрытый слог -ий, -й, т.к. последние способствуют редукции предшествующих долгих гласных и разрушают основу: сууйа «сядем-ка», но «суй», бээйэ «будем-ка», но «бэй», хотя было бы закономерно: харуйа-харйа «выйдем-ка», келейе-келйэ «скажем-ка» и т.д.;

- использование полногласных вопросительных части -йу, -йү, выступающих в виде открытых слогов, тогда как используемые сегодня частицы -ий, -й не только разрушают долготу гласного основы: сууйу? «сядем ли?»-суй?, бээйү? «будем ли?»-бэй? и т.д., но и делает вопрос невыразительным: харйу? «вый-

дем ли?», но һарий?, келйү? «скажем ли?», но келий?, где конечная «й» почти исчезает и превращает слово в нечто, подобное глаголу повелительного наклонения без вопросительной частицы. Видимо, отсюда и утверждение, встретившееся выше, будто есть в калмыцком языке «собственно вопрос без специальных показателей вопросительности, кроме интонации». Конечные гласные вопросительных частиц -йү, -йү, будучи самыми узкими, напряженными гласными верхнего подъема, более всего подходят для выражения «эффекта вопросительности»;

- в форме дательного падежа личного местоимения первого лица единственного числа основы «нам-ды», что значит «мне», вместо просторечной формы нан-ды, подвергшейся воздействию прогрессивной ассимиляции, т.к. в винительном падеже все говорят нам-агы, т.е. общим элементом становится основа нам;

- наречных форм, образованных от показателей орудного падежа -ар, -эр и показателей направительного падежа -ур, -үр, в их исконном значении: хаалһар «по дороге», но хаалһур «к дороге», деерэһар «поверху», но деерэһүр «кверху», дундаһар «посередине», но дундаһур «к середине», дораһар «понизу», но дораһур «к низу», дотраһар «по нутру», но дотраһур «к нутру, внутрь».

В-третьих, создание полногласной орфографии, хотя бы приблизительно отражающей живую звучащую речь и вместе с тем не затрудняющей речевую деятельность и ее понимание, уже стало вполне возможным. Для этого на сегодняшний день мы должны знать следующее:

- *чередование долгих и кратких гласных* в любой позиции слова надо отнести к области орфоэпии. Поэтому надо на письме обозначать только долгие гласные в односложных словах, где исторически долгие гласные под воздействием ударения слышатся кратко. Долгие же гласные непервых слогов, не неся смысловозначительных функций, чередуясь в разных случаях с краткими своими соответствиями, образованными под воздействием падающего на них ударения или под действием «закона экономии речевых усилий», требующего наличия в слове лишь одного долгого гласного, могут на письме обозначаться как краткие. В орфоэпии же они могут и должны произноситься как долгие, если перед ними в слове отсутствует другой долгий гласный и если на них не падает ударение. Например, пишем «хэлэхе», но произносим «хэлээхе» или «хэлэ», что значит «глядеть» или «гляди», пишем «термэрен», но произносим «термэрен», что значит «своей решеткой», если же будет написано «термэр», то конечная гласная остается краткой. Другое дело

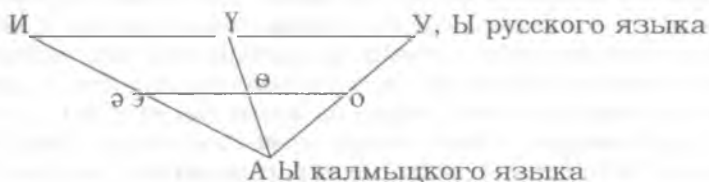
в слове «теермэрен», что значит «своей мельницей». Здесь долгота гласного второго слога «э» не восстанавливается, т.к. долгота гласного первого слога не дает ему этой возможности;

- ударение в калмыцком языке, как справедливо отмечал еще А. Бобровников, падает всегда на последний слог слова, где всегда присутствует какая-нибудь гласная. Даже в так называемых словах звукоподражательного характера, приведенных в «Грамматике калмыцкого языка»: «хард», «нирд», «палд», «гилс», «улс-улс» (89, с. 47), можно различить присутствие редуцированных гласных в конце слов: «харды», «нирде», «палды», «гилсе», «улс-улсы», т.к. по справедливому замечанию П.Ц. Биткеева, «ни один согласный калмыцкого языка, каким бы сверхслабым или звонким он ни был, не может выступать по своей сонорности в роли гласного и выполнять слогаобразующую функцию» (89, с. 43);

- редуцированные гласные в калмыцком языке надо обозначать на письме двумя буквами, т.к. гласные все делятся на заднерядные и переднерядные. Выделение же фонемы «и» в разряд нейтральнорядных лишь на том основании, что она «выступает в открытых непоследних, если долгая, и в последних, если краткая», - явление ошибочное. Против такого толкования говорит сама артикуляционная характеристика названной фонемы: «После предшествующего согласного передней артикуляции произносится при более переднем положении языка, после заднеязычных и увулярных согласных - при несколько оттянутом назад положении, а после среднеязычных согласных - при более высоком положении языка первой ступени подъема» (89, с. 23). Это ли не отражение особенностей так называемой фонемы «и», способной выступать в определенных позициях либо переднерядной, либо заднерядной? Секрет такого «хамелеонства», на наш взгляд, состоит в том, что, во-первых, калмыцкое «и», в отличие от русского, чуть «заднеязычнее», поэтому он и занимает первую или вторую ступени подъема, т.е. чуть «выше и переднеязычнее» фонемы «э». Вместе с тем надо помнить, что и калмыцкое «ы» несколько «переднеязычнее», чем русское «ы». Потому он занимает приблизительно вторую ступень подъема, т.е. почти равен по подъему калмыцкому «и». Это обстоятельство позволило еще древнемонгольским грамматикам передавать эти два звука, две фонемы, одной буквой «и». Следовательно, здесь нейтральной надо считать не фонему, а букву, обозначающую близкие, но не тождественные звуки. Поэтому до недавнего времени калмыки писали: хадин «скалы» и эдин «товара», хадигы «скалу» и эдиге «материю», т.е. окончания родительного и винительного паде-

жей в словах с гласными любой рядности передавали через букву, а не фонему «и». При этом она в словах с заднерядной огласовкой звучала как «ы»: харыыгы «черного» (89, с. 17), а в словах с переднерядной огласовкой - как «и» берииге «сноху». Считать калмыцкие «ы» и «и» аллафонами нельзя, потому что они выступают как разные фонемы, несущие смысловоразличительные функции: сулыын «свободного», но сульиин «овса» и т.д. Следовательно, редуцированный гласный звук надо обозначать буквой «ы», предварительно изъяв его из оборота в грамматических формах родительного и винительного падежей, а редуцированный гласный переднего ряда надо обозначать буквой «е». В словах же с заднерядной огласовкой Н.Н. Убушаев предлагает неясную гласную обозначать буквой «и», т.к. она якобы «нейтральная». Но мы только что доказали, что нейтральнорядных фонем не бывает, а есть лишь нейтральнорядная буква, имеющая в зависимости от рядности окружающих гласных разное звучание. Если же обратиться к анализу качества редуцированного гласного, встречающегося в словах с заднерядной огласовкой после мягких согласных: л, н, д, т, й, ж, ч, ш, т. е. на месте исторического «и», то становится понятным его принадлежность к переднерядным. Иного не должно было быть, т.к. гласная фонема «и», возникшая под воздействием письменной традиции, когда буква «и» стала восприниматься только как переднерядная, в результате редукции потеряла подъем и узость и превратилась в «э», т.е. в редуцированную гласную переднего ряда. Почему, спрашивается, именно фонема «э» стала в калмыцком языке редуцированной, чем она «ущербнее» других? Тот же вопрос можно поставить и в отношении фонемы «ы». Чтобы ответить на них, для наглядности приведем фонемную решетку гласных калмыцкого языка без долгих гласных, подразумевая, что названные гласные имеют свои пары по долготе.

Схема 1.

Мы воспользовались так называемым треугольником Л.В. Щербы, добавив только схематически координаты калмыцких

фонем. Из анализа всех калмыцких гласных фонем мы видим, что почти все гласные, кроме фонемы «э» и «ы», имеют по три качества: «и» - передний, высокий, узкий, «ү» - передний, высокий, узкоогубленный, «у» - задний, высокий, узкоогубленный, «э» - передний, средний, широкого раствора, «ө» - передний, средний, широкоогубленный, «о» - задний, средний, широкоогубленный, «э» - передний, средний, «а» - задний, нижний, широкого раствора, «ы» - задний, нижний. Можно было бы и к «э», и к «ы» прибавить такое качество как «средний раствор» или «притвор», но это уже качества не активной артикуляции, а качества «редукции» или «ослабления» мускульного напряжения артикулирующего органа. Именно в результе «редукции и ослабления мускульного напряжения языка» фонема «и», теряя высоту и узость, превращается в «э». Фонема «ү», теряя высоту и огубленность, через «ө» переходит в «э», фонема «э» сама в результате потери широкого раствора превращается в «э», хотя в свое время, будучи долгой, приобретает за счет долготы широкий раствор, именно «э» превратилась в новый звук «э», которого нет ни в одном из монгольских языков. Переход «а» в «ы» происходит из-за потери широты раствора. Переход «у» в «ы» протекает в результате потери огубленности и потери высоты, что характеризует полное «расслабление напряжения мышц языка и губ». Такова нехитрая схема перехода одних звуков в другие, где главным регулировщиком выступает универсальный закон «экономии речевых усилий» или «языковой лени». В свете этого и закон гармонии гласных является одним из проявлений названного закона, ограждающий движение языка из ряда в ряд. Значит, нечего за него держаться, как это делали наши предшественники;

- *слоги калмыцкого языка группируются вокруг любых гласных.* При этом надо знать, что в калмыцком нет слов, начинающихся с двух и более согласных и заканчивающихся на два и более согласных звука. Внутри же слога за гласным не может быть согласного, а перед гласным скапливаться более трех согласных и только в исключительных случаях, когда среди согласных соседствуют два гоморганных, способных слиться в один звук, может быть скопление из четырех согласных, например, а-хы «брат», а-лдыг «упущение», а-ндһар «клятва», ма-рттха «пусть забудет», мо-рдтха «пусть садится верхом», ма-ртчкад «позабыв», но ма-ртче-ктха «пусть забудет». В последнем случае мы встречаемся с явлением «беглости» гласных, о котором говорили несколько выше.

Таким образом, устранив все препятствия, указанные Д.А. Павловым, мы можем смело рассчитывать на успешное реше-

ние проблем калмыцкой орфоэпии. После чего можно подумать и о смысловых заданиях окружающей жизни, и о возможностях калмыцкого текста, которые, думается, составляют неразрывное единство и должны рассматриваться всегда вместе.

2.2.2. Смысловые задания и возможности калмыцкого текста

Язык, как известно, является не только важнейшим средством общения, но и инструментом мышления, осмысления окружающей действительности.

Перемены, происходящие в жизни носителя языка, всегда находят отражение и в его языке, который пополняется новыми словами, выражающими новые понятия, и даже новыми синтаксическими конструкциями, заимствованными у соседних более развитых языков. С образованием Калмыцкой автономной области и затем республики роль языка как важнейшего компонента национальной культуры многократно возросла. Именно с середины 20-х годов 20-го столетия калмыцкий язык стал объектом научного анализа, инструментом развития национальной культуры, средством общения и формирования общественно-политической идеологии.

Смысловые задания окружающей действительности были настолько велики, а научный и культурный слой носителей языка был настолько мал, что большинство новых слов и терминов были введены в калмыцкий язык без особых церемоний, без попыток, хотя бы некоторого, внешнего «окалмычивания», что происходило в предыдущие периоды развития калмыцкого языка. Безоглядное заимствование или, в лучшем случае, калькирование и смысловой перевод общественно-политических, хозяйственных, культурных, научных, медицинских и технических терминов в конечном счете стало вызывать, с одной стороны, раздражение и естественное желание заменить их на собственные, с другой - терминотворческую лень, выразившуюся в добавлении лишь калмыцких суффиксов к русским или пришедшим через русский язык интернациональным терминам: географч «географ», тракторч «тракторист», экономикч «экономист» и т.д. (110, с. 138).

Начало второй мировой войны, последующая депортация на 13 лет и 13 дней в разные концы необъятной Сибири всех без разбору привело к откату во всех областях, особенно в области развития калмыцкого языка. После возвращения на родину только половина калмыков могла общаться между собой на бытовом уровне. А с начала 60-х, когда КПСС взяла курс на

создание единой нации под названием «советский народ», когда изучение родного языка стало приравняться к изучению иностранного, когда формализм и чванство заменили усердие и добросовестность, засилие русского языка во всех сферах деятельности стало очевидным. И хотя с необычайной активностью стала возрождаться калмыцкая литература, наука и образование, к 90-м годам стало ясно, что так дальше жить нельзя. Впервые в 1992 году был принят закон, по которому калмыцкий язык, наряду с русским, объявлялся государственным. Была разработана обширная программа. Но последовало третье потрясение - буржуазно-криминальная революция, отбросившая и без того полунищую Калмыкию далеко за черту бедности. Итоги первого десятилетия феодально-капиталистического развития Республики Калмыкия весьма печальны. Одно вселяет некоторую уверенность - уровень образованности и культуры носителей калмыцкого языка, которая на порядок выше, чем это было в начале 20-го столетия. Численность интеллигенции, подготовленной на уровне, если не мировых, то общероссийских стандартов, думается, позволит калмыкам решить не только экономические, но и культурно-социальные проблемы, в числе которых возрождение калмыцкого языка является одной из ключевых. Таким образом, смысловые задания на сегодняшний день в сравнении с предыдущим периодом возросли в несколько раз. Остается лишь ответить на вопрос: есть ли у языка, у калмыцкого текста возможности осмысления и отражения современных запросов?

Вот что пишет о возможностях калмыцкого языка Д.А. Павлов в своей статье «Формирование и развитие калмыцкого национального языка», вышедшей в 1988 году: «Небывалое развитие получили общественные функции калмыцкого литературного языка: на нем создана значительная художественная литература, развилась периодическая печать, ведется изучение родного языка в детских учреждениях, школах, в вузе, функционирует национальный театр, осуществляются радиовещание, телепередачи; с использованием калмыцкого языка ведется хозяйственная и общественно-политическая деятельность; он употребляется в деловой и частной переписке, т.е. продолжает служить важнейшим средством общения. Продолжают развиваться стили общественно-политической, научно-технической, художественной, научно-методической литературы» (166, с. 106).

Трудно не согласиться с профессором Д.А. Павловым. Более того, после принятия закона о статусе калмыцкого языка общественные функции калмыцкого литературного языка дол-

жны были получить еще более небывалое развитие. Казалось, должно быть организовано специальное министерство, через которое было бы налажено государственное финансирование, планирование и контроль за функционированием литературного языка. Но как при советской власти, так и после нее все действия властей в этой области всегда носили чисто декларативный характер. Отсюда и результаты: до сего дня нет толкового, частотного, этимологического и терминологического словарей, не говоря уже об орфографическом и орфоэпическом, которые можно написать только после серьезного пересмотра академической грамматики. Нет словарей эпоса «Джангар», словарей народных сказок и фольклора, словарей письменных памятников и калмыцких писателей. Нет учебно-методических комплексов с фонотекой, составленной из образцов устной литературной речи. Качество педагогических кадров не улучшается за счет свободных конкурсов, т.к. низкая зарплата не стимулирует прилив молодых сил ни в школы, ни в ВУЗ, ни в КИГИ РАН. Качество учебников не выдерживает критики с позиций элементарных требований: последовательности, доступности, занимательности и проблемности. Произведения калмыцкой художественной литературы издаются не по принципу общественной значимости, эстетической ценности и нравственной действенности, а по возможностям автора. Национальный театр «до дыр» заиграл произведения классиков калмыцкой драматургии, перемежая их переводными спектаклями своих режиссеров или знакомых сценаристов. Отсутствие добросовестной критики как в области национальной литературы, так и драматургии не позволяет поднять их уровень до мировых стандартов. Как-то А.Ш. Кичиков возмущенно говорил: «Как можно, познав всего сотни слов, писать тысячи стихов?». Автор сборника критических статей на калмыцком языке «Келсн үг - керчсн модн» имел на это полное право. Небрежность, вольное обращение со словом, его значениями свойственно порой не только начинающим литераторам, действительно плохо владеющим калмыцким языком, но и маститым авторам. Кто не знает и не любит поэзию Санджи Каляева? Однако и в его произведениях порой можно встретить досадные опечатки, искажающие смысл стиха. Например, в самом выдающемся, на наш взгляд, его стихотворении «Хальмг келн», что значит «Калмыцкий язык», мы встречаем такие странные строки, которые трудно понять.

«...Холин цууды нерень туурсын,
Хортна өмне хорхан уурсын,
Иньгин зүрке таалулже келдег,

Ииме сээхен хальмыг келен...»

«...өшэтнэ өмнэсе тосад, зөрүлсен,
өлен жидин үзүр болсын,
өрчө, дотыркы зүрке буульсын,
өрүд, омгта хальмыг келен...»

«...Арынзыл хурдын *зееред чини*,
Амһаһан кемлэд агсрич.
Хальмыг уулы келен мине,
Хазаран бичэ мөлтлүлич...»

«...*Ходрад* келхлэрен, хоры бусылһамы,
Ховдыг хальмыг келен.
Шүвтерлэд келхлэрен, *шүүсе дусамы*,
Шүрүтэ хальмыг келен...»

1. Что означает «цуу»? В результате глубокого этимологического анализа мы приходим к выводу, что это «неологизм», образованный от среднемонгольского слова «цуулхы», что значит «собирать» в сочетании «цуулһы цуулхы», т.е. «собрание собрать, собрать совещание». Но сам глагол «цуулхы», на наш взгляд, является стяженной формой глагола «цуглулхы», что значит «собирать» (110, с. 640), вернее, глагола «цугылхы», где выпал интервокальный согласный звук «г», сохранивший в калмыцком лишь переносное значение «обертывать, пеленать» (110, с. 640). Это доказывается наличием в калха-монгольском глагола «цуглах», что значит «собираться, сходиться, съезжаться» (149, с. 614). Здесь произошло, думается, такое развитие: цуг «все», цугылхы «стать как все, собраться, собрать во едино», цуглулхы «заставить собраться». Для значения же «обертывать, заворачивать, упаковывать, обвязывать, пеленать, свертывать, хлестать» в калмыцком языке есть другое слово «орахы» (110, с. 401). Следовательно, здесь произошло *неточное* образование неологизма «цуу», отсюда и его непонятность. А. Бобровников тоже считал, что это слово образовано от корня «цуг» (40, с. 41).

2. Почему «буульсын»? Ведь значения «реветь, кричать, восхвалять» (110, с. 123) совершенно не подходят для сочетания со словом «зүрке», что значит «сердце» (110, с. 260). *Скорее всего здесь произошла опечатка*, т.е. должно было быть слово «буулсын», что значит «пронзивший, проткнувший», образованный от глагола «буулхы», что значит «прокалывать, продырявливать» (110, с. 123). Иначе делается совершенно непонятным отрывок текста: «Как направленное против наступающего врага острие голодного копья сердце, находящееся внутри груди, *восхваляющее*» или *ревущее, кричащее*», устремленный

вперед гордый калмыцкий язык». Так одна ошибка портит весь текст.

3. Почему «зееред чини». Здесь по логике должно было быть прилагательное со сравнительно-уподобительной частицей -шең, т.е. «зеередшең». В противном случае получается: «Быстроногий рыжий Аранзал твой, грызя удила подберись, о, исконный мой калмыцкий язык, не дай сорвать с себя уздечку». А должно было быть «Подобно быстроногому рыжему Аранзалу, грызя удила, подберись, о, исконный мой калмыцкий язык, не дай сорвать с себя уздечку». Так из-за опечатки или ошибки нарушается логика текста.

4. Почему «ходрад», если есть литературно нормированное его соответствие «худрад», образованное от глагола «худырхы», что значит «толкнуть, всадить, воткнуть, вонзить» (110, с. 607), а в действительности «ковырять», потому-то и в песне поется: «Һаха худырсын һазырты һанцаран бичэ йович», что значит «По земле, где ковырялся кабан, дикая свинья, в одиночестве не ходи». Поэтому глагол «ходырхы», означающий «становиться едим, кислым, перекусать, говорить едкие, колючие слова» (110, с. 592), является не только ошибочным, но и неточным. Когда говорят «худры», т.е. «жри», то имеют в виду «свинью, которая ковыряет землю в поисках земляных орехов».

5. Почему «шүүсе дусамы», если есть устойчивое словосочетание «шеесен дусмы үге» или «шеесе дусамы үге», что значит «слово, от которого можно обмочиться», где «шеесен» - это литературное слово и означает «моча» (110, с. 669). Шүүсен же значит «сок» (110, с. 688). Если автор хотел пококетничать с читателем, то мог бы слово «шүүсен» просто взять в кавычки. Тогда бы сочетание «шүүсе дусамы», употребляемое вместо словосочетания «шеесе дусамы», не породило «затемнения» смысла текста.

К сожалению, многие не придерживаются главного принципа речи: надо писать или говорить не так, чтобы можно было понять, а так, чтобы невозможно было бы не понять. Умение говорить правильно, точно и уместно, думается, должно прививаться человеку с детства.

Если смысловые задания и их выражения в текстах художественной литературы определяются главным образом мастерством автора и уровнем его языковой и речевой культуры, то смысловые задания и их выражения в научных текстах в высшей степени определяются еще и точностью специальных терминов, уровнем развития терминологии. Рассмотрим это на примерах из калмыцкого языка, т.к. сейчас, когда пробле-

ма обучения калмыцкому языку, проблема научного осмысления процессов, происходящих в языке, стали ведущими, терминологии и терминологической культуре людей мы должны уделять особое внимание. Что же такое термин, как его понимать?

«Термин, - пишет Б.Н. Головин, - это отдельное слово или образованное на базе имени существительного подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере научной, технической, производственной, управленческой и т.д. - профессии. Термин - необходимое орудие профессионального мышления и профессионального освоения предметной действительности. В идеале термин должен быть однозначным, лишенным каких-либо эмоциональных наслоений, лишенным также синонимических связей. Реально термины оказываются несколько иными, и все же сильная тенденция к однозначности и строгой логической очерченности семантических границ у терминов есть, ее и надо бы поддерживать в процессе терминопотребления. Проблема точности терминопотребления - одна из наиболее острых и сложных в научном и учебном общении... Становится понятным, что говорить о культуре построения терминов: пусть они будут краткими, однозначными и т.д. можно, но, как показывает изучение фактов, такие разговоры остаются, как правило, разговорами, а термины живут своей языковой жизнью, не снимая специфики, налагаемой научным мышлением, которое и осуществляется при условии, что есть созданная и развивающаяся терминология... Говорить о культуре терминопользования, т.е. о культуре применения терминов в речи, и можно, и очень нужно... Ошибки и недостатки в речевом применении терминов больно задевают науку, прежде всего - общение ученых, мешают коллегам в одной и той же области знания, специалистам по одному и тому же вопросу понимать друг друга» (85, с. 27-282). «Ошибки и недостатки в применении терминов больно задевают и учебное общение учителей со своими учениками, преподавателей со студентами, авторов учебников с их читателями. Ведь если преподаватель не объяснит толково, в каком значении применяется тот или иной термин, не даст обучаемым информации, нужной для того, чтобы предметная отнесенность термина в речи преподавателя и в ее восприятии учеником была одна и та же, трудно рассчитывать на хорошее усвоение обучаемыми знаний, которые дает им обучающий. Возникает своего рода конфликт познания между учителем и учеником. Ученик видит не то, о чем говорит учитель...

Обязанность каждого преподавателя договориться со слушателями или читателями о принятом в лекции, статье, книге понимании наиболее необходимых терминов, устанавливая их предметную и понятийную отнесенность... объяснять значения слов в науке и преподавании - это значит обеспечить высокий уровень речевой культуры в применении терминов» (85, с. 284-286).

Столь обширное цитирование Б.Н. Головина не случайно, т.к. в его словах можно найти ответы на все существующие сегодня проблемы в калмыцкой лексикологии и в одном из его важнейших разделов - терминологии.

Известно, что со времени установления советской власти, да и сейчас, все научные термины заимствовались из русского языка и через русский язык. Даже слово «правление», которое легко можно было передавать калмыцким словом «hardвыр», что значит «руководство» или «залвыр», что значит «управление», долгое время передавалось окалмыченным словом «парвлян». Поэтому сегодня, когда идет очередная вакханалия пурризма, т.е. замена непременно калмыцким русских и международных терминов, важно знать, что нужно заменить, а что оставить. Из цитат Б.Н. Головина явствует, что любой термин, даже тот, что уже вошел в учебники и словари - и это очень важно, - должен выдержать экзамен на ясность и точность, проводимый временем. Поэтому главное не в том, чтобы придумать какой-нибудь термин, втиснуть его в учебник или словарь, как это часто происходит сейчас, а в том, чтобы обеспечить его узнаваемость, понятность и соотнесенность с другими терминами. Например, давно и успешно в калмыцком языке функционирует термин «багше», что значит «учитель, преподаватель, наставник, настоятель монастыря» (110, с. 74). Спрашивается, почему при замене международного термина «студент» на халха-монгольское «оютын» нельзя было подумать о давно известном слове «шеве», что значит «ученик, послушник в монастыре»? (110, с. 669). Тогда значение слова «багше» и значение слова «шеве» были бы в логической связи. Однако наши грамматики решили просто позаимствовать готовое слово «оютын» у монголов. Это слово на монгольской языковой почве понятно, т.к. обнаруживает непосредственную связь со словом «оюн», что значит «ум, разум, рассудок, мудрость» (149, с.312). И хотя это слово вошло в монгольский из уйгурского языка, но благодаря письменной речи стало довольно распространенным. Поэтому оно часто встречается в виде парного слова «оюн-ухаан». В калмыцком же языке слово «оюн» непонятно. В нем функционирует общемонгольское слово «ухаан»,

что значит «ум, разум, рассудок, сознание, мысль» (110, с. 543). Собственно монгольским соответствием уйгурского слова «оюн», на наш взгляд, является слово «ой», что переводится «способность, ум, разум, память» (149, с. 294), в калмыцком превратившееся в «өө», что значит «умение, смекалка, мастерство» (110, с. 408). Беспокоит не то, что идет «оголтелое» заимствование из халха-монгольского, а не из русского, как было до недавнего времени. Тревожит бездумность и беспорядочность заимствований, когда заимствования не обогащают лексику, а лишь засоряют ее, внося путаницу в понимание речи. Если заимствования типа «оютын», что значит «студент», «ахулһы», что значит «содержание», «кецэл», что значит «урок, занятие» еще можно как-то терпеть, то перенимание монгольских значений в калмыцких словах типа «эмдрел», которое на калмыцкой почве означает «выживание», как производное от глагола эмдерхе «оживать» (110, с. 66), противоречит не только логике, но и целесообразности.

Современное состояние функционирования калмыцкого языка, стремление к расширению сфер его применения, переосмысление многих положений его грамматики и терминологии, появление множества новых смысловых заданий во всех сферах жизни калмыцкого народа, носителя языка, требует адекватного, точного их отражения средствами языка. Следовательно, еще более активизируется процесс освоения новых понятий и наименований предметов через заимствования, калькирование и словотворчество, где терминотворчество будет стоять на первом месте. Поэтому было бы хорошо, если бы мы точно знали, что надо заимствовать без изменения, что заимствовать в окалмыченном виде, что калькировать, когда требуется создание нового термина, когда - переосмысление. В этом плане культура построения терминов в калмыцком языке играет, на наш взгляд, такую же важную роль, как и культура терминопотребления.

1. *Чтобы избежать двусмысленности*, вероятно, надо с большей осторожностью менять старые термины на новые, например, үүлдэгче «глагол» образован с нарушением законов калмыцкого словообразования, т.к. глагола үүлдэ в калмыцком языке не существует, а есть глагол үүлде, что значит «действуй». Здесь, кажется, Д.А. Павлов, желая «разредить» скопление согласных, вместо редуцированной гласной вставил полногласную. Но так как в данной позиции полногласная звучит так же, как и редуцированная, то изменить слово «үүлдэгче» на «үүлдегче» мы можем безболезненно. Другое дело замена старого «үүдэвер» на «зокъял», что в том и другом слу-

чае означает «произведение». Во-первых, слово «үүдэвер» является закономерным производным калмыцкого глагола «үүдэхе», что значит «творить, производить» (110, с. 556), а слово «зокъял», хотя и имеет в основе калмыцкий глагол «зоххы», что значит «подходить, соответствовать» (110, с. 252), но от понятия «произведение, результат творения» стоит слишком далеко, а с позиций словообразования вообще неприемлемо, т.к. словообразовательного суффикса -ял в калмыцком языке нет. По этой же причине, вероятно, нет смысла заменять слово «төре», что значит «проблема, вопрос» (110, с. 514), на слово «седев», т.к. последнее является монгольским вариантом калмыцкого слова «седвер», что значит «инициатива, намерение, попытка» (110, с. 447), и не покрывает значение понятия «тема». Это особенно важно, когда в языке и без того появляется множество новых терминов, когда основная масса населения слабо владеет литературным языком.

2. Видимо, нет необходимости переводить или калькировать международные термины типа «морфема», который лишь окалмычивается в «морфем», «фонема» - в «фонем», «морфология» - в «морфолог», «электростанция» - в «электростанц» и т.д.

3. Вероятно, наименования предметов, заимствованных через русский язык тоже надо пока оставить в покое, т.к. суррогаты типа «сандыл» в значении «стул», «дефтер» в значении «тетрадь» только засоряют язык и затемняют смысл текста.

4. Думается, замена в калмыцком языке слов типа «университет» на описательные словосочетания типа «ике сурһуле», как это делается в халха-монгольском, противоречит правилу, требующему, чтобы термин был по возможности кратким. Кроме того, эта замена не дает адекватности значений, т.к. словосочетание «ике сурһуле», что значит на калмыцком «большое обучение, большая школа», чаще передается словосочетанием «дееде сурһуле», что значит «высшая школа», а это не покрывает значение слова «университет» (110, с. 462).

5. Любой вновь создаваемый или введенный в оборот термин должен отвечать нормам словообразования и быть точным в выражении означаемого понятия. Например, окалмыченное заимствование «аһулһы», что значит «содержание», восходит к монгольскому «агуулга», образованному от глагола «агуулах», что значит «помещать, класть, вкладывать» (149, с. 22). В калмыцком языке словообразовательная структура слова «аһулһы» непонятна. Корень же этого слова «аһу» означает «площадь, объем, просторный, пространство» (110, с. 27). Словообразовательный суффикс -лһы к именным корням не присое-

диняется. Поэтому это слово, призванное обогатить калмыцкую лексику, ощущается как чужеродное.

Таким образом, в современном калмыцком языке есть все возможности для выражения любых смысловых заданий. Только необходимо срочно привести все средства и ресурсы языка в соответствие с мировыми стандартами.

2.2.3. Качества речи, выделяемые в сознании калмыцкого народа

Калмыки, как и все монголоязычные народы, уделяли большое внимание не только содержательной стороне речи, но и ее форме. Так, в пословицах говорится: «Үгин ахрынъ сээн, ахыр үгин товчтанъ сээн», что значит «из речи или слова лучше то, что короче, а из кратких речей лучше то, что имеет законченную мысль». Это точно перекликается с мыслями А.С. Пушкина, писавшего: «Точность и краткость - вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей, без них блестящие выражения ни к чему не служат» (85, с. 123-124). Калмыцкое «товчта», т.е. «со смыслом, имеющий законченную мысль» — это и есть, на наш взгляд, качество, которое принято называть «*точностью*». В другой пословице говорится:

«Уулин бүргед шовун
Уулан темцже нисдег,
Угта залуһин үрен
Улгүр авче келдег»,

что значит «Горный беркут стремится к своим горам, а потомок славного рода начинает свою речь с пословицы», т.е. с примера. Пословица, будучи кратко зарифмованной истиной или тем, что считается истиной, во-первых, как бы украшает речь, но самое главное, предваряя то, что будет сказано, готовит слушателя к восприятию предстоящей речи и делает ее логичной. Так мы обнаруживаем, что качество, называемое «*логичностью*», тоже не чуждо калмыцкой речи. В пословице «Медхе үге келе, мергенде гөрәсе шахы», что значит «Говори слово тому, кто сможет понять, а дичь подгоняй к меткому», которая иногда дополняется сентенцией: «Үге медшго күүнде үге келсенде орхынъ, үкрин өвер деере тэрэ цацы», что значит «Чем говорить слова тому, кто не поймет, лучше посеяй зерна на рогах коровы», т.е. бесполезно, мы обнаруживаем еще одно качество, которое принято называть «*уместностью*». В калмыцком эпосе «Джангар» изображен богатырь Ке Джилган, отличающийся красноречием. Вот как он описывается:

«Темэтэ күүһинь
Тошулын келдег,
Мөртэ күүһинь
Мухан келдег,
Моһан келэр хатхын келдег,
Модын келэр гүвден келдег,
Таалур цаһан өргөн дорынь
Орын бээже келдег,
Тажин мөңген шалуһинь
Илен бээже келдег,
Бесергнэ Бозасы бүтөгсен,
Бетегтэн шары күүкнәсе һарыгсын
Тарчан аче Жилһен-дарһы-нойен.

(Жанһыр, 2 боте, 135 х., М., 1978). В переводе это означает:

«Человека с верблюдом заставляющий скользить,
Человека с конем заставляющий обессилеть,
Змеиным языком покаявая, говорящий,
Деревянным языком стегая, говорящий,
Под широкий подбородок заглядывая, говорящий,
Шелково-серебряные локоны гладя, говорящий,
От Бесергенова Бозы происшедший,
От Бетегтеновой светлой девочки рожденный,
Внук Тарчи, смотритель-нойон Хоо - Джилген»

На простом языке это значит, что Хоо-Джилген умел своей речью медлительного делать быстрым, быстрого медлительным, умел говорить уважительно, заглядывая в глаза снизу вверх, умел говорить ласково, поглаживая слушателя по головке, умел говорить, не теряя внимание слушателей, будто ожидающих укуса змеи или удара палкой. Конечно же здесь мы имеем дело с таким качеством речи, как «*выразительность*» или «*действенность*» (85, с. 196).

О качестве калмыцкой речи говорили многие ученые и писатели, например, А.Ш. Кичиков по этому вопросу выпустил сборник своих статей «Келсн үг - керчсн модн» (116). Однако с позиций научного осмысления качеств речи исследований не проводилось. Самым кратким, но достаточно типичным определением качеств речи является стихотворение Санджи Каляева «Хальмыг келн», частично приведенное нами выше. Сейчас же мы хотим рассмотреть его целиком, чтобы уяснить, как понимались качества хорошей речи. Чтобы передать всю звучность и мелодику стиха, мы приводим его на новой разработанной нами орфографии, обозначающей редуцированные и долгие гласные звуки. Калян Санже «Хальмыг келен»:

Кен ахан күндлен келдег,

Кетеркэ баһчудан тевчен келдег,
 Эвтень тэвэд, енсгэр келдег,
 Эйелдег, һольшег хальмыг келен.
 Холин цууды нерень туурсын,
 Хортна өмне хорхан уурсын,
 Иньгин зүрке таалулже келдег,
 Ииме сээхен хальмыг келен.
 өшәтнә өмнәсе тосад зөрүлсен,
 өлен жидин үзүр болсын,
 өрче дотыркы зүрке буулсын,
 өрүд, омыгта хальмыг келен.
 Тосын кевтә илен келдег,
 Торһы-томжар кеерүлен келдег,
 Усын әдләр уһан келдег,
 Уулы хальмыг келен.
 Модар цоксын метәр келдег,
 Моһа кевтә хатхын келдег,
 Курде-чолугы хамхлын келдег,
 Күчтә хальмыг келен.
 Магтад келхләрен, өргәд орқдыг,
 Маажад келхләрен, шавтадыг,
 Ясынла харһсын сумын болсын,
 Янзта хальмыг келен.
 Ирү седклән илткен келдег,
 Ичертә йовдылды игзәрләд оддыг,
 Үкләсе әәлгә үнән келдег
 Үнчә хальмыг келен.
 Худрад келхләрен, хоры бусылһамы
 Ховдыг хальмыг келен.
 Шүвтерләд келхләрен, «шүүсе» дусамы,
 Шүрүтә хальмыг келен.
 Хары усынды өрме бәәлһме,
 Хальмыг келем чимегтә,
 Хуурмыг-худылчиге худыгты суулһмы,
 Хурцы болчкад, омыгта.
 Арынзыл хурдын зеердшеңге
 Амһаһан кемләд агсрич,
 Хальмыг уулы келенмине,
 Хазаран бичә мөлтлүлич.

Дословно это звучит по-русски примерно так:

*Почитающий всех, кто старше,
 Уважающий всех, кто младше,
 Складно и мелодично звучащий,
 Гибкий, изящный калмыцкий язык.*

На дальних собраниях *прославивший имя,*
Переставший робеть перед врагом,
Сердце друга *лаская звучащий,*
Вот такой *красивый* калмыцкий язык.
Словно навстречу врагу устремленный
Наконечник голодной пики,
Протыкающий сердце, находящееся в груди,
Устремленный вперед, гордый калмыцкий язык.
Говорящий, как по маслу глядя,
Говорящий, будто в шелка украшая,
Говорящий, как водой промывая,
Исконный, древний калмыцкий язык.
Говорящий, будто палкой ударяя,
Говорящий, словно жалит змея,
Говорящий, гранит разрушая,
Могучий калмыцкий язык.
Когда хвалит, *поднимающий в высь,*
Корябая, *наносящий рану,*
Словно пуля, *попавшая в кость,*
Многогранный калмыцкий язык.
Способный *выразить любую мысль,*
Презирающий постыдные деянья,
Говорящий правду, не боясь самой смерти,
Правдивый калмыцкий язык.
Подковыривая, заставляющий вскипать желчь,
Жадный калмыцкий язык.

Говоря жестко, заставляющий помочиться своим «соком»
Жесткий калмыцкий язык.
Говоря, умеющий на воде сохранить пенку-пленку,
Калмыцкий язык мой *изящен.*
Пустослова и вруна способный посадить в колодец,
Он очень *остер и бесстрашен.*
Подобно быстроногому Аранзалу,
Вздыбься, *закусив удила.*
О, исконный, древний мой калмыцкий язык,
Не давай никому сорвать с себя уздечку.

Автор не случайно начинает характеристику калмыцкого языка с его этического качества «уважительности», которое отражено в пословице: «Ахан алды күндле, дүүһэн делме күндле», что значит «Старшего уважай на аршин, младшего уважай на пол-аршина», т.е. всякого, с кем бы ни разговаривал, уважай. В отличие от других народов, где также принято уважать старших, насколько нам известно, только калмыки говорят об уважении и младших, т.е. о взаимном уважении

людей разных поколений, уточняя лишь, что старших надо уважать в два раза больше. Вместе с тем надо помнить, что уважение и почет заслуживает не просто возраст, а опыт старшего человека. Поэтому калмыки говорят: «Орын деере кевтсен өвгнэсе сурхар, орчлын эргсен көвүнэсе суры», что значит «Чем спрашивать у старика, лежащего на кровати, лучше спроси у мальчика, объехавшего белый свет».

Гибкость интонации, изящество словесных форм, выраженных в стихотворном виде, разумеется, призваны создавать такое качество речи, как «выразительность», т.е. его действительность. Отсюда и сравнения речи:

либо с наконечником голодного копья,
либо с пулей, попадающей в кость,
либо с ударяющей палкой,
либо с жалящей змеей,
либо с маслом, сглаживающим шероховатости,
либо с водой, способной, промыв все косточки,
обнажить истинную суть.

Правдивость речи, которая достигается с риском для жизни, конечно, способна вызвать злону или довести до того, чтобы человек «обмочился», но это вызывается требованием «точности речи». Презрение к постыдным деяниям, к пустословам и врунам, обманщикам свидетельствует о высоких нравственных качествах носителей калмыцкого языка.

Вместе с тем здесь мы обнаруживаем различие говорящим такого качества речи, как «уместность», выражающегося не только в делении размера уважительности на «аршин» и «поларшина», но и в отношении к врагу и к другу, когда она становится реальным оружием, пронзающим сердце врага, или маслом, усаждающим душу друга. Поэтому выражение, что калмыцкий язык способен выразить любую мысль, вполне справедливо и, кроме того, отражает такое его качество как «богатство».

Призыв автора «не давать сорвать с себя уздечку», думается, надо понимать как тревогу за будущее калмыцкого языка, которое, «потеряв свою уздечку» научного корректирования, погрязло в неуправляемой стихии просторечия. Только сегодня мы начинаем понимать, что тревога автора была беспочвенной.

Таким образом, теоретические и практические предпосылки для определения качеств речи в калмыцком языке были уже давно. Осталось лишь оформить их надлежащим образом и привести их в соответствие с мировыми стандартами.

Выводы: Итак, как показал анализ существующих теоре-

тических работ по калмыцкому языку и самой практики построения речи, в калмыцком языке есть все предпосылки для приведения его в соответствие с требованиями теории культуры языка и речи. Только все надо должным образом систематизировать и уточнить. Думается, это найдет свое отражение в будущей академической грамматике, готовящейся к печати.

ГЛАВА III

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА КАЛМЫЦКОЙ РЕЧИ

3.1. Правильность калмыцкой речи

Правильность, как известно, является важнейшим, но не единственным качеством речи, определяющим степень ее культуры. Такая постановка вопроса требует уточнения понятия нормы, т.к. правильность речи всегда связывается с понятием литературной нормы языка. Однако, по свидетельству Б.Н. Головина, в современной лингвистике в отношении термина «нормы языка» существует «неотчетливость его семантических границ и даже неоднозначность его понимания» (85, с. 15-16). Так Л.И. Скворцов пишет: «Норма языка - центральное понятие теории культуры речи. Вместе с тем эта одна из сложнейших проблем, многомерность которой определяется фактами историческими, культурно-социологическими и собственно лингвистическими. Незнученность ее отражается прежде всего в неустойчивости терминологии, в неочерченности и разноплановости определения «языковая норма» (85, с. 16). В.А. Ицкевич в книге «Языковая норма» пишет: «Термин «норма» в языкознании чаще всего употребляют в двух различных значениях. Во-первых, нормой называют общепринятое, закрепившееся в языке употребление. Во-вторых, нормой называют употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, справочником, подкрепленное авторитетом известного писателя, поэта и т.д. Наконец, некоторые авторы не дифференцируют указанные различия, объединяют их, определяя норму как «общепринятое и узаконенное употребление». При этом он сам дает, со ссылкой на работу Ю.С. Степанова «Основы языкознания», следующее определение нормы: «Норма - это объективно существующие в данное время в данном языковом коллективе значения слов, их фонетическая структура, модели словообразования и словоизменения и их реальное наполнение, модели синтаксических единиц - словосочетаний, предложений и их реальное наполнение». Очень интересно предложенное им деление языковых норм на два типа:

«Первый тип норм - нормы, которые определяются системой русского языка в отличие от систем других языков. Эти нормы обязательны, не знают исключений. Их нарушение означает выход за пределы возможностей, представляемых системой, т.е. не только за пределы того, что реально существует в языке, но за пределы того, что в нем может быть».

«Второй тип нормы - это нормы, определяемые структурой языка, нормы, накладывающие ограничения на возможности, предоставляемые системой. Эти нормы также являются обязательными, но отступление от них иногда не так очевидно, как нарушение норм первого типа: в тех случаях, когда говорящий употребляет форму или конструкцию, допускаемую системой языка, но отсутствующую в его структуре, он пользуется образованием, по крайней мере теоретически не противоречащим основным законам данного языка, он употребляет то, чего нет в языке, но что могло бы в нем быть...».

В современной лингвистике, по свидетельству Б.Н. Головина, получила признание гипотеза нормы, предложенная Э. Косериу, которая предполагает три уровня языка: уровень языка, или уровень системы, структуры, уровень нормы и уровень речи. Эта гипотеза была принята и авторами «Общего языкознания», подготовленного сотрудниками Института языкознания АН СССР, где *норма определяется как «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой»* (85, с. 18). Однако Б.Н. Головин считает, что «норму, по-видимому, нужно понимать не как коррелят структуры по схеме: структура - норма - речь, а как ее функциональное свойство», где норма предписывает, какой выбор должен быть сделан автором речи в том или ином случае. *«Проблема социального предпочтения парадигматических и синтагматических возможностей языка становится очень острой в период формирования национального языка, - замечает Б.Н. Головин. Закрепление их в литературе помогало формированию национальной языковой нормы, а национальная языковая норма обеспечивала единство национального языка, так как устраняла существовавшие многочисленные и резкие колебания парадигматического и синтагматического выбора, связанные с воздействием диалектов и с межъязыковыми влияниями»* (85, с. 19). *«Норма - это свойство функционирующей структуры языка, создаваемое применяющим его коллективом благодаря постоянно действующей потребности в лучшем взаимном понимании. Именно эта потребность побуждает людей предпочитать одни варианты и отказываться от дру-*

гих ради достижения единства языковой системы. Вместе с ростом потребности общества в таком единстве крепнет языковая норма, достигая высшего развития в национальном литературном языке. *Норма - это исторически принятый в данном языковом коллективе, предпочтенный выбор одного из функциональных парадигматических и синтагматических вариантов языкового знака.* Поэтому же неизбежны колебания нормы, сосуществование в отдельных «узлах» старой и новой нормы или норм, идущих из разных подсистем общей системы языка народа» (85, с. 19-20). Чтобы разобраться в этих колебаниях, как считает Б.Н. Головин, человеку помогают, кроме нормы, иные регуляторы речевого поведения, которые, не расчлняя, можно обозначить словом «целесообразность». Ощущение говорящим и пишущим, понимание ими целесообразности того или иного слова, той или иной интонации, той или иной синтаксической конструкции и их сложного сцепления в пределах целостных отрезков текста и всего текста - вот та мощная сила, которая выковывает образцовую речь и позволяет говорить о высшей степени речевой культуры. *Лишь разумный и прочный союз нормы и целесообразности обеспечивает культуру речи общества и отдельного человека.* (85, с. 20).

Все вышесказанное позволяет понять, в каких неимоверно трудных условиях складывались нормы калмыцкого литературного языка. Слабая теоретическая база в этом вопросе, малочисленность специалистов по калмыцкому языку, научная неразработанность многих сторон калмыцкого языка и его диалектов, межэтническое соперничество в плане установления норм литературного языка — все это мешало и продолжает мешать становлению и развитию единого национально-го калмыцкого литературного языка.

Однако и тогда, к чести наших старших товарищей, появлялись научные идеи, не потерявшие своей актуальности и сегодня. Так, на четвертой конференции языкового строительства в Калмыкии, проходившей в Элисте в 1934 году, как свидетельствует Д.А. Павлов, «было решено построить орфографию современного калмыцкого языка на фонетико-морфологическом принципе и строго придерживаться закона гармонии гласных. Здесь же было решено в основу литературного языка положить торгутский и дербетский говоры, что вызвало тогда серьезные споры» (166, с. 100). Споры эти были неизбежны, т.к. до этого в 1931 году специальная языковедческая комиссия, заседавшая в Москве по вопросу выработки диалектных основ для литературных языков монголоязычных наро-

дов, решила в основу калмыцкого литературного языка положить *торгутский говор*, как наиболее близкий к исторической основе, как говор большинства калмыцкого народа и как говор наиболее орабоченной части народа. Это решение не устроило представителей дербетского говора. Тогда-то в 1934 году было найдено «соломоново» решение, выдвинутое Б.Б. Бадмаевым: в основу литературного калмыцкого языка положить торгутский, как предлагалось Москвой, и дербетский говор, но за норму считать внутри этих говоров лишь те формы, которые ближе всего стоят к исторической основе, что выразилось в следующих правилах:

- при фонетических соответствиях гласных «а» и «э» в словах считать литературными формы с гласной «а», например, альхын-элхен «ладонь», альмын-элмен «яблоко», салькын-сэлкен «ветер», дакад-дэкад «снова» и т.д., потому что первые формы были ближе к своим предкам: алихан, алиман, салкин, дакиад и т.д.;

- при фонетических соответствиях «у» и «о» считать нормой формы с «у», например, хурвын-хорвын «три», увше-овше, овыш «мирянин, давший духовный обет», (110, с. 526), т.к. первый восходил к форме «хурбан», а второй - к «убаши» и т.д.;

- при фонетических соответствиях «ү» и «ө» считать нормой форму с «ү», например, үвел-өвел «зима», хүве-хөве «доля», үмске-өмске «одевать», т.к. они восходят соответственно к үбүл, эбүл, хуби, үмүскү и т.д.;

- при фонетических соответствиях «о» и «ө» считать нормой форму с «о», например, онис-өнсен «замок», оньдин-өндин «постоянно, всегда» и т.д., ибо они восходят соответственно к формам «онисун» и «ондин».

- при фонетических соответствиях «у» и «ү» считать нормой форму с «у», например, туқырхы-түкерхе «науськивать», восходящих к «тукираху».

Затем в 1972 году при очередной реформе орфографии было принято:

- при фонетических соответствиях «ү» и «и» считать нормой формы с «ү», например, бүчер-бичер «ветка», бүшмед-бишмед «бешмет», восходящие соответственно к «бичир» и «бешмет»;

- при соответствии -ак и -эк считать нормой форму с -эк, например, дакад-дэкад «опять, снова», мақыр-мэкер «кривой», восходящие соответственно к «дакиад» и «макир» и т.д.

Первые пять правил нормирования представляют из себя попытку нейтрализации действия закона экономии речевых усилий, в результате которого из-за соседства гласной «и» гласные заднего ряда становятся гласными переднего ряда или

теряют высоту и степень огубленности. С позиции же диалектного предпочтения первое правило можно назвать общим, т.е. действующим как внутри торгутского, где встречаются формы с «э»: элмен «яблоко», элхен «ладонь», сэлкен «ветер» и т.д., так и с «а»: дакад «снова, опять», макаыр «кривой», тамкы «табак» и т.д., так и внутри дербетского говора, где встречаются формы с «э»: мэнэ «наш», һэхэ «свинья», тэкэ «курица» и т.д., так и с «а»: салькын «ветер», альхын «ладонь» и т.д. Второе, третье и пятое правило дают предпочтение торгутским вариантам и только четвертое правило ориентирует на формы из дербетского говора. Тогда, спрашивается, на каком основании Т.А. Бертагаев в 1959 году в своей энциклопедической статье «Калмыцкий язык» утверждает, что «в качестве основы литературного языка был положен «дэрбэтский» диалект как диалект населения, занятого не только скотоводством, но и земледелием и промышленным производством»? Неужели он ошибался? Оказывается, нет.

Анализ грамматических форм показал, что многие из них построены по дербетской модели, т.е. с крайней степенью редуциции и ослабления. А это уже противоречило принципу «близости к исторической основе», легшего в основу определения норм литературности форм торгутского и дербетского говоров калмыцкого языка. Видимо, поэтому данный принцип нигде не упоминается. Чтобы не быть голословными, проанализируем эти формы со всех сторон.

1. *Показатель глагола недавно прошедшего времени «-в»* восходит к старомонгольскому -бай, -бей, к ойратскому -ба, -бе и дает в современном калмыцком торгутский суффикс -ва, -вэ и дербетский суффикс -вы, -ве, т.е. в дербетских показателях конечные гласные являются редуцированными, а т.к. редуцированные гласные на письме решили не обозначать, то данный суффикс стал обозначаться без гласных. Это породило искусственную вставку гласного перед «в», что привело к образованию в речи некоторых калмыков суффикса -ыв, -ев: һарыв «вышел», келев «сказал» и т.д.

2. *Форма желательного наклонения на -ий, -й, -ия* восходит к старомонгольскому, ойратскому -йа, -йе и дает в современном калмыцком языке в торгутском говоре суффикс -йа, -йэ, а в дербетском говоре суффикс -ий, -й, например, һаруйа-һарйа-һарий «выйдем-ка», келейе-келйэ-келий «скажем-ка», саһуйа-сууйа-суй «сядем-ка», тегүйе-түүйэ-түй «соберем-ка» и т.д. Как видно, из двух вариантов: торгутского -йа, -йэ и дербетского -ий, -й, несмотря на руководство принципом близости к исторической основе, за литературный был принят суффикс -ий, -й

и почему-то суффикс -ийа или -ия, который почти нигде не используется, т.к. по закону беглости гласных «и» в данном комплексе должен был исчезнуть. Тогда должна была функционировать форма с суффиксом -йа, -йэ, но этого почему-то не произошло. Дербетские же формы не просто отходят от исторической основы, они делают речь двусмысленной, т.к. в потоке речи «й» исчезает и слышится форма повелительного наклонения: харий-hari-хары «выходи», келий-кели-келе «говори», суй-су «садись». Более того, дербетский вариант просто разрушает основу слова, сокращая гласную корня: баһуйа-бууйа-бууй «спустимся-ка», аһуйа-ууйа-уй «выпьем-ка», зегүйе-зүүйэ - зүй «наденем-ка» и т.д.

3. *Вопросительная форма на -ий?, -й?* восходит к праформе -йу?, -йү?, которая осталась в торгутском говоре как -йу?, -йү?, -йи?, а в дербетском как в -ий?, -й?, например: харуйу-харйу-харий? «выйдем ли?», келейү-келйү-келйи-келий? «скажем ли?», саһуйу-сууйу-суй? «сядем ли?» и т.д. Как видим, и здесь в дербетском не только полное несовпадение со звательной формой желательного наклонения, но и разрушение основы слова с сокращением долготы гласного корня.

4. *Объявляя фонетико-морфологический принцип орфографии*, авторы решили долготу односложных слов не обозначать, а передавать их как краткие: күн «человек», но күүнде «человеку», хөн «овца», но хөөнде «овце» и т.д. Различное написание одного и того же слова в разных позициях вызывает трудности при обучении языку, с другой стороны, противоречит объявленному морфологическому принципу.

5. *Основа личного местоимения первого лица единственного числа* при склонении получает разное звучание: в торгутском: намды «мне», намагы «меня», намла «со мной» и т.д., а в дербетском: нанды «мне», намагы «меня», нанла «со мной». С позиции целесообразности здесь должна была быть принята основа «нам-», т.к. в винительном падеже оба говора говорят одинаково «намагы». Однако в качестве литературной принята форма с основой «нан-», хотя она является результатом прогрессивной ассимиляции торгутской основы «нам-».

Таким образом, печально не то, что были приняты за норму дербетские формы, потому что многие дербетские формы предпочтительнее торгутских с позиции близости к исторической основе и они были правомерно объявлены выше, а то, что под видом дербетских форм в литературный язык проникли просторечные, часто искаженные формы слов, разрушавшие лексическую и морфологическую систему калмыцкого языка. Однако наличие шести правил, отражающих характерные

черты дербетского говора, и только трех правил, отражающих черты торгутского говора, вероятно, убедили Т.А. Бертаева том, что в основу литературного языка калмыки положили дербетский говор. Если же учесть еще и то, что произошло после 1972 года, то правота его станет еще очевиднее. Обогащение лексики за счет переосмысления отвергаемых нормой форм типа «хөве», что значило «часть, доля», а стало осмысливаться как «счастье», хотя для этого понятия уже существовало слово «кишег», в конце концов привело к разрушению «торгутских» правил и язык стал представляться как конь без узды. Это, видимо, понимал и поэт Санджи Каляев, когда умолял: «О, исконный, древний мой калмыцкий язык, не давай никому сорвать с себя уздечку». К чему это привело, мы видим уже сегодня. Поэтому, чтобы спасти язык и нацию от вырождения, необходимы энергичные срочные меры, среди которых правильное целесообразное нормирование на уровне мировых стандартов является одним из важнейших мероприятий. Думается, и наша работа по определению качеств культуры языка и речи будет полезной в деле возрождения и усовершенствования письменной и устной речи калмыцкого языка.

Итак, исходя из общей теории культуры речи, где языковая норма определяется как предпочтительный выбор тех или иных парадигматических и синтагматических форм с позиции целесообразности, мы можем констатировать, что принцип близости к исторической основе, принятый по инициативе Б.Б. Бадмаева при определении литературности тех или иных диалектных форм, был и остается единственно верным, т.к. в соответствии с законом сохранения смыслоразличительных функций ставил пределы, нейтрализующие разгул речевой стихии, возникающей под действием закона экономии речевых усилий. Следовательно, из существующих сегодня правил нормирования необходимо исключить те, что противоречат главному принципу, принятому еще на заре строительства калмыцкого литературного языка, принципу близости к исторической основе. *Это значит, что из системы фонетических соответствий необходимо исключить правила, введенные в 1972 году:*

- при соответствии форм с -ак и -эк считать правильной форму с -эк: дакад-дэкад, «опять, снова», макыр-мэкер «кривой», т.к. данное правило противоречит первому правилу, утверждающему, что, при соответствии форм с гласными «а» и «э» считать правильными формы с гласными «а»;

- исключить использование диалектных вариантов с гласной «ө», уточнив лишь значения слова «үмсхе», т.е. вернуть ему

исконное «одевать», а значение «целовать, нюхать» передавать словом «үнсхе», т.к. калмыки, как и монголы, не целуются, а нюхают друг друга, поэтому и халха-монголы говорят «үнсхе», «үнсэх», в значении «целовать» (149, с. 483) и буряты «үнэдэхэ», что значит «обнюхивать, нюхать, целовать, ласкать» (236, с. 508).

В морфологическом плане, вероятно, будет *полезно для языка принять* в качестве литературных норм указанные выше формы торгутского говора, например, *показатели глаголов недавно прошедшего времени* -ва, -вэ: харва «вышел», келвэ «сказал», болва «стал», хотя противительный союз, как исключение, можно писать как «болвы», т.е. с редуцированным гласным на конце, *показатель глагола желательного наклонения передавать через суффикс* -йа, -йэ: харйа «выйдем-ка», келйэ «скажем-ка», сууйа «сядем-ка», гүүйэ «побежим-ка», хаайа «закроем-ка», хэййэ «поищем-ка» и т.д., тогда и показатели *вопросительных частиц* глаголов и имен можно было бы *оформлять с конечными гласными* «у», «ү» харйу? «выйдем ли?», келйү? «скажем ли?», харву? «вышел ли?», келвү? «сказал ли?», харну? «выходит ли?», келнү? «говорит ли?», хархйу? «выйдет ли?», келхйү? «скажет ли?», залуйу? «мужчина ли?», гергенйү? «женщина ли?», мууйу? «плохой ли?», сээнйү? «хороший ли?», хурвынйү? «три ли?», негенйү? «один ли?» и т.д. Это подкрепляется не только связью с историческими основами, но и живой вопросительной частицей «юун?», что значит «что?». Основа личного местоимения первого лица единственного числа при склонении «нам-», соответствуя основе личного местоимения единственного числа второго лица «чам-», думается, будет способствовать большему единообразию грамматических форм и их выразительности. Кроме того, *ясное и четкое разграничение форм орудного падежа на -ар, -эр и направительного падежа на -ур, -үр при образовании наречий*: деерэһэр «по верху», деерэһүр «к верху», дундахар «посередине» и дундахур «к середине» и т.д. было бы, на наш взгляд, полезно для отточенности семантики различных грамматических форм. Совпадение указанных форм в халха-монгольском и бурятском невозможно, т.к. в этих языках формы направительного падежа выражаются окончаниями -ру, -рү (99, с. 66), а орудного падежа - окончаниями -аар, -гаар, -ээр, -гээр (99, с. 66). Следовательно, носители калмыцкого языка не могут слепо копировать формы халха-монгольского или бурятского языков, где дээгүүр «высоко, поверх, над, по» является лишь вариантом орудного падежа, а не совпадением с направительной формой (149, с. 170; 236, с. 218) и т.д.

3.2. Точность калмыцкой речи

Известно, что точность всегда считалась одной из главных достоинств хорошей речи. «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает» - говорили древние мыслители. Таким образом, точность как качество речи всегда связывалась с умением ясно мыслить, со знанием предмета речи, со знанием значений слов.

В калмыцких текстах предметная неточность встречается часто. Так, во «Вступлении» эпоса «Джангар» в самом начале существуют такие строки: «*Эрднин экен цагты харсын, эне олын бурхдин шажен делгерхе цагты харсын...*», которые Семенов Липкиным были переведены так: «Это было в начале времен, в стародавний *век золотой*, когда только лишь брезжил рассвет веры бурханов святой...». *Фактической неточностью* здесь является словосочетание «век золотой», которое возникло в результате *неправильного прочтения слова «эрднин»*. В действительности, как справедливо считал А.Ш. Кичиков, здесь было слово «эртнин» и означало «давным давно, ранее». Слово же «эрднин» провоцирует его понимание как «начало алмаза». Ни в калмыцкой, ни в восточной мифологии нет понятия «алмазный век». Это только в древнегреческой космогонической литературе говорится о существовании «золотого, серебряного, бронзового, железного» веков, на что должен был опереться автор перевода, вводя тем самым читателей в заблуждение, говоря о том, чего никогда не было.

Понятийная точность, опираясь на связь «речь - мышление», существует как *соответствие семантики компонентов речи содержанию и объему* выражаемых ими *понятий*. По этому поводу Л.Н. Толстой писал: «Слово - выражение мысли...и поэтому слово должно соответствовать тому, что оно выражает» (85, с. 130). В этом плане интересен пример из того же эпоса «Джангар», когда в результате неточного перевода с другого языка создается *понятийная неточность*. В «Калмыцко - русском словаре» в статье о слове «агсыг» дается значение «быстрый, норовистый, резвый» и для подтверждения приводится отрывок из эпоса «Джангар»: «Алтын Чееже агсыг уланан тохулсын бээдег», что значит «Алтан Чееджи оседлал своего резвого рыжего коня» (110, с. 25). В действительности надо было переводить «Алтан Чееджи заставил оседлать своего *хромонолого* рыжего коня», т.к. слово «улман», который часто встречается в названии этого коня, восходит к древнетюркскому слову «уламай», давшего калмыцкое «үлмэ» или «өлмэ», что значит «опора, поддержка» (104, с. 608), а слово «агсыг» восходит к древнетюркскому слову «аксак», что значит «хромой» (104, с. 49). О том,

что конь Алтан Чееджи когда-то на свадьбе Джангара обогнал его коня Аранзала и за это был наказан раздроблением копыта, говорится в одной из песен, повествующих о подвигах детей Джангара, Хонгра и Алтан Чееджи. Здесь парадоксально то, что фактически хромого называют «резвым, норовистым, быстрым». В действительности же конь Алтана Чееджи был «резвым, норовистым», иначе он не обогнал бы на скачках Аранзала, но был таким не потому, что «аксак» или в калмыцкой форме «агсыг», т.е. «хромой», а вопреки этому.

Неточность прочтения некоторых памятников также создает ситуацию как понятийной, так и предметной неточности. Например, в «Истории Убаши - хунтайджия и его войны с ойратами» есть одно место, где говорится о том, что халха-монгольский Убаши-хунтайджи, приведя с собой восемьдесят тысяч воинов, чтобы сразиться с ойратами, не нашел их и, собрав сбор командного состава, заявил: «Дөрвөн өөрдин зангын: хотындан ирсен дээсенде холче мөрөн, хотче ноха кевтэ, тармыдже, эсе алддыг... бишйү? - гидег», что переводится примерно так: «Обычай дербен ойратов таков: они, подобно неутомимым коням и прожорливым псам, хватают за икры врагов, пришедших в свой хотон, и не отпускают, - говорят». Однако здесь нет логики. Почему человек, обладающий двойным перевесом в силе, вдруг призывает всех вернуться домой, будто испугавшись, что ойраты хватают за икры? С другой стороны, чисто грамматически не согласуется глагольно-причастная форма «алддыг», требующая объект в винительном падеже, с объектом в дательном падеже «дээсенде», т.е. «врагу»? Здесь что-то не то. Да и слово «тармыдже» не совсем ясно. В калмыцком языке «дарман» означает «сила, возможность» (110, с. 184), в древнетюркском «дарман» означает «лекарство, средство» (104, с. 159), в калмыцком «тармы» «икроножная мышца» (110, с. 478), хотя для наименования «мышца, мускул» есть слово «бульчең» (110, с. 119). Да и слово «тармыдхы», что переводится как «хватать за икроножные мышцы», кажется несколько искусственным (110, с. 479). Все сказанное выше заставило искать другое объяснение. Что, если слово «тарамдажу» надо читать как «таралдажу?», т.е. в значении «рассыпаясь, разбегаясь», где между «м» и «л» нет большой разницы на письме, т.к. направление хвоста во многом зависит от начала: { }, если основная строка соединяется с верхним концом скобки { }, то это буква «м», если основная строка соединяется с нижним концом скобки {·} , то это буква «л». Путаница между «л» и «м» в старомонгольской и старокалмыцкой письменности - дело обычное. Если все так, как мы предположили, то получается

новое предложение, несущее совершенно иное содержание, позволяющее усомниться в правомерности слова «алдадаг» или «алддыг», которое должно звучать как «олдадаг» или «олддыг». Кстати, это согласуется и с грамматической, и с логической стороны: «Дөрвөн өөрдин заңгынь: хотындан ирсен *дээсенде* холче мөрөн, хотче ноха кевтэ, *тарылдже*, эсе олддыг... бишйү?», что должно переводиться как: «Нрав дербен - ойратов таков: когда к ним в хотон приходят враги, то они, как неутомимые кони, как дворовые собаки, разбегаются и не находятся». Не надо забывать, что перед этим ойратов искали в течение восьми дней по всем направлениям, но не нашли. Следовательно, Убаши-хунтайджи не испугался того, что ойраты, в соответствии со своим обычаем, «схватят его за икроножную мышцу и не отпустят», ибо свое бесстрашие он показал уже тогда, когда его покинули союзники Баахан-белбесүн и урянхайский Сэн Мажиг, ополовинившие его силы, а по сути предавшие его. Но названные ошибки создавали текст, который ласкал слух квасных патриотов ойратского величия, а ошибки тиражировались в сознании масс или в виде поэмы Санджи Каляева «Өөрдин үрен дөрвөн үзегте», что значит «Сыны ойратов во всех четырех частях света», или в качестве пьесы Б. Басангова «Сэн Каа». К сожалению, и в переводе А.В. Бадмаева данный отрывок не был исправлен.

Таким образом, можно констатировать, что точность понятийная и предметная взаимосвязаны и взаимообусловлены так же, как связаны предметы и понятия о них. Кроме того, указанные качества связаны с другими, что в совокупности образуют систему коммуникативных качеств, которые между собой взаимообусловлены и взаимодополняемы. Отчего зависит точность речи?

Прежде всего точность зависит от правильности речи, т.к. правильная речь обычно лучше формирует и выражает информацию о действительности, хотя иногда с позиций целесообразности правильность может быть нарушена, чтобы достичь большей выразительности и точности. Точность, обусловленная правильностью, сама может стать базой для формирования таких качеств, как доступность, действенность, уместность. Вообще условия для создания точной речи могут быть экстралингвистическими и языковыми.

Первым экстралингвистическим условием точной речи является знание предмета речи. Однако это же условие оборачивается и лингвистической стороной, если помнить о единстве языка и сознания, о том что познание осуществляется в

языковых формах, т.к. языковая система является важнейшим инструментом познания.

Второе условие — это знание языковой системы, в первую очередь, знание системы языковых значений.

Третьим условием достижения точности речи является прочное знание ее особенностей и обладание навыками, позволяющими говорящему не затруднительно соотносить свое знание предмета со знанием языковой системы и ее возможностей в конкретном коммуникативном акте.

«Настоящий художник слова почти всегда убежденно и мотивированно может объяснить употребление каждого значимого в данном контексте слова», - считает Б.Н. Головин (85, с. 133). Эту же мысль проводил и А.Ш. Кичиков в ряде статей, посвященных отдельным произведениям калмыцких писателей. В достижении точности при выборе слов большую помощь могли бы оказать словари синонимов, омонимов и антонимов. Однако таковых в калмыцком языке нет, не говоря уже об этимологических справочниках. Даже в двуязычном «Калмыцко - русском словаре», как было сказано выше, часто значения тех или иных слов передаются неточно. Отсутствие работ по семасиологии калмыцкого языка затрудняет и работу по терминотворчеству, где точность предметная и точность понятийная имеют исключительное значение. Эта работа еще осложнилась и тем, что в последнее время стало модным пересматривать все, что было сделано до этого, и непременно менять их на нечто новое, даже если в этом нет никакой необходимости.

Понятно чувство патриотов «очистить» свой язык от иностранных слов, но непонятно, почему одни иностранные слова заменяются другими, притом весьма далекими от точности как предметной, так и понятийной?. Ссылка на то, что халхалмонгольский язык родственен калмыцкому, обнаруживает их полную неосведомленность в вопросах семасиологии, где существуют законы, запрещающие сосуществование близкородственных слов, т.к. их семантические поля часто перемежаются и создают двусмысленность в речи. Именно по этой причине в литературную норму включается лишь один из диалектных вариантов языка. В противном случае смешение слов, подобно кровосмешению, порождает путаницу и уродство, ведущие к отмиранию. Чтобы этого не случилось, необходимо прежде всего сделать инвентаризацию всего языкового богатства через составление различных словарей и справочников, охватывающих языковые элементы произведений калмыцких писателей, ученых, журналистов, произведений фольклора и

исторических памятников. Затем надо на базе калмыцких моделей создавать новые термины для новых понятий, не трогая без особой необходимости старые термины, особенно научно-учебного характера. Тогда о точности калмыцкой речи можно будет не беспокоиться. Тогда и заимствования из халхалмонгольского языка или русского не понадобятся. Спасение калмыцкого языка находится в руках только самих калмыков, в самом калмыцком языке.

3.3. Логичность калмыцкой речи

Как и точность, логичность характеризует речь со стороны его содержания. Если точностью оценивается соотношение семантики речи со смыслом текста, то логичностью определяется структура речевой семантики, ее организация, оценивается характер смысловых сцеплений единиц языка в речи с точки зрения их соответствия законам логики и правильного мышления. Эти сцепления значений могут осознаваться как логически непротиворечивые, если они верно моделируют связи и отношения реальной действительности, верно передают структуру мысли (85, с. 144).

По мнению Б.Н. Головина, есть основания различать логичность, как и точность, предметную и понятийную.

Предметная логичность состоит в соответствии смысловых связей и отношений единиц языка в речи связям и отношениям предметов и явлений в реальной действительности.

Логичность понятийная есть отражение структуры логичной мысли и логичного ее развития в семантических связях элементов языка в речи. Разрыв предметной и понятийной логичности можно наблюдать тогда, когда связи и отношения объективной действительности, сущность явлений и событий сознательно искажаются или неправильно осознаются. Существуют формы речи, где предметная логичность почти устранена или существенно трансформирована - это сказки, произведения художественной фантастики и другие, но логика понятийная как отражение структуры мысли и ее развития в семантических связях элементов речи должна присутствовать и здесь. В этом плане в калмыцком языке очень примечательна поэма «Семьдесят две небылицы», где сказитель, отступая специально от предметной логичности, не нарушает понятийной логичности и рассказывает так складно, что слушатели приходят в восхищение. Этот же прием используется при составлении загадок, например, «ааһин дүңгэ һалды алтын делкэ көлчэже», что значит «у огня величиной с чашку

согревается весь золотой и белый свет». Отгадкой является «солнце». Сознательное искажение действительности имеет место и в любой идеологии и пропаганде. Опытные пропагандисты в тонкостях знают законы формальной логики, знают они и те софистские приемы и словесные ухищрения и увертки, которые способны неверные, заведомо ложные положения задрапировать под истинные. Они знают, что этот флер логичности и объективности может убедить читателей, может, хотя бы на время, заставить поверить в истинность, по сути, ложных высказываний. Это сегодня хорошо используется многими политиками во время предвыборных баталий. Однако логика понятийная без опоры на прочный базис «сущностных связей и отношений действительности», без опоры на предметную логичность дает лишь жалкое подобие логичной речи.

Условиями логичности, как и точности, речи могут быть экстралингвистическими и структурными.

Первое условие, экстралингвистическое, состоит в овладении логикой рассуждения, т.е. нормами или принципами правильного рассуждения в поисках новой истины.

Второе условие, структурное или собственно лингвистическое, состоит в знании языковых средств, способствующих организации смысловой связанности и непротиворечивости элементов речевой структуры (85, с. 146-147). Логика изложения отличается от логики познания отчетливой ориентацией на собеседника, на ситуацию речи. Соблюдение или нарушение логики изложения сказывается на понимании речи слушателем или читателем. С позиций культуры речи овладение логикой изложения является не менее актуальной задачей и в принципе более доступной, чем овладение логикой познания. Но, разграничивая логику рассуждения и логику изложения, нельзя забывать, что это разграничение не абсолютно, что существует глубокая внутренняя связь познания с коммуникацией.

Конкретные условия логичности речи с лингвистических позиций наблюдаются в первую очередь в области синтаксиса. Причем одни из них действуют на пространстве одного высказывания, другие - в пределах более сложного объединения высказываний, третьи могут быть обнаружены лишь в целом тексте.

На уровне высказывания логичность достигает, если:

1. Сочетание одного слова с другим является непротиворечивым, т.к. нарушение логических связей между словами может привести к непреднамеренному комизму, например: «гер-гем залху болчкад, ут киитэ, цэ кежгю, нег цоклав», что зна-

чит «Моя жена ленива и говорлива, чай не сварила и я ее ударил». Так объяснял свои действия один мужчина в отношении своей жены участковому милиционеру. Здесь свалено все в одну кучу: и лень, и говорливость, и то, что не сварила чай.

2. Порядок слов является правильным. Как известно, в калмыцком языке весьма важное место занимает строгий порядок слов: тема - исходный пункт высказывания и рема - его коммуникативный центр, сообщающий обычно новое, неизвестное собеседнику. Однако часто под влиянием русского языка, где порядок слов не столь строг, как в калмыцком, бывают случаи нарушения указанной выше последовательности и иногда рема предшествует теме, например: «Ирич - гиж эржэнэв би чамагы», что переводится на русский язык как «Приди же - прошу я тебя».

3. Средством выражения логических связей и отношений между частями высказывания являются служебные слова: послелого, союзы, частицы типа көлтэ «из-за», учрар «по причине», төлэ «ради», мете «подобно» и т.д., а также вводные слова и словосочетания типа: яһад гихлэ «если спросит, почему», тер учрар «по этой причине», тегэд «таким образом» и т.д.

На уровне связного текста логичность достигается, если:

1. Ясно и правильно выражена языковыми средствами связь отдельных высказываний в тексте, если логика речи отражает логику мысли, например: «Мана хальмыг факультетты кесег кафедрмуд секегдлэ. Кафедр болһынды арваһад күүн көделнэ. Теднэ зэрмень сээн нүденде үзегдже йовна», что по-русски значит «На нашем калмыцком факультете открыто несколько кафедр. На каждой кафедре работает по десять человек. Некоторые из них находятся на хорошем счету». Здесь не совсем ясно: кто или что находятся на хорошем счету, кафедры или люди? Думается, было бы логически вернее, если бы было сказано: «Мана хальмыг факультетты секегдсен кесег кафедр болһынды арваһад күүн көделнэ. Теднэ зэрмень сээн нүденде үзегдже йовна», что на русском звучит «На нескольких кафедрах, открытых на нашем калмыцком факультете, работает по десять человек. Некоторые из них находятся на хорошем счету».

2. Переход от одной мысли к другой обозначается достаточно ясно. Для этого и существуют средства, выражающие логические связи и отношения, например: «Эндер йир күнде шүүвер болхмын. Москваһасы нертэ багше ирже. Баһчуд дасан давтчана». Здесь отсутствует логическая связь между предложениями, поэтому эти три предложения кажутся случайными: «Сегодня будет очень тяжелый экзамен. Из Москвы

приехал известный учитель. Молодежь повторяет все, что учили». Было бы гораздо логичнее, если бы они были оформлены средствами логической связи, например, так: «Эндер йир күнде шүүвер болхмын. Яһад гихлэ, Москваһасы нертэ багше ирже. Тегэд чиген баһчуд дассан давтчана», что на русском звучит как «Сегодня будет очень трудный экзамен, т.к. из Москвы приехал известный учитель. Поэтому молодежь повторяет все, что учили».

3. Средством логической организации связного текста является его членение на абзацы. Абзац - это отрезок письменного текста от одной красной строки до другой. В содержательном плане абзац служит выражением законченности части целого, отдельного звена в общей динамике мысли и переход к следующей части, к следующему звену мысли. Правильные абзацы очень помогают следить за логикой авторской мысли.

4. Для оформления текста с точки зрения его логичности выбирается синтаксическая структура, адекватная характеру выражаемой мысли, ее содержания. Нарушить логичность могут как неоправданное дробление мысли, так и ее излишняя усложненность, что выражается, с одной стороны, обилием простых предложений, с другой - немотивированным стягиванием в одно сложное предложение группы законченных предложений.

5. Логичность на уровне целого текста, а не его частей, зависит от его композиции, от метода организации излагаемого содержания (85, с. 154). Из множества разнообразных схем композиционного построения речи наибольшее распространение получило трехчастное построение, где выделяется «Вступление», или вводная часть, призванная подготовить читателя или слушателя к восприятию основного содержания, «Основная часть», раскрывающая главное содержание данного текста, и «Заключение», подводющее итоги сказанному ранее, намечающее дальнейшие перспективы развития темы.

Цельность и стройность логической организации текста, четко выраженные переходы от одной части к другой - все это поможет создать речевое произведение органично цельное, внутренне стройное и завершенное.

Логичность как общее коммуникативное качество свойственно любому типу речи, ибо она опирается на связь «язык» - «мышление». Законы же мышления одинаковы для всех людей и всех коммуникативных ситуаций. Однако проявление логичности весьма специфично в зависимости от конкретных условий коммуникации. Своеобразие логичности особенно за-

метно в тех структурно-функциональных вариантах языка, которые называются его функциональными стилями. Требования логичности речи особенно высоки, например, в научном стиле, т.к. научное изложение наиболее жестко подчинено законам логики. «Наука есть один из наиболее эффективных способов добывания нового знания о мире, одна из наиболее совершенных форм накопления и систематизации знаний, опыта, одна из наиболее экономичных систем обмена знаниями в обществе, их передачи и восприятия» (85, с. 156).

Научная деятельность, как известно, включает в себя как сам процесс научного познания, процесс поиска научной истины, нового знания, так и сообщение результатов научного познания, оформление их как речевого сообщения для других. Передача новой научной информации должна осуществляться так, чтобы она была понята, воспринята другими людьми и признана верной, истинной. Поэтому научное описание обычно имитирует процесс познания. Читатель, или слушатель, должен как бы пройти заново те этапы, которые прошла мысль ученого, идя последовательно от известного к неизвестному, от посылки - к выводу, от вывода к новой посылке и т.д. Именно тогда результат, к которому приходит автор, будет для читателя, или слушателя, понятным и убедительным. Поэтому описание должно быть предельно логичным, вестись в строгом соответствии с законами логики, как реализация в речи логического мышления, ибо законы логики универсальны, объективны, являются результатом обобщения, отражения в нашем сознании наиболее общих свойств, законов реальной действительности (85, с. 156).

Итак, логичность - это одно из важнейших качеств научной речи. Научный текст строится по принципу открытой логичности, причем этот принцип проявляется и в организации плана содержания, и в оформлении плана выражения. С позиций организации плана содержания это проявляется в том, что научная речь принципиально бесподтекстна (85, с. 156). Правильное, непротиворечивое функционирование научных понятий, обозначаемых научными терминами, четкое и логически правильное определение вновь вводимых понятий - непременное условия хорошей научной речи. «Определяйте значения слов - и вы избавите мир от половины его заблуждений» - это высказывание Декарта приобретает особую значимость, когда мы говорим о научной речи (85, с. 157).

Логичность в художественной речи носит весьма специфический характер. Последовательность, непротиворечивость изложения, отчетливое выражение связи между высказыва-

ниями должны, как правило, выдерживаться и в тексте художественной речи. Логичность художественной речи существует как внутреннее единство, взаимодействие двух устремлений автора - к отражению действительности и к выражению художественной идеи в условиях конкретного художественного жанра. В этом взаимодействии предметная или понятийная логичность речи может быть нарушена во имя логики и сцепления художественных образов. При смысловой многоплановости критерии предметной логичности существенно меняются. Объект, который призван быть воплощением художественной идеи, должен иметь в своей индивидуальности черты, которые позволили бы ему символизировать определенное содержание. Существенным условием соблюдения в речи понятийной логичности является требование логической сочетаемости слов. Однако соединение несоотносимых, противоречащих друг другу понятий в художественной речи используется как стилистический прием. Существует, например, особая стилистическая фигура речи - оксюморон - сочетание контрастных по значению слов, создающих новое понятие или представление (85, с. 161). Таким образом, в речи художественной логичность как ее свойство имеет два аспекта: аспект общей речевой культуры и аспект культуры речи художественной.

3.4. Чистота калмыцкой речи

Чистота как особое коммуникативное качество получает истолкование и может быть описано с позиций соотношения речи с литературным языком и нравственной стороной нашего сознания. Чистой называется речь, в которой нет чуждых литературному языку элементов и нет элементов языка, отвергаемых нравственностью, нормами морали (85, с. 164).

Любое общество заинтересовано в осуществлении широкой системы образовательных и воспитательных мер, целью которых является развитие общей и речевой культуры человека, в частности искоренение из речи людей языковых средств, которые разрушают ее чистоту. Какие же это средства?

Это прежде всего диалектизмы, т.е. слова и другие знаки языка, свойственные не общему языку народа, языку литературному, а местным говорам, или диалектам.

Это, далее, варваризмы, т.е. включаемые в речь без особой надобности иноязычные слова и словосочетания.

Это жаргонизмы, т.е. слова и словесные обороты, возникающие и применяемые в жаргонах - узкогрупповых «ответвляе-

ниях» от языка народа, обслуживающих замкнутые в пределах группы потребности общения.

К числу средств, чуждых литературному языку и требованиям нравственности, принадлежат *вульгаризмы*, т.е. слова и выражения грубо, вульгарно обозначающие какой-то круг предметов и явлений жизни и унижающие достоинство и честь человека. К числу этих средств относятся бранные слова и обороты речи, прямо и недвусмысленно оскорбляющие людей.

Наконец, к числу средств, засоряющих речь, надо отнести и слова - паразиты, каждое из которых само по себе не вызывает никакого осуждения, но навязчивое, частое повторение таких слов в речи делает их чуждыми задачам общения (85, с. 164-165).

«Одно из самых сильных тенденций развития литературных языков нового времени, - пишет Б.Н. Головин, - это тенденция к строгому единству, а значит, к укреплению норм. Действием этой тенденции и стоящих за ней потребностей общества объясняется борьба передовых литераторов и общественных деятелей за чистоту языка, за устранение из речи областных словечек и оборотов..., «запрет» на диалектизмы можно и нужно рассматривать как результат действия, пусть и ограниченного в сфере лексики, языковой нормы» (85, с. 165-166). Игнорирование названной тенденции в калмыцком языке, подчас специальное разрушение норм литературного языка, вызванное чувством удовлетворения этнических амбиций, как показала практика, привели к плачевным результатам. Кроме того, убежденность некоторых ученых в правомерности сосуществования так называемого народного языка, обслуживающего повседневные нужды, и литературного языка, обслуживающего узкий круг просвещенной элиты, как это было в среднемонгольскую эпоху, затрудняет борьбу за чистоту литературного языка, за его единство. Отсюда проистекает стремление некоторых ученых и литераторов оснастить калмыцкий литературный язык терминами и словами, взятыми из халха-монгольского языка, даже тогда, когда в калмыцком уже есть соответствующие термины и выражения.

Об отношении к употреблению в литературной русской речи иностранных слов говорилось не раз. Так, В.Г. Белинский писал: «Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания, противна здравому смыслу и здравому вкусу; но она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею. Но противоположная крайность, т.е. неумеренный пуризм, производят те же следствия, потому что крайно-

сти сходятся. Судьба языка не может зависеть от произвола того или другого лица. У языка есть хранитель надежный и верный: это - его собственный дух, гений. Вот почему из множества вводимых иностранных слов удерживаются только немногие, а остальные исчезают» (85, с. 167). Молодой Л.Н. Толстой тоже об этом писал: «Как ни говори, а родной язык всегда останется родным. Когда хочешь говорить по душе, ни одного французского слова в голову нейдет, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело» (85, с. 167).

Думается, и в калмыцком языке происходит то же самое. Желание «блеснуть» и побуждает многих пишущих и говорящих, особенно на темы газетно-публицистические и научные, вставлять в речь без всякой необходимости халха-монгольскую или русскую лексику, несмотря на то, что она мешает общению, в особенности если применяется в неотчетливом значении. Например, в последнее время широко внедряется слово «дурсхыл» как окалмыченное монгольское «дурсгал», образованного от халха-монгольского глагола «дурсах», что значит «вспоминать и говорить о чем-либо, упоминать вскользь, касаться, напоминать» (149, с. 160). Однако это слово не приживается, т.к. в калмыцком нет глагола «дурсхы», как это имеет место в халха-монгольском, зато есть его калмыцкое соответствие «дурдхы» что значит «провождать, называть, упоминать, желать» (10, с. 215). Как видно из примеров, в калмыцком языке не только иная основа, но и отсутствует значение «вспоминать». Поэтому то, что позволено халха-монгольскому «дурсгал», что значит «память, воспоминание» или «дуртгал», что значит «напоминание, упоминание, воспоминание» (149, с. 160), не позволено калмыцкому «дурсхыл», что в «Калмыцко-русском словаре» передается со значением «память, памятный», а в терминологическом словаре литературных терминов означает «памятник». Или рассмотрим слово «ирген», что значит «гражданин» (110, с. 272). Оно тоже просто переписано из монгольского словаря, где оно дается в форме «иргэн», что значит «народ, люди, гражданин» (149, с. 221). Насколько известно, словом «ирген» в старомонгольской письменности передавалось значение «подразделение, племя». Например, в «Сокровенном сказании монголов» читаем: «Дөрбөн обоктан болжу, Дөрбөн ирген теде болба», что значит «Образовав четыре рода, они стали племенем Дөрбөн» (208, с. 10). Да и монгольское значение «народ, люди» не противоречит, а лишь обобщает бывшее значение «племя, подразделение», т.к. слово «иргэн» является производным глагола «ирхе», что значит «резать, надрезать», отсюда и калмыцкое «ирге», что значит «кастрированный баран,

валух». Теперь, возможно, становится понятным, почему слово «ирген» вместо того, чтобы пониматься как «гражданин», часто ассоциируется со словом «иргё», что означает «кастрат». Однако в калмыцком есть слово, которое могло бы выступать в значении «гражданин», это - слово «эрктен», что значит «обладающий правами, обладающий суверенитетом» (110, с. 703), а это и есть основное значение гражданина. Это слово в форме «эрхтэн», что значит «имеющий власть, обладающий властью», встречается и в халха-монгольском языке (149, с. 679).

Ленность мысли, иждивенчество в области терминовтворчества открывает дорогу для засорения калмыцкого языка иностранными словами. Причем если «руссизмы» еще понятны, т.к. все калмыки почти в совершенстве владеют русским языком, то «монголизмы» не только непонятны, но и в силу своей генетической близости порождают некоторую двусмысленность в речи, как это наблюдается со словом «ирген». Если бы мы терминировали слово «эрктен» в значении «гражданин», то во множественном числе получилось бы вполне калмыцкое и узнаваемое слово «эрктед», т.е. «граждане». Тем более, в калмыцком языке это слово существует давно и обозначает ту часть калмыков, которые считались свободными гражданами. Аргументация некоторых ученых типа того, что монгольские термины, введенные в калмыцкий язык, будут способствовать лучшему пониманию работ, написанных на «охалхаченном» калмыцком языке, нашими монголо-язычными коллегам, не только абсурдна, но и вредна, т.к. термины, созданные на другой языковой почве и с другой мотивацией, только запутают смысловые связи в калмыцкой речи и будут препятствовать развитию собственной калмыцкой терминологии.

В отношении же жаргонизмов, вульгаризмов и слов - паразитов калмыцкому литературному языку пока опасаться нет причины, т.к. это «болезни» многофункциональных языков, где достигнута высокая степень языковой и речевой культуры. Главными препятствиями на пути к чистоте калмыцкой же речи пока остаются узаконенные диалектизмы, или точнее «хотонизмы», и немотированные заимствования из русского и халха-монгольского языков.

3.5. Выразительность калмыцкой речи

Степень воздействия на наше сознание различных текстов зависит от многих причин и условий: логика, доказательность, новизна темы, информации, психологическая установка автора на воздействие или ее отсутствие и т.д. - и в ряду этих

многих причин и условий - свойства и особенности структуры речи, причем их роль может быть очень заметной, а то и решающей. Наш речевой опыт подсказывает, что структура речи, ее свойства и особенности могут будить мысли и чувства людей, могут поддерживать обостренное внимание и вызывать интерес к сказанному или написанному. Вот эти особенности речевой структуры и дают основание называть ее выразительной.

«Выразительностью речи называются такие особенности ее структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя», - пишет Б.Н. Головин (85, с. 182), который пытается дать некоторые основания для разработки типологии выразительности.

Одним из оснований выразительной речи Б.Н. Головин считает *ситуацию общения.*

Вторым более четким основанием, касающимся структурных областей языка, является: выразительность произносительная, выразительность акцентологическая, выразительность лексическая и словообразовательная, выразительность морфологическая и синтаксическая, выразительность интонационная и, наконец, стилевая, или стилистическая. Это значит, что качество выразительности может сообщаться речи средствами языка, входящими в разные области языковой структуры. К тому же не надо забывать, что выразительными возможностями обладает сама структурная организация речи, включая в это понятие и структуру абзаца, и структуру главы или раздела устного выступления, и структуру целого текста. Иными словами, *выразительно в речи все то, что выделяется семантически или формально на общем привычном речевом фоне* той или иной типовой ситуации общения.

Применительно к отдельному человеку можно назвать следующие условия, от которых зависит выразительность его речи.

1. *Самостоятельность мышления*, деятельности сознания автора речи. К сожалению, несамостоятельность мышления свойственна и людям, которым это категорически запрещено по роду их деятельности, например, пропагандистам, преподавателям, журналистам, администраторам и даже писателям, претендующим на роль властителей дум.

2. *Неравнодушие, интерес автора речи* к тому, о чем он говорит или пишет, к тому, что он говорит или пишет, и к тем, для кого он говорит или пишет.

3. *Хорошее знание языка, его выразительных возможностей.* Такое знание редко достигается без помощи науки о язы-

ке. Вот почему желателен широкое лингвистическое просвещение специалистов - негуманитариев, нужна хорошо поставленная пропаганда знаний о языке в среде рабочих, крестьян и интеллигенции. Например, о чем и что надо знать? Во-первых, о звуках и их выразительных возможностях; во-вторых, об ударении и его выразительных свойствах; в-третьих, о словах и их воздействии на речевую выразительность; в четвертых, об образовании слов; в пятых, о частях речи; в шестых, о предложениях и их членах, в седьмых, об интонации - но опять же под углом зрения выразительности.

4. *Хорошее знание свойств и особенностей языковых стилей:* художественного, научного, публицистического, делового, разговорно-бытового и эпистолярного. Каждый из этих стилей налагает свой отпечаток на отдельные группы и слои средств языка, которые оказываются стилистически окрашенными. Эта окрашенность дает очень большие возможности авторам речи в усилении речевой выразительности.

5. *Систематическая и осознанная тренировка речевых навыков.* Знание должно перейти в навык. Но как тренировать нужные навыки? Основным средством для этого, как считает Б.Н. Головин, является внимательное чтение образцовых текстов: художественных, научных, публицистических и иных; полезно вслушиваться в речь людей, которые умеют выразительно говорить. Нужно учиться контролировать свою речь, замечать, что в ней выразительно, а что шаблонно и серо (85, с. 186).

6. *Сознательное намерение автора речи* говорить и писать выразительно, психологическая установка на выразительность.

7. *Объективное, языковое, не зависящее от воли, желания, сознания отдельного человека условие, которое создается наличием или отсутствием в языке средств, способных сообщить речи качество выразительности.* «Выразительные средства языка иногда сводят к так называемым выразительно-изобразительным, т.е. тропам и фигурам, - пишет Б.Н. Головин, - однако в действительности это не совсем так, или даже совсем не так. Выразительность могут усиливать единицы языка всех его уровней, начиная со звуков и кончая синтаксисом и стилями... Припомним, как трудно слушать речь, произнесенную скороговоркой, или речь невнятную, когда отдельные звуки не «вырисовываются», произнесены без необходимой точности и четкости артикуляции. Припомним также звукозапись, к которой иногда прибегают поэты, ассонансы и аллитерации, используемые не только в стихах, но и в прозе» (85, с. 187). Го-

воря о выразительных возможностях морфем, реализующихся в словах и в словообразовании, мы можем констатировать, что в калмыцком языке морфемы, выражающие недавнопрошедшее время глаголов -ва, -вэ, желательное наклонение -йа, -йэ, вопросительные формы -йу?, -йү? и -йи? являются более предпочтительными, чем их двойники, перенесшие редуцию, не только с позиций целесообразности и закона сохранения смыслообразительных функций, но и с позиций выразительности.

Говоря о выразительных возможностях лексики русского языка, Б.Н. Головин на примере стихов В. Маяковского доказывает их выразительность, возникшую «в необычных условиях - в условиях стихотворно-поэтической организации целого стихотворения» (85, с. 189). Если же в этом плане рассматривать лексику калмыцкой речи, которая почти всегда тяготеет к стихотворно-поэтической форме за счет пословиц и поговорок, то можно говорить и о выразительности обычных калмыцких слов в речи, где так же темп-ритм, рифма, аллитерация и интонация усиливают их выразительность.

Связывая выразительные возможности лексики с ее семантикой - самой сложной, самой подвижной, самой богатой по выразительности областью языка, Б.Н. Головин пишет: «Выразительные возможности слова поддерживаются и усиливаются актуализацией его семантики, т.е. таким применением, которое соотносит это слово с конкретными предметами и вещами, действиями и состояниями, признаками и качествами, чувствами и представлениями... Актуализация семантики слова в поэзии обычно связана с тем, что можно назвать ассоциативностью образного мышления... Для нас важно прежде всего то, что семантика слова вызвала те или иные ассоциации, а значит, актуализировалась, ожила именно в этом тексте, в выражении именно этой мысли, этого настроения» (85, с. 192).

Далее Б.Н. Головин определяет, что «эпитет - это не слово в словаре; эпитетом слово становится, *когда попадает в речь*. В словосочетании «деревянная полка» прилагательное - не эпитет; в словосочетаниях «деревянный взгляд» или «деревянная походка» это же слово стало эпитетом; прилагательное или причастие, не ставшее эпитетом, поддается логическому определению в своем значении; прилагательное или причастие, ставшее эпитетом, едва ли можно логически определить в его значении - мешают ассоциативные связи, ассоциативные наложения. Эпитет ведет сознание от значения слова к логическому смыслу, а личностные смыслы могут и не совпадать у автора речи и читателя или двух читателей с различным

жизненным опытом, уровнем образования и культуры, с не совпадающими особенностями психики, характеров и темпераментов, с различным идейно-нравственным и эстетическим восприятием действительности. Очень нужна семантическая и структурная типология эпитетов - по степени их близости к значению слова - определения и ассоциативной удаленности от него. В частности, нужно понять ассоциативную природу определений в языке науки и публицистики, понять, становятся ли эпитетами научные и публицистические определения. Есть основание думать, что это происходит, хотя, возможно, и не часто» (85, с. 193).

Метафора, по определению. Б.Н. Головина, - это словосочетание, имеющее семантику скрытого сравнения. Если эпитет - не слово в словаре, а слово в речи, то тем более справедливо утверждение: метафора - не слово в словаре, а сочетание слов в речи. Можно вколачивать гвоздь в стену. Можно «вколачивать» мысли в голову - возникает метафора, грубоватая, но выразительная. В метафоре, в ее значении, еще точнее, - в самой основе ее значения три элемента: информация о том, что сравнивается, информация о том, с чем сравнивается; информация об основании сравнения, т.е. о признаке, общем в сравниваемых предметах, явлениях... И чем больше усилий требует метафора для того, чтобы сознание превратило скрытое сравнение в открытое, тем выразительнее, очевидно, сама метафора... Метафоризируются обычно глаголы и прилагательные..., потому, что они чаще других частей речи оказываются в позиции сказуемого, а эта позиция, в свою очередь, нужна для «стыка», встречи двух значений, обозначающих сходные признаки двух предметов» (85, с. 194). Говоря о свежести, необычности метафоры, обладающей большей выразительностью, чем обычная, Б.Н. Головин предупреждает: «Чересчур переусложненные метафоры перестают осознаваться читателями или слушателями, а это означает разрыв связей между автором речи и теми, кому она предназначена» (85, с. 195). Следовательно, везде должно быть чувство меры, логическая и эстетическая норма.

Можно согласиться с утверждением Б.Н. Головина и в том, что «не меньшими, чем лексика, возможностями усиливать и ослаблять выразительность речи располагает синтаксис языка» (85, с. 195). Однако выразительность в калмыцкой речи достигается не заменой прямого обратным или свободным порядком слов, а совершенно другими средствами. Это обусловлено тем, что в калмыцком синтаксисе строго фиксированный прямой порядок слов. Погоня за русским синтаксисом в плане обогащения синтаксических конструкций часто приво-

дила нас к смешным, курьезным результатам. Так, есть поговорка: «өгсен - авдыг, тэрсен - хаддыг», что значит «Давший - получит, посеявший - пожнет». Однако наши синтаксисты решили пойти по пути обогащения синтаксических конструкций и попытаться скопировать придаточное «подлежащее»: «Кен өгнэ, тер авна, кен тэрнэ, тер хадна», что значит: «Кто дает, тот берет, кто сеет, тот жнет». Думается, кроме удлинения речи, мы ничего нового не получили. Сила и выразительность калмыцкого синтаксиса не в изменении порядка или количества слов, а в его краткой и логически точной конструкции. Обилие причастных и деепричастных оборотов делает речь ритмически музыкальной, по смыслу динамичной, действенной и, значит, выразительной. Здесь именно тот случай, когда можно говорить об объективных условиях своеобразия синтаксической выразительности калмыцкого языка, о не разработанности его выразительных форм.

Интонация, по мнению Б.Н. Головина, позволяет выражать не только логическое значение высказывания, но и его эмоциональные и волевые «созначения», конечно, при условии, что эти созначения в лексико-семантической и грамматической структуре высказывания «заложены».

Особенно важно замечание Б.Н. Головина о том, что «возникает большой круг вопросов и задач, связанных с использованием интонации в сугубо практических целях - в нашей повседневной жизни... Можно лишь посоветовать: помните, что ваша интонация - это зеркало вашей эмоциональной жизни, движения вашей души; культура чувств и эмоциональных межличностных отношений неразрывно связана с культурой интонационного «оформления» высказываний» (85, с. 202).

Выразительность нужна речи любого стиля. Однако потребность в этом качестве, как справедливо отмечает Б.Н. Головин, и условия для его формирования в разных языковых стилях разные. Например, наиболее благоприятны эти условия в стиле художественном. Противоположен художественному стилю по воздействию на речевую выразительность стиль деловой, хотя и этот стиль не лишен некоторых возможностей поддерживать выразительность, связанную с одним из главных требований к документу - требованием логичности и точности.

3.6. Богатство или разнообразие калмыцкой речи

Одним из главных коммуникативных качеств речи считается богатство или разнообразие. Качественно-количественным аспектом его понимания и изучения, по мнению Б.Н. Го-

ловина, является условие, которое «разрешает сформулировать два важных положения, позволяющих представить, что может обозначаться словами и словосочетаниями «богатая речь» и «бедная речь» при условии их терминологирования и что оказывается необходимым структурно-языковым условием богатой и бедной речи.

Во-первых, очевидно, что речь тем богаче, чем реже повторяются в ней одни и те же знаки и цепочки знаков, а это, в свою очередь, означает, что речь тем богаче, чем она разнообразнее по своей языковой структуре, и именно это обстоятельство позволяет как бы отождествлять понятия богатства и разнообразия речи.

Во-вторых, условием, обеспечивающим богатство речи, оказывается, если иметь в виду речь одного человека, индивидуальную речь, *активный запас языковых средств*, т.е. тот запас слов, их значений, запас моделей словосочетаний и предложений, запас типовых интонаций и т.д. - тот запас, из которого человек способен выбрать нужное ему средство и применить его для построения речи, выражающей необходимую информацию. Вместе с тем условием, обеспечивающим богатство речи, ее разнообразие, оказывается и *совокупность навыков*, нужных для незатрудненного и целесообразного применения средств языка, которые находятся в активном языковом запасе человека. К числу условий речевого богатства людей нельзя не отнести *степень активности и самостоятельности работы их сознания и мышления* (85, с. 208-209).

Прежде всего принято говорить о лексическом богатстве речи, которое проявляется в том, что непреднамеренное, не несущие специального коммуникативного задания *повторения одних и тех же слов* применяются в речи *как можно реже*. Например, вспомним, что активный запас слов у А.С. Пушкина превышал 21000 слов, тогда как у современного взрослого образованного человека он не превышает 10000 - 12000 единиц. Конечно, запас слов современных писателей различен, не зря же А.Ш. Кичиков горько восклицал: «Как можно, имея запас в 300 слов, писать более 3000 стихов?». Поэтому нужны специальные, «авторские» словари, чтобы его объем знать точно.

Особый слой речевого богатства образует фразеологическое богатство, которое можно рассматривать и как составную часть лексического богатства, как это делается в калмыцкой лексикологии (16, с. 129).

Пристальное внимание ученых привлекает и семантическое богатство речи, выявляемое разнообразием и обновлением словесных связей, лексической синтагматики (85, с. 210). Имен-

но неистощимость синтагматического варьирования и обновления семантики слов и их сцеплений представляет каждому автору неограниченные возможности обогащения своей речи. Но именно этот источник обогащения речи часто остается неиспользованным, а многие пишущие и говорящие проходят мимо него, не замечая ни его существования, ни нудного, серого однообразия и бедности своей речи, насыщенной повторениями речевых стандартов, готовых словесных штампов, иссушающих живую мысль и чувство (85, с. 210).

Еще одним «пластом» речевого богатства, по мнению Б.Н. Головина, является «интонационный», прочно связанный с «пластами» лексическим, семантическим и синтаксическим. Хотя интонационная бедность или богатство речи явно выражены в звучащей устной речи, но было бы ошибкой, как считает Б.Н. Головин, не учитывать того, что она всегда «задана» лексико-семантической и синтаксической структурой речи и всегда присутствует как в сознании пишущего, так и в сознании читателя (85, с. 211).

Еще одним видом совокупного богатства речи, который создается применением синтаксических средств языка, Б.Н. Головин считает разнообразное использование простых и сложных предложений, которое в калмыцком языке не столь многогранно, как в русском, но тоже может быть полезно.

«Особо пристального внимания к себе ждет такой слой богатства речи, который включает в себя ее организацию и динамику», - пишет Б.Н. Головин (85, с. 211). При этом он под организацией речи предлагает понимать «связи ее языковых элементов, их следование и взаиморазмещение, их комбинирование, их контактное и дистантное взаимное притяжение и отталкивание». Под динамикой же он предлагает понимать «ее развертывание в соответствии с движением сознания автора». «Конечно, - замечает он далее - организация и динамика речи в пределах небольшой газетной статьи, или ученического сочинения, или устной информации о результатах экзамена по математике едва ли могут стать заметными разнообразными, но в речи большого пропагандистского выступления, популярной научной статьи или книги, в особенности в речи художественного произведения, открывают перед авторами большие возможности разнообразия структур» (85, с. 211-212).

«Перечисляя структурно-языковые пласты совокупного речевого богатства, нельзя не упомянуть и об информативной насыщенности речи, ее языковой структуры. Конечно, информативная насыщенность зависит не только от избранного автором речи языкового материала и его применения, но и от

его «насыщения» мыслями, чувствами, различными состояниями сознания. Лениность мысли, скольжение ею по поверхности явлений, равнодушие и притупленность чувств неизбежно ведут за собой серость, однотонность, скудость речи, обедняют лексику, их семантические связи, и синтаксис, и интонацию, и организацию, и динамику речи», - констатирует Б.Н. Головин. Как это верно по отношению к состоянию калмыцкой художественной литературы.

Применительно к функциональным стилям языка и стилям речи проблема речевого богатства получает несколько иное освещение. При этом возникает несколько вопросов:

1. Какие функциональные стили языка благоприятны для роста речевого богатства?

2. Применимо ли понятие богатства речи к стилям языка, возвращающим шаблоны и стереотипы, требующим однозначной повторяемости терминов и типовых синтаксических конструкций?

3. Какое участие принимает данное коммуникативное качество речи в формировании речевых стилей?

4. Не следует ли в совокупное речевое богатство включать и такой пласт, который создается взаимодействием стилей?

5. Должно ли как-то изменяться понимание богатства речи как коммуникативного качества, если иметь в виду речь личности, речь литературного жанра, ситуативные виды и типы речи, речь отдельных социальных слоев населения, речь общества в целом в определенный период его развития?

Б.Н. Головин дает такие ответы:

1. Из языковых функциональных стилей наиболее благоприятен для обогащения речи стиль художественный, т.к. чем богаче речь, тем точнее, тоньше, выразительнее, образнее и самобытнее писатель обозначает художественно отраженную и преобразованную действительность, тем полнее, точнее и действеннее выражает свое отношение к ней, свое эстетическое ее восприятие (85, с. 215). В плоскости калмыцкого языка особенно важно высказывание Б.Н. Головина: «Художник слова ответственен за судьбы родной литературы и родного языка, за его правильность, чистоту, выразительность и богатство, он ответственен за состояние речевой культуры общества» (85, с. 216). В этом плане непонятно отношение наших писателей к проблеме обозначения редуцированных гласных, которые были призваны сблизить письменную речь с устной. Это их усилиями во многом реформа современной орфографии потерпела фиаско, т.к. были предложены заведомо неприемлемые варианты ее реформы, опирающиеся на правила языка

400-летней давности. В итоге - свертывание реформы и возвращение к безгласной орфографии, противоречащей культуре калмыцкой речи и языка.

2. Если не сдерживается этот стиль влиянием газет и канцелярских отчетов, разговорно-бытовой стиль помогает речевому богатству. Именно в разговорно-бытовом стиле речи возникают многие разноликие соединения слов - острые, шуточные, иронические, образные, видоизменяющие уже установившуюся семантику. Именно в ней, в разговорной речи, - великое множество интонационных перепадов и переходов, трансформирования синтаксических структур и синтагматических сцеплений различных языковых знаков. Разговорная речь как воплощение и осуществление разговорно-бытового стиля литературного языка связывает и сращивает этот язык с общим разговорным языком народа и его, этого языка, местными и социальными диалектами. Поэтому разговорно-бытовой стиль поставляет лексический и семантический материал из разговорного этноязыка и его диалектов в литературный язык - если в этом возникает необходимость. Поэтому ориентация на два ведущих диалекта в калмыцком языке, взятая на 4-ой конференции «Языкового строительства Калмыкии» в 1934 году была единственно верной, но дальнейшее сползание на дербетский, более редуцированный диалект было губительно не только для разговорного, но и литературного языка, потерявшего основные ориентиры.

3. Менее всего пригоден для поддержания богатства речи стиль деловой. К сожалению, он в калмыцком не столь развит, как в русском языке, поэтому не грозит быть источником «обеднения» калмыцкой речи.

4. К сожалению, в современном научном стиле тоже немало фактов, говорящих о его обедняющей роли калмыцкой речи. Такая речь нередко насыщается иноязычными терминами, к тому же не несущими определенной информации и даже «затемняющие» ее. Таким образом, несмотря на увеличение числа терминов, которые, возможно, сами по себе могли бы вести к обогащению лексического пласта речевого богатства, совокупное речевое богатство научных текстов нередко чахнет из-за того, что непонятные читателю и невразумительные термины и опирающиеся на них отрезки речевых структур малоинформативны, нет и необходимого для уменьшения речевой бедности разнообразия в организации и динамике речевых структур.

5. Богатство речи как коммуникативное качество в разных языковых стилях выявлено, к сожалению, в неодинако-

вой степени. И хотя богатство речи признано как стилиобразующее и стилеразличающее коммуникативное качество, возникает, как справедливо считает Б.Н. Головин, потребность «внимательно всмотреться в другие коммуникативные качества - не принимают ли и они участия в стилеразличении и стилиобразовании. На наш поверхностный взгляд, уместность речи, необходимая во всех стилях, более, чем богатство, может считаться и стилеразличительным, и стилиобразующим, т.к. именно потребность соответствовать определенным целям и задачам привела к созданию языковых и речевых стилей также и в калмыцком языке (85, с. 219).

3.7. Уместность калмыцкой речи

В типологии качеств хорошей речи есть одно, занимающее особое место, - это уместность. Хотя термин во многом условен, но содержит весьма конкретные значения и в плане экстралингвистическом, и в плане языковом.

«Уместность - такой подбор, такая организация средств языка, которая делает речь отвечающей целям и условиям общения» (85, с. 227). Еще Аристотель в своей «Риторике» неоднократно повторял, что требование адекватности стиля излагаемым предметам, стиль, соответствующий данному случаю, придает делу вид вероятного» (85, с. 227). Он же первым показал различие письменной и устной речи: «...для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же стиль у речи письменной и у речи во время спора, у речи политической и у речи судебной», - если их рассматривать с позиций уместности, органичности использования в них определенных приемов выразительности, сочетания слов.

Марк Туллий Цицерон также считал, что успех выступления на форуме и в гражданских процессах, способность автора убеждать и подчинять себе слушателя зависят прежде всего от уместности его речи. «Сколько задач стоит перед оратором, столько и родов красноречия», - писал он. «Как в жизни, так и в речи нет ничего труднее, как видеть, что уместно. Не для всякого общественного положения, не для всякой должности, не для всякой степени влияния человека, не для всякого возраста, так же как не для всякого места и момента и слушателя, подходит один и тот же стиль, но в каждой части речи, так же как и в жизни, надо всегда иметь в виду, что уместно: это зависит и от существа дела, о котором говорится, и от лиц, и говорящих, и слушающих» (85, с. 228).

Уместность как важнейшее и необходимое качество хоро-

шей речи высоко ставилось русскими филологами, судебными и политическими ораторами.

«В красноречии, - пишет В.Г. Белинский, - есть цель, всегда практическая, всегда определяемая временем и обстоятельствами». Причем есть разные типы ораторов: один «могущественно властвует над толпой силой своего бурного вдохновения; другой - вкрадчивой грацией изложения; третий - преимущественно иронией, насмешкой, остроумием; четвертый - последовательностью и ясностью изложения и т.д.». И что особенно подчеркивал В.Г. Белинский, «каждый из них говорит, соображаясь с предметом своей речи, с характером слушающей его толпы, с обстоятельствами настоящей минуты» (85, с. 228).

Судебную речь известный юрист П.С. Пороховщиков рассматривал как особую форму красноречия, где в соответствии с ее целевой установкой уместны такие качества, как ясность, которая достигается чистотой и точностью слога: «не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья», непосредственность, краткость и простота. «Надо говорить просто, писал он, - можно сказать: «Каин с обдуманном заранее намерением лишил жизни своего родного брата Авеля - так пишется в наших обвинительных актах; или: Каин обогрил руки невинной кровью своего брата Авеля, - так говорят у нас многие на трибуне; или: Каин убил Авеля, - это лучше всего, но так у нас на суде почти не говорят». Сложившиеся шаблоны судебного красноречия, когда оратор как будто сознательно изощряется говорить длинно и непонятно, Пороховщиков считает неуместными в хорошей судебной речи (85, с. 229). Эти же критерии подходят для научной и публицистической речи.

Уместность речи - качество особое в ряду таких, как точность, чистота, выразительность и другие, т.к. уместность как бы регулирует в конкретной языковой ситуации содержание каждого из этих коммуникативных качеств. Без опоры на уместность они теряют свою необходимость.

Существуют ли критерии, по которым можно определить уместность - неуместность языкового факта? По мнению Б.Н. Головина, да, есть.

Уместность речи, будучи функциональным качеством речи, в основе которого лежит идея целевой установки, с этой точки зрения является адекватностью применения языковых средств целям высказывания (85, с. 230). Чтобы соблюдать уместность речи, надо знать стили литературного языка, закономерности словоупотребления, свойственные им, знать стилистичес-

кую систему языка. Уместность требует гибкости в определении приемлемости тех или иных качеств речи, языковых средств, речевого акта в целом. Функциональное понимание уместности речи было сформулировано Пушкиным: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Уместность речи охватывает разные уровни языка и формируется употреблением слов, словосочетаний, грамматических категорий и форм, синтаксических конструкций и целых композиционно-речевых систем. Поэтому уместность может рассматриваться с разных точек зрения. Б.Н. Головин в связи с этим считает целесообразным различать следующие аспекты уместности речи.

3.7.1. Уместность стилевая

«Уместность отдельного слова, оборота, конструкций или композиционно-речевой системы в целом может предопределяться и регулироваться стилем языка», - считает Б.Н. Головин (85, с. 231). Современный литературный язык располагает несколькими его разновидностями, обслуживающими различные нужды общения. Обычно выделяют обиходно-бытовой, или разговорный, деловой, научный, публицистический, стиль художественной литературы и эпистолярный. Каждый из этих функциональных стилей языка имеет свою специфику, свои закономерности отбора и употребления языкового материала. Вопрос же о допустимости или недопустимости того или иного слова, оборота, синтаксической конструкции в каждом из них решается по-разному. Например, в *художественной речи представление об уместности имеет свои особенности*, т.к. «норма» художественного текста неадекватна норме литературного языка. Потому что *художественная литература дает эстетически преобразованную речевую жизнь народа, зависящую от идейных и эстетических принципов творчества писателя.*

«Жизнь слова в художественном тексте - замечает Б.Н. Головин, - определяется сложным взаимодействием, по крайней мере, трех типов различных влияний:

1. Влиянием относительно стандартных норм общелитературного языка;
2. Влиянием беллетристических навыков и традиций, отражающих художественно-языковые вкусы эпохи;
3. Влиянием индивидуальных навыков и вкусов, которым следует в использовании языка и которые устанавливает он сам» (85, с. 231).

Обоснованность, функциональная оправданность отступлений от общелитературной языковой нормы - вот критерии их уместности в тексте художественного произведения. Эти отступления от литературной нормы могут быть на разных уровнях языка.

В каждом стиле литературного языка есть свои закономерности отбора и употребления языкового материала. В каждом из них существуют элементы, определяющие его специфику и называемые стилеобразующими. Перенос их в другие условия общения без особой надобности, без мотивировки совершенно справедливо считается нарушением уместности речи, отступлением от литературной нормы.

Для разговорной речи, которая представляет собой особую систему по сравнению с письменными стилями литературного языка, характерны, например, синтаксические конструкции - стереотипы. Их набор сравнительно невелик, они свободно воспроизводятся в речи и с точки зрения кодифицированного литературного языка производят впечатление неправильностей, которые возникли из-за так называемых стяженных форм или нарушения порядка слов в синтаксисе.

Художественная проза и поэзия часто используют элементы разговорной речи. Но они уместны и органичны в том случае, если эстетически преобразованы, выступают в новой функции, несут художественную нагрузку.

Нарушением критерия уместности является и увлечение излишествами технической терминологии, штампами деловой речи, что тоже можно наблюдать в художественной литературе.

Шаблон и стандарт - характерная особенность делового стиля, делового документа, где они не затрудняют, а облегчают процесс общения. Они помогают лаконичнее и яснее выразить содержание, способствуют быстроте восприятия информации. Каждой эпохе свойственны свои особенности и нормы деловой речи. В наши дни в деловом стиле наблюдается тенденция к демократизации, простоте и доступности.

3.7.2. Уместность контекстуальная

Уместность отдельной языковой единицы регламентируется и таким фактором, как контекст, т.е. ее речевое окружение, т.к. контекст - это не случайный конгломерат слов, а композиционно-речевая система, предполагающая единство плана содержания и плана выражения, однородность стилистической тональности. Критерий контекстной уместности хотя

и определяется в общих чертах уместностью стилиевой, но не всегда совпадает с ней. Нередко можно наблюдать случаи, когда языковое средство, традиционно неприемлемое для определенного стиля, определенных условий общения, в конкретном контексте оказывается уместным, более того, единственно необходимым для достижения нужного эффекта.

Так, например, известно, что глагол способен передавать гораздо больше смысловых оттенков и делает речь более компактной и выразительной, чем существительное, образованное от этого глагола. Благодаря способности глагола управлять именами существительными образуется ряд последовательно зависящих слов и конструкций, что Потембня называл «синтаксической перспективой», т.к. глагол передает видовые и залоговые оттенки, а у отглагольных существительных таких возможностей нет. Употребление отглагольных существительных, особенно в большом количестве, делает речь мелодически бедной, аморфной, сообщает ей налет канцелярщины, влечет за собой, как правило, появление лишних, информативно ненужных слов; шинжелхе «рассматривать» - шинжеллхе кехе «делать рассмотрение», шалһхы «разбирать» - шалһылһы кехе «делать разбор» и т.д. Поэтому основная сфера употребления отглагольных существительных - это деловая и научная речь.

Однако иногда отглагольные существительные предпочтительнее глаголов. На примере стихотворения А.А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» Б.Н. Головин убедительно доказывает, что в определенных условиях и для достижения определенных целей именно отглагольные существительные предпочтительнее глаголов. «Преимущество отглагольного существительного в безличности, неопределенности действующего лица. Это гармонирует с общим лирическим строем стихотворения, которое очаровывает читателя прелестью недосказанного, целомудрием умолчания. Глагол же, как правило, связан с реальным лицом, конкретным деятелем и потому оказался бы слишком груб и неуместен для передачи тонких нюансов поэтического содержания», - заключает автор «Основ культуры речи» (85, с. 239).

Слово, как известно, помимо своего лексического значения, предметного, понятийного содержания несет информацию о своей принадлежности к определенной сфере общения и о способности быть не только прямой номинацией, но и выражать оценку предмета, выражать отношение говорящего к нему, да и его, говорящего, характеристик. В первом случае, т.е. когда говорим, что слово несет информацию о своей принадлежности к определенной сфере общения, мы говорим о функционально-

стилистической окраске слова, о его закреплённости за определённым стилем: баавһа «баба», худырхы «ковырять, жрать» - разговорный, аһы «госпожа», амсхы «кушать» - книжный стиль. Во втором случае, когда слово выражает оценку предмета говорящим, мы говорим об экспрессивно-стилистической окраске, т.е. закреплённости слова за контекстами, автор которых стремится передать свое отношение к сообщаемому, воздействовать на читателя или собеседника. В этом случае различаются окраски - возвышенная или высокая: ээлдхе «провождать», фамильярная: буржеңхы «болтать, бормотать»; выделяется эмоционально и интеллектуально-оценочная лексика - сэвэлэ «профан», жуукуы «пройдоха». Лексика, незакрепленная за специальными контекстами, называется общеупотребительной или нейтральной. Слова по стилистическому признаку могут образовать парадигмы: чирэ - нүүр - хачер «лицо», күнде - түрү - дашката «трудный», хэлэхе - хархы - кулихы «смотреть» и т.д.

Нарушением коммуникативной целесообразности, уместности речи считается сближение, смешение в контексте слов различной стилистической окраски. «Если кто-то в серьезной книге напишет: «фагоциты *уплетают* микробов», это будет глупо и неуместно», - указывал Л.В. Щерба (85, с. 241).

«Однако не всегда сближение слов с различной стилистической характеристикой является неуместным», - считает Б.Н. Головин (85, с. 241). В художественной речи это, по его мнению, становится средством создания образности, когда такого рода стилистические контрасты внутренне мотивированы и несут эстетическую нагрузку. В таком случае перед нами не речевая ошибка, считает он, а художественный прием.

Стилистические контрасты словесных сцеплений используются в литературе и как прием комического, и как способ выражения комического. Такими приемами пользуется сатира

3.7.3. Уместность ситуативная

Уместность речи обнаруживается не только на отдельных языковых уровнях - можно говорить об уместности в определенных речевых системах, в ситуациях речи, в стиле произведения в целом (85, с. 243).

В статье «Заметки о стилистике современной советской литературы» В.В. Виноградов остро поставил вопрос о «мещанстве в сфере словесно-художественной стилистики». Мещанская стилистика, как болезнь, проникающая в советскую литературу, уводит в сторону от реализма и проявляется в стрем-

лении к «красивости», к расцвечиванию текста банальными словесными оборотами, к витиеватости фразы, внутренне пустой, к «излишествам» в изображении мелких деталей быта. В.В. Виноградов считает, что такая речевая организация текста неуместна в литературе (85, с. 245).

3.7.4. Уместность личностно-психологическая

Говоря с собеседником, выступая перед аудиторией, мы невольно передаем не только ту или иную информацию, но и наше отношение к действительности, к окружающим нас людям. Поэтому важно позаботиться о том, как наша речь подействует на собеседника: не травмирует ли она его грубостью, не унижит ли его достоинство?

Уместность речи - качество очень важное в социальном аспекте, потому что она регулирует, во всяком случае должна регулировать, все наше речевое поведение. Умение найти нужные слова, интонацию в той или иной ситуации общения - залог успешного взаимоотношения собеседников, возникновения так называемой обратной связи, залог морального и даже физического здоровья людей.

Грубость - одна из наиболее типичных проявлений неуместности речи, социальные последствия которой, к сожалению, не все себе хорошо представляют. Известный хирург профессор Ф.Г. Углов пишет: «Мы, врачи, часто встречаемся с заболеваниями, вызванными бестактностью и невниманием других людей. Тем тяжелее видеть, как человек подвергается серьезной опасности и тяжело страдает из-за грубости. И кажется странным, что в нашем государстве, где приняты за норму самые гуманные принципы социалистических отношений, кое-где не развернута по серьезному борьба с проявлением грубости... Если пуля, выпущенная врагом, может повредить часть тела, то грубое слово попадает в сердце и нередко валит человека наповал» (85, с. 247). Это очень хорошо согласуется с калмыцкой пословицей: «Малян шархы эдегхлэ, үгин шархы эдегдго», что значит «если шрам от плети заживает, то шрам от слова - никогда». Однако хотелось бы в этой связи заметить, что гораздо опаснее не открытая грубость в виде грубого слова, против чего можно взорваться и как-то наказать обидчика, а грубость скрытая, прикрытая вежливыми, уместными словами, но сопровождаемая бездушным отношением к собеседнику, когда за ровной бездушной интонацией слышится: «пошел вон, скотина». Это уже верх издевательства.

Критерий уместности речи — это исторический критерий,

определяемый в каждую эпоху уровнем развития литературного языка, речевыми вкусами общества и, видимо, целым рядом экстралингвистических причин.

Нарушение критерия уместности всегда остро ощущается и в речи устной, и в речи письменной. Умение избавиться от них не дается человеку от рождения. Способность менять характер речи применительно к содержанию, условиям и задачам общения воспитывается и переходит в прочный навык, если человек понимает ее необходимость и добивается этого. Можно назвать лишь несколько условий, которые необходимы для того, чтобы сделать нашу речь уместной.

Во-первых, это хорошее знание структуры языка, т.е. единиц: слов, фразеологических оборотов, синтаксических конструкций, которые представляют нам возможность выбора нужных средств высказывания в каждом конкретном случае. Это хорошее знание системы языка, т.е. тех связей и отношений, в которых находятся между собой его структурные элементы. Только имея представление о специфике стилей литературного языка, стилистической дифференциации лексики, можно найти наиболее целесообразный способ, вариант передачи информации.

Во-вторых, это умение пользоваться языком, навыки разумного применения его ресурсов, а эти навыки неразрывно связаны с культурой мышления и речи людей.

В-третьих, это хорошее знание предмета, той темы, о которой мы собираемся говорить, *ясное представление об объеме и характере информации*, которую необходимо сообщить слушателям и читателям.

В четвертых, немаловажную роль играют и факторы нравственно-психологические: культура говорящего или пишущего, его чуткость, доброжелательное отношение к людям, его идейные позиции и убежденность.

Итак, в калмыцком языке, как и в русском, свободно можно определить семь коммуникативных качеств речи: правильность, точность, логичность, чистота, выразительность, богатство и уместность, из которых только «правильность» требует лишь незначительной доработки.

ГЛАВА IV ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СТИЛИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА В ОТНОШЕНИИ К КУЛЬТУРЕ КАЛМЫЦКОЙ РЕЧИ И РОЛЬ ТЕКСТОЛОГИИ В УЯСНЕНИИ ЭТИХ ПРОБЛЕМ

4.1. Функциональные стили калмыцкого литературного языка

Среди работ по стилистике монгольских языков наиболее известна работа Л.Д. Шагдарова "Функционально-стилистическая дифференциация бурятского языка", опубликованная Бурятским книжным издательством в 1974 году. В калмыцком же языкознании нам известна лишь работа А.Л. Каляева "Стилистика калмыцкого языка", учебное пособие, выпущенное в Элисте типографией Калмыцкого государственного университета в 1997 г. Причем, если Л.Д. Шагдаров в бурятском языке выделяет: художественный, общественно-публицистический, стиль учебно-научной литературы и литературно-разговорный - четыре стиля, то в работе А.Л. Каляева мы встречаемся с художественным, публицистическим, учебно-педагогическим и разговорным стилями. По мнению А.Л. Каляева, научного стиля в калмыцком языке нет, "поскольку научная работа, большей частью, ведется на русском языке" (118, с. 65), хотя и признается, что к языку научных работ приближается язык учебников, очень жаль, что авторы работ по стилистике монгольских языков не стали выделять такие стили как деловой и эпистолярный, которые упоминаются в общем языкознании и вполне закономерны в истории калмыцкого и монгольских языков, чьи носители издревле имели собственную государственность и имели потребность вести государственные дела и богатую переписку.

Если о первых четырех функциональных стилях калмыцкого языка можно пока не говорить, т.к. они получили достаточно ясное описание у А.Л. Каляева, то о последних двух, думается, стоит сказать несколько слов.

Действительно, ранее достаточно популярный и достаточно широко функционировавший эпистолярный стиль сегодня с распространением телефонной и электронной связи стал менее употребительным в повседневной практике. Однако это не значит, что его значение полностью утратилось как один из способов современной коммуникации. С появлением интернета, с развитием рыночных отношений умение составить хорошее письмо, думается, еще не утратило своей ценности. Письма могут быть разные по форме и по содержанию, но структура у них почти всегда одна:

1. Приветственное обращение к адресату;
2. Представление себя автором письма;
3. Ознакомление с вопросом, по поводу которого пишется письмо;
4. Предложения по указанному вопросу;
5. Прощание с указанием своих пожеланий на будущее;
6. Подпись автора письма, число, год, местность.

По своим стилистическим особенностям эпистолярный стиль располагается где-то между научным и публицистическим стилями, т.к. любое письмо должно быть по научному точным и логичным, а также выразительным и уважительно-вежливым. В монгольском и калмыцком языках примерами эпистолярного стиля могут служить, например, письма Чингис-хана к Ван-хану и Джамуке, приведенные в "Сокровенном сказании монголов" (208, с. 127).

Деловой стиль, прекративший свое функционирование с исчезновением Калмыцкого ханства после событий 1771 года, вновь возрождается на калмыком языке с 1992 года, когда был принят закон о государственном статусе калмыцкого языка наравне с русским на всей территории Республики Калмыкия. И хотя этот закон в полной мере не действует, но Указы, Постановления Президента, Правительства и народного Хурала все же публикуются на страницах газеты "Хальмг үнн". Правда, под влиянием штампов делового стиля русского языка, в указанных документах еще встречаются отдельные неточности и даже ошибки. Так, например, в газете "Хальмг үнн" от 30 июня 1999 года на странице 3 читаем:

"Хальмг Таңһчин Президентин Зэрлг
Эрк биш медицинск страхованя
территориальн зокалмудт хуврлт орулхин тускар
Ода үүлджэх законодательствлэ ирлцүлхин төлэ,
1998 жилин апрелин 23-д Хальмг Таңһчин
Президентин һарһсн

75-ч тойгта Зэрлгэр батлсн эрк биш медицинск страхованя
территориальн зокалмудин
25, 4.1. пунктсиг уурулхмн.
Хальмг Таңһчин Президент
Элст балһсн, 1999 жилин юнин 18. № 112.

Или тут же: "Хальмг Таңһчин Президентин заавр
Ө-шуһу модна чинринь йилһхин тускар" и т.д.

Здесь нами подчеркнуты части, которые нарушают порядок слов в калмыцком предложении. В действительности же словосочетание, находящееся сверху, должно было быть снизу, т.е. следовать за словосочетанием, подчеркнутым внизу; тогда указанные тексты должны были иметь следующий вид:

"Эрк биш медицинск страхованя
территориальн зокалмудт хүврлт орулхин тускар
һарсн

Хальмг Таңһчин Президентин Зэрлг" или "заавр..."

Нарушение синтаксических законов порядка слов не только портит восприятие, но и искажает смысл всего текста. Это нужно исправлять, и немедленно.

Вообще уже долгое время работа над совершенствованием калмыцкой как письменной, так и устной речи не проводилась. Забота об этом еще не стала делом государственной важности. Только в последнее время ряд Указов Президента Калмыкии К.Н. Илюмжинова направлены были на исправление создавшегося положения. Однако недостаточное финансирование и отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров, занятых в этой сфере, замедляет благородное и архиважное дело возрождения калмыцкого языка.

Итак, учитывая историческую перспективу и возможности калмыцкого языка, можно констатировать, что в калмыцком могут функционировать все шесть разновидностей функциональных стилей языка: художественный, публицистический, научный, эпистолярный и деловой, относимые к так называемым книжным или письменным стилям, а также разговорно-бытовой, который безусловно должен быть в рамках литературности, о чем недвусмысленно заявляет Л.Д. Шагда-ров (241, с. 335).

4.2. Стили языка и стили речи в калмыцком языке

"Стили языка, по мнению Б.Н. Головина, - это типы его функционирования его структурно-функциональные варианты,

соотнесенные с типами социальной деятельности и отличающиеся друг от друга совокупностями и системами различий в степени активности средств языка, достаточными для их интуитивного опознания в процессе общения... Если мы принимаем различие языка и речи, мы неизбежно должны будем принять различие стилей языка и стилей речи... Стили речи, как и стили языка, замечаются читателями и слушателями. Совокупность таких различий, устойчиво проходящая через все произведение, цикл произведений, может быть, через все творчество, очевидно, и называется стилем речи..." (85, с. 263). Одним словом количество стилей языка невелико, количество же стилей речи бесконечно. И все же существует несколько оснований, по которым Б.Н. Головин предлагает различать стили речи:

1. *Стили самого языка*, каждый из которых реализуется в речевых стилях, поэтому читатели свободно различают художественный, публицистический, научный и деловой речевые стили.

2. *Задачи и цели общения*: информация о чем-либо; воздействие на настроение и поведение людей; обсуждение, словесно выраженное обдумывание чего-либо; объяснение каких-то сложных вопросов; убеждение кого-либо в чем-то и т.д.

3. *Жанры художественной и нехудожественной литературы*: роман, юмористический рассказ, лирическое стихотворение, стихотворение в прозе, фельетон, передовая статья в газете, информационная заметка, докладная записка, выступление на политическом митинге, научный доклад, учебная лекция и т.д.

4. *Ситуация общения*: разговор между продавцом и покупателем, беседа учителя с учеником, обсуждение какого-то вопроса на заседании в министерстве, разговор влюбленных в городском парке, беседа гостей за обеденным столом, письмо другу, создание поэтом торжественной оды и т.д.

5. *Личность автора речи*, уровень его развития, его темперамент, отношение к людям и природе, другие стороны его "я".

Если видеть, что названные выше основания различения и разграничения стилей воздействуют на нашу речь не порознь, а как бы накладываясь один на другой, то становится понятно, что общая система речевых стилей велика количественно и многогранна качественно (85, с. 264).

Таким образом, как заключает Б.Н. Головин, "стили речи - это устойчивые, "воспроизводимые", совокупности и системы особенностей ее языкового состава и построения, соотнесенные со стилями языка, целями и задачами общения, жанрами ли-

тературы, ситуациями общения и личностями авторов (85, с. 265), т.е. стиль речи можно назвать стилем индивидуальной речи.

Известно, что коммуникативные качества речи неодинаково отвечают на свойства и особенности различных стилей языка и индивидуальные качества стилей речи. Поэтому одной из важнейших задач науки о речевой культуре становится понимание и описание воздействий стилей языка и стилей речи на коммуникативные качества. Так, *художественный языковой стиль*, как уже говорилось выше, поощряет такие коммуникативные качества, как *правильность, точность, логичность, выразительность и богатство*, хотя точность и логичность в художественных произведениях бывают весьма своеобразными. *Научный стиль языка* поощряет и поддерживает прежде всего такие коммуникативные качества речи, как *логичность, точность, чистота и уместность*, в меньшей степени - выразительность и богатство. Выразительность научной речи поддерживается четкостью, строгостью, ясностью синтаксических структур, точностью и логичностью применения лексики. *Разговорно-бытовой же стиль менее других требователен* к такому необходимому качеству, как *правильность*. Сами условия производства разговорной речи: необходимость сиюминутного, сиюсекундного выбора слова, словосочетания, конструкции предложения - способствуют тому, что в ней возникают многочисленные искажения формы, в особенности синтаксической: структурные перебои, возвраты к началу конструкции, нарушения порядка слов, лишние вставные элементы и многое другое, что некоторыми учеными рассматривается как "норма разговорной речи". Под влиянием тех же условий в этом стиле колеблются такие качества речи, как *логичность и точность*. Под влиянием тех же условий, а также бестактности, невоспитанности, недостаточной культуры взаимного общения здесь может *ослабляться или сводиться на нет, превращаться в свою противоположность* такое качество речи, как *уместность*. Разговорно-бытовой стиль пока, к сожалению, очень нетребователен к чистоте речи как одному из главных ее коммуникативных качеств. Эта нетребовательность коренится не в свойствах самого стиля, а в людях, которые его используют, в уровне их внутренней культуры, т.к. обогащение этой культуры, как правило, ведет к усилению чистоты речи человека. Только два связанных друг с другом качества: выразительность и богатство - поддерживаются этим стилем. Это объясняется свободой, нерегламентированностью бытового общения, широким диапазоном эмоциональ-

ных, нравственных, логических, тематических, психологических колебаний и различий, которым подчиняется разговорное речевое поведение людей, хотя в калмыцком языке есть множество этических условностей, помогающих обуздать стихию устной речи.

Понимание связей между коммуникативными качествами речи и языковыми стилями позволяет не только углубить понимание каких-то сторон речевой культуры, но и дает возможность яснее увидеть те участки речи, которые требуют улучшения, а следовательно, и внимания ученых и литераторов и их практических рекомендаций. Однако леность, а порой просто отсутствие внутренней культуры, побуждающей совершенствовать свое мастерство, позволяет многим литераторам и ученым не обращать внимание на любые рекомендации.

Можно попытаться представить наиболее очевидные связи между коммуникативными качествами речи и стилями языка, определить наиболее уязвимые места в этих связях.

Качества	правил.	Точность	логичнос.	чистота	уместнос.	Выраз-ть	богат-во
Стили							
Худож.	Да	да	да	да	да	да	да
Научн.	Да	да	да	да	да	слабо	нет
Публ.	Да	да	да	да	слабо	да	слабо
Делов.	Да	да	да	да	слабо	нет	нет
Эпист.	Да	да	да	да	да	да	нет
Раз-быт	Слабо	слабо	слабо	слабо	слабо	да	слабо

Конечно, эта таблица может рассматриваться лишь как тенденции взаимных связей, а не то, что может наблюдаться в действительности (85, с. 268). Таким образом, степень речевой культуры можно регулировать; т.е. двигаться от разговорно-бытового через деловой, научный, эпистолярный, публицистический к художественному, как высшей ступени культуры речи. Эта таблица позволяет определить и четыре важнейших качества: *правильность, точность, логичность, чистота*, присущие всем стилям языка. Следовательно, с них и надо начинать обучение культуре речи.

4.3. Речевая культура в научном и учебном общении

"В век научно-технической революции - пишет Б.Н. Головин, - возрастает роль учебного общения преподавателя и уча-

щегося в средней и высшей школе и научного общения лиц, занятых в "производстве" знаний о мире. В свою очередь в самом процессе научного и учебного общения возрастает роль терминологии и терминологической культуры людей. Конечно, и научное, и учебное общение обслуживается не одной терминологией, но и всеми иными средствами языка, однако терминологии здесь принадлежит едва ли не первое место. Поэтому о ней и нужно прежде всего говорить и думать, обсуждая возможности языка в общении ученых и в общении наставников со своими учениками в стенах школ и вузов" (85, с. 270).

Термин - это отдельное слово или образованное на базе имени существительного подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенной профессии: научной, технической, производственной, управленческой и т.д. Термин - необходимое орудие профессионального мышления и профессионального освоения предметной действительности. В идеале он должен быть однозначным, лишенным каких-либо эмоциональных наслоений, лишенных также синонимических связей. Реально же термины оказываются несколько иными, как это было показано Г.Ц. Пюрбеевым в его капитальном труде "Современная монгольская терминология" (180). И все же сильная тенденция к однозначности и строгой логичной очерченности семантических границ у терминов есть. Ее и надо поддерживать в процессе терминопотребления. Вместе с тем надо считаться с реальной неоднозначностью многих терминов и необходимостью как-то преодолеть ее, обеспечивая нужную в научном и учебном общении однозначность терминопотребления. Но проблема точности терминопотребления - одна из наиболее острых и сложных в научном и учебном общении. Ее острота и сложность объясняются не только тем, что многие авторы научных работ и учебных бесед и лекций ее как бы не замечают, но и тем, что смысл, вкладываемый автором научной речи в термин, уже освоенный наукой, оказывается нечетким, "плывущим" или термин бывает поставлен в такие синтагматические связи с соседними словами, что читатель не может понять, что к чему.

Известно, что для того, чтобы читатель или слушатель мог понять автора речи, необходимо, по крайней мере, однозначное применение и понимание слов и их соединений автором и слушателем или читателем. Полисемия слова снимается в речи хорошо продуманным его окружением, его связями с другими словами. Если такого окружения нет, нет и одинакового понимания слова автором и слушателем или читателем.

"По-видимому, - замечает Б.Н. Головин, - в терминопотреблении должны быть замечены главные ошибки и недостатки, в устранении которых прямо заинтересованы и наука, и преподавание научных дисциплин, и учение о речевой культуре - в той мере, в которой и терминопотребление регулируется нормой и целесообразностью и подчиняется общим требованиям речевой культуры. Эти главные ошибки и недостатки следующие:

1. Неснятая полисемия термина;
2. Выдвижение на первый план в структуре речи одного, притом неглавного значения - при оттеснении второго или остальных;
3. Нелогичные семантико-синтаксические связи термина со словесным окружением и внутри этого окружения;
4. Соотнесение с термином такого определения, которое не соответствует практике научного использования этого термина;
5. Противоречия, смысловые и логические, между применениями одного и того же термина в разных "участках" текста;
6. Фактическая нетерминированность слов, реально функционирующих в роли терминов; неточность терминопотребления;
7. Утаенная от читателей или слушателей подмена одного значения термина совершенно другим" (85, с. 272).

Какими же причинами вызывается неудача или ошибка в формировании автором речи семантико-смысловых связей, в которые ставятся те или иные термины? Причин может быть несколько:

1. Первая причина состоит в том, что автор речи сам неотчетливо видит логические границы применяемого термина, поэтому и возникают логически не однотипные связи термина с другими словами, расшатывающие его значение.

2. Вторая причина - слабый авторский самоконтроль. Элементарная авторская обязанность - внимательно и как бы "со стороны" вдуматься в написанное или сказанное - не выполняется.

3. Третья причина - недостаточно свободное владение языком, его синтаксическими и семантическими средствами и возможностями. Когда "чувство языка и стиля" не очень развито или в каких-то условиях временно ослаблено, автор речи может принять такие семантико-синтаксические связи, такие синтаксические структуры, от которых нужно было отказаться.

Еще одна речевая ошибка, возникающая в применении терминов, вызывается *частой необходимостью строить их логические определения*. Всякое определение имеет языковую форму и представляет собой словесную формулу, соотносимую с логическим содержанием термина и так или иначе это содержание объективирующую. Каждый термин имеет известную традицию его применения, закрепляющую вполне определенную предметную и логическую его отнесенность. Задача автора речи, создающего логическое определение термина, состоит, очевидно, в том, чтобы эту отнесенность видеть и знать; только в этом случае ее можно словесно объективировать в определении. Словесная формула определения должна быть логично проста (85, с. 277). Требуется очень большая осторожность в применении терминов, большое внимание к тому, как их использует тот или иной автор для того, чтобы по возможности предупредить расшатывание терминологических систем и связанных с ними систем научных понятий. Например, в калмыцкой грамматике часто используется словосочетание "гласная мягкого ряда" или "гласная твердого ряда" вместо правильного словосочетания "гласная переднего ряда" или "гласная заднего ряда", т.к. "рядность" гласного определяется "передним" или "задним" положением языка при образовании звука, а понятия "мягкость" или "твердость" мы привыкли связывать с согласными звуками, у которых появляется "мягкость", если при образовании звука кончик языка приближается к мягкому небу или к "палатале", почему и называют иногда "мягкие согласные" еще и "палатализованными". Конечно, при "палатализации" язык движется вперед и на этом основании как-то можем сблизать два понятия "мягкий" и "передний", но на практике все же лучше, если термин "мягкий" оставить за согласными, а "передний" - за гласными, т.к. это сразу позволит различать, с чем мы имеем дело, с гласным звуком или согласным.

"Уровень терминологической речевой культуры отчетливо опознается и по тому, как автор относится к уже освоенной научной терминологии. Его право - отвергнуть ее вместе с выражаемыми ею концепциями. Но это осуществимо в двух случаях: либо при условии создания новой системы гипотез, новой теории и, естественно, новой терминологии, что, видимо, невозможно; либо при условии перехода с позиций одного направления или школы в науке на позиции другого направления или школы, что, разумеется, возможно, однако требует от автора хотя бы элементарного такта научного общения, который выразился бы в том, что автор предупредит своих

читателей или слушателей о своем переходе в другой научный лагерь", - считает Б.Н. Головин (85, с. 279-280). В калмыцком же языке слово "категория" было освоено в виде "категорь" и использовалось в грамматике давно, но с недавнего времени стало заменяться термином "ээшел" в том же значении. Что это? "Окалмыченый вариант" монгольского слова "ай", имеющего значение "категория?" (149, с. 26). Нет. Тогда откуда взят глагол "ээшхе?". Если это новое творение от слова "ээ", что значит "звук" (110, с. 61), то что оно означает? "Звучать?". Если так, то "ээшел" должно бы означать "звучание". Тогда как быть со словом "айелһы", означающим "говор, произношение" или "айелты", означающим "интонация, дикция, произношение" (110, с. 31)? В общем новый термин ничего нового не дает ни уму, ни сердцу, а понимание речи читателями или слушателями затруднил. Может быть, пока не надо трогать старые термины? Вот ученые придумали клонирование. Оно еще не нашло своего отражения в калмыцком языке. Пожалуйста, творите, выдумывайте, пробуйте, только не разрушайте терминологическую систему калмыцкого языка.

Причины ошибок и недостатков в речевом применении научной терминологии, по мнению Б.Н. Головина, заключены в следующем:

1. Неотчетливое видение автором речи полисемии термина и объективной необходимости так или иначе ее преодолеть в структуре речи;
2. Ослабление контроля за соотношением примененного термина и обозначенного им факта;
3. Неотчетливость понимания автором значения термина, принятого в науке, а вместе с этим и неотчетливость осознания соотношенности термина и реалии, термина и понятия;
4. Неверное включение термина в цепь связей с полнозначительными словами текста, в результате чего значение термина не уточняется, как того требуют интересы научного общения и потребности читателя;
5. Неосведомленность автора в существовании идейно-теоретических схождениях и расхождениях разных научных направлений и школ;
6. Сознательный переход автора речи на иные теоретические позиции - по сравнению с теми, которые были приняты ранее или принимаются большинством ученых - при нежелании или неумении переменить привычную и общепринятую терминологию на иную, соответствующую вновь усваиваемым концепциям;
7. Осознанное намерение осуществить разрушающее втор-

жение в традиционную систему терминопользования - ради тщеславного желания сказать "новое слово" в науке.

Каждый из этих недочетов в речевом применении термина обнаруживает некую двуликость: одним лицом он обращен к научным идеям, концепциям, теориям и гипотезам, к глубине и степени истинности понимания каких-то фактов и явлений, а другим - к речи, ее качествам, условиям и требованиям ее культуры (85, с. 282).

В свете вышеизложенного становится понятным, что говорить о культуре построения терминов: пусть они будут краткими, однозначными, ясными по морфологической и семантической структуре и т.д. - можно, но, как показывает изучение фактов, приведенных Г.Ц. Пурбеевым в книге "Современная монгольская терминология", такие разговоры остаются, как правило, разговорами, а термины живут своей языковой жизнью, не снимая специфики, налагаемой научным мышлением, которое и осуществляется при условии, что есть созданная и развивающаяся терминология. Следовательно, говорить о культуре создания терминов можно, но не очень нужно. Говорить же о культуре терминопользования, т.е. о культуре применения терминов в речи, и можно, и очень нужно, т.к. ошибки и недостатки в речевом применении терминов больно задевают науку, прежде всего - общение ученых, мешают коллегам в одной и той же области знания, специалистам по одному и тому же вопросу понимать друг друга. Например, вспомним более чем полувековой спор между представителями московской и ленинградской фонологических школ по вопросу: что же такое фонема? Вспомним недавние споры о редуцированных гласных в калмыцком языке и их обозначении на письме и другое.

Одно из объяснений затянувшихся и безрезультатных споров Б.Н. Головин видит в "коварстве терминов", когда по каким-то причинам один тот же термин соотносится с разными предметами, результативный спор исключается, потому что одна спорящая сторона может иметь в виду один предмет, а вторая спорящая сторона - другой, ведь один и тот же термин имеет, по условию, различную предметную отнесенность" (85, с. 283).

Ошибки и недостатки в применении терминов больно задевают и учебное общение учителей со своими учениками, преподавателей со студентами, авторов учебников с их читателями. Если преподаватель не объяснит толково, в каком значении применяется тот или иной термин, не даст обучаемым информации, нужной для того, чтобы предметная отнесен-

ность термина в речи преподавателя и в ее восприятии учеником была одна и та же, - трудно рассчитывать на хорошее усвоение обучающимися знаний, которые дает им обучающий. Возникает своего рода конфликт познания между учителем и учеником. Ученик видит не то, что хочет донести до него учитель.

Такой конфликт возникает не только тогда, когда учитель неудачно направил сознание ученика не на тот предмет, который видит сам, но и тогда - и это, видимо, бывает чаще, когда, изложив разные точки зрения и дав, следовательно, базу для различий в предметной отнесенности термина учениками, преподаватель оставляет их один на один с необходимостью выбора из нескольких неизвестных им величин одной. Но ученик, как правило, не справляется с такой задачей. "Обязанность каждого преподавателя, - утверждает Б.Н. Головин, - договариваться со слушателями или читателями о принятом в лекции, статье, книге понимании наиболее необходимых терминов, устанавливая их предметную и понятийную отнесенность. Опытные преподаватели постоянно чувствуют опасность непонимания или искаженного и неполного понимания слушателями того, что сказано в лекции, беседе или на уроке. Главное средство предупреждения и устранения этой опасности - хорошее, доступное слушателям или читателям, логичное и точное объяснение терминологических значений" (85, с. 285).

Огромный пласт монголизмов и новых терминов, используемых в последнее время в школьных учебниках по калмыцкому языку и литературе, приводит часто к тому, что даже многие учителя не могут понять, о чем идет речь. Например, В.Н. Мушаев и Р.Б. Дякиева выпустили в 2001 году методическое пособие для выпускников 9-го, 11-го классов и слушателей подготовительного отделения Калмыцкого государственного университета под названием "Хальмг келнэ болн литературин шүүврт белдлнн". На странице 11 читаем: "1. Хальмг урн-үгин литератур 20-гч жилмүдт". Это надо понимать как "Калмыцкая художественная литература в 20-х годах". Однако через две строчки читаем: "30-гч жилмүдин хальмг утх-зокъялин эркн седв-төрнь". Что это? Только с помощью "Монгол-орос толь" мы поняли, что здесь речь идет о "важнейших темах калмыцкой литературы 30-х годов", где "утх-зокъял" является "окалмыченным" вариантом халха-монгольского слова "утга-зохиол", что значит "литература", а "седв-төр" - это парное слово, образованное из халха-монгольского "сэдэв", что значит "тема, тезис" (149, с. 373, 465) и калмыцкого слова

примерно с тем же значением "тема, проблема, вопрос" (110, с. 514). Далее, уже на странице 12 читаем: "16. Төрскэн харсгч дээнэ төр хальмг бичэчрин *утх-зокъялмудт*". Вероятно, авторы хотели сказать: "Тема Великой Отечественной войны в произведениях калмыцких писателей", но с помощью словарей это переводится как "тема о защите родины в войне в литературах калмыцких писателей". Что тут сказать? Калмыки в таких случаях обычно говорят "Күүнэ юмн күүнэ, күрнэ махын заарта", что значит "Чужое есть чужое, как и мясо хорька - вонючее". Так, весьма образованные люди, желая "блеснуть" монгольской терминологией, породили нечто не совсем понятное. А что должны думать ученики, ждущие от пособия помощи?

Вообще, думается, стремление к безудержному освоению халхаской терминологии - это то же чувство иждивенчества, которое раньше было в моде у наших старших товарищей. Хотя, к их чести, они подходили к заимствованиям более ответственно, чем современные односторонние пуристы. Они понимали, что влияние русского языка - это объективный фактор, и не учитывать этого особенно в процессе обучения - значит вести язык к изоляции. Другое дело, что они не всегда использовали богатейшее наследие прежних этапов развития. Но они, на наш взгляд, сделали все, что могли. Честь и хвала им за это. Наша задача сегодня состоит в том, чтобы не бросаться в другую крайность - в халхаизацию калмыцкого языка, ибо монголистика - это наука, изучающая все монгольские языки, в том числе и калмыцкий, а не наука, изучающая только халха-монгольский язык. Изучение его на калмыцком факультете надо всячески приветствовать, но при этом надо создавать свои калмыцкие термины научного и учебного обихода. Например, вместо в общем неплохого слова "урок" попытались ввести окалмыченный его монгольский эквивалент "кичэл", восходящий к форме "хичиэл" или "хичээл" (149, с. 527). Если в халхаском языке это слово подкреплено в словообразовательном плане глаголом "хичээх", что значит "стараться, быть прилежным, усердным" (149, с. 527), то в калмыцком это значение передается двумя словами "килхе", что значит "стараться, усердствовать" и его фонетическим соответствием "кинхе", что значит "быть прилежным, старательным, добросовестным" (110, с. 301). Поэтому это слово, будучи непонятным и чужеродным, встречается во всех мыслимых и немыслимых формах: "кичэл" - "кицэл" - "кецэл" и даже в виде "күцэл", что значит "исполнение" или "наклон" (110, с. 297, 331). Думается, опыт со словом "урок" должен нас научить тому, что нельзя все рус-

ское или пришедшее через русский язык заменять на "окалмыченное" халхаское. Другое дело, если постепенно в ходе развития лексика может образоваться слово на почве калмыцкого языка, способное заменить русское, как, например "изделие", переведенное Д.А. Павловым как "кегдел", то это надо только приветствовать.

Таким образом, проблема терминологической культуры - это, прежде всего, проблема речевого применения терминов, и было бы полезно для развития науки и улучшения школьного и вузовского образования и преподавания эту проблему видеть и действовать в соответствии с требованиями, которые вытекают из ее правильного осмысления. Это касается не только филологов, но и всех гуманитариев и негуманитариев. Что же касается проблемы введения новых терминов в научный оборот и их кодификации, то, думается, было бы полезно иметь такой официальный орган, который бы собирал наиболее употребительные из терминов и рассматривал их целесообразность и давал свои рекомендации. Вводить же в научный оборот любой термин может каждый, если только он сумеет объяснить его с позиций предметной и понятийной связей. Жизнь сама выберет наиболее ценные из них.

4.4. Культура калмыцкой речи и публичное выступление

В большом и сложном деле демократизации общества в условиях перехода к рыночным отношениям важное значение приобретают средства массовой информации и пропаганды. Сейчас уже ни одна предвыборная борьба не обходится без специалистов в области агитации и пропаганды. Чем же обеспечивается убедительность, доходчивость и яркость выступления? Каковы условия его действенности? Какое место среди этих условий занимает речевая культура?

Б.Н. Головин считает, что к числу условий, обеспечивающих указанные выше качества, относятся следующие:

1. Хорошее освоение темы предстоящего публичного выступления, ясное понимание его задач, отчетливое и глубокое осмысление сути вопросов, которые предстоит поставить и на которые надо будет ответить слушателям, - одним словом, необходимы знания, их самостоятельное обдумывание и усвоение.

2. Убеденность в предложенном слушателям освещении и обсуждении тех или иных тем и вопросов, тех или иных явлений и событий общественной, хозяйственной, научной или лич-

ной жизни. Автор публичного выступления должен освещаемые им политические и социальные проблемы усвоить настолько хорошо, чтобы идеи общие стали его личными, перешли в его убеждения. Только если ты убежден в своей идеологической и научной правоте, ты можешь надеяться на положительный результат своего публичного выступления.

3. Заинтересованность личная в том, чтобы избранная тема была правильно осмыслена и доказательно раскрыта для слушателей и ради них. Неравнодушные к своей теме, ее освещению, к людям, с которыми говоришь.

4. Психологическая волевая установка на воздействие. Если ты выступаешь, выступай затем, чтобы слушатели тебе поверили, чтобы они в чем-то тебе подчинились, чтобы пошли за тобой в твоих поисках нужных решений, в твоём обдумывании вслух тех или иных вопросов и тем, событий и явлений.

5. Продумывание плана предстоящего выступления: с чего начать, в какой последовательности излагать главные подтемы и вопросы, как их между собой связывать, чем выступление завершить?

6. Фиксирование, закрепление на бумаге предстоящего выступления - в форме плана, плана - конспекта, тезисов, свободных записей или полного конспекта.

7. Правильное, обеспечивающее действенность поведение в процессе выступления - логико - психологическое, нравственное, речевое, внешнее.

В этот неполный перечень условий пока не включены хорошие знание языка и умение пользоваться им, т.е. речевая культура. Но это условие - необходимое, очень важное, оно незримо присутствует в формулировании других условий: хорошо освоить тему - найти нужную информацию, обдумать ее, понять отчетливо поставленные задачи - их надо точно сформулировать, укрепить убежденность в своей правоте, психологически подчинить слушателей - как, чем, какими словами и высказываниями, о каких фактах и явлениях - все это осуществляется при участии языка - открытым или скрытым. Тем более очевидна необходимость обращения к языку, работы с его участием при продумывании плана, при построении предстоящего выступления, при подготовке записей к выступлению и в процессе самого выступления.

В наше время широкое распространение получили публичные выступления по написанному тексту. В каких-то случаях это оправдано и необходимо, например, на каком-то ответственном заседании оглашается официальный документ, естественно, он читается. В число официальных документов нужно за-

числить и отчетные доклады, предварительно обсужденные и утвержденные соответствующим органом. Лучше читать по готовому тексту и доклад на торжественном официальном вечере, посвященном тому или иному юбилею, знаменательной дате, событию большого исторического значения и т.д., т.к. живая речь может оказаться чем-то нарушенной, не очень строгой - эта опасность совершенно реальна при недостаточной тренированности речевых навыков, что встречается в жизни нередко. Научные доклады, видимо, тоже надо читать по готовому тексту, т.к. написанный научный доклад, как правило, строже, логичнее, компактнее по времени, чем тот, что произносится. Сюда же можно отнести и лекции, хотя, если лектор опытен, умеет свободно свои знания осмысливать и комментировать, принимать или отвергать, то будет предпочтительнее произнесение лекции.

Но чаще всего чтение, выступление по написанному объясняется неумением выступающего публично говорить или простой леностью мысли.

Слово "оратор", образованное от латинского "ораре", что значит "говорить", применяется в двух значениях: человек, произносящий речь, выступающий публично, и человек, умеющий хорошо говорить публично, обладающий даром красноречия, владеющий мастерством слова. Если слово "оратор" применять в первом значении, то и в этом случае от оратора можно и нужно требовать уважения к языку и людям, для которых он выступает. Если же оратор выступает во втором значении слова, то это значит, что с культурой речи связаны вся его деятельность, все его поведение во время публичного выступления, все его радости и огорчения, вызванные таким выступлением. Оратор воздействует на слушателей прежде всего своим красноречием, высокой речевой культурой, словесным мастерством. Такой оратор умеет вести пропаганду убедительно, доходчиво и ярко. Он может не только строго и точно, но и эмоционально изложить любой сложный теоретический вопрос.

Ораторов, т.е. мастеров публичного выступления, блестяще владеющих языком, не так много. Поэтому у калмыков были люди, которых называли "келмерче", т.е. "сказитель", которых специально приглашали на важные мероприятия. В эпосе "Джангар" есть богатырь Кее-Джилган, который отличался удивительным красноречием и иногда занимал нейтралитет в споре, т.к. никто не мог сравниться с ним в красноречии. Вообще у калмыков красноречие всегда считалось божественным даром. Для совершенствования этого качества обыч-

но устраивались состязания, игры, например "Кемэлһен", когда надо было описать двенадцать достоинств 25-й кости позвоночника, или "Далин шинж", что значит "Описание лопатки". Произнести по любому случаю "йөрэл", что значит "благопожелание", магтал "восхваление", а в особых случаях харал "проклятие" должен был уметь говорить почти каждый взрослый человек. По умению хорошо говорить оценивался ум и сообразительность юноши или девушки. Поэтому не случайно есть пословица: "Муу күүнэ үге маңһырснасы һашун", что значит "Слово, речь плохого человека горше лука". При этом надо заметить, что все названные виды словесных выступлений строятся в стихотворной форме с использованием готовых клише.

Любовь к выразительному родному слову, к тем, кто отличается красноречием, видимо, способствовала и тому, что по количеству поэтов и писателей на душу населения калмыки прочно занимают одно из первых мест среди всех народов многонациональной России.

Хорошая калмыцкая речь отличалась всегда ритмической организованностью, часто снабжалась рифмой и аллитерацией, поэтому хорошо ложилась на музыку. В связи с этим до недавнего времени практиковались послания или письма - песни, многие из которых затем превратились в лирические песни. Как когда-то на Западе рыцарь должен был владеть пятью искусствами: владеть оружием, ездить на коне, плавать, играть на музыкальном инструменте, писать и исполнять серенады, так и калмыцкий юноша должен был владеть боевым искусством, танцевальным, певческим, поэтическим и искусством игры на домбре. Для выявления этих навыков устраивались мужские состязания типа "эрин һурвын наадын", что значит "праздник трех мужских искусств", посиделки юношей и девушек, сопровождаемые различными конкурсами, в том числе и песенно-речевыми, а сегодня все это получило воплощение в проводимых ежегодно празднествах "Джангариады".

Есть ли сегодня у калмыков ораторы или те, кого можно было бы назвать столь высоким словом? Да, есть. Это прежде всего народный поэт Калмыкии, Герой Социалистического Труда Давид Никитич Кугультинов, владеющий одинаково как русским, так и калмыцким языком, это Валерий Дорджиевич Пюрвеев, актер по образованию, критик, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета, также владеющий обоими языками. Это доцент Оглаев Юлий Очирович, к сожалению, владеющий только русским языком. Ранее же в разряд известных ораторов можно было

включить гораздо больше людей, среди которых имена Нимгира Манджиева, Антона Амур-Санана, Санджи Каляева, Константина Эрендженова, Уташа Очирова, Дорджи Павлова, Ильи Намсинова, Кима Катушова и других стояли бы в первых рядах. Но в связи с возрастом и с изменениями в нашей повседневной жизни "одних уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал".

4.5. Другие науки в отношении к культуре калмыцкой речи

Известно, что учение о речевой культуре тесно связано с другими науками. Теперь, после завершения взгляда на коммуникативные качества речи и обзора самих коммуникативных качеств, полезно было бы посмотреть, какое же место занимает культура речи как учение в системе лингвистических и нелингвистических наук. Это полезно сделать, чтобы отчетливее видеть зависимость учения о культуре речи от других наук и чтобы отчетливее разграничить "спорные территории", на которые претендуют, вероятно, стилистика, нормативная грамматика, поэтика и культура речи.

1. Если допустить, что правильность речи - это главное ее коммуникативное качество, и если при этом не забывать, что правильность речи обязательно приведет нас к грамматическим и иным нормам, становится ясно, что *прочной базой учения о речевой культуре была и остается нормативная грамматика современного калмыцкого литературного языка.*

Культура речи как наука и учебная дисциплина, опираясь на сведения о языке, полученные из нормативной грамматики, отличается от нее подходом к языковому материалу: культуру речи грамматические факты языка интересуют прежде всего своей подчиненностью нормам - их соблюдением, их колебаниями и их нарушениями. Именно нормативная сторона грамматических форм и категорий, а не их грамматическая природа интересует речевую культуру. Конечно, при этом могут быть привлечены и сведения о грамматической природе тех или иных средств, если это понадобится для объяснения устойчивости или неустойчивости нормы. В чисто практических целях культура речи как учение, как прикладная область знаний о языке может и должна различать нормативно устойчивые и нормативно неустойчивые участки грамматической структуры языка для того, чтобы можно было дать рекомендации с целью усиления слабых участков. Культура речи имеет дело с системой грамматических норм, а также с условиями, усили-

вающими и ослабляющими эту систему в разных ее участках, но она не занимается изучением грамматических категорий, форм и значений, которые нормам подчинены.

Культура речи встречается с нормативной грамматикой современного калмыцкого литературного языка и тогда, когда осмысливает и описывает такие коммуникативные качества речи, как логичность и выразительность.

Можно указать на некоторую заинтересованность культуры речи как учения в сведениях, даваемых нормативной грамматикой при описании речевого богатства и уместности.

2. Очевидна также зависимость учения о культуре речи от лексикологии и семасиологии. Точность и логичность речи как ее коммуникативные качества не могут быть правильно поняты без описания лексических значений слов, их соотношенности с миром вещей и миром идей. Лексическими значениями слов обосновывается их семантическая, смысловая сочетаемость, которая прямо касается логичности речи.

Но и такие коммуникативные качества речи, как чистота, выразительность и уместность, также ведут учение о культуре речи к свойствам и признакам слов, их группировкам в системе лексики, их синонимическим и антонимическим связям, т.е. к тому, что изучается лексикологией и семасиологией.

3. Культура речи как учение, опираясь на сведения о словарном составе, даваемые лексикологией и семасиологией, естественно приходит и к словарям, к лексикографии как теории и практике описания словарного состава языка в лексиконах. Известны высказывания крупных писателей, ученых, общественных деятелей, юристов о роли словарей в совершенствовании речевых навыков, в обучении языку. Говорить же о необходимости обращения к словарям иностранных слов как-то даже неудобно, настолько ясна эта необходимость. Правда, многим лицам с высшим образованием, даже филологическим, эта потребность неизвестна.

4. Особенно тесны связи культуры речи и учения о стилях. Об этих связях неоднократно писал В.В. Виноградов, о них говорит В.Г. Костомаров, пишет Б.Н. Головин, о них думают многие современные филологи и лингвисты. Линия размежевания стилистики и культуры речи как будто бы намечена, но не всем видна. По мнению Б.Н. Головина, стили языка можно и нужно понимать в аспекте качественно-количественных представлений о них. И если стили языка - это типы его функционирования, его структурно-функциональные варианты, соотношенные с типами человеческой деятельности, то становится

понятной их глубокая связь с речевой культурой. Учение о культуре речи нуждается в точных и широких описаниях языковых стилей их свойств и возможностей хотя бы потому, что совокупности коммуникативных качеств речи видоизменяются от стиля к стилю, выдвигая на первый план и оттесняя те или иные качества. Учение о культуре речи нуждается в широких и адекватных описаниях стилей речи - с их положительными и отрицательными влияниями на коммуникативные качества речи. Для этого, думается, необходимо описание языка фольклора, языка писателей и языка исторических памятников. Это будет первым шагом к уяснению поставленных вопросов в калмыцкой лингвистике. Тогда можно будет более осмысленно понимать положение Б.Н. Головина о том, что объект стилистики, или лучше - стилелогии, - стили языка и стили речи, их общность и их различия. Объект же культуры речи - коммуникативные ее качества в их совокупности и системе, условия их развития и угнетения, а в числе этих условий и находятся стили языка и стили речи. Так что связь между стилелогией и культурой речи прочная и органическая, устанавливаемая самой природой как стилей, так и коммуникативных качеств речи (85, с. 312).

5. Культура речи как учебная дисциплина и как наука нуждается в постоянной поддержке логики и психологии.

Коммуникативные качества точности и логичности не могут быть ни установлены, ни оценены без обращения к логике. Логика осмысливает понятия, с которыми соотносятся отдельные слова и целые высказывания. Логика устанавливает степень соответствия между значением слова и обозначаемым или выражаемым понятием. Логика оценивает смысловые связи между словами, их сочетаниями и предложениями. Обращение к логике необходимо всякий раз, когда возникает сомнение в строгости и последовательности смысловых связей внутри синтаксических структур. При этом может возникнуть необходимость привлечь и основные понятия и категории логики, ее силлогизмы, гипотезы и теоремы. Обращение к логике особенно необходимо в тех случаях, когда нужно описать, точно обозначить логические плюсы и минусы высказывания.

Что касается психологии - ее возможности велики, но пока они скорее в будущем, чем в настоящем науки. Психологически можно объяснить и описать многие житейские ситуации, в которых речевая структура оказывается уместной или, наоборот, неуместной. Психология должна ясно сказать, как влияет на душевный строй человека неуместно произнесенное или

написанное слово, высказывание. Психология может объяснить разрушающее воздействие на психику людей тех или иных средств языка, неуместно примененных. Психология же могла бы пролить новый свет на то, что такое выразительные средства языка, если иметь в виду их воздействие на сознание, на психику человека. Почему и в каких условиях те или иные средства языка несут в себе заряд выразительности и теряют его? Это все чрезвычайно важно знать и для изучения действенности человеческой речи, зависимости этого коммуникативного качества от совокупного или раздельного влияния на сознание других коммуникативных качеств речи в тех или иных сочетаниях. Если бы мы знали оптимальные условия влияния коммуникативных качеств речи на сознание людей, если бы знали желаемое или нужное соотношение этих качеств, если бы мы имели некоторую психологическую меру этого влияния, можно было бы строить обоснованные и широкие рекомендации с целью стимулирования активности речевых воздействий.

Психология могла бы оказать помощь учению о речевой культуре, изучая условия и средства расширения и укрепления речевых навыков человека, их совершенствования - до такого уровня, чтобы наше речевое общение было хорошим по результатам, а наше речевое поведение - оптимальным в любых условиях общения.

6. *В области общей теории речевая культура как учение связана с философией диалектического материализма, позволяющей глубже и диалектичнее понять соотношение и связь коммуникативных качеств речи с взаимодействием языка и сознания, языка и речи с поведением людей.*

7. *Можно указать также на связь учения о речевой культуре с эстетикой, с теорией художественного словесного творчества, с литературоведением и критикой.*

8. *Учение о калмыцкой речевой культуре в плане определения такого качества, как уместность, может рассчитывать на такую область науки, как этика, т.к. в связи с различными табу, особенно в поведении женщин, существует даже так называемый "женский язык", где, по предписанию табу, сноха не имела право называть своих родственников по мужу их подлинными именами, а старалась это сделать через ребенка и то в искаженном виде. Например, сноха хочет сказать мужу Бадме о своем желании сходить к колодцу. Тогда она должна позвать подростка и в присутствии мужа сказать: "Наарич, мана эзен Ядымды намагы худыгты одхар седжэнэ - гижэ келич", что переводится: "Пойди сюда, скажи нашему хозяину Ядме,*

что я хочу пойти к колодцу". Широко известен случай, превратившийся уже в анекдот. Когда-то так случилось, что молодая сноха, собирая на берегу реки хворост, вдруг увидела, как на их овец, пасущихся за рекой, напал волк. Она побежала домой и долго стояла у двери. Потом она все же вошла в дом и сказала родственнику- подростку: "Дәркемине, дәркемине, ур-схулин телтерте, урһымлин йозурты уулемда мээлемдәге жажелжана", что переводится примерно так: "Господи, господи, с той стороны течения, у основания растения плачущий блеющего жует". Все сразу поняли, о чем речь, но ее задержка у порога была роковой: пока она искала, как сказать и говорила, волк порезал почти всю отару. Но она невиновна. Свекра звали "Волк", свекровь звали "Овца", мужа звали "Дерево", сестру мужа звали "Речка", разумеется, по-калмыцки. Вот она и блюла табу, подбирая слова - заместители для имен родственников, чтобы не назвать их.

Проблеме речевого этикета калмыцкого языка была посвящена замечательная диссертационная работа молодого ученого С.Н. Артаева, проблеме табу в калмыцком языке была посвящена также диссертационная работа Г.С. Биткеевой, поэтому на этих проблемах более подробно останавливаться нет смысла.

9. Учение о калмыцкой речевой культуре, на наш взгляд, должна бы опираться на такую науку как социология. Дело в том, что калмыцкий язык, будучи средством общения и сохранения национальной культуры сравнительно немногочисленного народа, подвержен сильному влиянию соседних языков и воздействию социальных потрясений. Социология могла бы ясно сказать, как владение родным языком влияет на экономические и культурные успехи социума, т.е. того или иного индивидуума? С помощью социологии можно понять, какие социальные слои населения безразличны к коммуникативным качествам своей речи и наоборот, какие слои общества заинтересованы в совершенствовании средств общения, в том числе на родном языке? Социология вместе с психологией могли бы объяснить причины отмирания языков многих малочисленных народов. Социология вместе с философией могли бы объяснить, полезно или вредно государству, когда на его территории функционирует множество самобытных языков?

Даже без помощи социологии попытаемся ответить на некоторые вопросы, кажущиеся, на наш взгляд, очевидными.

Известно, что родной язык является не только средством общения и сохранения культурного наследия предков, но и важным инструментом воспитания личности в обществе, где род-

ной язык является одним из определяющих факторов самоидентификации индивидуума. Потеря ориентиров самоидентификации делает человека деклассированным элементом, человеком без роду и племени, или как говорят русские, "Иваном, не помнящим родства", человеком, для которого нет ничего святого, ценного, кроме собственной жизни. Причиной такого перерождения является не только нищета экономическая, но и нищета духовная, равнодушие общества к судьбе отдельного человека. Однако эгоизм, жадность, подлость и глупость, порожденная ленью мысли, привели человечество к такому состоянию, когда может произойти необратимое: вырождение человека. Первыми симптомами этого процесса являются еженедельное исчезновение одного из видов малых народов, индивидуальный и государственный терроризм, распространение наркомании и пьянства, отчуждение людей друг от друга, исчезновение морально-этических и нравственных ориентиров.

Правда мировое сообщество в лице лучших своих представителей пытается с этим бороться, но успехи в этом плане невелики. Очень хорошо, что развернута борьба за экологию, что заведена "Красная книга", куда заносятся исчезающие виды флоры и фауны. Однако самая главная ценность - человек, его язык, культура, еще не находит должного внимания как в рамках всего мира, так и отдельного государства. Буржуазно-криминальная революция, о которой говорил А.И. Солженицын, могла произойти только под руководством элиты, воспитанной в недрах такой партии, какой была КПСС. Именно "криминальный" характер буржуазной революции предопределил судьбу языков малых народов, обреченных на отмирание.

Вместе с тем логика рыночных отношений требует развития культуры и наличия разносторонне развитых личностей. В этой связи сохранение малых народов и их языков отвечает интересам не только элит этих народов, но и государства, стремящегося не обострять социальное напряжение, возникающее на экономической почве. Кроме того, язык, будучи объединителем определенных социальных групп, будет способствовать лучшему управлению общественными процессами, происходящими в государстве.

Отмирание языков, на наш взгляд, происходит по многим объективным и субъективным причинам, но самая главная, думается, кроется в ответственности или безответственности национальной элиты, включающей в себя управленческую, научно-педагогическую и культурно-медицинско-юридическую

интеллигенцию. К объективным причинам прежде всего относится функциональная значимость языка. К субъективным - степень сознательности элиты и массы простого народа или леность мышления их идеологов. К объективным и субъективным одновременно относится, вероятно, состояние самого языка, его грамматики, лексики, лексикографии, семасиологии, стилистики и учения о культуре речи. Именно учение о культуре речи, на наш взгляд, является тем инструментом, при помощи которого можно привести в надлежащее состояние все функциональные и нефункциональные сферы языка, наметить систему мер, устраняющих все препятствия на пути функционирования и развития калмыцкого литературного языка.

На вопрос о полезности или бесполезности функционирования множества языков мы уже ответили. Да, это полезно для государства, тем более для такого, как Россия. Как показывает мировой опыт, возрождение мертвых языков стало возможным, если этого пожелала элита нации и государство. Второй международный семинар "Языки народов России: перспективы развития" показал множество таких примеров (259, с. 73, 93). Дело остается за малым: взять чужой опыт и использовать его сообразно местным условиям. Рекомендации Г.А. Дырхеевой, приведенные в ее книге "Бурятский язык в условиях двуязычия", также полезны для калмыцкого языка (102).

4.6. Калмыцкая речевая культура и текстология

Для того, чтобы описать все элементы калмыцкого языка, думается, надо провести тщательный анализ всех имеющихся текстов. Именно на основе изучения текстов мы можем составить сравнительно полный лексикон калмыцкого языка, описать его морфологию и синтаксис. По сути такой работы, кроме отдельных, выборочных исследований типа "Опыта лингвистического исследования эпоса "Джангар" Б.Х. Тодаевой, в калмыцком языкознании еще не было. Таких причин, которые бы препятствовали этой работе, на наш взгляд, было три.

Во-первых, наука, изучающая различные тексты, весьма молода и имеет различные названия: "текстология, филологическая критика, критика текста, археография, герменевтика, экзегетика слова, покрывающие примерно одно понятие, но в применении к различным областям знаний: истории, древней литературе, источниковедению, библии" (190, с. 3).

Во-вторых, не было соответствующих специалистов, т.к., по мнению Д.С. Лихачева, "хороший текстолог обязан широко

"охватывать" предмет своего изучения. Чем больше он привлекает данных из области палеографии, археографии, литературоведения, истории, искусствоведения и пр., тем более убедительные выводы он получает, тем неопровержимее его построения. Хороший текстолог - и литературовед, и историк, и историк общественной мысли... Чтобы восстановить историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. Текстология требует на современном этапе ее развития всесторонних знаний, и в этом ее исключительная трудность" (135, с. 31, 32, 40).

В третьих, до сего дня еще не было потребности в изучении всех текстов, хотя именно текстология, по мнению С.А. Рейсер, является той наукой, объектом исследования которой надо считать "фольклор, древнюю литературу, литературу нового времени". "Текстология должна существовать как единая наука", - справедливо считает С.А. Рейсер, автор книги "Основы текстологии" (190, с. 4).

Отдельные ошибки, допущенные в работе Б.Х. Тодаевой в определении значений слов, а также ошибки, допущенные при переводе литературных памятников С.А. Козиным и А.В. Бадмаевым, нас убеждают в том, что текстология должна получить поддержку и со стороны ортологии, т.е. учения о культуре речи, т.к. первой задачей текстологии является - установление точного текста произведения, что невозможно без применения коммуникативных качеств речи, ибо текст, как известно, является лишь одним из видов письменной речи (190, с. 11).

Вторая задача текстологии - организация, или кодификация, очень важна, для чего и производится все исследование, но это уже, как говорится, дело техники, результат выполнения первой задачи. А вот третья задача - комментирование текста, подача справки о месте и времени первой публикации, о перепечатках, о рукописях и их особенностях, где важным разделом выступает так называемый реальный комментарий о мелочах, характерных для того или иного времени, утратившие со временем остроту, злободневные полемики, имена людей, не оставивших по себе заметного следа, требуют для восстановления упорного труда. Среди прочего очень важно знать особенности грамматики того времени, к которому относится исследуемый памятник, т.е. историческую грамматику, особенности лексики и ее семантики, т.к. иногда слова меняют свои значения, например, в старомонгольском слово "магад" означало "непременно, не-

сомненно", а в современном калмыцком оно получило значение "сомнительно" (149, с. 232; 110 с. 338). Чтобы определить ошибку или опisku, которые очень часто встречаются в исторических памятниках, надо знать не только этимологию слова, но и логику его сочетания с другими словами контекста, о чем мы говорили ранее, комментируя неточности в переводе "Истории Убаши-хун-тайджия и его войны с ойратами" относительно слова "таралдажу", которое было ошибочно написано вместо "таралдажу", и слово "алдадаг", написанного ошибочно вместо "олдадаг".

Думается, именно наличие или отсутствие определенных коммуникативных качеств в тексте, их различные комбинации позволяют текстологу определить его принадлежность к тому или иному стилю языка и речи, описать языковое, точнее, речевое, своеобразие автора и т.д.

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что привлечение в текстологическое исследование методов ортологического анализа только углубит и уточнит понимание основного текста текстологом и, следовательно, читателем.

4.6.1. Установление основного текста

По свидетельству С.А. Рейсер, главное достижение современной текстологии состоит в том, что текст художественного произведения, как и тексты фольклора и исторических памятников, признается фактом национальной культуры, поэтому принадлежит не только автору, но и народу в целом (190, с. 3). В таком случае забота о тексте, о его точности, подлинности, доступности - приобретает общественное значение. Однако они имеют специфические особенности в своем текстологическом исследовании.

Так, в памятниках древней литературы, не говоря уже о фольклоре, где запись может быть очень поздней, почти всегда отсутствует авторская рукопись, а существует сложная генеалогия дошедших до нас и утраченных списков. Выяснение этой родословной и есть чаще всего путь установления основного текста или текстов.

Установление основного текста "Сокровенного сказания монголов", "Истории Убаши-хун-тайджия и его войны с ойратами" и эпоса "Джангар" - дело чрезвычайной важности и трудности. Дело в том, что в них, как в представителях древней калмыцкой литературы, очень остро стоит вопрос о так называемой "единоцельности". Часто приходится вычленять раз-

личные части, принадлежащие разным авторам, но слившиеся в своем бытовании воедино. Это особенно заметно при сличении "Сокровенного сказания монголов" с другими произведениями, описывающими жизнь и деятельность Чингис-хана, при сличении репертуара Овлы Эляева с репертуаром других рапсодов. Кроме того, древняя литература еще характеризуется частой анонимностью текста.

В новой литературе это встречается редко. Поэтому текстология новой современной литературы твердо признает лишь один основной текст и одного или двух, еще реже группу авторов текста. При этом главное требование - решительно во всем: от большого до самого малого - текст художественной литературы должен быть абсолютно точным. Однако и это требование часто нарушается, т.к. в силу различных причин текст художественного произведения издается не в том виде, как того хочет автор. Среди указанных причин можно назвать волю цензора, редактора, результат самоцензуры, оплошность наборщика, корректора и т.д. Например, мы уже говорили об отдельных ошибках в стихотворении С. Каляева "Хальмг келн", т.е. "Калмыцкий язык", где вместо "буулхы" было напечатано "буульхы", что значит в одном случае "протыкать", а в другом - "хвалять" и т.д.

Роль текстолога в установлении основного текста сводится к тому, чтобы, сверяя различные варианты текста или списки, привлекая другие данные, проверить, исправить и довести его до той степени точности, какую допускает современное знание материалов (190, с. 14).

При установлении основного текста возникает такая проблема, которую С.А. Рейсер назвал "последняя творческая воля".

Пока автор жив, он единственный и непререкаемый распорядитель своего текста: он может от издания к изданию его изменять, может возвращаться к более ранней редакции и т.д. после его смерти особое значение приобретают его дневники. Они с необычайной глубиной вскрывают творческий процесс, существенно уточняют общественно-политические взгляды писателя, разъясняют отраженные в произведениях факты его биографии, вскрывают с различных сторон психологию творчества, устанавливают прототипы и т.д. Но иногда драгоценность наследия писателя для культуры народа в целом освобождает редактора от несвойственной ему функции нотариуса и позволяет ему без угрызения совести не выполнять завещательных распоряжений художника, а отчуждать его творения в пользу народа. В общем виде решение вопроса основного тек-

ста в связи с последним пожизненным изданием и последней волей можно сформулировать так: мы принимаем за основной тот текст, в котором наиболее полно выражена последняя творческая воля автора. Во многих случаях эта воля выражена в последнем пожизненном издании. Однако считать это правилом невозможно. В работе по установлению основного текста обязательно надо учитывать целый ряд факторов, ограничивающих механическое применение этого принципа. Важнейшие из них следующие:

1. Последнее пожизненное издание может быть искалено редакцией или цензурой. Текстолог обязан снять эти вынужденные поправки и восстановить подлинный текст;

2. Последний пожизненный текст может быть результатом действия самоцензуры;

3. Последний пожизненный текст может быть издан в отсутствие автора;

4. Автор страдает своего рода абулией, т.е. он равнодушен к переиздающимся текстам и фактически их не ведет. Таков был, например, поздний Толстой или Тютчев. Эта привычка характерна и всем калмыцким писателям.

5. Порою автор передоверяет издание тем или иным лицам, давая им большие или меньшие полномочия касательно правки текста. В этом плане примечательно мнение Л.Д. Опульской, на которую ссылается С.А. Рейсер: "...в область творческой работы автора включается все, что было сознательно сделано им, хотя бы под посторонним влиянием или в соответствии с посторонним советом. Однако влияние приходится отличать от давления, принуждения, постороннего вмешательства, с которым автор вынужден был согласиться или с которым он соглашался пассивно. Все принадлежащее к этой области, без всякого сомнения, не относится к творческой деятельности автора и в той мере, в какой может быть обнаружено, подлежит устранению" (190, с. 19).

6. Начатая переработка автором не была завершена. Текстолог не вправе печатать его в качестве последнего пожизненного текста, а должен использовать ее в вариантах.

7. В ряде случаев первоначальные редакции по тем или иным основаниям должны быть предпочтены последней. Следует учесть, что текст в своем бытовании подвижен. Автор то и дело дополняет и изменяет произведение, откликаясь на новые события.

8. Даже там, где последняя творческая воля автора явно выражена, текстолог не может безоговорочно принимать текст, ибо надо помнить, что автор, почти как правило, - плохой кор-

ректор своих творений: он читает свой текст не по-корректорски, а обращает внимание преимущественно на творческую сторону и почти не в состоянии считывать свой текст с оригиналом.

При установлении основного текста необходимо руководствоваться русской поговоркой: "Из песни слов не выкинешь", т.к. приходится то и дело бороться с неумным желанием "подправить текст", якобы не вполне подходящий для наших дней. Будет понятно, если редактор исключает какие-то части, неприемлемые по соображениям этики, но трудно согласиться с упрощением правописания. Здесь надо только объяснить, что так было принято писать во времена творчества автора. Во всяком случае, следует избегать чрезмерной модернизации, которая по сути антиисторична. В связи с этим надо решительно подчеркнуть, что различие изданий между собой - это лишь различия вступительных статей, примечаний, объема вариантов, а не различие текстов. Текст писателя, поскольку он установлен, на данное время, может быть только один.

Но бывает и так, что иногда параллельно существуют два текста. Один авторский, другой неавторский. Авторский устаниавливается только историко-литературными разысканиями и почти никому неизвестен, а между тем именно он должен претендовать на то, чтобы признаваться основным. При этом надо считаться и с тем, что в науке всегда существуют вопросы, на которые при нынешнем состоянии источников мы не можем дать ясный ответ. Поэтому, поскольку первой задачей текстолога является установление текста, а значит, и составление текстологического паспорта, то до этого и без этого он не вправе приступать к выполнению следующих задач: его организации, или кодификации, и комментированию.

Для того, чтобы установить основной текст произведения, текстологу в первую очередь приходится сверять различные издания или рукописи, либо издания с рукописями, и перечитывать тексты, по преимуществу рукописные. Работа над текстом может потребовать выполнение всех или некоторых из этих операций.

В современных условиях творчески завершенная рукопись проходит до выхода в свет следующие этапы:

- переписку на машинке,
- правку после рецензии и работы с редактором,
- снова перепечатку, т.к. типография принимает только чистый оригинал,
- первую,
- вторую, корректуры

- а иногда еще и сверку, т.е. всего пять или шесть процессов, из которых четыре связаны с полным или частичным переписыванием текстов. В прежние времена этот путь был короче: рукопись и две корректуры, но и он приводил к допущению большого количества ошибок.

Чтобы избежать ошибок, необходимо знать несколько простых, но важных приемов, которые даются в книге С.А. Рейсер "Основы текстологии":

"Сверка может проводиться одним лицом, держащим перед собой два и более текстов, или же громкой считкой двоих. Первый способ более надежен, хотя и более затруднителен, но число ошибок при нем бывает меньше. При сверке вдвоем надо принять такие правила:

1. Так как тот, кто читает громко, читает более точно, чем тот, кто только следит за текстом, то читать громко надо тот текст, в котором можно ждать большего числа ошибок, т.е. новый машинописный текст.

2. Громкое чтение должно быть обязанностью ответственного за текст работника.

3. При наличии двух текстов громко читать надо тот, который предполагается более близким к последней творческой воле автора.

4. Желательно не только сверять текст, но и знаки препинания, абзацы, границы строк и строф.

5. При сверке текста вдвоем важное значение приобретает изоритмичность, одинаковая реакция партнеров" (190, с. 31).

Кроме того, следует отчетливо представлять, что изучение, а тем более воспроизведение вариантов является не самоцелью, а подчинено совершенно определенному заданию - помочь установить основной текст. Для этого приходится восстановить в той мере, как они письменно зафиксированы, все этапы творческой истории произведения. Поэтому текстолог, идя постепенно все время назад, к исходному пункту, но заранее зная конечный результат, старается проследить все этапы творческой истории произведения. Поэтому сверку производить целесообразнее всего, идя обратно хронологии: от последнего издания к предпоследнему и так постепенно восходя к первому, потом к белой рукописи, затем к черновой, к отдельным наброскам, к первоначальному плану и т.д. В таком случае достигается экономия труда и отчетливое представление о творческом замысле и путях его осуществления. Соответственно выявленному процессу должны фиксироваться и выявленные варианты в так называемом текстологическом паспорте: в нем в хронологическом порядке, располагаясь по

горизонталь, дается свод вариантов по отношению к тексту, принятому за исходный. В последних двух графах дается принятый текст и его мотивировка. Если принятый текст равен исходному, то мотивировка, естественно, отсутствует.

При сверке желательна сличения хотя бы некоторых экземпляров одного и того же издания.

Принципы, выработанные современной текстологией по установлению основного текста, следующие:

1. Чтение рукописей или сверка преследует не формальную цель - преподнести читателю точную копию написанного писателем, а имеет в виду нечто иное - помочь установлению основного текста. Для этого и надо осмыслить творческий процесс в его постепенном движении в целом. Прочитать текст - это значит понять его, т.е. уловить связи слов и смысл.

2. Необходимо строгое различие понятий черновика и беловика, т.к. черновик пишется для себя, с расчетом на то, что в дальнейшем будет расшифрован, переписан. Беловик же отражает не процесс работы, а конечный результат работы и пишется он почти всегда для других.

3. Беловая рукопись дает законченный текст, но он не отражает истории произведения. Для этой цели черновик гораздо ценнее.

4. Кажущееся легким чтение беловика нередко ведет к очень коварным ошибкам. Отсюда проистекает требование: читать беловую рукопись дважды и хотя бы один раз по-корректорски, т.е. по слогам и буквам.

4.6.2. Варианты и транскрипция

Сохранившиеся первоначальные автографы, т.е. пожизненные издания, хотя и в разной степени, но, как известно, отражают разные стадии создания произведения. Почти все пожизненные издания, или вышедшие посмертно, но подготовленные при жизни, характеризуют различные этапы работы автора над своим произведением. Они обязательно должны учитываться в текстологии.

Различия текстов произведения по отношению к принятому за основной называются "разночтениями" или "вариантами". Описки или механические ошибки вариантами считаться не могут. Их можно исправлять без оговорок.

Иногда вариант касается не отрывков или отдельных слов или строк, а охватывают довольно значительный по объему отрезок текста. Если вариант превышает основной текст, то это уже другая редакция.

Следует различать еще два вида вариантов. Одни из них можно назвать автономными, или независимыми, изменение которых чаще всего в пределах одной строки не влияет на соседствующие следующие слова. Однако варианты часто охватывают больше одной строки, причем изменение одной из них вызывает также изменение и исправление соседних строк. Такие варианты принято называть связными.

В зависимости от задач и назначения издания варианты и другие редакции приводятся с большей или меньшей степенью полноты. В "Основах текстологии" под академическим изданием понимается такое, которое дает "...исчерпывающие тексты всех набросков, планов, других редакций и вариантов" (190, с. 38). Этому максимализму противопоставлена другая, более реалистичная точка зрения, которая гласит: "наиболее целесообразным признается в настоящее время метод дифференцированного, послойного воспроизведения вариантов, при котором перед читателем проходят в последовательном порядке разночтения: иногда семь, восемь или более слов, предшествовавших окончательному тексту".

4.6.3. Конъектуры или исправления ошибок

По разным причинам текст нередко содержит в себе ошибки. Одни из них являются описками самого писателя и, т.к. в следующих стадиях угнетающе действует авторитет автора, как это было со стихотворением С. Каляева "Хальмг келн", то они остаются неисправленными и в последующих изданиях.

Другие ошибки возникают и на последующих стадиях: иногда в процессе устного бытования, как стихи Джиргала Ончаева, и рукописной традиции там, где произведение не сразу печатается, например, в памятниках "вольной" печати, иногда - в процессе невнимательного надзора при превращении рукописи в печатный текст и т.д.

Обязанность текстолога заключается в том, чтобы восстановить, в меру возможного, исправный, основной текст. Там, где есть сохранившиеся рукописи, авторизованные копии или корректуры, сделать это нетрудно. Но зачастую никаких документальных материалов, которые позволили бы воссоздать авторский текст, не бывает. В таком случае возникает право на догадку исследователя. Здесь - то и приходят на помощь такие качества речи, как правильность, логичность, точность, уместность и другие, которые помогли нам разобраться как с ошибками С. Каляева, так и "описками" в "Истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами". По меткому замечанию С.А.

Рейсер, конъектура стоит где-то между наукой, где оперируют логическим умозаключением, и искусством и требует, чтобы текстолог, как бы став на место автора, проникся "его духом и манерой" (190, с. 43).

Исправления или конъектура должны вводиться в основной текст в редакторских скобках или, во всяком случае, оговариваться в примечаниях. Спорные же конъектуры следует не вводить в текст, а указывать в примечаниях. Однако с конъектурой не следует смешивать исправления некоторых ошибок писателя, которые просто очевидны. Их надо просто исправить и оговорить в примечаниях.

4.6.4. Пунктуация и орфография

Текстологу часто приходится сталкиваться с необходимостью решать многочисленные вопросы, связанные с орфографией и пунктуацией. При этом, никогда нет уверенности в том, что это издание отражает авторскую волю, его орфографическую и пунктуационную систему, а не навыки писателя или корректора, т.к. большинство калмыцких писателей относится к орфографии и к знакам препинания совершенно равнодушно, перелажая эту работу на плечи корректоров, чья грамотность из-за мизерной зарплаты, отпугивающей лучших, часто весьма посредственна.

Текстолог не может не задуматься над вопросом о специфическом характере постановки знаков препинания в стихе. "Стих складывается не просто по законам синтаксиса, а по законам ритмического синтаксиса, т.е. такого, в котором обычные синтаксические законы усложнены ритмическими требованиями", - писал О. Брик (190, с. 57). Академик М.П. Алексеев совершенно справедливо называл пунктуацию "одной из самых уязвимых сторон всякой текстологической работы... Независимо от действий писателя в этой области текстолог обязан восполнить пунктуационные лакуны, а где надо, привести текст в ясность и даже реконструировать его" (190, с. 58).

Если орфография строго нормирована и в этой своей нормативности безапелляционна, то со знаками препинания дело обстоит несколько иначе. "Сама природа пунктуации", - пишет А.Б. Шапиро, - такова, что ее нормами могут быть предусмотрены только основные, наиболее типичные языковые конструкции. Во всех же случаях, которые прямо не подходят под сформулированные правила, пишущий должен самостоятельно применять последние в зависимости от того, какими ему представляются членение его текста и смысловые отношения

между расчлененными его отрезками" (190, с. 60). В наше время речь может идти о сохранении лишь тех деталей, которые отражают иное, чем сегодня, произношение, т.е. являются чертами живого языка своего времени. Однако очень разноречивая, в течение долгого времени неупорядоченная или упорядоченная по отличным от сегодняшних требований нормам орфография должна воспроизводиться по нынешним правилам, т.е. с обозначением долгих гласных в односложных словах, где наблюдается чередование кратких и долгих гласных, с обозначением редуцированных гласных с их беглостью в новой калмыцкой орфографии, если она будет принята в ближайшее время. Лишь в изданиях документального типа допустимо и, кажется, даже обязательно воспроизведение орфографии и пунктуации оригинала. Адаптация же орфографии для изданий детских, школьных и прочих, думается, должна проводиться в наименьшей степени, а лучше, если вовсе не будет иметь места (190, с. 63).

4.6.5. Датировка произведения

Установление даты написания произведения имеет чрезвычайно важное значение. Никакие исследования творчества писателя невозможны без точной или хотя бы относительно точной датировки. "Указать период, в течение которого произведение создавалось, - пишет С.А. Рейсер, - значит сделать его историческим фактом той или иной эпохи" (190, с. 73). Датировка произведения нередко требует довольно сложных выкладок и расчетов. Например, время написания "Сокровенного сказания монголов" потребовало учитывать не только название года Мыши, которым датируется окончание произведения, но и то, что в нем говорится о деяниях Угедая, умершего в 1241 году, но ничего не говорится о его кончине. Так была установлена дата окончания написания этого замечательного памятника древнемонгольской литературы. Начало же его написания, думается, нетрудно будет установить, если учесть, что Чингис-хан умер в 1227 году, а годовщина смерти отмечалась в 1228 году, после чего на престол был возведен Угедей. Думается, именно Угедей был, если не автором, то идеологом этого сказания, т.к. не совсем лицеприятные вещи об императоре, как сказано в памятнике о четырех добрых и четырех недобрых делах (208, с. 272), мог позволить себе говорить только сам император.

Датировать произведение, по мнению С.А. Рейсера, - значит установить все: начальные, промежуточные и конечные эта-

пы создания произведения (190, с. 74). При этом датировка должна быть установлена по возможности наиболее точно. В противном случае, как это чаще всего бывает, датой создания произведения мы считаем время его окончания. На самом же деле надо помнить, что творческий процесс протекает очень сложно: произведение может быть начато, потом брошено, потом параллельно с другими продолжено и т.д. Авторская датировка не может быть принята на веру настоящим текстологом, т.к. она подлежит проверке и контролю.

Исследователь особенно осторожен должен быть с копиями: дата копии чаще всего говорит о дате переписки ранее написанного произведения. Поэтому надо остерегаться принимать ее за дату создания оригинала. Всякая датировка должна быть убедительно обоснована в комментарии. Если же нет возможности дать точную дату, то лучше привести приблизительную, но опять же с убедительным комментарием.

Очень плодотворна датировка произведения на основе внутренних признаков произведения, на основе его содержания, как это мы видели на примере датировки "Сокровенного сказания монголов".

К сожалению, недостаточное знание истории калмыцкого языка и совершенно недостаточная изученность индивидуальных речевых стилей писателей не дает возможности убедительно пользоваться лингвистическими данными при датировке произведений калмыцких писателей.

4.6.6. Установление авторства или атрибуции

Текстологу постоянно приходится проводить сложную и ответственную работу по установлению авторства тех или иных произведений. В одних случаях они анонимны или псевдонимны, в других традицией приписываются данному писателю, и это приписывание требует научной проверки, в третьих случаях авторство бывает установлено весьма правдоподобно, но не до конца обосновано. Во всех этих случаях текстологу приходится заниматься вопросами атрибуции, т.е. утверждением авторства того или иного писателя. Таковы случаи со стихами, которые дошли до нашего времени с начала 19-го века и приписываются обедневшему калмыцкому аристократу Джиргалу Ончаеву. Авторство "Сокровенного сказания монголов" также требует установления, хотя мы и предположили, что автором его мог быть третий сын Чингис-хана Угедей. Анонимным является и "История Убаши-хун-тайджия и его войны с ойратами". В отношении автора последнего можно лишь

предположить, что это был некто из окружения Байбагас-хана, т.к. он не только выделяет его как главу ойратского союза, но и в языковом плане с позиций чередования "у" и "о" стоит на позиции "у", т.е. хошудско-торгутских диалектных особенностей, хотя вполне возможно что в конце XVI века, когда писалась эта история, языковые особенности всех ойратов были таковыми.

Для установления авторства произведения обычно используют специальные приемы, которые в сущности сводятся к трем видам:

1. Документальные доказательства.
2. Идеологический анализ.
3. Стилистический анализ.

Из указанных выше текстологу приходится пользоваться самыми разными способами атрибуции, прибегать к сложным разысканиям, анализировать все "за" и "против", пользоваться совокупно разными методами. Причем свидетельство самого автора нельзя считать неоспоримым доказательством, т.к. известны случаи, когда автор с большей или меньшей категоричностью отрицал свое авторство. В этой работе списки статей того или иного писателя требуют самой осторожной проверки со стороны текстолога, т.к. в них часто проскальзывают те или иные факты, способные помочь в установлении авторства того или иного произведения.

По мнению С.А. Рейсер, целый ряд документов представляется исчерпывающим доказательством атрибуции, в числе которых должны быть, во-первых, творческий автограф писателя, т.е. рукопись или пожизненное издание, во-вторых, записи в дневниках самого автора или его современников, записавших слова автора, в-третьих, достаточно ясные указания в письмах, наконец, в-четвертых, авторские пометы, решающие вопрос с достаточной и безусловной убедительностью.

Вместе с тем нельзя забывать, как справедливо заметила Л.Д. Окульская, что "высшим критерием атрибуционной истины является не документ, а исторический и филологический анализ, устанавливающий авторитетность найденных документов, правильно истолковывающий их содержание и разоблачающий всякого рода фальшивки" (190, с. 90). Так что отсутствие документальных данных не исключает достоверную атрибуцию произведения или какого-либо памятника. В этом плане так называемая идеологическая атрибуция, которую называют также "идейной", на основании "внутренних признаков" редко бывает достаточно убедительной сама по себе, вне связи с другими соображениями, но именно она чаще всего ис-

пользуется при установлении авторства анонимных произведений.

Среди других методов атрибуции значительное место занимает стилистический анализ, который невозможен без помощи теории культуры языка в речи. Первым и основным условием убедительности стилистического анализа является точное знание стилистических особенностей каждого писателя, типических примет его индивидуального стиля, знание столь детализированное, которое позволило бы отличить друг от друга не только крупных, но и второстепенных писателей, язык которых не столь выразителен и ярок, как у первых. Между тем именно этим знанием калмыцкая лингвистика пока похвалиться не может. Отсюда следует вывод и о шаткости одного только метода стилистического анализа, хотя он считается самым объективным показателем атрибутивности того или иного произведения, т.к. основывается на индивидуальных привычках, излюбленных словечках, на персональной манере мыслить и выражать свою мысль.

Вместе с тем очень рискованно полагаться на так называемую традицию, т.к. часто традиционные образы и традиционная манера организации текста заимствуются так называемыми последователями и подражателями.

Текстологу приходится считаться еще и с тем, что может быть названо забвением атрибуции. Это происходит, например, с авторами песен, которые перешли в разряд так называемых "народных", хотя их автор был реальным человеком. Задача текстолога - вернуть народу имя автора из забвения.

Особая категория произведений, требующая особой тщательности анализа у текстолога, - это подделки. Подделкой называются такие произведения, которые сознательно отнесены автором, издателем или кем-то еще не к тому лицу, которое его создало, или не к тому времени, когда оно было написано. Установление действительного автора и времени создания произведения является одной из важнейших целей текстолога.

4.6.7. Типы изданий и их комментарии

Известно, что от типа издания зависит и объем комментария. Поэтому приведем те, которые названы С.А. Рейсер в его книге "Основы текстологии":

А. Издания документальные: факсимильные, фоторепродуктивные, дипломатические и прочие.

Б. Академические издания.

В. Издания популярные и научно-массовые.

Г. Жанровые и тематические.

Д. Антологии.

Е. Переводы.

Первые три издания относятся к полным собраниям сочинений или собраниям сочинений или к отдельным изданиям. При этом в академических изданиях комментарии бывают обширнее, чем в других.

Зная, что задачей текстолога является не только установление текста и его атрибуции, но и его комментирование, необходимо несколько подробнее остановиться на тех требованиях, которые предъявляются к ним.

Известно, что комментарий должен помочь читателю понять текст. По-этому всякий комментарий считается сателлитом текста, предъявляющего разные требования к своему комментарию. Эти требования могут быть сведены к трем группам:

1. Читатель должен получить ряд интересующих его общих сведений: где и когда произведение было напечатано, какие перепечатки, какой текст и почему взят в основу в данном издании, сохранился ли автограф или авторитетная копия, где они находятся, каковы основные различия данного текста от других редакций? Здесь же должны рассматриваться и вопросы атрибуции. Комментарий этого типа принято называть библиографическим, текстологическим или источниковедческим. Нередко в составе этого комментария или близ него находятся сведения, обосновывающие и датировку произведения.

2. Центральным для понимания произведения является историко-литературный комментарий. Его первейшей задачей является исследование возникновения замысла или даже всей творческой истории произведения. При этом надо помнить, что современники воспринимают произведение в одном определенном свете, в контексте известных им фактов, а потомки, обогащенные опытом истории, - в ином.

3. Важным и чрезвычайно трудоемким является так называемый реальный комментарий. Чем дальше во времени отстоит от нас данный памятник литературы, тем большего внимания он требует от комментатора. Сколько фактов и намеков необходимо восстановить комментатору, чтобы понять истинную картину? Реальный комментарий в сущности представляет собой восстановление в памяти современника того, что забыто за истекшие годы и века.

Таким образом, можно однозначно констатировать, что

связь текста с комментарием должна быть, и притом очень четкая. Самое рациональное повторить в комментарии то место, которое требует разъяснения. В этом текстологу помогут в первую очередь такие коммуникативные качества речи, как точность и логичность, а иногда и уместность.

4.6.8. Указатели - неотъемлемая часть текста

Указатели дают возможность с огромной экономией времени находить самые разнообразные справки. Из них можно назвать следующие:

1. Специфическими для художественных текстов являются иногда толковые словари диалектизмов и архаизмов или вообще трудных для понимания слов. В большинстве же калмыцких изданий такого нет, т.к. понятие диалектизма в силу принятых законов совершенно размыто, т.е. нет особого стремления разъяснить читателю все, что может показаться затруднительным для понимания. Именно это и привело к отчуждению художественной литературы от читателя.

2. В некоторых случаях необходим указатель персонажей.

3. Иногда очень полезен "обзор содержания по главам", как это сделано впервые Н.Ц. Биткеевым в отношении эпоса "Джангар", что помогает понять содержание эпоса в целом.

4. Алфавитный указатель имен персонажей произведения, авторов, переводчиков, редакторов, издателей и т.д.

5. Указатель периодических изданий и альманахов, упоминаемых в произведении.

6. Алфавитный указатель произведений, написанных писателем.

7. Очень полезен хронологический указатель произведений, изданных писателем.

8. Указатель произведений, ошибочно приписываемых писателю.

9. Указатель произведений, не вошедших в данное издание.

10. Систематический или предметный указатель.

11. Алфавитный указатель заглавий произведений различных авторов.

12. Указатель переписки данного писателя.

13. Топографический указатель.

14. Указатель географических названий.

15. Список псевдонимов данного писателя.

16. Указатель цитат.

17. Указатель иллюстраций.

18. Списки утраченных произведений или писем автора.

19. Указатель мест пожизненных изданий, автографов.

20. Указатель водяных знаков и фабрик, изготавливающих бумагу, которой пользовался писатель.

21. Список условных сокращений.

Все это призвано с наименьшими затратами времени и труда максимально понять суть произведения, его место в творчестве писателя и самобытность писателя в сравнении с другими.

Столь широкий обзор текстологических проблем и приемов исследования нами предпринят не из-за праздного любопытства, а в силу того, что текстологический анализ произведений фольклора и письменных памятников в калмыцком языкознании находится в зачаточном состоянии, а текстологический анализ произведений писателей еще только предстоит. Следовательно, будущим текстологам будет полезно напомнить основные методы и приемы текстологии. Вместе с тем эти приемы перекликаются во многом с анализом текстов с позиций современной ортологии, как бы дополняя друг друга в едином порыве сделать письменную речь писателя или автора максимально понятной читателю или адресату речи.

Так, теория культуры калмыцкого языка и речи способствует уяснению сложнейших проблем не только калмыцкой стилистики, но и текстологии.

Выводы: Итак, в калмыцком языке есть все необходимое для осознанного функционирования, для различения языковых и речевых стилей. Однако в их уяснении может оказать решающую помощь только расширение текстологических работ в области фольклора, древней и новой литературы.

ГЛАВА V

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА И РЕЧИ - КЛЮЧ К ПРАКТИЧЕСКОМУ РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Анализ состояния калмыцкого языка и речи с позиций теории культуры языка и речи показал, что многие проблемы происходят от незнания и не использования общих закономерностей в языковом строительстве Калмыкии. Так, говоря о культуре языка, мы определили, что ее степень совершенства зависит от богатства лексических, морфологических и синтаксических средств языка, от степени отточенности их семантики, от гибкости и выразительности интонации и незатрудненности как устной, так и письменной речи. Тут же возникают вопросы: как определить степень лексического богатства и отточенности ее семантики, морфологического, синтаксического многообразия и отточенности их значений? Ответ должен быть один - текстологический анализ всех письменных текстов фольклора, памятников истории и древней литературы, произведений художественной литературы, где наряду с чисто текстологическими задачами должны решаться и вопросы лексикологии и лексикографии, семасиологии и этимологии. Именно работа над текстами должна позволить определить многообразие морфологических и синтаксических средств, значения их форм и конструкций. Следовательно, калмыцкая текстология не может равняться на современную русскую, где указанные выше проблемы были решены и решаются по отдельности. Именно поэтому мы должны в калмыцкой текстологии усилить лингвистический аспект анализа и в этом нам должны помочь в первую очередь критерии качества речи: правильность, точность, логичность, чистота, выразительность, богатство и уместность. Как известно, их наличие и различная комбинация в тексте характеризует его отношение к тому или иному языковому стилю. Однако для определения стиля речи того или иного писателя необходимы более крат-

кие и вместе с тем достаточно объективные показатели качеств речи. Поэтому мы, вслед за Б.Н. Головиным, решили предложить математический способ определения индекса для всех качеств речи. Например, индекс правильности предлагается определять еще проще, чем это дается у Б.Н. Головина по отношению к богатству (85, с. 213-214). Надо взять в разных местах текста отрывки объемом в сто слов и определить, сколько ошибок допущено в этом отрывке? Количество ошибок и составит процент неправильности. Процент же правильности выяснить легко: от 100 надо отнять процент неправильности. Чем больше отрывков по сто слов будет взято, тем точнее будет среднеарифметический показатель качества правильности. То же самое можно и даже нужно проделать со всеми другими качествами. Определив индекс каждого качества в отрывке надо определить среднеарифметический показатель культуры речи, т.е. сложить все семь индексов и разделить на семь. Результат - это и есть индекс культуры речи данного отрывка. Сочетание же индексов качеств речи - это и будет индексом речевого стиля автора, как хромосома, состоящая из сочетания семи качеств речи, указанных через черточку: П - правильность, Т - точность, Л - логичность, Ч - чистота, В - выразительность, Б - богатство, У - уместность. Например, можно написать: П - 98, Т - 100, Л - 100, Ч - 95, В - 90, Б - 50, У - 85. Это значит, что в отрывке, взятом для исследования, набор качеств речи таков: правильности - 98 %, точности - 100 %, логичности - 100 %, чистоты - 95 %, выразительности - 90 %, богатства - 50 %, а уместности - 85 %. При этом надо помнить, что чем больше отрывков будет проанализировано, тем легче найти среднеарифметический индекс речевого стиля автора. Если сложить все индексы качества, то получится общий индекс качества речи, где высшим показателем должен выступить показатель "700". Если же таких отрывков будет десять, то надо будет разделить сумму всех показателей на 10. Это и будет средний показатель индекса речи десяти отрывков, при этом очень важно не путать средний показатель индекса речи автора с индексом его речевого стиля, состоящим из семи показателей. Средний показатель индекса речи, на наш взгляд, будет полезен при определении "элитарности", "среднелитературности" или "низколитературности" речевой культуры автора (с. 232 - 222), а индекс речевого стиля будет показателем его стилистического своеобразия. Если средний показатель индекса речи едва достигает индекса "400", то, думается, его автор должен характеризоваться как носитель "низколитературной" степени культуры речи. Если указанный

индекс достигает цифры "500", то его автор должен относиться к разряду носителей "среднелитературной" степени культуры речи. Если же средний показатель индекса речи достигает "600" и выше, то его автора можно смело отнести в разряд носителей "элитарной" степени культуры речи.

5.1. Критерий определения качеств калмыцкого текста

При работе над любым текстом, на наш взгляд, необходимо иметь в виду десять вопросов:

1. Какова степень определенности?
2. Какова степень подлинности?
3. Какова степень правильности?
4. Какова степень точности?
5. Какова степень логичности?
6. Какова степень чистоты речи?
7. Какова степень богатства речи?
8. Какова степень выразительности речи?
9. Какова степень уместности речи?
10. Какова степень значимости текста?

Для наглядности попытаемся проанализировать по указанным выше критериям три текста относящиеся к разным видам калмыцких текстов как по времени, так и по тематике.

5.1.1. Текстологический анализ стихотворения С. Каляева "Хальмг келн"

Кен ахан күндлн келдг,
Кетркэ баһчудан тевчн келдг,
Эвтнь тэвэд, еңсгэр келдг,
Эйлдг, һольшг хальмг келн.
Холын цууд нернь туурсн,
Хортна өмн хорхан уурсн,
Иньгин зүрк таалулж келдг,
Иим сээхн хальмг келн.
өшэтнэ өмнэс тосад зөрүлсн,
өлн жидин үзүр болсн,
өрч дотрк зүрк буульсн,
өрүд, омгта хальмг келн.
Тосн кевтэ илн келдг,
Торһ-томжар кеерүлн келдг,
Усн эдлэр уһан келдг,
Уул хальмг келн.

Модар цоксн метэр келдг,
 Моһа кевтэ хатхн келдг,
 Куд-чолуг хамхлн келдг,
 Күчтэ хальмг келн.
 Магтад келхлэрн, өргэд оркдг,
 Маажад келхлэрн, шавтадг,
 Яснала харһсн сумн болсн,
 Янзта хальмг келн.
 Ирү седклэн илдкн келдг,
 Ичртэ йовдлд игзэрлэд оддг,
 Үклэс ээлгө үнэн келдг
 Үнч хальмг келн.
Ходрад келхлэрн, хор буслһам
 Ховдг хальмг келн.
Шүвтрлэд келхлэрн "шүүс" дусам,
 Шүрүтэ хальмг келн.
 Хар уснд өрм бөөлһм
 Хальмг келм чимгтэ,
 Хуурмг-худлчиг худгт суулһм
 Хурц болчкад, омгта.
Арнэл хурдн зээрд чини
 Амһаһан кемлэд агсрич,
 Хальмг уул келн мини,
 Хазаран бичэ мөлтлүлич.

Степень определенности данного стихотворения весьма высокая. Во-первых, мы знаем его автора Санджи Каляева. Знаем также время, когда оно было написано - 1973 год. Знаем орган, в котором оно впервые было опубликовано. Это журнал "Теегин герл". Следовательно, с вопросами атрибуции, датировки и наименования проблем нет. Подлинность произведения также не вызывает сомнения. Но что беспокоит? Правильность речи.

1. "Холын цууд нернь туурсн" мы переводим как "На дальних сборах прославивший свое имя", хотя слово "цууд" - это дательный падеж монгольского слова "цуу", что значит "молва, слух, слава, известность" (149, с. 616). Оно совершенно непонятно на калмыцком языке. Но об этом скажем позже.

2. "Өрч дотрк зүрк буульсн" безусловно надо было писать со словом "буулсн", т.к. здесь говорится о том, что язык походит на "острие голодного копья". Слово же "буульсн" означает "восхваляющий" или "ревуший" (110, с. 123), тогда как копьё может лишь "пронзать, прокалывать, протыкать" сердце (110, с. 123). Ошибка, видимо, произошла из-за того, что в просторе-

чий согласный звук "л", соседствуя с мягкими согласными "ж", "ч", часто смягчается например, бол "будь", но больше "буду-чи". Здесь, вероятно, произошло то же самое: буулже - буульже "пронзая, протыкая", а отсюда "буульсн".

3. "*Усн эдлэруһан келдг*" надо было писать "уснла эдл", что значит "подобно воде". Однако автор, вероятно, желая "усилить" обстоятельствоное значение сравнительного послелого "эдл", поставил его в орудном падеже, что было ошибкой, т.к. послелог "эдл", даже склоняясь, требует форму соединительного падежа в предыдущем слове, а этого нет. Слово "усн" не было поставлено в форму соединительного падежа: "уснла", что значит "с водой", а вместе со словом "эдл", означающим "похожий" дает "уснла эдл" или "уснла эдлэр".

4. "*Күд чолуг хамхлн келдг*" надо было писать со словом "күрд". Дело в том, что в калмыцком языке есть слово "күрд", означающее "валун", а точнее "гранит" (110, с. 327). Это слово, вероятно, является древним заимствованием из древнетюркского языка, где оно существовало в виде "курут", что значит "высушенный творог", затем, сблизившись с другим древнетюркским словом "курт", что значит "сильный, волк" (149, с. 468, 470), на калмыцкой почве дало наименование "самого крепкого, похожего на высушенный творог" камня-гранита. В разговорном оно звучит как "күд".

5. "*Ходрад келхлэрн, хор буслһам*" надо было писать со словом "худ-рад", т.к. существует даже песня "һаха худрсн һазрт һанцарн бичэ йович", что значит "в местах, где ковырялась свинья, один не ходи". Отсюда переносное значение слова "лопай, жри, ройся" как свинья, а значение, зафиксированное в словаре "говорить едкие, колкие слова", восходит к понятию "подковыривать", как это делает свинья в поисках земляных орехов (110, с. 592). Значение же "горчить, быть едким, кислым", скорее всего связано со словом "хордх", что значит "огорчаться, злобствовать, быть как яд" (110, с. 599), связанным со словом "хорн", что значит "яд" (110, с. 599).

6. "*Шүвтрлэд келхлэрн, шүүс дусам*" надо было писать со словом "шеес", т.к. есть неразложимое словосочетание "шеесн дух", что означает "моча будет капать". Считается, что человек в состоянии крайнего испуга или раздражения может обмочиться. Однако автор из этических соображений слово "шеесн", что значит "моча" (110, с. 66), заменил близким по звучанию словом "шүүсн", что означает "сок" (110, с. 688). В действительности какие "соки могут капать" у человека? Так в угоду этичности была нарушена не только правильность, но и точность речи.

7. "Арнэл хурдн зээрд чини" совершенно вылетает из цепи повествования, т.к. логически не связывается с остальным текстом:

"Рыжий быстроногий Аранзал твой.
Взбодрись, грызя свои удила.
Исконно-древний мой калмыцкий язык,
Не дай сорвать с себя свою уздечку".

На наш взгляд, здесь вместо слова "чини" надо было написать уподобительную частицу - "шң", которая в рукописи могла выгладеть как "чини", а рифма с дальнейшим словом "мини" окончательно ввела в заблуждение переписчика и редактора. Следовательно, вместо словосочетания "зеерд чини" надо было писать "зеердшң", что значит "подобно рыжему", тогда вся строка и строфа получает законченный смысл:

"Подобно рыжему быстроногому Аранзалу,
Взбодрись, грызя свои удила.
Исконно-древний мой калмыцкий язык,
Не дай сорвать с себя свою уздечку".

Так даже у больших мастеров калмыцкого слова порой встречаются ошибки, ведущие к "затемнению" текста и загрязнению литературного языка, т.к. их авторитет в этом случае оказывает им "медвежьё" услугу. Видимо, все большие мастера литературы не любят возвращаться к своим опубликованным творениям. Только этим можно объяснить, что прижизненное издание данного стихотворения не было исправлено самим автором, а те, кто должен был эти ошибки исправить по должности, не сочли возможным править таких писателей, как Санджи Каляевич Каляев. Однако для блага всех, и в том числе и для больших писателей, роль текстологических исследований возрастает с каждым днем.

Таким образом, можно констатировать, что требования культуры речи, ее критерии качеств позволили устранить некоторые ошибки, встречающиеся в произведении такого знаатока калмыцкого языка, каким был С.К. Каляев. Например, кроме правильности, *точность* позволила заметить такие ошибки, как написание "буульх" вместо "буулх", написание "шүүс" вместо "шеес". *Логичность* позволила увидеть ошибку в написании "зеерд чини" вместо "зеердшң", как и в написании "буульсн" вместо "буулсн". *Чистота* позволила обнаружить ошибку с глаголом "ходрх", который уже занесен в Калмыцко-русский словарь с неправильными значениями "горчить, становиться кислым, едким, переки-сать, говорить едкие, колкие слова" (110, с. 592). Автор словарной статьи явно ориентировался на "ходрад" из стихотворения С.К. Каляева, кроме того,

спутал глагол "ходрх" с "хордх", что значит "отравляться, злобствовать" (110, с. 599). *Богатство* речи данного стихотворения не пострадало от частого употребления одних и тех же слов "келдг" - 12 раз, "келн" - 11 раз, "хальмг" - 11 раз, т.к. эти слова звучат рефреном, цементируют текст, усиливают рифмовку стиха и выразительность речи. Выразительность же речи усиливается связью слов текста с известными пословицами, поговорками, идиомами. Например, уже первые строки перекликаются с известной пословицей "Ахан алд, дүүһэн делм күндле", что значит "Старшего на аршин, младшего на поларшина уважай", и т.д. Однако без объяснения значения словосочетания "хазаран бичэ мөлтлүлич", видимо не обойтись, т.к. это чисто калмыцкое выражение. Дело в том, что только побежденный в бою или совершенно беспомощный человек может позволить другому сорвать уздечку у своего коня.

Уместность словоупотребления в речи автора очень высока. Даже при употреблении диалектизма "ходрад", нарушающего чистоту, можно обнаружить мотив, обусловленный требованием полной аллитерации стиха.

Значимость названного стихотворения столь высока, что ее можно называть гимном калмыцкому языку. К сожалению, до сих пор нет его перевода на русском языке, который позволил бы по достоинству его оценить. Дословно же оно звучит так:

"Всякого, кто старше себя, уважая, говорящий,
Своенравных своих молодых прощая, говорящий,
Находя складность, мелодично говорящий,
Гибкий, изящный калмыцкий язык.
На дальних сборах свое имя прославивший,
Перед врагом переставший бояться,
Сердце друга лаская, говорящий,
Вот какой красивый калмыцкий язык.
Словно навстречу врагу устремленное
Острие голодного копья,
В груди находящееся сердце пронзающий,
Стремительный, смелый калмыцкий язык.
Будто маслом глядя, говорящий,
Будто шелками украшая, говорящий,
Будто водой промывая, говорящий,
Исконно древний калмыцкий язык.
Будто палкой ударяя, говорящий,
Будто змея, подкалывая, жаля, говорящий,
Гранитный камень разрушая, говорящий,
Могучий калмыцкий язык.

Когда хвалит, высоко поднимающий,
Когда корябает, наносящий рану,
Будто в кость попадающая пуля,
Многозначный калмыцкий язык.
Любое желание умеющий выразить,
К постыдным делам относящийся брезгливо,
Не боясь смерти, говорящий правду,
Правдивый калмыцкий язык.
Когда подковыривает, заставляющий вскипать
желчь,

Жадный калмыцкий язык.
Когда издевается, заставляющий соком капать,
Резкий калмыцкий язык.
Умеющий на черной воде сохранить сливки
Калмыцкий язык мой красив,
Пустобреха и лгуна умеющий сажать в колодец,
Горделив и остер.
Подобно рыжему быстроногому Аранзалу,
Взбодрись, грызя удила,
Исконно-древний калмыцкий язык,
Не дай сорвать с себя уздечку.

После текстологических исследований и исправлений на калмыцком языке стихотворение Санджи Каляева "Хальмг келн" надо печатать так:

Кен ахан күндлн келдг,
Кетркэ баһчудан тевчн келдг,
Эвтнъ тэвэд, еңсгэр келдг,
Эйлдг, һольшг хальмг келн.
Холын цууд(цуглулһнд) нернь туурсн,
Хортна өмн хорхан уурсн,
Иньгин зүрк таалулж келдг,
Иим сээхн хальмг келн.
өшэтнэ өмнэс тосад зөрүлсн,
өлн жидин үзүр болсн,
өрч дотрк зүрк буулсн,
Өрүд, омгта хальмг келн.
Тосн кевтэ илн келдг,
Торһ-томжар кеерүлн келдг,
(Усна) эдлэр уһан келдг,
Уул хальмг келн.
Модар цоксн метэр келдг,
Моһа кевтэ хатхн келдг,
(Күрд)-чолуг хамхлн келдг,
Күчтэ хальмг келн.

Магтад келхлэрн, өргэд оркдг,
Маажад келхлэрн, шавтадг,
Ясна харһсн сумн болсн,
Янзта хальмг келн.
Ирү седклэн илдкн келдг,
Ичртэ йовдлд игзэрлэд оддг,
Үклэс ээлгө үнэн келдг,
Үнч хальмг келн.
(Худрад) келхлэрн.
Хор буслһам,
Ховдг хальмг келн.
Шүвтрлэд келхлэрн,
(Шеес) дусам,
Шүрүтэ хальмг келн.
Хар уснд өрм бээлһм
Хальмг келм чимгтэ,
Хуурмг-худлчиг худгт суулһм
Хурц болчкад, омгта.
Арнэл хурдн (зеердшн),
Амһаһан кемлэд агсрич,
Хальмг уул келн мини,
Хазаран бичэ мөлтлүлич.

При таком издании, разумеется, исправленные слова надо давать в редакторских скобках.

5.1.2. Текстологический взгляд на "Историю Убаши-хун-тайджия и его войны с ойратами"

Данное произведение широко известно в мире монголоведных и калмыковедных исследований, т.к. уже давно стало предметом исследования ученых. Мы не ставили своей задачей сделать полное текстологическое исследование данного довольно обширного произведения, т.к. для этого потребовалось бы специальное рассмотрение всех его сторон. Мы лишь на отдельных примерах хотим показать, как критерии культуры речи помогают выявить отдельные ошибки, затемняющие логику описываемых событий.

Известно, что в этом литературном памятнике описываются события 1587 года, когда восточный сосед ойратов Шолой Убаши-хунтайджи вместе со своим союзником урянхайским Саин-Маджиком прибыли воевать с ойратами. Прибыли они в составе восьми туменов, т.е. 80 тысяч воинов. После долгих поисков, не найдя противника, Убаши-хунтайджи собира-

ет совещание, на котором произносит речь. Эта речь сводится к тому, что якобы у ойратов такой обычай: когда приходит враг, они, подобно прожорливым псам и неумомимым коням, хватают за икры ног и не отпускают. Мы здесь специально переставили слова, идущие в несколько иной последовательности, а именно "хотндан ирсн дээснд холч мөрн, хотч ноха кевтэ, тармдж, үл алддг бишйү?", т.е. дословно "своим врагам, пришедшим в их хотон, подобно неумомимым коням и прожорливым или дворовым псам, хватая за икры или ударяя икрами, не отпускают". Получается очень странный текст. Человек, пришедший воевать, имея двойной перевес в военной силе, говорит после долгих поисков своих врагов о том, что ойраты могут "подобно неумомимым коням и прожорливым (или дворовым) псам" схватить за икры (или побить их икрами ног) и не отпустить. Что-то здесь нет логики. Да и грамотность хромает: "своим врагам...не отпускают". Если верно "не отпускают", то в начале должно быть словосочетание стоящее в винительном падеже, т.е. "своих врагов". Но в тексте ясно написано "своим врагам". Где-то здесь кроется ошибка. Но где она может быть? Самое нелепое слово здесь "тарамдажу", которое переводится очень мутно "хватать за икры", а точнее "ударять икрами", по аналогии с "альхыдхы", что значит "бить ладонью", и "толһадхы", что значит "бить головой". Что, если именно в этом слове находится ключ к разгадке? Что, если это слово надо читать не "тарамдажу", а "таралдажу"? Ведь очень часто в монгольской и ойратской письменности "л" и "м" путаются. Тогда логично, что ойраты, как неумомимые кони и дворовые псы "разбегаясь", но почему "не отпускают"? Может быть и здесь кроется ошибка или описка? Может быть здесь не "алдадаг", а "олдадаг"? Может ли буква "о" превратиться в "а"? Да, если предположить, что левая "дужка", образующая "о", стерлась или ошибочно была пропущена переписчиком. Что же из этого получается? А получается следующее: "өөрдин зангнь: хотндан ирсн дээснд, холч мөрн, хотч ноха кевтэ, тарлдж, үл олддг бишйү?", что переводится как "у ойратов обычай таков: своим врагам, подобно неумомимым коням и дворовым псам разбегаясь, не находятся, не так ли?". Вот это уже логичнее. Это и объясняет логику Убаши-хунтайджи. Он не боится, что его ойраты то ли запинаят, то ли за икры будут хватать. Он лишь констатирует итоги многодневных поисков врага и тщетность их дальнейших поисков. Верность наших предположений подкрепляется дальнейшими его репликами, когда его союзник предложил продолжить поиски еще в течение восьми дней: "Кочевья ойратов могут быть и на

юге, могут быть и на севере. Где их изволите искать?". Да, Убаши-хунтайджи обеспокоен прежде всего тем, что он не смог найти ойратов, а не тем, что ойраты представляют для него угрозу. Это стало ясно и тогда, когда его покинули соратники: витязь Баахн Белвсн и его союзник Саин-Маджик. Оставшись с половиной войска, он не испугался вступить в бой с ойратами и погиб как воин в единоборстве с предводителем торгутов Саин-Сердянкой. Судя по этим описаниям, наши предки были гораздо объективнее, чем их потомки, и более уважительно относились к своим врагам, а то, что автором этого анонимного памятника был некто из ойратов, не вызывает сомнения. Более того, восхваление Байбагаса как объединителя всех ойратов, то, что ангел-хранитель ойратов, превратившийся в семилетнего мальчика, представился как пастух девяти священных белых верблюдов Байбагаса, тоже свидетельствуют о близости автора ко двору Байбагаса. Иногда закрадывается довольно смелая мысль: "что, если этот отрывок, написанный на "тодо" как приложение к памятнику "Алтан тобчи", написанному на старомонгольском, является делом рук самого Зая-Пандиты или его какого-нибудь ближайшего ученика? Ведь Зая-Пандита сам был из хошудской аристократии и приемным сыном Байбагаса. Однако это слишком смелая мысль, поэтому требует серьезных текстологических изысканий.

Так, при помощи таких качеств речи, как логичность и правильность, которые были явно нарушены в тексте "Истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами", нам удалось его исправить и восстановить подлинный образ Убаши-хунтайджия, данный в названном памятнике. Результатом же не критического отношения к образу Убаши-хунтайджия можно назвать пьесу Батра Басангова "Сян-ка", где Убаши-хунтайджи рисуется очень отрицательным персонажем. Таким же он предстает перед читателями поэмы Санджи Каляева "Өөрдин үрн дөрвн үзгт".

Несмотря на то, что данный памятник появился как приложение к "Алтан тобчи" еще в 1858 году в переводе ламы Галсана Гомбоева, что многие монголисты и калмыковеды: А. Попов, Г. Лыткин, К. Голстунский, С. Козин, Ц. Дамдинсурен, Б. Лауфер, Д. Павлов и другие - работали над его текстом, наиболее доступной для калмыцкого читателя стала работа А.В. Бадмаева, вошедшая в сборник литературных памятников на калмыцком языке под названием "Сарин герл". На наш взгляд, именно эта работа должна стать предметом тщательного текстологического анализа и быть основой текста памятника.

Разумеется, и в ней есть отдельные, на наш взгляд, неточности, свойственные многим работам подобного характера. Но это не умаляет высоких достоинств текста, представляющего собой образец научного калмыцкого перевода и комментария.

С текстологических позиций можно привести множество замечаний, которые ни в коей мере не относятся к автору перевода, т.к. он решал совершенно иные задачи. Однако для будущих текстологов было бы полезно обратить внимание на следующее.

1. Название, данное автором данному памятнику "Дөрвн өөрдин моңһлыг дарсн тууж оршв", не соответствует наименованию, которое предлагается автором в предисловии "Дөрвн өөрд моңһлыг дарсн тууж", что значит "История о победе дербен ойратов над монголами". В названии же слово "оршв" прибавляет значение "завершилась". Если исходить из того, что в монгольских литературных памятниках по традиции название, имя автора и дата написания дается в конце текста, то слово "оршв" вполне уместно в монгольском тексте. Здесь же, когда название дается в начале, слово "оршв" совершенно неуместно, т.к. искажает смысл, ибо перекликается со словом "оршах", что значит "хоронить, погребать" (110, с. 406). В сущности это слово, чисто монгольского происхождения, образованное по монгольской модели словообразования и вполне понятное на родной почве. Если бы в калмыцком не было слова "бээрше", что значит "располагаться, занимать место" (110, с. 89), то слово "оршх" со значением "находиться, располагаться, обосновываться" (110, с. 406) вполне могло прижиться в калмыцком языке. Но в калмыцком языке указанное значение произошло не от слова "орм" - "орн", что в одном случае означает "место" (110, с. 403), а в другом "страна, держава", "постель, кровать" (110, с. 403), а от слова "бээрен", что значит "помещение, место, местопребывание, местонахождение" (110, с. 89). В калмыцком связь слова "оршх" со словом "орм" и "орн" совершенно не ощущается. В таком же положении находится и калмыцкий глагол "оркхы", что значит "ставить, класть, ложить" (110, с. 402), хотя его связь со словом "ором" или "орон", что значит "место", на наш взгляд, несомненна. Утрата этой связи привела к тому, что в просторечии глагол "оркхы" стал произноситься как "окхы", что значит "положить" (110, с. 394). Непонимание глагола "оршх" в значении "находиться, располагаться, обосновываться" (110, с. 406) привело к тому, что в калмыцком стали использовать слово, пришедшее из халхаского в виде "оршил", что значит "предисловие" (149, с. 310), в виде "оршл" в значении "введение, вступление, вводный" (110,

с.406) как производное из глагола "орхы", что значит "входить, въезжать, заходить, направляться" (110, с. 405), т.е. стал выделяться новый словообразовательный суффикс - "-шл", образующий имена от глаголов, чего никогда не было в калмыцком языке. Вообще бездумное обращение с заимствованиями только запутывают словообразовательную и семантическую систему калмыцкого языка.

2. В плане текстологического анализа мы не будем здесь рассматривать ни определенность, ни подлинность, ни значимость, а сконцентрируем внимание на чисто лингвистических сторонах: правильности, точности, логичности, чистоте, богатстве, выразительности и уместности, т.е. на критериях качества речи.

С позиции правильности в тексте "Истории Убаши-хунтайджия и войны его с ойратами" можно выделить следующие, на наш взгляд, неточности:

1. "Нал-Хар бөөрегте", на наш взгляд, надо бы понимать как "налхыр", что означает "широкий" (110, с. 367). Здесь же хотят понимать его как топоним "очень черный" или "широкий черный буерак", точнее же "бугорок", т.е. разорвав слово на две части, где корень "нал", что значит "быть широким", а "-хыр" или точнее - "р", суффикс, т.к. полный корень может быть и "нала-", и "налха-" как две разновидности одного глагола в разных стадиях редукции: налха-, теряя "х", дает глагол "налаа-", что значит "быть широким" (110, с. 367). Суффикс же "-хр" или "-р", на наш взгляд, является древним суффиксом причастия, превратившимся затем в суффикс прилагательного (89, с. 141).

2. "Сэн, му, дунд *хурвула чуулh чуулад*" надо было, видимо, передавать в виде "сээн, муу, дунды *хурвлагы цуглуллh цуглулад*", т.к. сбор собирали из представителей высшего, низшего и среднего командного состава. В том, что корнем глагола "цуулхы" является слово "цуг", что значит "все", думается, нет сомнения. Это подтверждается монгольским глаголом "цуглах", что значит "собираться, сходиться, съезжаться в одном месте" (149, с. 614). Это же можно видеть и в калмыцком "цуглахы", что значит "собирать, накопить" (110, с. 640). Хотя прямое соответствие монгольского глагола "цуглах", калмыцкое "цугылхы" означает "обертывать, пеленать" (110, с. 640). Значение же "собираться, сходиться, съезжаться в одном месте" передается в калмыцком словом "цуглырхы" (110, с. 640). Правда, в монгольском тоже есть глагол "цугларах", что значит "собираться, сходиться, съезжаться в одном месте" (149,

с. 614). Тогда, спрашивается, в чем же их различие с монгольским глаголом "цуглах?". Честно говоря, калмыцкий глагол "цуглах", приведенный выше, выглядит весьма искусственным, т.к. значение "собирать и накапливать" в калмыцком передается другим глаголом, а именно: "цуглулхы", что значит "собирать вместе, коллекционировать" (110, с. 640). Да и в халха-монгольском встречается то же самое: "цуглуулах", что значит "собирать, коллекционировать" (149, с. 614). Любой учитель знает, что если у двух студентов совершенно одинаковые ошибки, то один из них все списал у другого. Думается, едва ли монгольские ученые будут списывать у калмыцких, скорее всего - наоборот. Конечно, при рассмотрении языковых средств языка, тем более лексики, невозможно в них разобраться без обращения к языковым средствам родственных языков. Но это должно делаться очень осторожно. И если что-то берется у соседей, то оно не должно противоречить традициям языка, его морфологической и лексико-семантической системе. Здесь уместно вспомнить предложение Б.Н. Головина, который рекомендовал делить ошибки на два вида: на те, которые отрицаются современными нормами языка, но которые в принципе могут быть в языке, и те, которых нет и не может быть в языке в принципе, т.е. противоречащие законам языка. Многие калмыцкие ученые не хотят понимать того, что халха-монгольский или любой другой современный монгольский язык, хотя и родственен калмыцкому, но уже имеет свои правила и законы, отличные от калмыцких, что калмыцкий язык не может быть каким-нибудь калмыцким диалектом или наречием халха-монгольского языка, как и бурятский. Поэтому калмыкам самим придется развивать свой язык, свою терминологию на калмыцкой языковой почве, а не заимствовать все у соседей. Ярким примером такого заимствования является слово "цуу", которое мы обещали разобрать позже. С. К. Каляев не только поэт, но и ученый-лингвист. Поэтому он решил обогатить калмыцкий язык новым словом "цуу", которое на монгольском означает "молва, слухи, слава, известность" (149, с. 616). Вместе с тем, он пытался поддержать вводимое слово "цуулһн" или "чуулһн" в значении "совещание, съезд, конференция", что соответствовало бы халха-монгольскому "чуулган" в значении "сессия, съезд, сейм, собрание" (149, с. 636). Автор, вероятно, считал, что если есть глагол "цуулхы", то его корнем может быть часть "цуу". Если "цуулхы" означает "собираться", то "цуу" может иметь значение "сбор". Вот почему мы встречаем в его стихотворении сочетание "холин цууды

нерень туурсын". Здесь слово "цуу" не может означать ни "молву", ни "слухи", ни "славу", т.к. далее идет сочетание "прославивший свое имя", а "в дальних слухах" или "молве", тем более в "славе", прославить свое имя в хорошем смысле слова невозможно. Следовательно, автор имел в виду значение "сбор". Мы так и перевели это непонятное слово.

3. Еще одним отражением вредного воздействия авторитетов является слово "харцннгинь" в словосочетании "Убуш-хунтээжин харцннгинь дерлүлже", которое переводится как "крестец". Так, еще Г.С. Лыткин в своем переводе "Сказание о походе Убуши-Хон-Тайджи" данное место переводит следующим образом: "Сказывают, что Хошоутовский Байбагас-хан...говорил: желал бы я заставить Убуши Хон-Тайчжия положить поясницу-задницу свою под мою голову..." (114, с. 105). Здесь Г.С. Лыткин, видимо, не понял, о чем идет речь и не учел залог глагола "дерлүлже", что означает "заставить сделать своей подушкой". Как можно заставить тогда Убаши-хун-тайджия свою задницу сделать себе подушкой? Только переломив ему хребет, т.е. совершив казнь по древнемонгольскому обычаю. Но для этого необходима форма Винительного падежа, а здесь нет ни логичности, ни точности в речи. Разгадка в другом. В "Сокровенном сказании монголов" описывается случай, когда Чингис-хан на Совете рода решил уничтожить восставших татар, приравняв их к чеке колеса, те, узнав об этом через Белькутая, решили: "Пусть каждый спрячет нож в рукаве. Умрем все на подушке", т.е. захватив в своей смерти и своего врага (208, с. 103). Но Байбагас-хан не собирался умирать, что видно из его желания обладать всем сокровищем Убаши-хун-тайджия, включая прекрасную Дарахатун. Тогда что же имел в виду Байбагас-хан? А он, на наш взгляд, имел в виду не "крестец, не поясницу" и не "задницу", а воинов Убаши-хун-тайджия, которые делились на "хара ястан", т.е. простых, рядовых воинов" и "цаган ястан", т.е. аристократов, занимавших высшие командные посты. Именно они должны были погибнуть и сделать друг друга себе подушкой. Следовательно, словосочетание "Убуш-хунтээжин хар-цаһанинь дерлүлже" более точно, чем то, которое приведено выше. Так, в результате неправильной интерпретации словосочетания "хар-цаһанинь" появилось фантастическое слово "харцннг", которого нет ни в монгольском, ни в калмыцком языках, но уже готово было появиться так же, как и "чуулһн", активно внедряемое некоторыми пуристами в калмыцкий язык.

5.1.3. Текстологический взгляд на "Сокровенное сказание монголов"

"Сокровенное сказание монголов", известное под китайским названием "Юань чао би ши", является одним из первых литературных памятников, повествующих о родословной и жизни основателя монгольской империи Темучина Чингис-хана. Поэтому он был объектом исследования многих ученых.

В 1990 году нам посчастливилось в честь 750-летия его создания издать перевод на калмыцком, русском и бурятском языках, который не претендовал на работу текстологического характера. Нам с бурятским писателем Гунгой Гомбоевичем Чимитовым удалось лишь дать более или менее приемлемый текст, отражающий смысловую суть памятника. Но те замечания текстологического характера, которые пришлось нам сделать по ходу перевода в комментариях, так и не получили какого-либо вразумительного отклика. Лишь господин Крюгер прислал благодарственное письмо и опубликовал небольшую заметку в американском журнале "Алтайская ориенталистика". Поэтому, думается, некоторые из них, наиболее важные, на наш взгляд, заслуживают того, чтобы их повторить в данной работе. Тем более, сейчас, когда личность Чингис-хана объявлена ЮНЕСКО человеком второго тысячелетия, интерес к "Сокровенному сказанию монголов" возрастает. Кроме того, приближающийся 850-летний юбилей Чингис-хана, который должен отмечаться в 2005 году, очень серьезный повод, чтобы, наконец, этот уникальный памятник мог стать объектом подлинно текстологического анализа, о котором писал С.Д. Лихачев (135, с. 40; 549-558).

1. *В отношении определенности текста* можно сказать лишь следующее:

Во-первых, памятник был закончен в июне 1240 года, о чем свидетельствует сам безымянный автор текста (208, с. 272). Начат же он был, по нашему мнению, вскоре после возведения на престол среднего сына Чингис-хана Угедея в 1228 году.

Во-вторых, автором мог быть сам Угедей, диктовавший текст кому-нибудь из писцов, т.к. в тексте иногда проглядывается сопричастность автора к описываемым событиям, которые отражаются в словах: "Когда, перевалив через Алтай, мы двигались вниз по Кумшикирскому Урунку, нашему караулу встретился нойон Еди-тублук, ехавший в карауле. Преследуемый нашими он поскакал в гору и готов был уйти, но лопнула подпруга и он был пойман. Двигаясь вниз по Урунку, мы разбили Буйрук-хана у озера Кишил-баши" (208, с. 106). Это

событие относится к 1202 году. Угедю уже было 16 лет, если же учесть, что монгольские мальчики имели право участвовать в военных действиях с 13 лет, то можно смело предположить, что Угедей с братьями тоже мог участвовать в этих событиях. Кроме того, нельзя забывать и концовку текста, где говорится о деяниях самого Угедя. Кто, если не сам Угедей, как бы подводя итоги, может сказать: "Сев на Великий престол после кагана-отца, я сделал следующее: покорил народ ликудов, ...для ускорения движения гонцов и перевозки чиновников я построил дзамы, ...в безводных землях я заставил вырыть колодцы и доставил народу довольство в воде и траве,...в каждом городе поставил Алкинчинов и Танмачинов и позволил жить народу, держа ноги в пустоте, а руки на земле. После кагана-отца я добавил четыре добрых деяния. Еще, когда каган-отец посадил меня на свой Великий престол и возложил на меня дела всего народа, я был побежден серой дарасун-водкой. Это моя вина. Затем я незаконно, поддавшись словам женщины, привез дев из владений дяди Отчигина. Тем самым, еще не став Хозяином-каганом, я допустил ошибку и легкомыслие. Вот моя вина. Еще я погубил Доголку. Вот моя вина...Еще я, боясь, что рожденные Небом и Землей дикие звери уйдут в сторону моих братьев, заставил поставить ограду и тем заслужил слова упрека братьев. Это моя вина. После кагана-отца я совершил четыре добрых дела и допустил четыре ошибки". Так завершается великая повесть. Кто из сегодняшних или прошлых правителей столь откровенно и честно говорил о себе, о своей греховности в самых важных сторонах жизни: о пьянстве, о прелюбодеянии, о предательстве и жадности? Думается, он не думал, что через год уйдет из жизни. Скорее всего он подводил итог двенадцатилетнему периоду своего правления, т.к. у монголов и калмыков 12 лет - это полный цикл. Да и Великий Курилтай, о котором говорится в тексте, тоже, видимо, был посвящен этому важному событию (208, с. 271-272).

2. *В отношении подлинности текста* "Сокровенного сказания монголов" сказать сегодня что-либо определенное пока очень трудно. Несмотря на огромное количество работ, исследовавших его текст с различных сторон, на наш взгляд, основного текста данного памятника еще нет. Да и подлинно текстологического анализа этого произведения, как представляется, еще не было. Это задача ближайшего будущего. В этом плане, думается, было бы полезным издание всех имеющихся текстов, так или иначе перекликающихся с текстом "Сокровенного сказания монголов", описывающих жизнь и родослов-

ную Темучина Чингис-хана, под общим названием, например, "Чингисиана". Это по-зволило бы выявить не только различия, варианты, списки, но и все, что совпадает. Объяснив причины возникновения различий и сходства указанных текстов, можно было бы приступить к составлению основного текста, которого, может быть, и не было никогда. Однако чтобы ответить на этот вопрос однозначно, необходим такой свод всех текстов, где предметом описания был бы Чингис-хан. При издании же мы ориентировались на неадаптированный текст, представленный в издании С.А. Козина 1941 года "Сокровенное сказание", потому что все выправленные, адаптированные тексты, несмотря на свои отдельные преимущества, на наш взгляд, имеют ряд неточностей. Главным же и общим их недостатком является стремление авторов перевода ориентироваться на текст "Алтан тобчи", который был написан гораздо позднее "Сокровенного сказания монголов" и на совершенно другой диалектной основе. В результате этого, например, у Пеллио, как и у Лигети, Козина и Дамдинсурена, встречаются такие формы, как гүүн "человек" вместо күүн, өки "дева" вместо окн, гүрчү "достигнув" вместо күрчү и т.д. Кроме того, нами учитывалось и то, что текст "Сокровенного сказания монголов" может быть добротным иллюстративным материалом по истории монгольских языков. Поэтому калмыцкий перевод мы старались максимально приблизить к оригиналу, чтобы студенты, которым он в первую очередь предназначался, могли сравнивать формы современных калмыцкого и бурятского языков с формами древнемонгольского языка.

3. *В отношении правильности речи* в тексте "Сокровенного сказания монголов" тоже предстоит проделать большую текстологическую работу, т.к. в нем встречаются ошибки различного характера. Задача текстолога будет состоять в том, чтобы определить их природу: какие из них вызваны отступлением от норм древнемонгольского языка, какие возникли в результате переписки, а какие образовались в результате невнимательности при транслитерации с монгольского на китайское письмо, с китайского на русское, с русского на латинское? Например, ошибки типа "кулүүт", встречающиеся вместо "күлүгүд" в значении "аргамаки, рысаки, боевые кони" (110, с. 323), образованного от древнетюркского "күлүг", что значит "знаменитый, славный" (104, с. 326) или "илебе", соответствующей калмыцкому слову "илгэвэ" в значении "послал" (110, с. 268), безусловно могут быть отнесены к разряду обычных ошибок, связанных с пропуском буквы при переписке. Однако ошибки типа "удууй" в словосочетании "өгдеай удууй", соответству-

ющем калмыцкому "өгөгдэд уга", что означает "еще не отдана" (110, с. 412, 526) могли возникнуть только при транслитерации с русского на латинский или с латинского на русский, т.к. здесь вместо "г" ошибочно написан согласный знак "д", а это возможно лишь при сходстве рукописной буквы "д" русского алфавита и рукописной буквы "г" латинского алфавита. Ошибки же типа "абчираба", что значит "привез" (208, с. 23), отражают уже тогда начавшийся процесс стяжения сочетания двух слов: "абужи иребай" в одно, как это происходит сегодня в калмыцкой устной речи: "авчирвэ" и письменной речи: келже бээнэ - келжэнэ, что значит "говорит".

4. В отношении точности речи самого текста "Сокровенного сказания монголов" пока сказать что-либо трудно. Но о точности перевода, видимо, поговорить необходимо, т.к. некоторые неточности перевода в редакции С.А. Козина совершенно искажают содержание литературного памятника.

Так, в параграфе № 6 у С.А. Козина читаем: "И говорит: хороша молодица в кибитке крытой повозки среди этих подковчавших людей. И послал своего младшего брата Добун Мергана разузнать, намереваясь сосватать ее Добун Мергану, если окажется, что она незамужняя". Во-первых, спрашивается, каким образом Дува Сокор сумел увидеть девушку, сидящую в кибитке крытой телеги? Во-вторых, почему прямую речь надо было заменять косвенной? Наш перевод исправляет эти неточности: "И говорит: *Вон среди приближающегося племени на передке крытой телеги сидит одна прекрасная дева. Если она не выдана замуж, то мы ее для тебя, мой младший брат Добун Мерган, сосватаем*", - затем он послал братишку Добун Мергана посмотреть ее" (208, с. 8).

В параграфе № 8 у С.А. Козина читаем: "А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргуджин-гоа, дочь Баргудай Мергана, владельца Колбаргуджин докumsalого, была выдана замуж за Хорилартай-Мергана, нойона Хори-Туматского". У нас это переводится несколько иначе: "Это племя принадлежало дочери Баргудай Мергана, владыки Кол-Баргуджин-токума, Баргуджин-гоа и Хори-Тумадскому нойону Хорилартай Мергану". Какое прекрасное поле для этимологических изысканий. Если бы переводилось дословно, то это звучало бы так: "Это племя принадлежало дочери Мергена из рода Волкодава, владыки центра племени самки-волкодава, красавице Самке-волкодава и князю из племени Десятков тысяч и Оленей Мергену из рода Оленей". Следовательно, Алан-гоа была из рода Оленей. В слове "Хорилартай", что значит "Принадлежащий к роду Оленей", можно выделить показатель множе-

ственного числа "-лар" тюркских языков, в калмыцком языке превратившийся в "-нар, -нер". В названиях же Дува Сокор и Добун Мерген можно выделить название рода "Туба" или "Тобо", который стал известен истории как создатель государства на севере Китая под названием "Тобо-Вэй". Людей же, принадлежащих к этому роду, как известно, называли "косоплеты-тоба" или "табгачи". Алтайские тубалары, тофалары, тувинцы, видимо, являются осколками этого загадочного народа. Само же название "Тобо" или "Туба", видимо, связано, с монгольским словом "төве", что значит "центр" (149, с. 414) или калмыцким "төве" в том же значении (110, с. 511). Если наше предположение верно, то Добун Мерген как представитель рода "Тобо" или "волка" состоящего в отношениях дуального брака с родом Оленя в племени Хори -Тумат, мог совершенно законно рассчитывать на благосклонность Алан-гоа как представительницы рода Оленя. Зная, что и Дува Сокор, и Добун Мерген из рода Кият, т.е. рода Волка, то можно предположить, что и косоплеты-тоба тоже могли быть представителями этого рода. Одно лишь непонятно, почему Бодончар, рожденный от посещения "прозрачного желтого человека", явившегося к его матери Алан-гоа из рода Оленя в образе собаки, вдруг стал родоначальником рода "Борджигин", что означает "Серая самка" собаки или волка? Известное же сочетание "Борджигин Кият" делает слово "Борджигин" совершенно определенным, т.е. это "Серая волчица". Что-то здесь не сходятся концы с концами. Однако вернемся к своим неточностям.

В параграфе № 12 у С.А. Козина читаем: *"Однажды затем Добун Мерган взошел поохотиться на возвышенность Тогоцахундур. В лесу ему повстречался какой-то Урянхаец, который, зарезав трехлетку-оленья, готовил жаркое из его ребер, из верхних коротких ребер"*. У нас это переводится так: "После этого Добун Мерган поднялся однажды на Токочак -возвышенность поохотиться. В лесу он встретил человека из Урийанкайцев, который, убив трехлетнего изюбря, на ребрах жарил печень". В данном случае С.А. Козин, на наш взгляд, был введен в заблуждение текстом "Алтан тобчи", где рядом со словом "абит" дается пояснение "богони", что значит "короткое ребро", хотя в приведенном монголо-китайском словаре сам он зафиксировал это слово со значением "внутренности". В "Алтан тобчи" же, где перевод и комментарий осуществила Н.П. Шастина гораздо позже Козина, говорится о человеке, который "сидел, поджаривая его внутренности и ребра". Однако и этот перевод не отличается точностью, ибо также не понято значение сло-

ва "абит". Действительно, прямое значение слова "абит" утеряно, но есть его переносное значение, например, в калмыцком "эвед", что значит "грубиян, грубый" (110, с. 63). Вместе с тем надо учесть, что в параграфе № 272 однокоренное с ним слово "абитлаасу" переводится как "гадать по внутренностям животного". Если же учесть, что при разделывании тушки из внутренностей животного сразу же идет в употребление обычно печень, что понятие "гнев, злость" связывается также с печенью, ибо в нем находится желчь, что во время гадания также берется во внимание состояние печени, то значение слова "абит" становится ясным. Значит, человек, разделав тушку изюбря, на коротких ребрах его поджаривал ломти печени, обернутые его внутренним салом. Таким был далекий предок современного шашлыка. Подобное жаркое употребляется и в настоящее время многими охотниками.

В параграфе № 13 у С.А. Козина читаем: "Добун Мерган говорит: "Дружище, дай на жаркое". "Дам и тебе", - ответил тот и, оставив себе шкуру и легочную часть животного, остальное мясо трехлетки-изюбря отдал Добун Мергану". У нас это звучит так: "Когда Добун Мерган молвил: "Слуга с жаревом". Тот ответил: "Отдам", - и оставив себе легкие, ливер и шкуру, мясо трех-летнего изюбря в счет дани отдал Добун Мергану". Данный отрывок, как и предыдущий, имеет множество вариантов объяснений, которые почти все представлены в комментариях Н.П. Шастиной к русскому переводу "Алтан тобчи". Во всех переводах обращение Добун Мергана к Урийанкадаю передается как просьба или как "формула условного возгласа, дающего право на участие в дележе охотничьей добычи". В действительности же, как справедливо считал Ц. Корсункиев, рассматривавший "темные" места данного памятника, в речи Добун Мергана, кроме обычного возгласа, выражающего одобрение по поводу наличия добычи, ничего нет. Слово же "нөкөр" употребляется не только в значении "друг, приятель" (110, с. 383), но и в значении "соратник, помощник, слуга", т.к. является однокоренным с калмыцким словом "нөкөд", где суффикс множественного числа "-д", появившийся вместо "-р", уже как суффикс не воспринимается и означает "помощник, друг, товарищ" (110, с. 383). Известно в тюркских языках слово "нукер" в значении "служаший, воин, дружинник" (104, с. 361). Вспомним аналогичное семантическое развитие слова "дружина". Следовательно, Урийанкадай был вассалом Добун Мергана, кроме того, это подтверждается еще и словом "кубчин-е", что значит "в счет дани". Слово это в калмыцком языке получило несколько иное оформление и употребляется как пара со словом "албан",

виде "алвын-гүвчүр", что значит "натуральная повинность" (110, с. 33).

Особое возражение вызывает перевод параграфа № 21, который у С.А. Козина передается следующим образом: "Но каждую ночь, бывало, *через дымник юрты, в час, когда светило внутри погасло, т.е. солнце закатилось, а луна еще не взошла, входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, луна закатилась, а солнце еще не взошло, поцарапываясь, уходит словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди". Мы же это переводим так: "Каждую ночь *прозрачный желтый человек входил через щели порога и дверного косяка* и гладил мне чрево. Его сияние проникало мне в чрево. *Уходил он подобно солнцу и луне*, словно желтая собака, озираясь. Зачем говорите напрасно? Судя по приметам, они сыновья Неба. Зачем их приравниваете к черноголовым людям? Когда станут они ханами над всеми, тогда чернь поймет". В данном отрывке С.А. Козин весьма своеобразно понял смысл словосочетания "керүн эрүке дотокаин кекеер", где только слово "кекеер" требует серьезного исправления на "нүкеер", что должно бы означать "сквозь дырочки или щели" (110, с. 389). Остальное же очень легко читается и по калмыцки звучит следующим образом: "герин эрке-тотхин "нүкэр", что переводится как "сквозь дырочки и щели порога и дверного косяка дома". Кстати, таким же образом слово "кекеер" перевела и Н.П. Шастина, потому что дымник юрты на ночь всегда плотно закрывается и ничто не может через него попасть в дом. Другое дело, если попытаться через дырочки и щели "эрүке", которое соответствует калмыцкому слову "эркен", что значит "порог" (110, с. 703) или "дотока", которое соответствует калмыцкому слову "тотхы", что означает "притолока, косяк двери" (110, с. 509). Словосочетание "наран-сараин кирийер" тоже не получило однозначную расшифровку. Так, Н.П. Шастина перевела его как "в час, когда всходило, разливая свет, солнце". Здесь было недоступным слово "кирийер", которое мы передаем калмыцким словом "кирэр", что переводится как "по мере, соответственно, по подобию, подобно" (110, с. 301). Что касается словосочетания "*чаокен шира күүн*", то оно переводится Н.П. Шастиной как "*желтый маленький человек*", С.А. Козиным как*

"светло-русый человек", а мы как "прозрачный желтый человек". Почему? Здесь по-разному понято слово "чаокен", которое в современном калмыцком имеет два соответствия, восходящих к двум вариантам по рядности гласных одного слова: "чигаан", ставшего "цаһан", что значит "белый" (110, с. 622), и "чигеен", ставшего "цегэн", что значит "прозрачный" (110, с. 630).

Переводя рассматриваемое слово "чаокен" как "прозрачный", мы исходили из того, что далее указывается цвет человека "шира", что значит "желтый, русый, рыжий, светлый" (110, с. 665). Кроме того, в монгольских языках не может быть сочетания "цаһан-шары", что значит "бело-желтый". Следовательно, словом "чаокен" передавался не цвет, а какой-то иной признак человека и этим признаком могла быть только "прозрачность".

Таким образом, при установлении точности речи в переводах приходится опираться на такие критерии, как логичность, уместность и правильность в комплексе.

5. В отношении богатства и выразительности речи "Сокровенного сказания монголов" что-либо определенного сказать трудно, т.к. для этого необходимо провести специальный текстологический анализ по всей программе, выявить не только особенности его языковых средств, но и количество и качество лексических, морфологических и синтаксических его элементов как с позиций семасиологии, так и этимологии. Однако даже поверхностный взгляд на речь данного памятника с точки зрения указанных качеств позволяет смело сказать об их высокой степени, ибо множество стихотворных фрагментов в виде устных писем, песен, клятв и прочее не дают в этом усомниться.

6. С точки зрения значимости "Сокровенное сказание монголов" является одной из трех вершин духовного богатства монгольязычных народов, которые определил академик С.А. Козин как "Сокровенное сказание монголов", "Джангар" и "Герсер", стоящих в одном ряду с такими величайшими памятниками мировой культуры, как "Илиада и Одиссея", "Слово о полку Игореве", "Песня о Роланде", "Калевала", "Витязь в тигровой шкуре" и другими. Наша задача состоит в том, чтобы по-хозяйски распорядиться этим огромным богатством, инвентаризировать его и использовать в повседневной практике, бережно сохраняя и передавая будущим поколениям.

5.1.4. Текстологический взгляд на речь эпоса "Джангар"

Будучи одной из вершин языкового и духовного богатства калмыцкого народа, эпос "Джангар" уже почти два столетия является объектом внимания ученых. Первые сведения о бы-

товании эпоса среди калмыков дал миру Бенжамин Бергманн, который опубликовал в Риге в 1804-1805 годах одну песню в немецком изложении. Это переложение сюжета одной песни привлекло внимание ученых к эпосу. Поиски ученых увенчались успехами только через полвека. Так, по инициативе профессора Казанского университета О. Ковалевского у хошудов Поволжья был записан текст одной песни так называемой "хошеутовской" версии. В 1854 году Алексей Бобровников опубликовал перевод одной песни так называемой "багацохуровской" версии. Ее через три года перевел на немецкий язык Ф. Эрдманн и сделал доступной для европейского читателя. В 1862 году две песни были записаны К.Ф. Голстунским и в 1892 году включены в Хрестоматию А.М. Позднеевым. В 1911 году они были переизданы с дополнением третьей песни, записанной Санджирхаевым.

Летом 1908 года студенту Восточного факультета Петербургского университета Номто Очирову удалось познакомиться с Овля Эляевым, который знал целый цикл, состоящий из 10 песен, вступления и заключения. Так появилась так называемая "дербетская" версия. Кроме того, В.Л. Котвичем, который руководил записями этих песен, в 1910 году у Овлы Эляева была записана еще одна песня, одиннадцатая по счету.

В 1940 году при переиздании 10 песен, записанных у Овлы Эляева, были добавлены тексты двух песен, изданных К.Ф. Голстунским. В том же году был издан на русском языке перевод Семена Липкина. В дни празднования 500-летия эпоса "Джангар" была сформирована своеобразная академическая группа песен эпоса. Но кроме этой группы песен есть еще большое количество других, о которых почти ничего не говорят. Сюда можно отнести песню, записанную на Дону от сказителя Бадмы Обушинова Иваном Ивановичем Поповым в 1901 году, шесть песен, записанных у Мукебена Басангова, две песни, записанные у Давы Шавалиева в 1940 году, одну песню, записанную в 1966 году у Насанки Балдырова. Поэтому в 1978 году Калмыцкий НИИИФЭ выпустил 25 песен в издательстве "Наука" в научной транскрипции, а в 1988 году опубликовал русский перевод шести песен Мукебена Басангова. Наконец, в 1976 году было издано под эгидой того же НИИИФЭ первое текстологическое исследование эпоса Б.Х. Тодаевой под названием "Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар", где впервые дается в сущности сверка и установление основного текста репертуара Овлы Эляева, о чем заявляет сам автор (221, с. 10).

"Во всех изданиях текста, - заключает свое исследование

Б.Х. Тодаева, - выделяются одни и те же исходные моменты, вызвавшие впоследствии ошибки, искажения, изменения и упущения. Они допущены по многим причинам, среди которых главными являются:

1. Неправильное чтение, следовательно, и неверное осмысление слов и выражений в тексте песен;

2. Недостаточное понимание семантики слова и отдельных выражений;

3. Наличие неясных мест в оригинале и различное их толкование;

4. Не всегда оправданная замена одних слов другими или одной формы слова другой;

5. Не всегда безупречная запись в оригинале, объясняемая, очевидно, произносительными нормами самих сказителей (221, с. 94).

Помимо сверки текстов репертуара Овлы Эляева Б.Х. Тодаева дает "Фонетико-морфологический очерк", где определяет морфологическое богатство и фонетическое своеобразие речи рапсода, отраженного в текстах песен. Но наиболее ценным, на наш взгляд, является ее словарь, данный с убедительными примерами.

В настоящее время, когда существуют тексты научного издания эпоса "Джангар" на калмыцком и русском языках, самое время по примеру Б.Х. Тодаевой начать текстологический анализ всех песен по отдельности, но уже с новых позиций, где органически сочетались бы как литературоведческий, так и лингвистический подходы, предложенные нами в виде 10 критериев анализа текстов. Кроме того, очень важно дать к каждой песне словарь и комментарий, объясняющий значения имен собственных и титулов, географических наименований, встречающихся в текстах эпоса, т.к. они также несут очень важную смысловую нагрузку. Например, Алтан Цееджи означает "Золотая грудь", Күнде харта Савыр означает "Тяжелорукая Лапа", Хонгыр означает "Рыжий", Саныл - "Мечта" или название страны "Эрцыс Бумбин орын" означает "Иртышская страна ста тысяч кибиток" и т.д. Это облегчит не только понимание эпоса учеными и простыми читателями, но и его усвоение школьниками и студентами.

5.1.5. Текстологический взгляд на народные сказки, песни и другие произведения калмыцкого фольклора

Известно, что калмыки обладают огромным количеством сказок, песен, благопожеланий, восхвалений, пословиц, поговорок, заклинаний и проклятий. В деле описания и публика-

ции их важное место принадлежит сектору фольклора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Однако, на наш взгляд, работа по сбору и публикации произведений устного народного творчества не дополнена серьезной текстологической их обработкой. Это позволило бы не только уточнить многие тексты произведений калмыцкого фольклора, но и собрать большой лексический, морфологический и синтаксический материал, который был бы полезен при написании академической грамматики калмыцкого языка и "Толкового словаря". Для их первичной обработки можно было бы привлечь учащихся школ, студентов, учителей калмыцкого языка, писателей и журналистов, всех, кто в достаточной степени подготовлен для этой работы. Затем весь материал, прошедший первичную обработку, мог бы стать объектом анализа специалистов-текстологов и после их уточнения быть опубликованным в республиканской печати. Но чтобы проводить такую грандиозную и тонкую работу, необходим какой-то центр, координирующий, финансирующий, проверяющий и отвечающий за ее результаты. Таким центром мог бы быть один из отделов Министерства языка, которое должно быть создано для возрождения и сохранения калмыцкого и других национальных языков на территории республики.

5.2. Незатрудненность письменной речи - главное качество калмыцкой орфографии, способствующей возрождению калмыцкого языка

Как известно, незатрудненность речи, в том числе и письменной, является показателем высокой степени культуры любого языка. Видимо, поэтому проблемы орфографии становятся объектом пристального внимания ученых даже в таких благополучных во всех отношениях языках, как русский. Калмыцкий же язык, будучи языком малочисленного народа, находящегося под угрозой ассимиляции и исчезновения, заслуживает в этом плане еще большего внимания, чем русский, где традиции письма весьма устойчивы.

Проблемы в орфографии калмыцкого языка были известны давно, но предметом научного осмысления они стали только после 1925 года, когда было решено перейти на русскую графику. Переход же со старокалмыцкой или зая-пандитской письменности на кириллицу был продиктован не только политическими и экономическими причинами, но и тем, что формы слов на "тодо бичиг" уже не соответствовали реальному звучанию калмыцких слов, например, старокалмыцкое "йабубай" (пошел)

стало звучать как "йовва", "эбүл" (зима) - "үвел", "темеен" (верблюду) - "темэн" и т.д. Кроме того, манера письма сверху вниз не отвечала требованию скорописи и машинописи и была менее удобной, чем способ европейского письма слева направо. В течение 77 лет в калмыцком языке, в ее графике и орфографии было проведено 11 реформ, которые особенно часто проводились в начальный период формирования калмыцкого литературного языка. Но даже это безумное количество реформ не сумело создать достаточно приемлемую графику и орфографию калмыцкого языка. Только в последнее время появилась возможность создать такую орфографию, которая соответствовала бы как реальному звучанию слов, так и морфологической их структуре. Последняя попытка реформирования орфографии провалилась не потому, что никто не знал, как ее делать, а потому, что люди, кому было поручено это дело, не хотели прислушаться к мнению своих оппонентов, очень спешили и на месте одного чудовища, где люди задыхались от скопления согласных, создали другое, где, наоборот, появилось столько гласных, что слово стало неузнаваемым. В результате - реформа была приостановлена на неопределенный срок. И это произошло тогда, когда предполагалось через письменную речь, приближенную к реальному звучанию слов, создать ту самую среду общения, где закреплялись бы навыки устной речи. Решив проблему способа обозначения и места обозначения долгих и редуцированных гласных, реформаторы должны были учитывать и закон беглости редуцированных гласных. К сожалению, этого не произошло, хотя мы и предлагали реформаторам свой вариант, учитывающий и традицию, и нововведения, и закон беглости редуцированных гласных. При этом мы исходили из следующих общелингвистических положений:

5. 2. 1. Процесс "редукции" или сокращения гласных, изменение их качества происходят в результате действия универсального закона экономии речевых усилий в потоке речи. Например: воды-вада-выдяной, где по мере удаления от ударной позиции происходит ослабление мышечного напряжения артикулирующих органов. Таким образом, заднерядная, среднего подъема, широкоогубленная гласная "о", теряя подъем и огубленность, превращается в заднерядную, нижнего подъема, широкооткрытую гласную "а", затем, теряя широкую открытость, превращается в заднерядную, нижнего подъема, редуцированную гласную "ы", которая характеризуется полукрытостью.

С гласными переднего ряда происходит примерно то же

самое, например, эбул-үбүл-үвөл "зима", где на первом шаге происходит регрессивная ассимиляция, затем переднерядная, верхнего подъема, узкоогубленная гласная "ү", теряя подъем и огубленность, превращается в переднерядную, среднего подъема, полуоткрытую, редуцированную гласную "э". Гласная "и" также, как и любая другая гласная переднего ряда, теряя подъем, превращается в гласную переднего ряда, среднего подъема, полуоткрытую или редуцированную "э". Вот почему там, где когда-то звучала гласная "и", сегодня, в результате редукации, произносится редуцированная гласная переднего ряда "э", например, толи-толе "словарь, луч", болжи-болже "стало" и т.д. Так было определено, что редуцированные гласные заднего ряда необходимо обозначать буквой "ы", а редуцированные гласные переднего ряда надо обозначать буквой "е", т.к. они встречаются всегда в ненадлежащей позиции слова. Введение же буквы "и" для обозначения редуцированных гласных переднего ряда после мягких согласных в словах с гласными заднего ряда было ошибкой последних реформаторов. Нейтральное свойство буквы "и" надо было использовать для обозначения грамматических форм, вывести из употребления в них буквы "ы", например, в окончаниях родительного и винительного падежей и т.д.

5.2.2. Чередование долгих и кратких гласных в корнях

односложных слов происходит из-за того, что исторически долгие гласные корней односложных слов сокращаются из-за падающего на них ударения. При переходе ударения на последующий слог, долготы корневых гласных восстанавливаются. В связи с этим, исходя из морфологического принципа и закона сохранения смысловозначительных функций морфем, в таких словах надо писать долгие гласные, хотя в орфоэпии их можно произносить кратко. Например, күүн "человек", хөөн "овца", нуур "озеро", сөө "ночь", зээ "пространство" и т.д. Кроме того, из-за действия закона экономии речевых усилий в слове сохраняется только одна долгая гласная, которая обозначается только в первом слоге, например, хуур "скрипка" - хуура-сы "из скрипки", но в слове хуры "дождь", хотя и говорим "хураасы", что значит "от дождя", писать надо "хурасы".

5.2.3. Редуцированная гласная всегда исчезает, если ее от последующей гласной отделяет лишь один согласный звук, например, көделмеш "работа", но көделмешэр "работой", келнэ биден "мы говорим", но келнэвден "говорим".

Местом обозначения редуцированных гласных должна быть, разумеется, граница слогов. В этом плане профессор П.Ц. Биткеев совершенно справедливо считает, что главным

принципом обозначения редуцированных гласных является "силлабо-фонематический", т.е. слоговой. Поэтому мы должны разобраться в особенностях слогаделения в калмыцком языке. Умение делить слова на слоги очень важно при обучении чтению на калмыцком языке. В современной "безгласной орфографии", где порой скапливается до 11 согласных, например, көдлмшчнртмдн "нашим рабочим", деление на слоги проводится произвольно. После обозначения редуцированных гласных, например, көделмешчнертемден "нашим рабочим", сделать это нетрудно: кө-де-лме-шчне-рте-мден, т.к. границей слога всегда служит гласная, образующая слог, потому что, как справедливо считает П.Ц. Биткеев, никакой сверхслабый или звонкий "согласный по своей сонорности не может выступать в роли гласного и выполнять слогаобразующую функцию" (89, с. 43).

Вместе с тем хотелось бы предупредить, что слогаделение нельзя путать с переносом, например, слово көгелжерһен "голубь" делится по слогам как кө-ге-лже-рһен, а переносится с одной строки на другую уже как "кө"- "гел"- "жер"- "һен".

5.2.4. Сочетаемость согласных - это ключ к разгадке особенностей калмыцкого слогаделения. Количество сочетающихся согласных в слоге прежде всего зависит от проточного или взрывного их характера. Проточность согласных позволяет сочетаться большему количеству звуков в слоге, например, хамьһна "подметания", т.е. до трех звуков, а при гоморганных или при соседстве одинаковых, сливающихся в один звук, могут сочетаться до четырех, например, олһна "находки". Взрывной характер согласных позволяет сочетаться не более двух звуков, например, олыгды "найдишь". Однако в реальной речи проточные и взрывные звуки сочетаются в смешанном виде, например, өлгегде "будь подвешенным", марттха "пусть забудет", олдтха "пусть найдется", өлгегдтхэ "пусть будет подвешенным" и т.д.

5.2.5. Слоги в калмыцком языке делятся на открытые и закрытые, т.е. оканчивающиеся на гласный и согласный звуки. Причем в калмыцком языке преобладает наличие открытых слогов, т.к. все начальные слоги бывают открытыми, конечные же могут быть и открытыми, и закрытыми, например, тө-гэ "колесо", а-лхым "шаг", а-лхы "молоток" и т.д.

5.2.6. Слова в калмыцком языке имеют различное количество слогов:

а). Существует большое количество односложных слов, например, ээ "звук", төө "пядь", зүүн "игла", сээн "хороший" и т.д. К их числу обычно относят такие слова, как "хард, шард, пурд",

которые считаются звукоподражательными, и слова типа "барс"- (тигр, барс), "түрд", что значит "стой, задержись" и т.д. Однако, на наш взгляд, проточный, дрожащий согласный "р" в силу своей сонорности создает эффект наличия гласного после себя, поэтому, чтобы быть последовательными в обозначении редуцированных гласных на письме, указанные слова должны писаться как "харыд, шарыд, пурыд, барыс" и "түред", т.е. не позволять скапливаться на конце словосочетания из двух согласных. Если же в конце слова встречаются два взрывных звука, то последний получает дополнительную редуцированную гласную, например, русское слово "акт" на калмыцком звучит как "аакты".

б). *Двусложные слова* в калмыцком языке самые многочисленные, т.к. многие из них исторически восходят к трехсложным, например, така "курица" - такига, хальмыг "калмык" - халимаг, толһа "голова" - тологой и т.д.

в). *Трехсложных слов* в калмыцком языке тоже много, но их чуть меньше, чем двусложных. Это в основном слова производного характера, например, бактамже "вместимость" от глагола "багта", что значит "вмещай", бахтымже "гордость" от глагола "бахты", что значит "гордись", керглемже "потребность" от глагола "кергле", что значит "нуждайся" и т.д.

г). *Четырехсложных слов* в калмыцком языке не очень много. В эту группу обычно входят различные грамматические формы двусложных или трехсложных слов, например, көделмешче "рабочий", көгелжерһен "голубь", керчегдсенде "порезанному", үзегдсенде "увиденному", соңсыгдсынды "услышанному" и т.д.

д). *Пятисложных слов* в калмыцком языке еще меньше, чем четырехсложных. Сюда входят обычно грамматические формы четырех- и трехсложных слов, например, көделмешчерте "рабочим", хэләһэчнерте "зрителям" и т.д.

е). *Шестисложных слов* очень мало. Их насчитывается буквально единицы. В их число входят различные грамматические формы четырех- или пятисложных слов, например, көделмешчертемден "нашим рабочим", хэләһэчнертемден "нашим зрителям".

В калмыцком слогоделении, вероятно, надо учитывать то, что некоторые суффиксы считаются неразложимыми, т.е. не могут относиться к разным слогам и допускать появления внутри себя редуцированной гласной. К их числу относятся такие суффиксы, как -гды, -где, -тха, -тхэ, -цха, -цхэ, -лды, -лде, -чкы, -чке, -мже. Хотя в отдельных случаях, особенно при соседстве с гоморганными согласными, "ч", входящий в суф-

фикс -чкы, -чке, может примкнуть к предыдущему слогу, например, керччектхэ "пусть порежет", мартчектха "пусть забудет" и т.д. В остальных же случаях -чкы, -чке выступают как неразложимые суффиксы. Причиной такого двойственного состояния этого суффикса, вероятно, является то, что он образован совершенно недавно из переразложения окончания слитного деепричастия -ч и сращения его с вспомогательным глаголом "оркы", опростившимся до "окы", что и дало новый суффикс глаголов "законченного вида" (89, с. 190).

Теперь, рассмотрев все теоретические вопросы, затруднявшие создание научно обоснованной орфографии, обозначающей как долгие, так и редуцированные гласные в словах, мы можем смело приступить к изложению правил новой орфографии, отвечающей требованиям теории культуры языка.

5.2.7. Правила полногласной орфографии

Как известно, всякое новое - это хорошо забытое старое. Поэтому мы и при создании новой полногласной орфографии должны учитывать все, что было сделано хорошего в старой орфографии, и, убрав все, что мешает, добавить лишь то, без чего невозможно дальнейшее функционирование калмыцкого языка.

Графика калмыцкого языка, на которой базируется орфография при обозначении звуков калмыцкого языка, надо сказать, далеко не безупречна, например, взрывной увулярный "h" и проточный увулярный "h" у ряда ученых совершенно справедливо обозначаются разными буквами. Но тем не менее она и в прежнем виде вполне пригодна для дальнейшего использования. Поэтому к прежнему описанию калмыцкой графики мы должны лишь добавить следующее:

1. *Гласная буква "и"*, использовавшаяся как нейтрально-рядная во всех грамматических и лексических формах, должна вновь занять свое место, заменив тем самым букву "ы", введенную Д.А. Павловым в 1972 году как заднерядный вариант буквы "и", что не оправдало ожидания, т.к. использовалась только после четырех согласных: л, н, д, т. Сейчас же, когда за буквой "ы" закрепляется функция обозначения заднерядного редуцированного гласного, использование буквы "ы" в грамматических и лексических формах может породить путаницу и затруднять понимание письменной речи.

2. *Гласной буквой "ы"* мы обозначаем редуцированный гласный звук заднего ряда. При этом необходимо понимать, что буква "ы" не может полностью отражать звучание редуциро-

ванного гласного звука, что это лишь техническая мера, как это делается в технике, когда в местах сильного трения, могущего разрушить деталь механизма, вставляется специальная прокладка в виде подшипника. Здесь же в местах редукиции гласных, грозящих также разрушить морфологическую структуру слова, в соответствии с требованием закона сохранения смыслоразличительных функций, мы сознательно вставляем букву "ы", обозначающую полногласную фонему, которая в потоке речи, редуцируясь, приобретет то качество, которое и будет отражать характер редуцированного звука. Надо понять, что редуцированная гласная - это понятие просодическое, а буква, обозначающая редуцированную гласную, понятие функциональное. Благодаря этим буквам читатель может разбивать слова на слоги, а слоговое чтение - это важный инструмент обучения языку.

3. *Гласной буквой "е"* мы обозначаем редуцированный гласный переднего ряда. Разумеется, и буква "е" не может полностью отражать звучание редуцированного гласного переднего ряда. Но буква "е", обозначающая звук "э" в непервой или в ненадначальной позиции, в конечном счете отражает звук переднего ряда, получивший самую высокую степень редукиции: его характеристика заключается лишь в рядности, тогда как другие фонемы переднего ряда, например: "э" имеет характеристику "широкой открытости", "и" - верхнего подъема, "ө" - широкой "огубленности", "ү" - узкой "огубленности" и верхнего "подъема". Это становится особенно понятным, когда знаешь, что "переднерядность" и "средний подъем" - это одно и то же качество, т.к. рядность определяется продвижением языка вперед, а язык движется вперед не по горизонтали, а под углом в несколько градусов вверх и вперед, т.е. доводя язык до среднего подъема. Кроме того, калмыцкий язык очень четко разграничивает в системе гласных переднерядные и заднерядные, поэтому в нем нет фонем среднерядных или так называемых нейтральнорядных. Издревле, на наш взгляд, в монгольских языках до сегодняшнего дня функционирует буква "и", которая в окружении заднерядных гласных обозначала "ы" - подобный звук, а в окружении переднерядных гласных обозначала "и" - подобный звук, что предполагал и Б.Я. Владимирцов. Поэтому нет необходимости делать букву "и" показателем редуцированного гласного переднего ряда в словах с заднерядными гласными после мягких согласных: л, н, д, т, ж, ч, ш, й, как это сделали наши современные реформаторы по настоянию Н.Н. Убушаева, апеллировавшего к орфографии Заяпандиты.

4. *Вернуться в своей нормированности калмыцкого литературного языка к принципу, выдвинутому Б.Б. Бадмаевым еще на 4 конференции языкового строительства Калмыкии в 1934 году, к принципу "близости к исторической основе".* Этим снимались бы все изменения, возникшие в результате засилия закона экономии речевых усилий, которому подверглись в разной степени все диалекты калмыцкого языка, которому следовали наши предшественники, желая письменную речь уравнивать с устной, опираясь на фонетический принцип орфографии, но трактуя его во многом по-своему. Сегодня у нас есть теория культуры языка и речи, дающая четкие и ясные критерии в нормировании литературного языка, следуя которым мы должны исправить лишь то, что просто необходимо и целесообразно в деле сохранения и развития калмыцкого языка.

5. *Правила полногласной орфографии сводятся к следующим требованиям:*

А. *В правописании частиц придерживаться следующих правил:*

1. *Вопросительные частицы после суффиксов, показывающих времена глагола: -ва, -вэ, -ла, -лэ, -на, -нэ, -чана, -чэнэ, -жана, -жэнэ, вместо конечных гласных выступают гласные -у, -ү: харва "вышел", -харву? "вышел ли?", келвэ "сказал"-келвү? "сказал ли?", харла "давно вышел"-харлу? "вышел ли давно?", келлэ "сказал давно"-келлү?-"сказал ли давно?", харна "выходит" - харну? "выходит ли?", келнэ "говорит"-келнү? "говорит ли?", харчана "сейчас выходит"-харчану? "сейчас выходит ли?", келжэнэ "сейчас говорит"-келжэнү? "сейчас говорит ли?" и т.д.*

- *вопросительная частица -йу?, -йү? употребляется с глаголами будущего-го времени, с прилагательными, с простыми вопросительными глаголами, связанными с глаголами желательного-призывного наклонения, например, ирхе "придет" - ирхйү? "придет ли?", холы "далеко" - холйү? "далеко ли?", келхе "скажет" - келхйү? "скажет ли?", одынйү? "звезда ли?", герйү? "дом ли?", Церенйү? "Церен ли?", тииме эсйү? "так ведь?", "не так ли?".*

- *вопросительная частица -би? по своей сути восходит к старому глаголу бий "быть". Часто употребляясь с вопросительными словами кен? "кто?", и юун? "что?", он получил значение вопросительности: кен би? "кто есть?", юун би? "что есть?". Далее, уже употребляясь с причастиями, сопровождаемыми утвердительной частицей "мөн", он стал терять свое значение глагола и стал пониматься как вопросительная частица, например: ирхе мөн би? - ирхемби? "надо ли приходиться?". Здесь*

вопрос скрыт в его продолжении: але угайу? "или нет?". Вопросы же типа: хөөн - хөөнби - хөөмби? "овца ли?", күүнби - күүмби? "человек ли?", цаһанби - цаһамби? "белый ли?" являются осколками полных вопросов: юун хөөн би? "что за овца?", юун күүн би? "что за человек?", юун цаһан би? "что это белое?". Переводить частицу в форму -ви, на наш взгляд, не представляется возможным и целесообразным, ибо тогда она будет путаться с вопросительной частицей глагола недавно прошедшего времени "-ву,-вү", ставшей в результате редукции походить на -ви. Так, реформаторы, путаясь в них, приводят такие примеры, как "яхви? "что мне делать?", которое должно бы полностью звучать в виде "яхымби?", а пример "үкерви?", что должно бы означать "корова ли?", вообще должен был звучать как "үкерйү?".

Вопросительная частица "-би?" часто используется с предикативными частицами личных имен 1-го лица единственного и множественного числа: би ирхемби? "мне надо приходиться?", биден йовхымби? "нам идти?";

- *вопросительная частица "-чи?"* является показателем лично-предикативной частицы 2-го лица единственного числа, а "-та?", "-тэ?" является лично-предикативной частицей 2-го лица множественного числа, например:

иренчи? "придешь ли?", харынчи? "выйдешь ли?", келентэ? "скажете ли?", харынта? "выйдете ли?", т.к. вопросительная интонация требует полногласия.

2. *В утвердительной же форме лично-предикативные частицы* глагола 1-го лица единственного числа звучат как "-в", множественного числа "-вден", "-вдын": например: келнэв "скажу", харнав "выйду", но келнэвден "скажем", харнавдын "выйдем" или "выходим".

Утвердительная форма лично-предикативной частицы глагола 2-го лица единственного числа звучит как "-ч": келнэч "говоришь", харнач "выходишь", а множественного числа - как "-т": келнэт "говорите", харнат "выходите" и т.д.

3. *Отрицательные частицы в калмыцком языке* представлены формами: уга-го, бише-ш, эсе, бичэ, -шго.

- в сущности "го", восходящее исторически к отрицательно-му слову "уга", соответствует русской частице "не" и приставке "без-": герго "бездомный", гемго "безвинный", мууго "неплохой", керегго "ненужный", харго "безрукий", ирсенго "не пришел", ирэдго "еще не приходил". Слово же "уга" надо считать не частицей, а словом отрицания, как в русском трактуется слово "нет".

- так называемая частица "бише" в сущности является пос-

лелогом, восходящим к словосочетанию "бий эче" со значением "не есть, не является, не будет", например, цаһан бише "не белый", сээн бише "не хороший, не хорошее", арвын бише "не десять", мини бише "не мой", мөңген бише "не деньги" и т.д.

- частица -ш используется только после окончаний глаголов будущего времени и сообщает им значение "постоянного несовершения действия", например: ирхе "придет" - ирхеш "не приходит", һархы "выйдет" - һархыш "не выходит" келжәхе "будет постоянно говорить" - келжәхеш "не говорит постоянно".

- частица -шго является двойной, которая, присоединяясь к повелительной основе глагола, образует значение отрицания действия в будущем, например: ире "приходи" - иршго "не придет", һары "выходи" - һаршго "не выйдет", келе "скажи, говори" - келшго "не скажет, не будет говорить" и т.д.

- так называемая частица "эсе", которая, на наш взгляд, является обычным словом отрицания, используется перед глаголами, причастиями и деепричастиями, причем с глаголами она используется только при вопросительных формах, например: яһад эсе сууна? "почему не сидит?", яһад эсе суува? "почему не сел?". В сочетании с причастиями и деепричастиями вопросительная форма не требуется, например, эсе ирсен күүн уга "нет человека, который бы не пришел", эсе меддег күүн уга "незнающих людей нет", эсе иртел "пока не придет" и т.д.

- так называемая частица "бичә" также, на наш взгляд, является самостоятельным словом и, используясь исключительно с глаголами повелительного или желательного наклонения, имеет значение "не смей". Это хорошо просматривается в выражении: "бичә - гинэв", которое переводится "не смей - говорю". Например, бичә ире "не смей приходиться", бичә келе "не говори, не смей говорить" и т.д. Этимологически "бичә", как и "бише", видимо, восходит к словосочетанию "бий эче".

Б. В правописании падежных окончаний надо придерживаться следующих правил:

1. Именительный падеж имеет нулевую форму падежей и остается без изменений, например: нарын "солнце", хөөн "овца", Японь "Япония", төмер "железо", саң "хранилище", төө "пядь", ноха "собака", керә "ворон" и т.д.

2. Родительный падеж имеет семь разновидностей окончаний:

"-а", если склоняемое слово оканчивается на "н", а гласные слова относятся к заднерядным, например: нарын "солнце" - нарна "солнца" и т.д.

"-э", если склоняемое слово оканчивается на "н", а гласные слова относятся к переднерядным, например: хөөн "овца" - хөөнэ "овцы" и т.д.

"-я", если склоняемое слово оканчивается на "нь", а гласные слова относятся к заднерядным, например: Японь "Япония" - Японя "Японии" и т.д.

"-ин", если склоняемое слово оканчивается на согласный, включая л, н, д, т, которые выделялись прежде в особую группу и имели редуцированные гласные в конце, например: төмер "железо" - төмрин "железа", мал "скот" - малин "скота", хоты "пища" - хотин "пищи", хады "скала" - хадин "скалы", чоны "волк" - чонин "волка", ахы "брат" - ахин "брата" и т.д.

"-гин", если склоняемое слово оканчивается на "ң", имея гласные любой рядности, например: саң "хранилище" - саңгин "хранилища", сөц "тост" - сөңгин "тоста", савың "мыло" - савыңгин "мыла", делең "вымя" - делеңгин "вымени" и т.д.

"-һин", если склоняемое слово оканчивается на долгую гласную любой рядности, например: төө "пядь" - төөһин "пяди", тоо "счет" - тооһин "счета", бүрү "бычок", где вторая гласная долгая, но по закону действующей орфографии не обозначается. Ее долгота отражается в орфоэпии, где звучит правило: все вторые краткие гласные слова произносятся долго. Следовательно, слово бүрү в родительном падеже будет выглядеть как бүрүһин, что значит "бычка", ору "приход" - оруһин "прихода", һару "расход" - һаруһин "расхода", хэрү "ответ" - хэрүһин "ответа, ответный" и т.д.

"-н", если склоняемое слово многосложно и оканчивается на долгую гласную любой рядности, например: ноха "собака" - нохан "собаки", керэ "ворон" - керэн "ворона", һаха "свинья" - һахан "свиньи", харада "ласточка" - харадан "ласточки", гүргелдэ "ящерица", гүргелдэн "ящерицы" и т.д.

3. Дательный падеж имеет четыре разновидности окончаний:

"-ды", если склоняемое слово оканчивается на звонкий согласный с последующим редуцированным гласным заднего ряда и в исключительных случаях с последующим редуцированным гласным переднего ряда, когда в начальных слогах функционирует гласные заднего ряда, например: боде "материя, высшая мудрость, совершенство" - бодьды "материи, совершенству", аавы "дедушка" - аавды "дедушке", хады "скала" - хадды "скале" и т.д.

"-де", если склоняемое слово оканчивается на звонкий согласный с последующим редуцированным гласным переднего ряда, когда в начальных слогах функционируют переднеряд-

ные гласные, например: ээже "бабушка" - ээжде "бабушке", дере "подушка" - дерде "подушке", ээме "плечо" - ээмде "плечу" и т.д.

"-ты", если склоняемое слово оканчивается на звонкий согласный "д" и, будучи носителем заднерядных гласных, после "д" не имеет редуцированных гласных, например: чонмуд "волки" - чонмудты "волкам", оруд "пришлые" - орудты "пришлым" и т.д.

- если склоняемое слово с гласными заднего ряда оканчивается на "р", за которым не следует редуцированный гласный, например: һазыр "земля" - һазырты "земле, в земле", һар "рука" - һарты "руке, в руке" и т.д.

- если склоняемое слово с гласными заднего ряда оканчивается на "г", также не имеющий за собой редуцированной гласной, например: зааг "щель" - заагты "в щели, в промежутке", хавыг "тыква" - хавыгты "тыкве, в тыкве" и т.д. Указанные выше звонкие согласные, будучи в абсолютном конце слова, в потоке речи оглушаются, поэтому принимают окончание с глухой согласной фонемой "т".

- если склоняемое слово с гласными заднего ряда оканчивается на глухие согласные, например: хошы "временная стоянка, стан" - хошты "временной стоянке, во временной стоянке", аче "внук, племянник по мужской линии" - ачты "внуку, у внука, племяннику, у племянника по мужской линии", хате "приправа к пище" - хатъты "приправе, в приправе к пище" и т.д.

"-те", если склоняемое слово с гласными переднего ряда оканчивается на звонкий согласный "д", за которым не следует редуцированная гласная, например: берэд-беред "снохи" - берэдте-бередте "снохам, у снох", хөөд "овцы" - хөөдте "овцам, у овец", мөрөд "кони" - мөрөдте "коням, у коней" и т.д.

- если склоняемое слово с гласными переднего ряда оканчиваются на "р", за которым не следует редуцированный гласный звук, например: гер "дом" - герте "дому, в доме", сеер "хребет, подъем" - сеерте "хребту, подъему" и т.д.

- если склоняемое слово с гласными переднего ряда оканчиваются на звонкую согласную "г", за которой также нет редуцированного гласного, на-пример: сөг "просо" - сөгте "просу, в просе", үзег "буква, направление" - үзегте "букве, направлению, в направлении" - зөөг "пчела" - зөөгте "пчеле, в пчеле" и т.д.

- если склоняемое слово с гласными переднего ряда на конце имеет любые глухие согласные, например: эгче "сестра" - эгчте "сестре, у сестры", бүсе "ремень" - бүсте "ремню, в ремне", беше "печка" - беште "печке, в печку", бөке "силач" - бөкте "силачу, в силаче" и т.д.

4. Винительный падеж в калмыцком языке различает определенность и неопределенность объекта. В связи с этим сначала дадим разновидности окончаний винительного падежа определенного объекта, их четыре:

"-игы", если склоняемое слово с гласными заднего ряда на конце имеет редуцированную гласную или согласный звук, кроме "н", например: ахы "брат" - ахигы "брата", багше "учитель" - багшигы "учителя", толе "луч, словарь" - толигы "луч, словарь", саң "хранилище" - саңгигы "хранилище" и т.д.

"-гиге", если склоняемое слово с гласными любого ряда на конце имеет согласную фонему "ң", например: эң "ширина" - эңгиге "ширину", сөң "тост, хвалебная, величальная" - сөңгиге "тост, хвалебную, величальную" и т.д.

"-гы", если склоняемое слово с гласными заднего ряда оканчивается на долгую гласную, которую, в соответствии с нормами орфографии, обозначают как краткую, например: ноха "собака" - нохагы "собаку", толһа "голова" - толһагы "голову", һаха "свинья" - һахагы "свинью" и т.д.

- если склоняемое слово с гласными заднего ряда оканчивается на согласную "н", перед которой следует долгая гласная заднего ряда, например: ухан "ум" - ухагы "ум", довун "бугорок, кочка" - довугы "бугорок, кочку", дуун "песня" - дуугы "песню", һалун "гусь" - һалугы "гуся" и т.д.

"-ге", если склоняемое слово с гласными переднего ряда оканчиваются на долгую гласную или такую, которую, по правилам современной орфографии, обозначают как краткую: сөө "ночь" - сөөге "ночь", керэ "ворон" - керэге "ворона", гүү "кобыла" - гүүге "кобылу", төө "пядь" - төөге "пядь", сүү "подмышка", сүүге "подмышку", зее "внук, племянник по матери" - зееге "внука, племянника по матери", көө "сажа" - көөге "сажу", бээ "метка, жилище" - бээге "метку, жилище", зээ "свободное место" - зээге "свободное место" и т.д.

- если склоняемое слово с гласными переднего ряда оканчивается на согласную "н", перед которой следует долгая гласная переднего ряда, например:

гүзэн "требуха, рубец" - гүзэге "требуху, рубец", күзүн "шея" - күзүге "шею", сээн "хороший, добро" - сээге "хорошего, добро", күүн "человек" - күүге "человека", зүүн "иголка" - зүүге "иголку" и т.д.

Формы винительного падежа неопределенного предмета, вероятно, частично возникли через стадию последних форм с -гы, -ге, когда конечные долгие, затем и краткие гласные слов, теряя последующую согласную "н", сначала поглотили гласную перед "г", а затем вообще избавились от "г" и последующей

гласной, приблизившись тем самым к форме именительного падежа. Свидетельством такого процесса остались служить лишь формы слов, оканчивающихся на "н" в именительном падеже, употребляемые без них, например: ухан "ум" - уханиги - ухайиги - ухаги - уха "ум", төмер "железо" - төмериге - төмөри - төмер "железо", мөрен "конь" - мөриге "коня" - мөри - мөре "коня".

Вероятно, халха-монгольские показатели винительного падежа -ги и слово "морь", что значит "конь", являются отражениями указанных процессов.

- Винительный падеж неопределенного предмета нагляднее всего виден в формах слов, оканчивающихся на согласный "н", например: хөөн "овца" - хөө "овцу", мөрен "конь" - мөре "коня", темсен "овощи" - темсе "овощи", тэрэн "посевы" - тэрэ "посев", яман "коза" - яма "козу" и т.д.

- Винительный падеж неопределенного предмета со словами, оканчивающимся на любую гласную и согласную, совпадает с формой именительного падежа, например: үге "слово" - үге "слово", мал "скот" - мал "скот", - төмер "железо" - төмер "железо", нээ "надежда" - нээ "надежду", үкер "корова" - үкер "корову" и т.д.

Думается, появление указанного падежа - это результат действия универсального закона экономии речевых усилий, но сами носители языка, как бы интуитивно осознавая неприемлемость полной неопределенности, добавляют к указанным формам суффиксы собственного склонения и употребляют чаще всего их в виде "темэһэн", что значит "своего верблюда", малан "свой скот", төмрэн "свое железо", үкрэн "свою корову" и т.д.

5. Орудный или инструментальный падеж в калмыцком языке представлен семью разновидностями окончаний:

"-ар" используется в словах с гласными заднего ряда, оканчивающихся на редуцированный гласный и согласный, например: һар "рука" - һарар "рукой", савы "посуда" - савар "посудой", аавы "дедушка" - аавар "дедушкой" и т.д.

"-яр" используется скорее как инструмент экономии для передачи суффикса -ар после мягких согласных л, н, д, т, например: суле "овес" - суляр "овсом", толе "луч, словарь" - толяр "лучом, словарем", хане "напарник" - ханяр "напарником", бодь "материя, святость, совершенство" - бодяр "материей, со-вершением", тоте "попугай" - тотяр "попугаем" и т.д.

"-эр" используется в словах с гласными переднего ряда, оканчивающихся на редуцированный гласный и согласный, например: эме "женщина" - эмэр "женщиной", гер "дом" - герэр

"домом", ээжэ "бабушка, матушка" - ээжэр "бабушкой, матушкой", зөвө "право"-зөвэр "по праву" и.д.

- используется в словах с гласными переднего ряда, оканчивающихся на беглую согласную "н", например: мөрөн "конь" - мөрэр "конем", кермен "белка, пароход" - кермэр "белкой, паромом", зүркен "сердце" - зүркэр "сердцем", теерем "мельница" - теермэр "мельницей" и т.д.

"-һар" используется в словах с гласными заднего ряда, оканчивающихся на долгую гласную, например: така "курица" - такаһар "курицей", тоо "счет" - тооһар "счетом", ноха "собака" - нохаһар "собакой" и т.д.

- используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на согласную "н", перед которой стоит долгая гласная, например: һалун "гусь" - һалуһар "гусем", халун "жара, горячий" - халуһар "жарой, по-горячему", яман "коза" - ямаһар "козой", ухан "ум" - ухаһар "умом" и т.д.

"-һэр" используется в словах с гласными переднего ряда, оканчивающихся на долгую гласную, например: сөө "ночь" - сөөһэр "ночью", керэ "ворон" - керэһэр "вороном", зее "внук, племянник по матери" - зееһэр "внуком, племянником по матери", хэрү "ответ, обратно" - хэрүһэр "ответом" и т.д.

- используется в словах с переднерядными гласными, оканчивающихся на согласную "н", перед которой стоит долгая гласная, например: хөөн "овца" - хөөһэр "овцой", күүн "человек" - күүһэр "человеком", темэн "верблюд" - темэһэр "верблюдом", зүүн "иголка" - зүүһэр "иголкой" и т.д.

"-гар" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на согласный "ң", например: савың "мыло" - савыңгар "мылом", аң "зверь" - аңгар "зверем", саң "хранилище" - саңгар "хранилищем" и т.д.

"-гэр" используется в словах с гласными переднего ряда, оканчивающихся на согласный "ң", например: сөң "тост" - сөңгэр "тостом", дөң "помощь" - дөңгэр "помощью", мең "родимое пятно, приманка" - меңгэр "родимым пятном, приманкой" и т.д.

6. Соединительный падеж в калмыцком языке представлен только двумя разновидностями окончаний:

"-ла" используется со словами, в которых функционирует гласные заднего ряда, например: ахы "брат" - ахла "с братом", ноха "собака" - нохала "с собакой", баатыр "богатырь" - баатырла "с богатырем" и т.д.

"-лэ" используется в словах с переднерядными гласными, например: герче "свидетель" - герчлэ "со свидетелем", гер "дом" - герлэ "с домом", зее "внук, племянник по дочери" - зеелэ "с внуком, с племянником по дочери" и т.д.

7. Совместный падеж в калмыцком языке представлен только двумя разновидностями окончаний:

"-та" используется со словами с заднерядными гласными, например: ахы "брат" - ахта "имеющий брата, вместе с братом", ноха "собака" - нохата "имеющий собаку, с собакой", така "курица" - таката "имеющий курицу, с курицей", баатыр "богатырь" - баатырта "имеющий богатыря, с богатырем" и т.д.

"-тэ" используется в словах с переднерядными гласными, например: герел "свет" - герелтэ "имеющий свет, со светом", гер "дом" - гертэ "имеющий дом, с домом", темэн "верблюд" - темэтэ "имеющий верблюда, с верблюдом" и т.д.

8. Исходный падеж в калмыцком языке представлен семью разновидностями окончаний:

"-асы" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на редуцированный гласный или согласный, например: ахы "брат" - ахасы "от брата", яман "коза" - яманасы "от козы", халун "гусь" - халунасы "от гуся", баатыр "богатырь" - баатрасы "от богатыря" и т.д.

"-эсе" используется в словах с переднерядными гласными, оканчивающихся на редуцированный гласный или согласный, например: гер "дом" - герэсе "от дома", дере "подушка" - дерэсе "от подушки", кермен "белка, пароход" - кермнэсе "от белки, от парохода", төмер "железо" - төмрэсе "от железа", белег "подарок" - белгэсе "от подарка" и т.д.

"-ясы" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на переднерядные редуцированные гласные, например: хате "приправа к пище" - хатясы "от приправы к пище", боте "том" - ботясы "от тома", суле "овес" - сулясы "от овса", хане "спутник" - ханясы "от спутника", толе "луч, словарь" - толясы "от луча, от словаря", сурхуле "учеба" - сурхулясы "от учебы" и т.д.

Заемствования с мягкими согласными на конце также могут передаваться указанным суффиксом, например: медаль - медалясы "от медали" и т.д.

"-хасы" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на долгую гласную, например: хаха "свинья" - хахахасы "от свиньи", ноха "собака" - нохахасы "от собаки", така "курица" - такахасы "от курицы", залху "лентяй" - залхухасы "от лентяя", залу "мужчина, муж" - залухасы "от мужа, от мужчины", хулха "воровство" - хулхахасы "от воровства" и т.д.

"-хэсе" используются в словах с переднерядными гласными, оканчивающихся на долгие гласные, например: дүү "братишка"

- дүүнэсе "от братишки", бөө "знахарь" - бөөнэсе "от знахаря", көө "сажа" - көөнэсе "от сажки" и т.д.

"-гасы" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на согласный "ң", например: аң "зверь" - аңгасы "от зверя", савың "мыло" - савыңгасы "от мыла", саң "хранилище" - саңгасы "от хранилища" и т.д.

"-гэсе" используется в словах с переднерядными гласными, оканчивающихся на согласный "ң", например: сөң "тост" - сөңгэсе "от тоста", делең "вымя" - делеңгэсе "от вымени", мең "родинка" - меңгэсе "от родинки" и т.д.

9. Направительный падеж в калмыцком языке представлен пятью разновидностями окончаний:

"-ур" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на редуцированные гласные или согласные, например: ахы "брат" - ахур "к брату", халун "гусь" - халунур "к гусю", баатыр "богатырь" - баатрур "к богатырю", савы "посуда" - савур "к посуде" и т.д.

"-юр" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на редуцированную гласную переднего ряда, например: боте "том" - ботюр "к тому", хате "приправа" - хатюр "к приправе", суле "овес" - сулюр "к овсу", хане "спутник" - ханюр "к спутнику" и т.д.

"-үр" используется в словах с переднерядными гласными, оканчивающихся на редуцированные гласные или на согласные, например: хүве "часть, доля" - хүвүр "к части, к доле", зүүн "иголка" - зүүнүр "к иголке", өрүн "утро" - өрүнүр "к утру", бээрэн "местность" - бээрнүр "к местности" и т.д.

"-һур" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на долгие гласные, например: тоо "счет" - тооһур "к счету", буу "ружье" - бууһур "к ружью", така "курица" - такаһур "к курице", ноха "собака" - нохаһур "к собаке", һаха "свинья" - һахаһур "к свинье" и т.д.

"-һүр" используется в словах с переднерядными гласными, оканчивающихся на долгие гласные, например: зее "внук, племянник по матери" - зееһүр "к внуку, к племяннику по матери", зээ "свободное место" - зээһүр "к свободному месту", көө "сажа" - көөһүр "к саже", сөө "ночь" - сөөһүр "к ночи", бөө "знахарь" - бөөһүр "к знахарю" и т.д.

"-гур" и "-гүр" используются в словах, оканчивающихся на согласный "ң": аң "зверь" - аңгур "к зверю", сөң "тост" - сөңгүр "к тосту" и т.д.

В. Правописание суффиксов двойного склонения.

К двойному склонению относятся такие формы падежей имен существительных, которые образуются из-за соседства

двух падежных окончаний, где первое окончание является принадлежностью прилагательного, образованного в результате адъективации форм родительного или совместного падежей имен существительных. Только несколько форм образуется от наречий, образованных от форм дательного-местного падежа: харты "в руке", герте "в доме" и арды "сзади", которые, принимая окончание исходного падежа, образуют наречие места: харты "в руке" - хартасы "из руки", герте "в доме" - гертэсе "из дома", арды "позади" - ардасы "сзади" - ардаһур "назад". Эти падежи в различных сочетаниях передавали значения наречий и прилагательных, которые потом развились в самостоятельные части речи. С точки зрения логики, форма "хартасы" совершенно правильна и по смыслу точна, т.к. берется не "у реки", а "из того, что в руке". То же самое можно сказать и в отношении форм "гертэсе", что значит "из того, что в доме" и "ардасы", что значит "из того, что сзади". Эти формы не устраивают нас лишь с позиций грамматических форм. Следовательно, можно предположить, что здесь что-то не так. И действительно, если предположить, что формы эти были прилагательными с показателем отношения "-ки", который затем исчез, то все становится на свое место, например: харты "в руке" - харткы "тот, что в руке" - харткасы "из того, что в руке", герте "в доме" - гертке "тот, что в доме" - герткэсе "из того, что в доме", арды "позади" - ардкы "тот, что позади" - ардкасы "из того, что позади". Только так можно объяснить случай склонения наречной формы "харты, герте" и "арды".

Формы же с окончаниями родительного и совместного падежей склоняются точно так же, как и субстантивированные прилагательные, образованные от имен существительных при помощи суффиксов родительного и совместного падежей.

Г. *Правописание суффиксов собственного склонения.*

Считается, что частицы собственного склонения -ан, -эн восходят в своей основе к полнзначному слову "эберүн" или калмыцкому "эврэн", что значит "сам". Показатель соединительного падежа дает для этих предположений достаточно серьезные основания. Рассмотрим все по порядку.

1. *Именительный падеж* собственного склонения обычно не оформляется, т.к. здесь выступает словосочетание со словом "эврэ", что значит "свой", например, эврэ хөөн "своя овца", эврэ үкер "своя корова", эврэ ахы "свой брат", эврэ көө "своя сажа", эврэ эцке "свой отец" и т.д.

2. *Творительный падеж* собственного склонения, названный не совсем удачно "Склонением с возвратной частицей" в совре-

менной грамматике (89, с. 113), представлен четырьмя разновидностями частиц:

"-нын" присоединяется лишь к таким окончаниям родительного падежа, которые образованы от основ с гласными заднего ряда, которые оканчиваются на согласный "н", например: носын "сапог" - носна "сапога" - носнанын "своего сапога"; халун "гусь" - халуна "гуся" - халунанын "своего гуся"; яман "коза" - ямана "козы" - ямананын "своей козы"; ухан "ум" - ухана "ума" - ухананын "своего ума"; санан "желание" - санана "желания" - санананын "своего желания";

халун "жара" - халуна "жары" - халунанын "своей жары" и т.д.

"-нен" присоединяется лишь к таким окончаниям родительного падежа, которые образованы от основ с гласными переднего ряда, оканчивающихся на согласный "н", например:

мөрөн "конь" - мөрнэ "коня" - мөрнэнен "своего коня"; темэн "верблюд" - темэнэ "верблюда" - темэнэнен "своего верблюда";

герген "женщина, хозяйка" - гергнэ "женщины, хозяйки" - гергнэнен "своей женщины, хозяйки";

терген "телега" - тергнэ "телеги" - тергнэнен "своей телеги" и т.д.

"-ын" присоединяется к тем окончаниям родительного падежа, которые образованы от основ с гласными заднего ряда, оканчивающихся на долгие гласные, например:

ноха "собака" - нохан "собаки" - ноханын "своей собаки"; хаха "свинья" - хахан "свиньи" - хаханын "своей свиньи"; така "курица" - такан "курицы" - таканын "своей курицы"; толһа "голова" - толһан "головы" - толһанын "своей головы";

харада "ласточка" - харадан "ласточки" - хараданын "своей ласточки" и т.д.

"-ен" присоединяется как к окончаниям родительного падежа, образованным от основ с гласными переднего ряда, оканчивающихся на долгую гласную, например:

беелэ "варежки" - беелэн "варежек" - беелэнен "своих варежек";

гүргелдэ "ящерица" - гүргелдэн "ящерицы" - гүргелдэнен "своей ящерицы";

сөө "ночь" - сөөһин "ночи" - сөөһинен "своей ночи";

көө "сажа" - көөһин "сажи" - көөһинен "своей сажи";

зее "внук, племянник по матери" - зееһин "внука" - зееһинен "своего внука";

бөө "знахарь" - бөөһин "знахаря" - бөөһинен "своего знахаря" и т.д., так и ко всем остальным окончаниям родительного падежа, оканчивающихся на "-ин", кроме слов с заднерядной огласовкой, например:

гер "дом" - герин "дома" - геринен "своего дома";

сөрвө "ссадина" - сөрвин "ссадины" - сөрвин "ссадины" - сөрвинен "своей ссадины";

В словах с заднерядной огласовкой присоединяется частица <-ын>: һар "рука" - һарин "руки" - һаринын "своей руки";

савың "мыло" - савыңгин "мыла" - савыңгинын "своего мыла";

баатыр "богатырь" - баатрин "богатыря" - баатринын "своего богатыря";

дуң "раквина" - дуңгин "раквины" - дуңгинын "своей раквины" и т.д.

В практической же речи часто частицы собственного склонения заменяются частицей 3-го лица личного склонения "-нь", например:

яман "коза" - ямана "козы" - ямананын "своей козы" - ямананынь "его козы";

хөөн "овца" - хөөнэ "овцы" - хөөнэнен "своей овцы" - хөөнэнен "его овцы";

булыг "родник" - булгин "родника" - булгинын - "своего родника" - булгинынь "его родника";

бөө "знахарь" - бөөһин "знахаря" - бөөһинен - "своего знахаря" - бөөһинень "его знахаря";

күүкөн "дочь" - күүкнэ "дочери" - күүкнэнен - "своей дочери" - күүкнэнен "своей дочери";

саң "хранилище" - саңгин "хранилища" - саңгинын - "своего хранилища" - саңгинынь "его хранилища" и т.д.

3. *Дательный падеж*, который точнее называть дательноместным, в собственном склонении представлен всего двумя разновидностями частиц, отражающих рядность гласных слов:

"-ан" используется в словах с заднерядными гласными, например:

ахы "брат" - ахты "брату" - ахтан "своему брату";

аавы "дедушка" - аавды "дедушке" - аавдан "своему дедушке";

һар "рука" - һарты "руке" - һартан "своей руке";

зовлың "страданье" - зовлыңды "страданию" - зовлыңдан "своему страданию";

ухан "ум" - уханды "уму" - ухандан "своему уму" и т.д.

"-эн" используется в словах с переднерядными гласными, например:

хөөн "овца" - хөөнде "овце" - хөөндэн "своей овце";

көвүн "сын, мальчик" - көвүнде "сыну, мальчику" - көвүндэн "своему сыну";

күрне "хорек" - күренде "хорьку" - күрендэн "своему хорьку";

гер "дом" - герте "дому" - гертэн "своему дому, дома, в своем доме";

4. *Винительный падеж* собственного склонения образуется от так называемых форм винительного неопределенного падежа и представлен шестью разновидностями частиц:

"-ан" используется в словах с заднерядными гласными, оканчивающихся на редуцированный гласный или согласный, кроме "н", например:

ахы "брат" - ахигы "брата" - ахиһан - ахан "своего брата";

һар "рука" - һаригы "руку" - һариһан - һаран "свою руку";

мал "скот" - малигы "скотину" - малиһан - малан "свою скотину" и т.д.

"-эн" используется в словах с переднерядными гласными, оканчивающихся на редуцированные гласные или на согласный, кроме "н", например:

бере "сноха" - бериге "сноху" - бериһэн - берэн "свою сноху";

гер "дом" - гериге "дом" - гериһэн - герэн "свой дом";

белег "подарок" - белгиге "подарок" - белгиһэн - белгэн "свой подарок";

мөрөн "конь" - мөриге "коня" - мөриһэн - мөрэн "своего коня" и т.д.

"-ган" используется со словами с заднерядными гласными, оканчивающимися на согласный "ң", например:

саң "хранилище"-саңгиге "хранилище"-саңгиһан-саңган "свое хранилище";

дуң "раковина"-дуңгиге "раковину"-дуңгиһан-дуңган "свою раковину";

аң "зверь"-аңгиге "зверя"-аңгиһан-аңган "своего зверя" и т.д.;

"-гэн" используется со словами с переднерядными гласными, оканчивающимися на согласный "ң", например:

сөң "тост" - сөңгиге "тост" - сөңгиһэн "тост" - сөңгэн "свой тост";

мең "родинка" - меңгиге "родинку" - меңгиһэн-меңгэн "свою родинку";

делең "вымя" - делеңгиге "вымя" - делеңгиһэн - делеңгэн "свое вымя" и т.д.;

"-һан" используется со словами с гласными заднего ряда, оканчивающимися на долгую гласную, например:

така "курица" - такагы "курицу" - такаһан "свою курицу";
харада "ласточка" - харадагы "ласточку" - харадаһан "свою ласточку";

ноха "собака" - нохагы "собаку" - нохаһан "свою собаку";
толһа "голова" - толһагы "голову" - толһаһан "свою голову";

һаха "свинья" - һахагы "свинью" - һахаһан "свою свинью" и т.д.,

очень редко, особенно в песнях, данный суффикс используется и в словах с заднерядными гласными, например:

һар "рука" - һаригы "руку" - һариһан "свою руку" и т.д.

"-һән" используется в словах с переднерядными гласными, оканчивающихся на долгую гласную, например:

зее "внук по матери" - зееге "внука по матери" - зееһән "своего внука";

сөө "ночь" - сөөге "ночь" - сөөһән "свою ночь";

көө "сажа" - көөге "сажу" - көөһән "свою сажу";

эрвэкә "бабочка" - эрвэкәге "бабочку" - эрвэкәһән "свою бабочку";

элә "коршун" - эләге "коршуна" - эләһән "своего коршуна" и т.д.

5. *Орудный или творительный падеж* собственного склонения представлен только двумя разновидностями частиц, отражающими гармонию гласных по рядности: "-ын" используется в словах с гласными заднего ряда, например:

мал "скот" - малар "скотом" - маларын "своим скотом";

баатыр "богатырь" - баатрар "богатырем" - баатрарын "своим богатырем";

аавы "дедушка" - аавар "дедушкой" - ааварын "своим дедушкой";

һалун "гусь" - һалуһар "гусем" - һалуһарын "своим гусем";

савың "мыло" - савыңгар "мылом" - савыңгарын "своим мылом" и т.д.

"-ен" используется в словах с гласными переднего ряда, например:

сөө "ночь" - сөөһәр "ночью" - сөөһәрен "своей ночью";

эрвэкә "бабочка" - эрвэкәһәр "бабочкой" - эрвэкәһәрен "своей бабочкой";

көө "сажа" - көөһәр "сажей" - көөһәрен "своей сажей";

зее "внук по матери, племянник" - зееһәр "внуком" - зееһәрен "своим внуком" и т.д.

6. *Соединительный падеж* собственного склонения представ-

лен четырьмя разновидностями частиц, отражающими две рядности гласных в словах:

"-һан" используется в словах с заднерядными гласными, например:

ахы "брат" - ахла "с братом" , ахлаһан "со своим братом";

аавы "дедушка" - аавла "с дедушкой" - аавлаһан "со своим дедушкой";

һар "рука" - һарла "с рукой" - һарлаһан "со своей рукой";

саң "хранилище" - саңла "с хранилищем" - саңлаһан "со своим хранилищем" и т.д.;

"-һән" используется в словах с переднерядными гласными, например:

көө "сажа" - көөлә "с сажей" - көөләһән "со своей сажей";

бөө "знахарь" - бөөлә "со знахарем" - бөөләһән "со своим знахарем";

күүн "человек" - күүнлә "с человеком" - күүнләһән "со своим челове-ком";

мең "родинка" - меңлә "с родинкой" - меңгләһән "со своей родинкой";

гер "дом" - герлә "с домом" - герләһән "со своим домом";

беелә "варежки" - бееләлә "с варежками" - бееләләһән "со своими варежками" и т.д.

"-рын" используется в словах с заднерядными гласными, но, являясь остатком от послелого "эврән", что значит "сам", только показывает иногда лишь частицу "-рын", например:

ахы "брат" - ахла "с братом" - ахларын "с братом своим",

где "ахла эврән" в результате опрощения дало "ахла-ээрән", затем "ахла-арын" и, наконец, "ахларын". Точно так же, вероятно, произошли и другие стяжения:

аавы "дедушка" - аавла "с дедушкой" - аавла эврән - аавла ээрән - аавларын, что значит "со своим дедушкой" и т.д.

На правомерность подобного предположения указывает и форма временного деепричастия на "-хларын" при сравнении с условной формой "-хла": йовхла "если пойдет" - йовхларын, "когда сам пойдет" и т.д.

"-рен" используется в словах с переднерядными гласными, но, являясь лишь рудиментом послелого "эврән", только показывает лишь частицу "-рен", например:

көө "сажа" - көөлә "с сажей" - көөләрән "со своей сажей";

бөө "знахарь" - бөөлә "со знахарем" - бөөләрән "со своим знахарем";

Указанные выше формы часто в просторечии чередуются с достаточной регулярностью, чтобы их отметить здесь.

7. Совместный падеж собственного склонения также пред-

ставлен всего двумя разновидностями частиц, отражающими рядность гласных слов:

"-һан" используется в словах с заднерядными гласными, например:

толһа "голова" - толһата "с головой" - толһатаһан "со своей головой";

аавы "дедушка" - аавта "с дедушкой" - аавтаһан "со своим дедушкой";

һар "рука" - һарта "с рукой" - һартаһан "со своей рукой";

саң "хранилище" - саңта "с хранилищем" - саңтаһан "со своим хранилищем";

хаан "царь", хаата "с царем" - хаатаһан "со своим царем" и т.д.

"-һән" используется в словах с переднерядными гласными, например:

гер "дом" - гертә "с домом" - гертәһән "со своим домом";

күүкен "дочь, девочка" - күүктә "с дочерью" - күүктәһән "со своей дочерью";

көвөң "вата" - көвөңтә "с ватой" - көвөңтәһән "со своей ватой";

мөрән "конь" - мөртә "с конем" - мөртәһән "со своим конем";

сөө "ночь" - сөөтә "с ночью" - сөөтәһән "со своей ночью";

ээжә "бабушка" - ээжтә "с бабушкой" - ээжтәһән "со своей бабушкой" и т.д.

8. *Исходный падеж* собственного склонения представлен лишь одной частицей "-н", которая присоединяется к окончаниям слов с гласными любого ряда, например:

ахы "брат" - ахасы "от брата" - ахасын "от своего брата";

һар "рука" - һарасы "от руки" - һарасын "от своей руки";

савың "мыло" - савыңгасы "от мыла" - савыңгасын "от своего мыла";

ухан "ум" - уханасы "от ума" - уханасын "из своего ума";

бере "сноха" - берәсе "от снохи" - берәсен "от своей снохи";

гер "дом" - герәсе "от дома" - герәсен "от своего дома";

сөө "ночь" - сөөһәсе "от ночи" - сөөһәсен "от своей ночи";

темән "верблюд" - темәнәсе "от верблюда" - темәнәсен "от своего верблюда";

төмер "железо" - төмрәсе "от железа" - төмрәсен "от своего железа" и т.д.

9. *Направительный падеж* собственного склонения представлен двумя разновидностями частиц, отражающих рядность гласных слов:

"-ын" используется в словах с заднерядными гласными, например:

ахы "брат" - ахур "к брату" - ахурын "к своему брату";
һар "рука" - һарур "к руке" - һарурын "к своей руке";
савың "мыло" - савыңгур "к мылу" - савыңгурын "к своему мылу";

яман "коза" - яманур "к козе" - яманурын "к своей козе";
суле "овес" - сулюр "к овсу" - сулюрын "к своему овсу";
буу "ружье" - бууһур "к ружью" - бууһурын "к своему ружью" и т.д.

"-ен" используется в словах с переднерядными гласными, например:

гер "дом" - герүр "к дому" - герүрен "к своему дому";
күүкен "дочь, девочка" - күүкнүр "к дочери" - күүкнүрен "к своей дочери";
көвүн "сын, мальчик" - көвүнүр "к сыну, к мальчику" - көвүнүрен "к своему сыну, к мальчику" и т.д.

Д. Правописание личного склонения.

Так называемое личное склонение образуется в результате присоединения к падежным формам имен существительных лично-притяжательных частиц личных местоимений, образованных из-за опущения основ личных местоимений, стоящих в родительном падеже:

1-е лицо ед. ч.: би "я" - мини "мой" -м; мн. ч.: биден, мадын "мы" - мад-на, мана "наш" -мдын, -мден;

2-е лицо ед. ч.: чи "ты" - чини "твой" -чен; мн. ч.: тадын, та "вы" - тад-на, тана "ваш" -тын, -тен;

3-е лицо ед. и мн. ч.: ану, ину "его, их" -нь.

Личное склонение не столь простое, как кажется на первый взгляд. В нем наблюдаются процессы вставки, беглости гласных, выпадения согласных звуков и прочее. Посмотрим это на конкретных примерах:

1. Именительный падеж личного склонения:

ахы "брат" - ахым "мой брат" - ахымдын "наш брат" - ахчен "твой брат" - ахтын "ваш брат" - ахынь "его, их брат";

эке "мать" - экем "моя мать" - экемден "наша мать" - экчен "твоя мать" - эктен "ваша мать" - экень "его, их мать";

хаан "царь" - хаам "мой царь" - хаамдын "наш царь" - хаанчен "твой царь" - хаантын "ваш царь" - хаань "его, их царь";

күүн "человек" - күүм "мой человек" - күүмден "наш человек" - күүнчен "твой человек" - күүnten "ваш человек" - күүнь "их, его человек";

нарын "солнце" - нарым "мое солнце" - нарымдын "наше солнце" - нарынчен "твое солнце" - нарынын "ваше солнце" - нарыннь "его, их солнце";

мөрөн "конь" - мөрөм "мой конь" - мөрөмден "наш конь" - мөрөн-

чен "твой конь" - мөрентен "ваш конь" - мөрень "его, их конь";
зоо "хребет" - зоом "мой хребет" - зоомдын "наш хребет" -
зоочен "твой хребет" - зоотын "ваш хребет" - зоонь "его, их хре-
бет";

сөө "ночь" - сөөм "моя ночь" - сөөмден "наша ночь" - сөөчен
"твоя ночь" - сөөтен "ваша ночь" - сөөнь "его, их ночь";

саң "хранилище" - саңгым "мое хранилище" - саңгымдын
"наше хранилище" - саңчен "твое хранилище" - саңтын "ваше
хранилище" - саңгынь "его хранилище".

сөң "тост" - сөңгем "мой тост" - сөңгемден "наш тост" - сөңчен
"твой тост" - сөңтен "ваш тост" - сөңгень "его, их тост";

һар "рука" - һарым "моя рука" - һарымдын "наша рука" -
һарчен "твоя рука" - һартын "ваша рука" - һарынь "его, их рука";

гер "дом" - герем "мой дом" - геремден "наш дом" - герчен
"твой дом" - гертен "ваш дом" - герень "его, их дом";

һалун "гусь" - һалум "мой гусь" - һалумдын "наш гусь" -
һалунчен "твой гусь" - һалунтын "ваш гусь" - һалунь "его, их
гусь";

күзүн "шея" - күзүм "моя шея" - күзүмден "наша шея" -
күзүнчен "твоя шея" - күзүnten "ваша шея" - күзүнь "его, их
шея";

һаха "свинья" - һахам "моя свинья" - һахамдын "наша сви-
нья" - һахачен "твоя свинья" - һахатын "ваша свинья" - һахань
"его, их свинья";

керэ "ворон" - керэм "мой ворон" - керэмден "наш ворон" -
керэчен "твой ворон" - керэтен "ваш ворон" - керэнь "его, их
ворон".

2. Родительный падеж личного склонения:

ахин "брата" - ахиным "моего брата" - ахинымдын "нашего
брата" - ахинчен "твоего брата" - ахинтын "вашего брата" -
ахинынь "его, их брата";

экин "матери" - экинем "моей матери" - экинемден "нашей
матери" - экинчен "твоей матери" - экиnten "вашей матери" -
экиненъ "его, их матери";

хаана "царя" - хаананым "моего царя" - хаананымдын "на-
шего царя" - хаананчен "твоего царя" - хаанантын "вашего царя"
- хаананынь "его, их царя";

күүнэ "человека" - күүнэнем "моего человека" - күүнэнемден
"нашего человека" - күүнэнчен "твоего человека" - күүнэnten
"вашего человека" - күүнэненъ "его, их человека";

нарна "солнца" - нарнаным "моего солнца" - нарнанымдын
"нашего солнца" - нарнанчен "твоего солнца" - нарнантын "ва-
шего солнца" - нарна-нынь "его, их солнца";

мөрнэ "коня" - мөрнэнем "моего коня" - мөрнэнемден "нашего

коня" - мөрнэнчен "твоего коня" - мөрнэнтен "вашего коня" - мөрнэнень "его, их коня";

зооһин "хребта" - зооһиным "моего хребта" - зооһинымдын "нашего хребта" - зооһинчен "твоего хребта" - зооһинтын "вашего хребта" - зооһинынь "его, их хребта";

сөөһин "ночи" - сөөһинем "моей ночи" - сөөһинемден "нашей ночи" - сөөһинчен "твоей ночи" - сөөһинтен "вашей ночи" - сөөһинень "его, их ночи";

саңгин "хранилища" - саңгиным "моего хранилища" - саңгинымдын "нашего хранилища" - саңгинчен "твоего хранилища" - саңгинтын "вашего хранилища" - саңгинынь "его, их хранилище";

сөңгин "тоста" - сөңгинем "моего тоста" - сөңгинемден "нашего тоста" - сөңгинчен "твоего тоста" - сөңгинтен "вашего тоста" - сөңгинень "его, их тоста";

һарин "руки" - һариным "моей руки" - һаринымдын "нашей руки" - һаринчен "твоей руки" - һаринтын "вашей руки" - һаринынь "его, их руки";

герин "дома" - геринем "моего дома" - геринемден "нашего дома" - геринчен "твоего дома" - геринтен "вашего дома" - геринень "его, их дома";

һалуна "гуся" - һалунаным "моего гуся" - һалунанымдын "нашего гуся" - һалунанчен "твоего гуся" - һалунантын "вашего гуся" - һалунанынь "его, их гуся";

күзүнә "шеи" - күзүнәнем "моей шеи" - күзүнәнемден "нашей шеи" - күзүнәнчен "твоей шеи" - күзүнәнтен "вашей шеи" - күзүнәнень "его, их шеи";

һахан "свињи" - һаханым "моей свињи" - һаханымдын "нашей свињи" - һаханчен "твоей свињи" - һаханынь "его, их свињи";

керән "ворона" - керәнем "моего ворона" - керәнемден "нашего ворона" - керәнчен "твоего ворона" - керәнтен "вашего ворона" - керәнень "его, их ворона".

3. Дательный падеж личного склонения:

ахты "брату" - ахтым "моему брату" - ахтымдын "нашему брату" - ахтчен "твоему брату" - ахттын "вашему брату" - ахтынь "его, их брату";

экте "матери" - эктем "моей матери" - эктемден "нашей матери" - эктчен "твоей матери" - экттен "вашей матери" - эктень "его, их матери";

хаанды "царю" - хаандым "моему царю" - хаандымдын "нашему царю" - хаандчен "твоему царю" - хаандтын "вашему царю" - хаандынь "его, их царю";

күүнде "человеку" - күүндем "моему человеку" - күүндемден

"нашему человеку" - күүндчен "твоему человеку" - күүндтен "вашему человеку" - күүндень "его, их человеку";

нарынды "солнцу" - нарындым "моему солнцу" - нарындымдын "нашему солнцу" - нарындчен "твоему солнцу" - нарындытын "вашему солнцу" - нарындынь "его, их солнцу";

мөрөндө "коню" - мөрөндөм "моему коню" - мөрөндөмдөн "нашему коню" - мөрөндчен "твоему коню" - мөрөндтен "вашему коню" - мөрөндень "его, их коню";

зооды "хребту" - зоодым "моему хребту" - зоодымдын "нашему хребту" - зоодчен "твоему хребту" - зоодтын "вашему хребту" - зоодынь "его, их хребту";

сөөдө "ночи" - сөөдөм "моей ночи" - сөөдөмдөн "нашей ночи" - сөөдчен "твоей ночи" - сөөдтен "вашей ночи" - сөөдөнъ "его, их ночи";

санды "хранилищу" - сандым "моему хранилищу" - сандымдын "нашему хранилищу" - сандчен "твоему хранилищу" - сандтын "вашему хранилищу" - сандынь "его, их хранилищу";

сөңдө "тосту" - сөңдөм "моему тосту" - сөңдөмдөн "нашему тосту" - сөңдчен "твоему тосту" - сөңдтен "вашему тосту" - сөңдөнъ "его, их тосту";

һарты "руке" - һартым "моей руке" - һартымдын "нашей руке" - һартчен "твоей руке" - һарттын "вашей руке" - һартынь "его руке, их руке";

герте "дому" - гертем "моему дому" - гертемдөн "нашему дому" - гертчен "твоему дому" - герттен "вашему дому" - гертень "их, его дому";

һалунды "гусю" - һалундым "моему гусю" - һалундымдын "нашему гусю" - һалундчен "твоему гусю" - һалундтын "вашему гусю" - һалундынь "его, их гусю";

күзүндө "шее" - күзүндөм "моей шее" - күзүндөмдөн "нашей шее" - күзүндчен "твоей шее" - күзүндтен "вашей шее" - күзүндөнъ "его, их шее";

һахады "свинье" - һахадым "моей свинье" - һахадымдын "нашей свинье" - һахадчен "твоей свинье" - һахадтын "вашей свинье", һахадынь "его, их свинье";

керәдө "ворону" - керәдөм "моему ворону" - керәдөмдөн "нашему ворону" - керәдчен "твоему ворону" - керәдтен "вашему ворону" - керәдөнъ "его, их ворону".

4. Винительный падеж личного склонения.

ахигы "брата" - ахим "моего брата" - ахимдын "нашего брата" - ахичен "твоего брата" - ахитын "вашего брата" - ахинь "его, их брата";

экиге "матушку" - эким "мою мать" - экимдөн "нашу мать" - экичен "твою мать" - экитен "вашу мать" - экинъ "его, их мать";

хаагы "царя" - хааһим "моего царя" - хааһимдын "нашего царя" - хааһичен "твоего царя" - хааһитын "вашего царя" - хааһинь "его, их царя";

күүге "человека" - күүһим "моего человека" - күүһимден "нашего человека" - күүһичен "твоего человека" - күүһитен "вашего человека" - күүһинь "его, их человека";

наригы "солнце" - нарим "мое солнце" - наримдын "наше солнце" - наричен "твое солнце" - наритын "ваше солнце" - наринь "его, их солнце";

мөриге "коня" - мөрим "моего коня" - мөримден "нашего коня" - мөричен "твоего коня" - мөритен "вашего коня" - мөринь "его, их коня";

зоогы, зоо "хребет" - зооһим "мой хребет" - зооһимдын "наш хребет" - зооһичен "твой хребет" - зооһитын "ваш хребет" - зооһинь "его, их хребет";

сөө, сөөге "ночь" - сөөһим "мою ночь" - сөөһимден "нашу ночь" - сөөһичен "твою ночь" - сөөһитен "вашу ночь" - сөөһинь "его, их ночь";

саңгигы "хранилище" - саңгим "мое хранилище" - саңгимдын "наше хранилище" - саңгичен "твое хранилище" - саңгитын "ваше хранилище" - саңгинь "его, их хранилище";

һар, һаригы "руку" - һарим "мою руку" - һаримдын "нашу руку" - һаричен "твою руку" - һаритын "вашу руку" - һаринь "его, их руку";

гер, гериге "дом" - герим "мой дом" - геримден "наш дом" - геричен "твой дом" - геритен "ваш дом" - геринь "его, их дом";

һалу, һалугы "гуся" - һалуһим "моего гуся" - һалуһимдын "нашего гуся" - һалуһичен "твоего гуся" - һалуһитын "вашего гуся" - һалуһинь "его, их гуся";

күзү, күзүге "шею" - күзүһим "мою шею" - күзүһимден "нашу шею" - күзүһичен "твою шею" - күзүһитен "вашу шею" - күзүһинь "его, их шею";

һаха, һахагы "свинью" - һахаһим "мою свинью" - һахаһимдын "нашу свинью" - һахаһичен "твою свинью" - һахаһитын "вашу свинью", һахаһинь "его, их свинью";

керә, керәге "ворона" - керәһим "моего ворона" - керәһимден "нашего ворона" - керәһичен "твоего ворона" - керәһитен "вашего ворона" - керәһинь "его, их ворона".

5. Орудный падеж личного склонения:

ахар "братом" - ахарым "моим братом" - ахарымдын "нашим брату" - ахарчен "твоим братом" - ахартын "вашим братом" - ахаринь "его, их братом";

экәр "матерью" - экәрем "моей матерью" - экәремден "нашей

матерью" - экэрчен "твоей матерью" - экэртен "вашей матерью" - экэрень "его, их матерью";

хааһар "царем" - хааһарым "моим царем" - хааһарымдын "нашим ца-рем" - хааһарчен "твоим царем" - хааһартын "вашим царем" - хааһарынь "его, их царем";

күүһэр "человеком" - күүһэрэм "моим человеком" - күүһэрэмден "нашим человеком" - күүһэрчен "твоим человеком" - күүһэртен "вашим человеком" - күүһэрень "его, их человеком";

нараp "солнцем" - наpарым "моим солнцем" - наpарымдын "нашим солнцем" - наpарчен "твоим солнцем" - наpартын "вашим солнцем" - наpарынь "его, их солнцем";

мөрэр "конем" - мөрэрэм "моим конем" - мөрэрэмден "нашим конем" - мөрэрчен "твоим конем" - мөрэртен "вашим конем" - мөрэрень "его, их конем";

зооһар "хребтом" - зооһарым "моим хребтом" - зооһарымдын "нашим хребтом" - зооһарчен "твоим хребтом" - зооһартын "вашим хребтом" - зооһарынь "его, их хребтом";

сөөһэр "ночью" - сөөһэрэм "моей ночью" - сөөһэрэмден "нашей ночью" - сөөһэрчен "твоей ночью" - сөөһэртен "вашей ночью" - сөөһэрень "его, их ночью";

саңгар "хранилищем" - саңгарым "моим хранилищем" - саңгарымдын "нашим хранилищем" - саңгарчен "твоим хранилищем" - саңгартын "вашим хранилищем" - саңгарынь "его, их хранилищем";

сөөгэр "тостом" - сөөгэрэм "моим тостом" - сөөгэрэмден "нашим тостом" - сөөгэрчен "твоим тостом" - сөөгэртен "вашим тостом" - сөөгэрень "его, их тостом";

һарар "рукой" - һарарым "моей рукой" - һарарымдын "нашей рукой" - һарарчен "твоей рукой" - һарартын "вашей рукой" - һарарынь "его, их рукой";

герэр "домом" - герэрэм "моим домом" - герэрэмден "нашим домом" - герэрчен "твоим домом" - герэртен "вашим домом" - герэрень "его, их домом";

һалуһар "гусем" - һалуһарым "моим гусем" - һалуһарымдын "нашим гу-сем" - һалуһарчен "твоим гусем" - һалуһартын "вашим гусем" - һалуһарынь "его, их гусем";

күзүһэр "шеей" - күзүһэрэм "моей шеей" - күзүһэрэмден "нашей шеей" - күзүһэрчен "твоей шеей" - күзүһэртен "вашей шеей" - күзүһэрень "его, их шеей";

һахаһар "свиньей" - һахаһарым "моей свиньей" - һахаһарымдын "нашей свиньей" - һахаһарчен "твоей свиньей" - һахаһартын "вашей свиньей", һахаһарынь "его, их свиньей";

керэһэр "вороном" - керэһэрэм "моим вороном" - керэһэрэмден

"нашим вороном" - керәһәрчен "твоим вороном" - керәһәртен "вашим вороном" - керәһәрень "их, его вороном".

6. Соединительный падеж личного склонения:

ахла "с братом" - ахлам "с моим братом" - ахламдын "с нашим братом" - ахлачен "с твоим братом" - ахлатын "с вашим братом" - ахлань "с его, их братом";

эклә "с матерью" - экләм "с моей матерью" - экләмден "с нашей матерью" экләчен «своей матерью» - экләтен «с вашей матерью» - экләнъ "с его, их матерью";

хаанла "с царем" - хаанлам "с моим царем" - хаанламдын "с нашим царем" - хаанлачен "с твоим царем" - хаанлатын "с вашим царем" - хаанлань "с его, их царем";

күүнлә "с человеком" - күүнләм "с моим человеком" - күүнләмден "с нашим человеком" - күүнләчен "с твоим человеком" - күүнләтен "с вашим человеком" - күүнләнь "с его, их человеком";

нарынла "с солнцем" - нарынлам "с моим солнцем" - нарынламдын "с нашим солнцем" - нарынлачен "с твоим солнцем" - нарынлатын "с вашим солнцем" - нарынлань "с его, их солнцем";

мөрәнлә "с конем" - мөрәнләм "с моим конем" - мөрәнләмден "с нашим конем" - мөрәнләчен "с твоим конем" - мөрәнләтен "с вашим конем" - мөрәнләнь "с его, их конем";

зоола "с хребтом" - зоолам "с моим хребтом" - зооламдын "с нашим хребтом" - зоолачен "с твоим хребтом" - зоолатын "с вашим хребтом" - зоолань "с его, их хребтом";

сөөлә "с ночью" - сөөләм "с моей ночью" - сөөләмден "с нашей ночью" - сөөләчен "с твоей ночью" - сөөләтен "с вашей ночью" - сөөләнь "с его, их ночью";

саңла "с хранилищем" - саңлам "с моим хранилищем" - саңламдын "с нашим хранилищем" - саңлачен "с твоим хранилищем" - саңлатын "с вашим хранилищем" - саңлань "с его, их хранилищем";

сөңлә "с тостом" - сөңләм "с моим тостом" - сөңләмден "с нашим тостом" - сөңләчен "с твоим тостом" - сөңләтен "с вашим тостом" - сөңләнь "с его, их тостом";

һарла "с рукой" - һарлам "с моей рукой" - һарламдын "с нашей рукой" - һарлачен "с твоей рукой" - һарлатын "с вашей рукой" - һарлань "с его, их рукой";

герлә "с домом" - герләм "с моим домом" - герләмден "с нашим домом" - герләчен "с твоим домом" - герләтен "с вашим домом" - герләнь "с его, их домом";

һалунла "с гусем" - һалунлам "с моим гусем" - һалунламдын "с нашим гусем" - һалунлачен "с твоим гусем" - һалунлатын "с вашим гусем" - һалунлань "с его, их гусем";

күзүңлэ "с шей" - күзүңлэм "с моей шей" - күзүңлэмден "с нашей шей" - күзүңлэчен "с твоей шей" - күзүңлэтэн "с вашей шей" - күзүңлэнь "с его, их шей";

һахала "со свиный" - һахалам "с моей свиный" - һахаламдын "с нашей свиный" - һахалачен "с твоей свиный" - һахалатын "с вашей свиный", һахалань "с его, их свиный";

керэлэ "с вороном" - керэлэм "с моим вороном" - керэлэмден "с нашим вороном" - керэлэчен "с твоим вороном" - керэлэтэн "с вашим вороном" - керэлэнь "с его, их вороном".

7. Совместный падеж личного склонения:

ахта "имеющий брата" - ахтам "с моим братом" - ахтамдын "с нашим братом" - ахтачен "с твоим братом" - ахтатын "с нашим братом" - ахтань "с его, с их братом или тот, кто имеет брата";

эктэ "имеющий мать, с матерью" - эктэм "с моей матерью" - эктэмден "с нашей матерью или те из наших, кто имеет мать" - эктэчен "с твоей матерью" - эктэтэн "с вашей матерью или тот из вас, кто имеет мать" - эктэнь "с его, их матерью или тот, кто имеет мать";

хаата "имеющий царя" - хаатам "мой, имеющий царя" - хаатамдын "наш, имеющий царя" - хаатачен "твой, что имеет царя" - хаататын "ваш, имеющий царя" - хаатань "тот, кто имеет царя";

күүтэ "имеющий человека" - күүтэм "мой, имеющий человека" - күүтэмден "наш, имеющий человека" - күүтэчен "твой, имеющий человека" - күүтэтэн "ваш, имеющий человека" - күүтэнь "тот, кто имеет человека";

нарта "имеющий солнце" - нартам "мой, имеющий солнце" - нартамдын "наш, имеющий солнце" - нартачен "твой, имеющий солнце" - нартатын "ваш, имеющий солнце" - нартань "тот, кто имеет солнце";

мөртэ "имеющий коня, с конем" - мөртэм "мой, имеющий коня" - мөртэмден "наш, имеющий коня" - мөртэчен "твой, имеющий коня" - мөртэтэн "ваш, имеющий коня" - мөртэнь "тот, кто имеет коня";

зоота "имеющий хребет" - зоотам "мой, имеющий хребет" - зоотамдын "наш, имеющий хребет" - зоотачен "твой, имеющий хребет" - зоотатын "ваш, имеющий хребет" - зоотань "тот, кто имеет хребет";

сөөтэ "имеющий ночь" - сөөтэм "мой, имеющий ночь" - сөөтэмден "наш, имеющий ночь" - сөөтэчен "твой, имеющий ночь" - сөөтэтэн "ваш, имеющий ночь" - сөөтэнь "тот, кто имеет ночь";

саңта "имеющий хранилище" - саңтам "мой, имеющий хра-

нилище" - саңтамдын "наш, имеющий хранилище" - саңтачен "твой, имеющий хранилище" - саңтатын "ваш, имеющий хранилище" - саңтань "тот, кто имеет хранилище";

сөңтэ "имеющий тост" - сөңтэм "мой, имеющий тост" - сөңтэмден "наш, имеющий тост" - сөңтэчен "твой, имеющий тост" - сөңтэтен "ваш, имеющий тост" - сөңтэнь "тот, кто имеет тост";

һарта "имеющий руку" - һартам "мой, имеющий руку" - һартамдын "наш, имеющий руку" - һартачен "твой, имеющий руку" - һартатын "ваш, имеющий руку" - һартань "тот, кто имеет руку";

һертэ "имеющий дом" - һертэм "мой, имеющий дом" - һертэмден "тот из нас, кто имеет дом" - һертэчен "твой имеющий дом" - һертэтен "тот из вас, кто имеет дом" - һертэнь "тот, кто имеет дом";

һалута "имеющий гуся" - һалутам "мой, имеющий гуся" - һалутамдын "тот из нас, кто имеет гуся" - һалутачен "твой, имеющий гуся" - һалутатын "ваш, имеющий гуся или тот из вас, кто имеет гуся" - һалутань "тот, кто имеет гуся";

күзүтэ "имеющий шею" - күзүтэм "мой, имеющий шею" - күзүтэмден "наш, имеющий шею" - күзүтэчен "твой, имеющий шею" - күзүтэтен "ваш, имеющий шею" - күзүтэнь "тот, кто имеет шею";

һахата "имеющий свинью" - һахатам "мой, имеющий свинью" - һахатамдын "наш, имеющий свинью" - һахатачен "твой, имеющий свинью" - һахататын "ваш, имеющий свинью", һахатань "тот, кто имеет свинью";

керэтэ "имеющий ворона" - керэтэм "мой, имеющий ворона" - керэтэмден "наш, имеющий ворона" - керэтэчен "твой, имеющий ворона" - керэтэтен "ваш, имеющий ворона" - керэтэнь "тот, кто имеет ворона".

8. Исходный падеж личного склонения:

ахасы "от брата" - ахасым "от моего брата" - ахасымдын "от нашего брата" - ахасчен "от твоего брата" - ахастын "от вашего брата" - ахасынь "от его, их брата";

экэсе "от матери" - экэсем "от моей матери" - экэсемден "от нашей матери" - экэсчен "от твоей матери" - экэстен "от вашей матери" - экэсень "от его, их матери";

хаанасы "от царя" - хаанасым "от моего царя" - хаанасымдын "от нашего царя" - хаанасчен "от твоего царя" - хаанастын "от вашего царя" - хаанасынь "от его, их царя";

күүнэсе "от человека" - күүнэсем "от моего человека" - күүнэсемден "от нашего человека" - күүнэсчен "от твоего чело-

века" - күүнэстен "от вашего человека" - күүнэсень "от его, их человека";

нарнасы "от солнца" - нарнасым "от моего солнца" - нарна-сымдын "от нашего солнца" - нарнасчен "от твоего солнца" - нарнастын "от вашего солн-ца" - нарнасынь "от его, их солнца";

мөрнэсе "от коня" - мөрнэсем "от моего коня" - мөрнэсемден "от нашего коня" - мөрнэсчен "от твоего коня" - мөрнэстен "от вашего коня" - мөрнэсень "от его, их коня";

зооһасы "от хребта" - зооһасым "от моего хребта" - зооһасымдын "от нашего хребта" - зооһасчен "от твоего хребта" - зооһастын "от вашего хребта" - зооһасынь "от его, их хребта";

сөөһэсе "от ночи" - сөөһэсем "от моей ночи" - сөөһэсемден "от нашей ночи" - сөөһэсчен "от твоей ночи" - сөөһэстен "от вашей ночи" - сөөһэсень "от его, их ночи";

саңгасы "из хранилища" - саңгасым "из моего хранилища" - саңгасымдын "из нашего хранилища" - саңгасчен "из твоего хранилища" - саңгастын "из вашего хранилища" - саңгасынь "из его, их хранилища";

сөөгэсе "от тоста" - сөөгэсем "от моего тоста" - сөөгэсемден "от нашего тоста" - сөөгэсчен "от твоего тоста" - сөөгэстен "от вашего тоста" - сөөгэсень "от его, их тоста";

һарасы "от руки" - һарасым "от моей руки" - һарасымдын "от нашей руки" - һарасчен "от твоей руки" - һарастын "от вашей руки" - һарасынь "от его, их руки";

герэсе "от дома" - герэсем "от моего дома" - герэсемден "от нашего дома" - герэсчен "от твоего дома" - герэстен "от вашего дома" - герэсень "от его, их дома";

һалунасы "от гуся" - һалунасым "от моего гуся" - һалунасымдын "от нашего гуся" - һалунасчен "от твоего гуся" - һалунастын "от вашего гуся" - һалунасынь "от его, их гуся";

күзүнэсе "от шеи" - күзүнэсем "от моей шеи" - күзүнэсемден "от нашей шеи" - күзүнэсчен "от твоей шеи" - күзүнэстен "от вашей шеи" - күзүнэсень "от его, их шеи";

һахаһасы "от свиньи" - һахаһасым "от моей свиньи" - һахаһасымдын "от нашей свиньи" - һахаһасчен "от твоей сви-ньи" - һахаһастын "от вашей свиньи", һахаһасынь "от его, их свиньи";

керэһэсе "от ворона" - керэһэсем "от моего ворона" - керэһэсемден "от нашего ворона" - керэһэсчен "от твоего воро-на" - керэһэстен "от вашего ворона" - керэһэсень "от его, их во-рона".

9. *Направительный падеж личного склонения:*

ахур "к брату" - ахурым "к моему брату" - ахурымдын "к

нашему брату" - ахурчен "к твоему брату" - ахуртын "к вашему брату" - ахурынъ "к его, их брату";

экүр "к матери" - экүрем "к моей матери" - экүремден "к нашей матери" - экүрчен "к твоей матери" - экүртен "к вашей матери" - экүренъ "к его, их матери";

хаанур "к царю" - хаанурым "к моему царю" - хаанурымдын "к нашему царю" - хаанурчен "к твоему царю" - хаануртын "к вашему царю" - хаанурынъ "к его, их царю";

күүнүр "к человеку" - күүнүрем "к моему человеку" - күүнүремден "к нашему человеку" - күүнүрчен "к твоему человеку" - күүнүртен "к вашему человеку" - күүнүренъ "к его, их человеку";

нарнур "к солнцу" - нарнурым "к моему солнцу" - нарнурымдын "к нашему солнцу" - нарнурчен "к твоему солнцу" - нарнуртын "к вашему солнцу" - нарнурынъ "к его, их солнцу";

мөрнүр "к коню" - мөрнүрем "к моему коню" - мөрнүремден "к нашему коню" - мөрнүрчен "к твоему коню" - мөрнүртен "к вашему коню" - мөрнүренъ "к его, их коню";

зооһур "к хребту" - зооһурым "к моему хребту" - зооһурымдын "к нашему хребту" - зооһурчен "к твоему хребту" - зооһуртын "к вашему хребту" - зооһурынъ "к его, их хребту";

сөөһүр "к ночи" - сөөһүрем "к моей ночи" - сөөһүремден "к нашей ночи" - сөөһүрчен "к твоей ночи" - сөөһүртен "к вашей ночи" - сөөһүренъ "к его, их ночи";

саңгур "к хранилищу" - саңгурым "к моему хранилищу" - саңгурымдын "к нашему хранилищу" - саңгурчен "к твоему хранилищу" - саңгуртын "к вашему хранилищу" - саңгурынъ "к его, их хранилищу";

сөңгэр "к тосту" - сөңгэрем "к моему тосту" - сөңгэремден "к нашему тосту" - сөңгэрчен "к твоему тосту" - сөңгэртен "к вашему тосту" - сөңгэренъ "к его, их тосту";

һарур "к руку" - һарурым "к моей руке" - һарурымдын "к нашей руке" - һарурчен "к твоей руке" - һаруртын "к вашей руке" - һарурынъ "к его, их руке";

герүр "к дому" - герүрем "к моему дому" - герүремден "к нашему дому" - герүрчен "к твоему дому" - герүртен "к вашему дому" - герүренъ "к его, их дому";

һалуnur "к гусю" - һалунурым "к моему гусю" - һалунурымдын "к нашему гусю" - һалуnurчен "к твоему гусю" - һалуnurтын "к вашему гусю" - һалунурынъ "к его, их гусю";

күзүнүр "к шее" - күзүнүрем "к моей шее" - күзүнүремден "к нашей шее" - күзүнүрчен "к твоей шее" - күзүнүртен "к вашей шее" - күзүнүренъ "к его шее";

һахаһур "к свинье" - һахаһурым "к моей свинье" -

нахаһурымдын "к нашей свинье" - нахаһурчен "к твоей свинье"
- нахаһуртын "к вашей свинье", нахаһурынъ "к его, их свинье";
керәһүр "к ворону" - керәһүрем "к моему ворону" -
керәһүремден "к нашему ворону" - керәһүрчен "к твоему ворону"
- керәһүртен "к вашему ворону" - керәһүрень "к его ворону".

Е. Правописание суффиксов множественного числа:

1. "-д" используется в словах, оканчивающихся на согласный "н": хаан "царь" - хаад "цари", хөөн "овца" - хөөд "овцы", яман "коза" - ямад "козы", мөрөн "конь" - мөред "кони", хотын "село" - хотыд "села", хээсен "котел" - хээсед "котлы" и т.д.

2. "-с" используется в словах, оканчивающихся на долгие гласные: така "курица" - такас "куры", төгә "колесо" - төгәс "колеса", буу "ружье" - буус "ружья", бөө "знахарь" - бөөс "знахари" и т.д.

3. "-муд, -мүд" используются в словах, оканчивающихся на редуцированные гласные или согласные, кроме "н, ң, г, м": араты "лиса" - аратмуд "лисы", ууты "мешок" - уутмуд "мешки", үгә "слово" - үгмүд - "слова", үкер "корова" - үкермүд "коровы" и т. д.

4. "-уд, -үд" используются в словах, оканчивающихся на согласные "г" и "з", например: хальмыг "калмык" - хальмгуд "калмыки", хасыг "казах" - хасгуд "казахи", бичег "письмо" - бичгүд "письма", күлег "боевой конь" - күлгүд "боевые кони", дун "раквина" - дунгуд "раковины", савың "мыло" - савыңгуд "мыла", девсен "ступень" - девсенгүд "ступени", аң "зверь" - аңгуд "звери" и т.д.

5. "-ныр, -нер" используются в словах, обозначающих профессию чело-века или его родственные отношения, например: ахы "брат" - ахныр "братья", дүү "младший брат" - дүүнер "младшие братья", авһы "дядя по отцу" - авһныр "дяди по отцу", багше "учитель" - багшныр "учителя", малче "скотовод" - малчныр "скотоводы", хөөче "чабан, овцевод" - хөөчнер "чабаны, овцеводы" и т.д.

Показатели множественного числа типа "-чуд, -чүд, -дуд, -дүд", на наш взгляд, являются лишь вариантами указанных выше форм, которые до конца еще не определены.

Ж. Правописание глагольных форм.

Несмотря на многочисленные исследования по части глагола и его многочисленных форм, если исходить из существующей грамматики калмыцкого языка, полной ясности в его отношении еще пока нет. Поэтому мы намерены изложить свое представление о глаголе и его формах.

6. Повелительное наклонение глагола является основой всех прочих форм, т.к. в нем в обнаженном виде выступает само

действие, которое "выражает повеление, приказ, призыв и другие оттенки побуждения со стороны говорящего лица, адресованные другому лицу или лицам" (89, с. 227). При этом повелительное наклонение различается по лицам:

а). Первое лицо множественного числа: -йа, -йэ, например: нары "выйди" - на́рйа "выйдем-ка", келе "говори" - келйэ "скажем-ка", суу "садись, сиди" - суу́йа "сядем-ка", көө "гони" - көөйэ "погоним-ка", заа "укажи" - заа́йа "укажем-ка", бээ "будь" - бээйэ "будем-ка", бол "стань" - бо́лйа "станем-ка" и т.д.

б). Второе лицо представлено уже двумя числами: единственным, которое и является основой глагола, выражающего приказ, например: суры "спроси", авы "возьми", иде "ешь", хээ "ищи", ээ "бойся", уу "пей", ке "делай" и т.д., а также формой на "-ич", содержащей оттенок просьбы, например: сурич "попроси-ка", авич "возьми-ка", идич "съешь-ка", хээ́ич "поищи-ка", ээ́ич "побойся-ка", уу́ич "пей-ка", ке́ич "сделай-ка" и т.д.; множественным, которое отличается от формы единственного числа лишь тем, что к основе добавляется лично-предикативная частицы "-тын, -тен, -ит", выражающие либо число, либо уважительное отношение, например: сурит "спросите ка", авит "возьмите-ка", идит "ешьте-ка", хээ́ит "ищите-ка", ээ́ит "бойтесь-ка", уу́ит "пейте-ка", ке́ит "делайте-ка" и т.д.

в). Третье лицо представлено как в единственном, так и во множественном числе двумя суффиксами; "-г, -тха, -тэ?"; выражающими почти одно и то же значение, хотя первая "-г" является более категоричной, чем вторая, имеющая оттенок пожелания, например: суры "проси" - сурыг, суртха "пусть просит", авы "возьми" - авыг, автха "пусть возьмет", иде "ешь" - идег, идтхэ "пусть ест", хээ "ищи" - хээг, хээ́тхэ "пусть ищет", ээ "бойся" - ээг, ээтхэ "пусть боится", уу "пей" - ууг, уутха "пусть пьет", ке "делай" - кег, кетхэ "пусть делает" и т.д.

Внутри повелительного наклонения, вероятно, надо рассматривать и виды: интенсивный, ускоренный, учащенный, замедленный, плавный, ритмичный, мгновенный, продолжительный, повторяющийся процесс действия, его начало и конец, а также полноту, законченность и незаконченность действия (89, с. 189), например:

- законченный вид: "-чы, -чке", например, авы "возьми" - авчы "забери" - авчекйа "заберем-ка" - авчкич "забери-ка" - авчки́т "заберите-ка" - авчыг, авчектха "пусть заберет", келе "говори" - келчке "скажи" - келчекйэ "скажем-ка" - келчкич "скажи-ка" - келчки́т "скажите-ка" - келчкег, келчектхэ "пусть расскажет" и т.д.

- ритмичный вид: "-хылзы, -келзе", например: мати "сгибайся" - матьхыл-зы "ритмично сгибайся и разгибайся", келт? "наклоняйся" - келтхелзе "рит-мично наклоняйся", мелм? "переполняйся" - мелмелзе "трясись переполняя" и т.д.

- длительный вид: "-жэ", "-чэ", "-жа", "-ча" например: келе "говори" - келжэ "продолжай говорить", хары "выйди" - харча "продолжай выходить", суры "спрашивай" - суржа "продолжай спрашивать", сур "учись" - сурча "продолжай учиться" и т.д.

Внутри же повелительного наклонения, на наш взгляд, надо рассматривать и залого, которых в калмыцком языке насчитывается пять видов: действительный, побудительный, взаимный, совместный и страдательный, т.к. они могут входить в форму повелительного, как и видовые формы, например, келе "говори" - келүле "заставляй говорить" - келүлчке "заставь говорить" - келүлчеккү "давайте-ка заставим говорить" и т.д.

- действительный залог - это и есть основа глагола, совпадающая с формой повелительного наклонения второго лица единственного числа: келе "говори", биче "пиши" и т.д.

- побудительный залог "-улы, -үле, -лһы, -лһе", например: йовы "иди" - йовулы "заставь идти", келе "говори" - келүле "заставь говорить", саа "дой" - саалһы "заставь доить", бээ "будь" - бээлһе "заставь быть" и т.д.

- страдательный залог: "-гды, -где", например: цокы "бей" - цокыгды "будь битым", секе "открой" - секегде "будь открытым" и т.д.

- совместный залог: "-лцы, -лце", например: тосхы "строй" - тосхылцы "помогай строить", түлке "толкай" - түлкелце "помогай толкать" и т.д.

- взаимный залог: "-лды, -лде", например: авы "возьми" - авылды "берите друг у друга", бәре "держи" - бәрелде "держите друг друга", тане "узнай" - танелды "узнайте друг друга", тевре "обнимай" - теврелде "обнимайте друг друга".

7. Желательное наклонение глагола в калмыцком языке является по сути несколько смягченной формой повелительного наклонения, где выражается не повеление, а желание говорящего. Оно имеет следующие суффиксы:

"-са, -сэ" относится обычно к первому лицу единственного числа, например: келе "говори" - келсэ "скажу-ка", суу "сиди" - сууса "сяду-ка" и т.д.

"-су, -сү" относится не только к единственному числу, но может принимать лично-предикативные частицы первого лица единственного и множественного числа, например: харсув "выйду-ка я", келсүвден "скажем-ка".

8. Предостерегательное наклонение в калмыцком наклоне-

нии образуется при помощи суффиксов "-вза, -взэ", принимая при этом лично-предикативные частицы второго лица, например: келе "говори" - келевзэч "как бы ты не ска-зал" - келевзэт "как бы вы не сказали" - келевзэ "как бы он, она, они не сказали" и т.д.

9. Изъявительное наклонение в калмыцком языке представлено прежде всего своими временными суффиксами:

а). Настоящее продолжительное "-на, -нэ": келнэ "говорит", сууна "сидит", харна "выходит", үзнэ "видит", олна "находит", бээнэ "существует" и т.д.

При использовании лично-предикативных частиц первого лица обих чисел может обозначать будущее - обещательное, например: ирнэв "приду", ирнэвден "придем" и т.д.

- настоящее сиюминутное "-жэнэ", "-чэнэ", "-жана", "-чана": келжэнэ "говорит", сурчана "сейчас учится", олжана "сейчас находит", күрчэнэ "сейчас достигает" и т.д.

б). Недавно-прошедшее время "-ва, -вэ": келвэ "сказал", суува "сидел", ирвэ "пришел", харва "вышел", үзвэ "увидел", олва "нашел", умшва "прочитал" и т.д.

в). Давно-прошедшее время "-ла, -лэ": келлэ "говорил", суула "сидел", ирлэ "приходил", харла "выходил", үзлэ "видел", олла "находил", умшла "читал", бээлэ "был" и т.д.

г). Прошедшее результативное "-же, -че": келже "оказывается", сказал", сурче "оказывается, учился", сууже "оказывается, сидел", бичже "оказывается, написал", йовже "оказывается, шел", авче "оказывается, взял" и т.д.

д). Будущее время "-хы, -хе": суухы "будет сидеть", келхе "будет говорить", хархы "будет выходить", үзхе "будет видеть", олхы "найдет", селхе "сменит", йовхы "пойдет", бээхе "будет жить" и т.д.

Остальные формы, указанные в "Грамматике калмыцкого языка" типа "-а, -э": малта "еще копает", келэ "еще говорит", или на "-дыг, -дег" с утвердительной частицей "-мөн, -мын", дающих комплекс "-дмын, -дмен": хардмын "обычно выходит", келдмен "обычно говорит", на наш взгляд, нельзя относить к глагольным формам, хотя они и переводятся как глаголы, но они являются причастиями. Ярким примером тому может служить "-сын, -сен", представленный как форма глагола, где "действие полностью осуществилось или до момента речи, или до другого действия" (89, с. 222).

3. *Правописание причастий калмыцкого языка.*

Причастия, будучи частями речи, выражающими качество по действию, сохраняют сходство как с именами, так и с глаголами, что выражается в их различии по времени:

а). Причастие будущего времени, как и глагол, имеет суффиксы "-хы, -хе":

"-хы" используется в словах с заднерядными гласными и всегда имеет при себе определяемое слово, например: зархы күүн "управляемый человек", суухы ормы "место для сидения", йовхы күүн "идуший человек" и т.д.

"-хе" используется в словах с переднерядными гласными, например:

келхе күүн "человек, который должен сказать", ирхе бичег "письмо, которое должно прийти", кехе керег "дело, которое надо сделать" и т.д.

б). Причастие прошедшего времени также представлено одним суффиксом в двух вариантах "-сын, -сен":

"-сын" используется в словах с заднерядными гласными, например: харсын "вышедший", йовсын "шедший", уусын "пивший", суусын "сидевший", хайсын "бросивший", авсын "взявший", болсын "ставший", олсын "нашедший" и т.д.

"-сен" используется в словах с переднерядными гласными, например: келсен "сказавший", медсен "узнавший", серсен "проснувшийся", төрсен "родившийся", бәрсен "державший", көрсен "застывший".

в). Причастие настоящего времени обычно бывает представлено двумя разновидностями одного суффикса: "-а, -э" (889, с. 235). Однако, вероятно, правы те, кто сюда относят еще и причастия однократного действия на "-гче", причастие многократного действия на "-дыг, -дег", причастие возможности на "-мы, -ме". Страдательное причастие, приведенное в "Грамматике" с суффиксами "-ата, -этэ", на наш взгляд, является не причастием, а прилагательным, образованным от имен существительных с помощью падежного суффикса "-та, -тэ", например, уйе "шей" - уйа "привязь" - уйата "с привязью" и т.д.

"-а" используется в словах с заднерядными гласными, например: хары "выйди" - хара "выходящий еще", йовы "иди" - йова "идуший еще", суу "си-ди" - сууһа "сидящий еще", зуры "рисуй" - зура "рисующий еще" и т.д.

"-э" используется в словах с переднерядными гласными, например: келе "говори" - келэ "говорящий еще", меде "знай" - меде "знающий еще", бээ "будь" - бээһэ "находящийся еще", кевте "лежи" - кевтэ "лежащий еще" и т.д.

Данное причастие часто выступает одним из компонентов составного сказуемого, поэтому его иногда ошибочно считают одной из форм глагола (89, с. 212).

"-гче" используется в словах с гласными любой рядности, например: хары "выходи" - харыгче "выходящий", келе "гово-

ри" - келегче "говорящий", суу "сиди" - суугче "сидящий", хээ "ищи" - хээгче "ищущий" и т.д.

"-дыг" используется в словах с заднерядными гласными, например: зары "посылай" - зардыг "посылающий всегда", оры "входи" - ордыг "входящий всегда", тары "рассыпайся" - тардыг "рассыпающийся всегда" и т.д.

"-дег" используется в словах с переднерядными гласными, например: келе "говори" - келдег "говорящий всегда", бэре "держи" - бэрдег "державший всегда", ире "приходи" - ирдег "приходящий всегда" и т.д.

Данное причастие также, как и причастие продолжительности действия на "-а, -э", часто выступает одним из главных компонентов составного именного сказуемого, поэтому из-за его предикативного значения ошибочно причисляют его в разряд глагольных разновидностей (89, с. 212).

"-мы" используется в словах с заднерядными гласными, например: хары "выходи" - хармы "могущий выйти", суу "сиди" - суумы "могущий сидеть", зуу "кусай" - зуумы "могущий кусать", хуры "собирайся" - хурмы "могущий собираться", мати "сгибайся" - матимы "могущий сгибаться" и т.д.

"-ме" используется в словах с переднерядной гласной, например: келе "говори" - келме "возможное сказать", бэре "держи" - бэрме "возможное держать", тэре "сей" - тэрме "возможное сеять", күре "достичь" - күрме "возможное достичь" и т.д.

И. Правописание деепричастий в калмыцком языке.

В современном калмыцком языке насчитывается девять разновидностей деепричастий: соединительное на "-же, -че", слитное на "-н", разделительное на "-ад, -эд, һад, -һэд", условное на "-хла, -хлэ, -васы, -вэсе", предельное на "-тыл, -тел", последовательное или временное на "-хларын, -хлэрен", предварительное на "-мы цацу, -ме цацу", продолжительное на "-сар, -сэр", целевое на "-хар, -хэр", уступительное на "-вчен" (89, с. 251-252). Однако, на наш взгляд, здесь кое-что требует уточнения. Во-первых, в условном деепричастии не указаны такие его показатели, как "-хне, -хынь, -хень". Во-вторых, названия "последовательное", "предварительное", "продолжительное" требуют своего уточнения, т.к. не отражают в полной мере значений, выражаемых указанными формами. Мы называем их по-своему.

1. Соединительное деепричастие:

"-же" используется в глаголах, оканчивающихся на звонкие согласные, кроме "в, г, р", которые в некоторых случаях принимают "-ч", например: авы "бери" - авче "беря", но сэве "маши" - сэвже "махая", өге "отдай" - өгче "отдав", дөге "разза-

дориться" - дөгже "раззадориваясь", һары "выходи" - һарче "выходя", но сере "проснись" - серже "просыпаясь" и т.д.

"-че" используется в глаголах, оканчивающихся на глухие согласные и в некоторых случаях на звонкие согласные, которые были указаны выше: босы "вставай" - босче "вставая", хаты "твердей" - хатче "твердея", хуче "накрой" - хучче "накрывая", таше "хлопай" - ташче "хлопая в ладоши", тохы "седлай" - тохче "седлая" и т.д.

2. Слитное деепричастие:

"-н" используется в глаголах с любым окончанием, например: һары "выходи" - һарын "выйдя", келе "говори" - келен "сказав", үзе "видь" - үзен "увидев", суу "сиди" - суун "сев", босы "встань" - босын "встав" и т.д.

3. Разделительное деепричастие:

"-ад" используется в глаголах с гласными заднего ряда, например: суры "проси" - сурад "прося", һары "выходи" - һарад "выйдя", оры "войди" - орад "войдя", зары "посылай" - зарад "посылая", марты "забудь" - мартад "забывая" и т.д.

"-эд" используется в глаголах с гласными переднего ряда, например: келе "говори" - келэд "говоря", сере "проснись" - серэд "просыпаясь" и т.д.

"-һад" используется в глаголах, оканчивающихся на долгие гласные заднего ряда, например: уһа "мой" - уһаһад "умывая", суу "сиди" - сууһад "сидя", заа "покажи" - зааһад "показывая" и т.д.

"-һэд"-в глаголах переднерядной огласовки: хэлэ "смотри"-хэлэхэд "смотря", зөө "носи" зөөһэд "переноса", бээ "будь" - бээһэд "будучи" и т.д.

"-яд" используется в глаголах с гласными заднего ряда, оканчивающихся на редуцированную гласную переднего ряда, например: ууле "плачь" - ууляд "плача", сууле "протягивай, просовывай" - сууляд "просовывая, протягивая", бууле "восхваляй" - бууляд "восхваляя" и т.д.

4. Условное деепричастие:

"-хла" используется с глаголами заднерядной огласовки, например: саны "думай, вспоминай" - санхла "если думать, вспоминать", дууды "зови" - дуудхла "если звать", һары "выходи" - һархла "если выходить", оры "войди" - орхла "если входить" и т.д.

"-хлэ" используется в глаголах переднерядной огласовки, например: седе "желай" - седхлэ "если пожелать", меде "знай" - медхлэ "если знать", көө "гони" - көөхлэ "если гнать" и т.д.

"-васы" используется в глаголах с гласными заднего ряда, например: һары "выйди" - һарвасы "если выйти", суры "спро-

си" - сурвасы "если спросить", оды "пойди" - одвасы "если пой-ти", олы "найди" - олвасы "если найти" и т.д.

"-вэсе" используется с глаголами переднерядной огласовки, например: келе "говори" - келвэсе "если сказать", сере "проснись" - сервэсе "если проснуться", күре "достигни" - күрвэсе "если достигнуть" и т.д.

"-хынь" используется с глаголами заднерядной огласовки, например: хары "выйди" - хархынь "если бы вышло", болы "стань" - болхынь "если бы стало", тары "рассыпайся" - тархынь "если бы рассыпались" и т.д.

"-хень" используется в глаголах с переднерядной огласовкой, например: келе "говори" - келхень "если бы сказать", меде "знай" - медхень "если бы знать", сере "проснись" - серхень "если бы проснуться" и т.д.

5. Временное или так называемое последовательное деепричастие.

В данном деепричастии ощущается явная производность от условного деепричастия на "-хла, -хлэ", где также соседствуют условно-временные значения. Однако в данной форме, получившей дополнительно частицу собственного склонения, значение условия почти не ощущается. Поэтому данную форму деепричастия точнее называть временным, т.к. она указывает на время, на момент, когда совершается основное действие, чем последовательным.

"-хларын" используется с глаголами с заднерядной огласовкой, например: хары "выходи" - хархларын "когда выходит", суры "спрашивай" - сурхларын "когда спрашивает", олы "найди" - олхларын "когда найдет", заа "указывай" - заахларын "когда указывает", уу "пей" - уухларын "когда пьет", ууле "плачь" - уульхларын "когда плачет", даа "стерпи" - даахларын "когда стерпит" и т.д.

"-хлэрен" используется с глаголами переднерядной огласовки, например: меде "знай" - медхлэрен "когда знает", зөре "устремляйся" - зөрхлэрен "когда устремляется", төре "рождайся" - төрхлэрен "когда рождается", биче "пиши" - бичхлэрен "когда пишет", тээле "развяжи" - тээлхлэрен "когда развязывает", сере "проснись" - серхлэрен "когда просыпается".

6. Причинное или так называемое продолжительное деепричастие

Орудный падеж от причастия прошедшего времени уже почти не ощущается в данном деепричастии, где суффиксы -сар, -сэр выглядят уже неразложимыми. Но значение инструментальности все же ощущается, поэтому значение "чем" в настоящее время понимается как "по какой причине" или "из-

за чего". Поэтому данное деепричастие точнее будет называть причинным, чем продолжительным, т.к. в нем указывается причина главного действия, которое обслуживает данное деепричастие.

"-сар" используется с глаголами заднерядной огласовки, например: хары "выходи" - харсар "потому, как вышел", йовы "иди" - йовсар "потому, как шел", суу "сиди" - суусар "потому, как сидел", олы "найди" - олсар "потому, как нашел", зары "посылай" - зарсар "потому, как посылал" и т.д.

"-сэр" используется с глаголами переднерядной огласовки, например: келе "говори" - келсэр "потому, как сказал", бэа "будь" - бэасэр "потому, как был", гүү "беги" - гүүсэр "потому, как бежал", биче "пиши" - бичсэр "потому, как писал", үзе "видь" - үзсэр "потому, как видел" и т.д.

7. Предельное деепричастие:

"-тыл" используется с глаголами с заднерядной огласовкой, например: хары "выходи" - хартыл "пока не вышел", йовы "иди" - йовтыл "пока идет", суу "сиди, сядь" - суутыл "пока сидит, пока не сел", буу "слезай" - буутыл "пока не слез", хаа "закрой" - хаатыл "пока не закрыл" и т.д.

"-тел" используется с глаголами с переднерядной огласовкой, например: келе "говори, скажи" - келтел "пока скажет, пока не сказал", ире "приди" - иртел "пока придет", секе "открой" - сектел "пока открыл" пока не открыл".

8. Целевое деепричастие.

"-хар" используется с глаголами с заднерядной огласовкой, например: хары "выходи" - хархар "чтобы выйти", зуу "кусай" - зуухар "чтобы укусить", буу "слезай" - буухар "чтобы слезть", тоо "потчуй" - тоохар "чтобы потчевать", наа "клей" - наахар "чтобы приклеить", саа "дой" - саахар "чтобы доить" и т.д.

"-хэр" используется с глаголами переднерядной огласовки, например: келе "говори" - келхэр "чтобы сказать", үзе "видь" - үзхэр "чтобы видеть", меде "знай" - медхэр "чтобы знать", секе "открой" - секхэр "чтобы открыть" и т.д.

9. Уступительное деепричастие.

"-вчен" используется с глаголами любой рядной огласовки, например: хары "выходи" - харывчен "хотя и выйдет", келе "говори" - келевчен "хотя и скажет", суу "сиди" - суувчен "хотя и сидит", сере "проснись" - серевчен "хотя и проснется", меде "знай" - медевчен "хотя и знает" и т.д.

Так называемое деепричастие предварительное, которое якобы образуется в результате сочетания возможного причастия на "-мы, -ме" и послелого "цацу", что значит "одновременно", то оно еще не может получить статус части речи, точнее,

слова, выражающего самостоятельную часть речи. Поэтому мы дееспричастие подобного рода пока не выделяем.

К. Правописание заимствований в калмыцком языке.

В калмыцком языке очень много заимствований. Часть из них уже адаптировалась и уже не воспринимается в языке как нечто инородное. К их числу относятся такие слова, как базыр "базар", харуд "огород", хурцыг "огурец", Эрэсэ "Россия", Эдерхен "Астрахань", ярмы "ярмо", пистул "пистолет", сеглэтер "секретарь" и другие.

1. Все заимствования, оканчивающиеся на согласный или ударный гласный, должны писаться на калмыцком без изменения, например: директор, музей, станок, галстук, Берлин, Игорь, Москва, плита, пальто, клише, журнал, командир и другие.

2. Все слова, оканчивающиеся на безударную гласную, заимствуются без гласной на конце, например: газета - газет, статуя - статуй, мастерская - мастерской, бакалея - бакалей, Арктика - Арктик, школа - школ, Марина - Марин, лыжи - лыж, училище - училищ, кандидатура - кандидатур, математика - математик и т.д.

3. В качестве исключения могут служить такие слова, которые имеют в предпоследней позиции два согласных. Тогда по закону калмыцкого языка эти два согласных на конце слова получают в конце редуцированную гласную с рядностью гласных основы, например: машинка - машинк - машинкы, каторга - каторг - каторгы. Двусложные имена собственные не изменяются.

4. Слова, оканчивающиеся на "-ия, -ие", обычно отбрасывают конечные гласные, например: дивизия - дивизь, сессия - сесь, Германия - Германь, орудие - орудь, совещание - совещань, комиссия - комись, Азия - Азь, партия - парть, буржуазия - буржуазь и т.д.

5. Заимствованные слова в калмыцком языке изменяются в соответствии с общими законами:

а). В склонении: Москва - Москван - Москвады - Москвагы и т.д.

б). В числе: машин - машид; трактор - трактормуд; звено - звенос и т.д.

5.3. Выразительная устная речь - главное качество калмыцкой орфоэпии

При исключительной важности письменной речи устная речь все же остается самой выразительной и исключительно

необходимой формой речи, т.к. это один из простейших инструментов национальной самоидентификации. Будучи самой доступной и распространенной формой функционирования любого языка, устная речь играет исключительную роль для калмыцкого, который переживает один из периодов своего кризиса. Поэтому роль современной калмыцкой орфоэпии невозможно переоценить. Поэтому выразительность устной калмыцкой речи должна стать главным качеством калмыцкой орфоэпии (38).

Выразительности речи в плане орфоэпии можно достичь, как известно, четкой и ясной артикуляцией, приводящей к ясной дикции уместной и выразительной мелодикой, т.е. изменением тональности голоса, избегая монотонности, правильным ударением и правильным произношением долгих и редуцированных гласных в слове, что делает речь доступной и, следовательно, интересной для адресата.

С введением обозначения долгих и редуцированных гласных в орфографии появляются дополнительные трудности в чтении калмыцких текстов. Что же надо знать, чтобы с честью выходить из затруднительных положений?

1. Надо знать, что орфография - это не транскрипция, буквально отражающая произношение. Поэтому нажимать на букву "ы", обозначающую редуцированный гласный заднего ряда, и доводить его звучание до уровня русского произношения нельзя, как это делают сторонники старой "безгласной" орфографии, доводя слово до неузнаваемости. В этих случаях надо вспомнить калмыцкую поговорку: "Ажглад бээхлэ, ажержы чиген кеелтэ болже медегддмен", что значит: "Если сильно или пристально приглядываться, исследуя предмет, то и жеребец может показаться стельным".

2. Словесное ударение в калмыцком языке всегда падает на последний слог. Поэтому только наличие или отсутствие словесного ударения позволяет определить различие между сложным словом и словосочетанием, например: келэд бээнэ "говорит постоянно", но келээдэнэ "поговаривает", йовже йовна "идет следуя", но йовжовна "идет сейчас", где мы видим, что в первых примерах слышно по два ударения, поэтому они пишутся в два слова, а во вторых примерах слышно только одно ударение, поэтому их можно считать одним сложным словом. Однако в этом вопросе нужно соблюдать меру, которая выражается в действии закона сохранения смыслоразличительных функций слов. Например: во фразе "кемжэнэ?" со значением "кто его знает?" тоже слышится одно ударение, но, в соответствии с указанным выше законом, мы можем допустить лишь словосочетание "кен меджэнэ?", иначе его можно спутать с другим словом "кемжэнэ",

являющегося формой родительного падежа существительного "кемжэн", что значит "мера" (110, с. 293).

3. Фразовое ударение в калмыцком языке, как и в любом другом, приходится на то слово, которое несет важнейшую смысловую нагрузку. Поэтому в ключевом слове словесное ударение произносится несколько длительнее, чем в обычных словах. Зато указанная длительность компенсируется за счет ускоренного темпо-ритма в произношении других, обычно предшествующих слов. Поэтому неслучайно Номто Очиров, характеризуя интонацию калмыцких говоров, отмечал "силу, энергичность, изобилие эмфатических долгот и усилений на отдельных слогах" в торгутской речи. Как известно, примерно об этом же говорил и Ю. Лыткин, характеризуя язык ойратов (160, с. 83, 137), т.к. закон экономии речевых усилий не позволяет растягивать речь до неразумных пределов. Однако и очень быстрое, во многом небрежное, произношение нельзя приветствовать, т.к. это ведет к необоснованным опрощениям, ведущим к неузнаваемости тех или иных слов, а это не может служить повышению уровня выразительности речи.

4. В устной речи довольно серьезно роль играет так называемый звательный падеж, используемый при обращениях. Являясь носителем фразового ударения, обращение еще более удлиняет долготу гласных в конце слова, чем это происходит с обычными носителями фразового ударения, например: "Манже эндер ирхем", что значит "Именно Манджи сегодня придет", "Манджаа, эндер ирентээ?", что значит "Манджи, вы сегодня придете?" и т.д.

Как видно из примеров, при обращении, когда используется звательный падеж, длительность конечного гласного настолько значительна, что она позволяет гласной не реагировать на мягкость предшествующего гласного, тогда как во фразовом ударении длительность гласного не позволяет уйти от смягчающего действия предшествующего согласного. Помимо долготы обращение получает восходящую мелодику голоса в конце слова, т.е. голос от более низкого тона устремляется к более высокому тону звучания, как это происходит при вопросах.

5. При обозначении редуцированных гласных возникает еще одна проблема - проблема произношения их между сонорными согласными "н". Учитывая, что орфография отражает помимо произношения еще и морфологическое строение слова, т.к. это диктует фонетико-морфологический принцип письма, в орфоэпии можно допустить и слитное произношение двух соседствующих согласных "н", разделенных лишь редуцированной гласной, например: үкринен "своей коровы" можно произносить как

үкринн, а үкринень "его коровы" можно произносить как үкриннь, но не путая указанные формы, как это часто бывает в практической речи, т.к. это формы, несущие разные смысловые значения.

6. В орфоэпии, построенной на озвучивании новой полнозвучной орфографии, где стали обозначать редуцированные и долгие гласные в односложных словах в первом слоге многосложных слов, полезно помнить, что в слове может быть только одна долгая гласная, что краткая гласная второго слога всегда произносится долго, если в первом слоге нет долготы, например: харада "ласточка" должна произноситься как "хараада", улада "краснуха" - улаада, хэлэхе "смотреть" - хэлээхе, бүркэсен "крышка" - бүркээсен, көрэдхе "пилить" - көрээдхе, келүлхе "заставить сказать" - келүүлхе, но кеерүлхе "украшать" - кеерүлхе и т.д.

7. Чередование согласных фонем в потоке речи, описанное в "Грамматике калмыцкого языка" (89, с. 37-38), вполне приемлемо для правил орфоэпии, т.к. устная речь должна быть незатрудненной, а эти процессы, что описаны в "Грамматике", отражая действие универсального закона экономии речевых усилий, ведут речь к такому состоянию. Единственное, что вызывает среди них возражение, это утверждение о том, что соседство двух "с" приводит к диссимиляции, например: дуусы "кончай" - дууссын "закончивший" - дуусцын, дасы "учись" - дассын "выученный" - дасцын (89, с. 39). Это не сходный случай со словом "аббы", что значит "взял", где якобы "авы", что значит "возьми", в результате взаимной ассимиляции "в" чередуется с фонемой "б", (89, с. 38), когда к нему добавляется окончание "-вы": аввы "взял" - аббы. Во-первых, здесь должно получиться слово "авва", а не "аббы", которое восходит к более древнему своему звучанию "абба", где "б" было исконной фонемой. Во-вторых, это противоречит закону экономии усилий.

8. Следующей проблемой орфоэпии при обозначении форм родительного и винительного падежа через "и", как это всегда было в монгольских языках, а не "ы", как это сделал Д.А. Павлов в недавнем прошлом, становится прочтение могущих быть мягкими согласных: "л, н, д, т", когда за ними следуют указанные гласные в названных формах. В этом случае "и" не делает мягкими указанные согласные, например: халин "огня" нельзя читать с мягкой согласной фонемой "л", хунин "лебеда" нельзя читать с мягким "н", садин "сада" нельзя читать с мягким "д", хотин "пищи" нельзя читать с мягким "т".

9. В отношении же других процессов можно согласиться с авторами "Грамматики", которые констатируют, что звонкие

согласные, или слабые по версии ленинградской школы "д, дь, г, ж" переходят рядом с глухими в глухие согласные, например: ады "бешенство" - адта "с бешенством, бешеный" - атта, боде "святость" - бодьта "имеющий святость" - ботьта, хурыг "собрание" - хурыгты "на собрании" - хурыкты, күрзе "лопата" - күрзтэ "с лопатой" - күрстэ, уты "копти" - утдыг "копящий" - уттык, авше уга - авшго "который не возьмет" - авшко, чөөже "крючок" - чөөжтэ "с крючком" - чөөштэ и т.д.

10. Переднеязычные "т, д, л, н," в позиции перед "й" и мягкими согласными "ж, ч, ш," в орфоэпии могут произноситься иногда мягко, например: харул "страж" - харульче "сторожащий", таты "тянуть" - татче - татьче "потянув", хады "забивай" - хадже - хадьже "забивая", ханы "благодари, будь доволен" - ханже - ханьже "будучи довольным", саны "думай" - санже - саньже "думая".

В отношении же перехода фонемы "в" перед последующим "н" в "м" надо спорить и доказывать, что данный переход затемняет морфологическую структуру слова, например: йовы "иди" - йовна "идет" - йомна. Таким процессам надо противостоять, иначе "хавна", что значит "стегает" (110, с. 563), может замениться словом "хамна", что значит "подметает", т.к. в основе появляется другое слово "хамы", что значит "подметай" (110, с. 574).

11. Переход "н" в "м" под влиянием последующей согласной "б" тоже не столь безобиден, как кажется. Поэтому, руководствуясь законом сохранения смыслоразличительных функций, надо избегать таких превращений, например: заны "слон" - занби? "слон ли?" - замби "дорога ли?" и т.д.

Таким образом, в сфере орфоэпии, как и орфографии, мы должны руководствоваться принципом целесообразности "сохранения" морфем, играющих смыслоразличительную функцию, т.е. поставить закон "экономии речевых усилий" под строгий и гибкий контроль закона "сохранения смыслоразличительных функций". Тогда и калмыцкий язык, вооруженный нормами, вытекающими из теории калмыцкого языка и речи, орфографией и орфоэпией, отражающими эти нормы, станет хорошей базой для возрождения и обновления его функций. Разумеется, этого мало, но это то малое, что необходимо для успешного функционирования любого языка, следовательно, и для языка калмыцкого.

Помимо чисто лингвистических проблем нам придется решить еще много проблем экстралингвистического характера, среди которых важное место занимают проблемы законодательные, организационные и практические.

1. Нужен Закон о возрождении и функционировании национального языка, по которому должен быть установлен 10 % налог на всех граждан Калмыкии, обеспечивающий финансирование развития и сохранения всех языков, включая и русский, как одного из государственных языков. Нужен государственный орган, финансирующий и контролирующий состояние исполнения указанного Закона, наделенный правами Министерства.

2. Министерство должно организовывать подготовку кадров (учителей, ученых, писателей, журналистов, работающих на калмыцкий язык и его развитие), работать над расширением функциональной нагрузки на калмыцкий и другие национальные языки, работать с театральным репертуаром, содержанием учебников и функционированием калмыцкого и других языков в сфере общественной жизни, отвечать за состояние дел в этих областях перед Народным Хуралом и Президентом Республики Калмыкия.

3. Нужно новое поколение учебников по калмыцкому языку и литературе, где не должно быть прямого заимствования из русского или халха-монгольского языков. Нужны учебно-методические комплексы, снабженные фонотекой, методической, лексикографической и наглядной литературой, видеотекой.

4. Особое внимание должно быть уделено педагогическим кадрам и ученым, артистам, журналистам, работникам библиотек, работающим на возрождение и развитие калмыцкого языка, которым оплата должна быть поставлена на уровне двух ставок. Все другие жители, изучающие и говорящие на калмыцком языке в быту и на работе, должны иметь прибавку к жалованию или зарплате в размере 10 %.

5. Владение двумя государственными языками на территории республики должно быть одним из важнейших преимуществ при приеме на работу или при аттестации сотрудников учреждений и фирм всех форм собственности.

6. Семьям, где общаются на калмыцком языке, надо выдавать денежные или другие поощрительные премии от лица Министерства языка.

В этой связи хочется сказать, что проблема сохранения калмыцкого языка стоит столь остро, что без особой государственной помощи ее не решить.

Выводы: Итак, теория культуры языка и речи помогает устранить отдельные ошибки в современном калмыцком литературном языке, создает такие формы и условия функционирования, которые не только укрепляют, но и расширяют возможности литературного языка решать все свои практические задачи, среди которых текстологические, орфографические и орфоэпические будут важнейшими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Калмыцкий язык, будучи одним из наследников западно-монгольского наречия, за более чем двухтысячелетнюю историю развития накопил огромные богатства лексического, морфологического и синтаксического характера, но в условиях современной действительности стал терять свое значение и оказался на грани исчезновения. Чтобы определить причины такого состояния, мы ставили пять задач:

1. Определить потенциальные возможности калмыцкого языка, определенные историей его развития.

В результате анализа приходится констатировать, что нормы калмыцкого литературного языка, вопреки официальным заявлениям, были разрушены и стали таковыми, что Т.А. Бертагаев в энциклопедической статье 1959 года должен был признать: "В качестве основы литературного языка был положен дэрбэзский диалект как диалект населения, занятого не только скотоводством, но и земледелием, и промышленным производством" (29, с. 500). Интересно, а чем же иным занимались носители других диалектов? Так шанс на создание единого калмыцкого литературного языка был упущен. Вся художественная и публицистическая литература стала писаться на говорной основе. Огромные возможности языка из-за дробления на говоры и диалекты, будучи невостребованными, стали постепенно угасать.

2. Определить теоретические предпосылки калмыцкого языка для уяснения степени его культуры.

Анализ существующих теоретических работ по калмыцкому языку и лучших образцов речи показал, что в калмыцком языке есть все предпосылки для приведения его в соответствие с требованиями теории культуры языка и речи. Только надо все должным образом систематизировать и уточнить.

3. Определить теоретические предпосылки для уяснения степени культуры калмыцкой речи.

Анализ показал, что в калмыцком языке можно достаточно легко определить семь коммуникативных качеств речи: правильность, точность, логичность, чистоту, выразительность, богатство и уместность, из которых только правильность требует лишь незначительной доработки.

4. Определить роль текстологии в решении проблем культуры калмыцкого языка и речи.

Анализ показал, что в калмыцком языке есть все необходимое для осознанного функционирования, для различения языковых и речевых стилей. Однако для их полного уяснения может оказать решающую помощь только расширение текстологических работ в области фольклора, древней и современной литературы.

5. Определить роль теории культуры языка и речи в деле возрождения калмыцкого литературного языка.

Анализ показал, что теория культуры языка и речи помогает устранить отдельные ошибки в теории современного калмыцкого литературного языка, создает такие формы и условия его функционирования, которые не только укрепляют, но и расширяют возможности литературного языка решать все свои практические задачи, среди которых текстологические, орфографические и орфоэпические будут считаться наиважнейшими.

Итак, гипотеза, предложенная к защите, предполагающая, что угасание функциональной активности калмыцкого языка усугубилось ошибками при установлении литературных норм языка, при создании орфографии, при терминотворчестве, а также отсутствием текстологических работ в области фольклора, древней и современной литературы полностью подтвердилась. Устранение вышеназванных ошибок будет лишь первым шагом на пути возрождения языка. Наряду с этим, как справедливо считает Г.А. Дырхеева, должны проводиться мероприятия социально-экономического характера (102, с. 165), среди которых первоочередными, на наш взгляд, являются следующие:

1. Создать Министерство языка и языковой политики, которое готовило бы проекты законодательных актов, контролировало и финансировало бы все необходимые мероприятия.

2. Законодательно сделать владение калмыцким языком наряду с русским более выгодным как в материальном, так и в духовном плане, чем невладение.

3. Усилить внимание государства и общества к качеству научного и учебно-методического обеспечения процесса обучения калмыцкому языку.

4. Укрепить кадры в области науки, культуры, образования, средств массовой информации и искусства в плане владения калмыцким литературным языком.

Разумеется, все названные выше мероприятия потребуют достаточно серьезных финансовых и прочих затрат, но сохранение калмыцкого языка, духовного богатства калмыцкого народа стоят того.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Автореф. - автореферат

алт. - алтайский

англ. - английский

баоань. - баоаньский

богат. - богатство

буз. - бузавский

бурят. - бурятский

ВЯ - журнал "Вопросы языкознания"

в. - век

выраз. - выразительный, выразительность.

вып. - выпуск

г. - год

диссер. - диссертации

др. - другие

дунс. - дунсянский

дерб. - дербетский

докл. - доклад

делов. - деловой

ед.ч. - единственное число

изд. - издание

КГУ - Калмыцкий государственный университет

кн. - книга

калм. - калмыцкий

канд. - кандидатский

коммент. - комментарий

Л. - Ленинград

логичн. - логичный, логичность

М. - Москва

МГУ - Московский государственный университет

монгор. - монгорский

НИИЯЛИ - научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

н.э. - нашей эры

научн. - научный

ОЛЯ - отдел литературы и языка

общ-ти - общности
п.-монг. - письменно-монгольский
публ. - публицистический
прав. - правильность
пер. - перевод
р.-быт. - разговорно-бытовой
русск. - русский
СПб - Санкт-Петербург
Сб. - сборник
сер. - серия
ср. - сравните
ст.-монг. - старо-монгольский
с. - страница
т.к. - так как
т.е. - то есть
т.д. - так далее
торг. - торгутский
точн. - точность
т. - том
Тувинск. нар. - Тувинская народная республика
торг.-цат. - торгутско-цатанский
уч.зап. - ученые записки
уместн. - уместность
халх.-монг. - халха-монгольский
худож. - художественный
ч. - часть
чист. - чистота
э. - эра
эпист. - эпистолярный

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. О полисемии и омонимии. Вестник языкознания, 1957, № 3.
2. Абаев В.И. О принципах этимологического исследования. Сб. "Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков". Изд. АН СССР, М., 1956, с. 286-307.
3. Абаев В.И. О фонетическом законе. Сб. "Язык и мышление", М., 1953.
4. Абаев В.И. О языковом субстрате. "Докл. и сообщения Института языко-знания", вып. 9, 1956, с. 64-65.
5. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984.
6. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
7. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Москва - Элиста, 1994.
8. Айдаров Н. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.
9. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
10. Артаев С.Н. Калмыцкий речевой этикет: лингвистический и социокультурный аспекты. Автореферат канд. диссертации М., 2001.
11. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
12. Ахманова О.С. Фонология. М., 1954.
13. Акушин Н.С., Акушина М.Г. Крылатые слова. М., 1955.
14. Балашша И. Венгерский язык. - русский перевод. М., 1951.
15. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - русский перевод. М., 1955.
16. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985.
17. Бараников А.П. Изобразительные средства индийской поэзии. Л., 1947.
18. Бартольд В.В. Полное собрание сочинений., т.5., М., 1968.
19. Бархударов С.Г. Русская современная лексикография за 40 лет. Вестник языкознания, 1957, № 5, с. 31-45.
20. Баскаков Н.А. Структура слова и части речи в тюркских языках. "Советское востоковедение", 1957, № 1, с. 77.

21. Баскаков Н.А. Ведение в изучение тюркских языков. М., 1962.
22. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
23. Бах А. История немецкого языка. - русский перевод. М., 1956.
24. Белецкий А.А. Принципы этимологических исследований. На материале греческого языка. Киев, 1950.
25. Белич А.И. К вопросу о распределении грамматического материала по главным грамматическим дисциплинам. "Вестник МГУ", 1947, № 7, с. 15.
26. Белошапкова В.А. К изучению типов сложного предложения. "Доклады и сообщения Института языкознания", выпуск 2, 1952, с. 20-33.
27. Бельский А.В. Интонация как средство детерминирования и предикации. Сб. "Исследования по синтаксису русского литературного языка". М., 1956, с. 188-199.
28. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1953.
29. Бертагаев Т.А. Калмыцкий язык. Сб. "Младописьменные языки народов СССР". М.-Л., 1959, с. 497-501.
30. Бертагаев Т.А. К вопросу о законах развития полисемии. Изд. АН СССР, ОЛЯ, 1951, выпуск 6.
31. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
32. Бертагаев Т.А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. "Проблема общности алтайских языков". Л., 1971.
33. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974.
34. Бернштейн С.Б. Основные задачи, методы и принципы построения "Сравнительной грамматики славянских языков". ВЯ, 1954, № 2, с. 51.
35. Бирман С.Г. Актер и образ. М., 1936.
36. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950.
37. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с 15 столетия до настоящего времени. СПб., 1834, 2-е изд., Элиста, 1991.
38. Биткеев П.Ц. К вопросу об орфоэпических нормах современного калмыцкого языка. Сб. "Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка". М., 1976, с. 148-155.
39. Боас Ф. Ум первобытного человека. - русский перевод. М.-Л., 1926.
40. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1949.
41. Богораз В.Г. Материалы по языку азиатских эскимосов. М., 1949.

42. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики, изд. 5, М., 1935.
43. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953.
44. Бодуэн-де Куртене И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.
45. Бодуэн-де Куртене И.А. Лингвистические заметки. О связи грамматического рода с миросозерцанием и настроением людей. ЖМНП, СССРXXXI, СПб., 1900.
46. Бокарев Е.А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949.
47. Болдырев А.Н. Некоторые вопросы становления и развития письменных языков в условиях феодального общества. ВЯ, 1956, № 4, с. 31.
48. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949.
49. Бородич В.В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках. ВЯ, 1953, № 6, с. 68-86.
50. Бруннер К. История английского языка. - русский перевод. М., 1956.
51. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1958.
52. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительном освещении. Новосибирск, 1978.
53. Букчина Б.З. Орфографические варианты. Литературная норма и вариантность. М., 1981.
54. Булаховский Л.А. Из жизни омонимов. "Русская речь", выпуск 3, 1928, с. 47.
55. Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке. "Труды института русского языка", № 1, М., 1949, с. 147-209.
56. Бюхер К. Работа и ритм, русский перевод. М., 1923.
57. Валлон Анри. От действия к мысли. Очерки сравнительной психологии, русский перевод. М., 1956.
58. Вандриес Ж. Лингвистическое введение в историю, русский перевод. М., 1937.
59. Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. М.-Л., 1954.
60. Вежбицкая А. Метатекст в тексте. "Новое в зарубежной лингвистике", выпуск 8, М., 1978.
61. Венедиктова В.И. О деловой этике и этикете. М., 1994.
62. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. М., 1993.
63. Веселов П.В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. М., 1993.
64. Вэнь Лянь и Ху Фу. Части речи в китайском языке. ВЯ, 1953, № 3, с. 59.
65. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

66. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX веков. Изд. 2, 1938.
67. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947.
68. Виноградов В.В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы. ВЯ, 1955, № 4, с. 3-34.
69. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. "Труды МИФЛИ, филологический факультет, т. 5, 1939.
70. Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке. СПб., 1911.
71. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
72. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. М.-Л., 1934.
73. Войтонис Н.Ю. Предыстория интеллекта. М., 1949.
74. Всеволодский-Гернгросс В. Теория русской речевой интонации. Петроград, 1922.
75. Выгодский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
76. Высотский С.С. Методы изучения диалектов. "Доклады и сообщения института языкознания", выпуск 4, 1954, с. 124-137.
77. Вяткина К.В. Общие черты материальной и духовной культуры у западных монголов, бурят и южных алтайцев: 7-ой международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклад М., 1964.
78. Галкина-Федорук Е.М. К вопросу об омонимах в русском языке. "Русский язык в школе", № 3, 1954.
79. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952.
80. Гегель. Наука логики. Сочинения. т. 5, М., 1937.
81. Георгиев В. Происхождение алфавита. ВЯ, № 2, 1956, с. 48-83.
82. Герценберг Л.Г. Об исследовании родства алтайских языков. ВЯ, 1974, № 2, с. 5.
83. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. Учебник для вузов. М., 1997.
84. Головин Б.Н. Как говорить правильно. Горький, 1966.
85. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988.
86. Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов, 1978.
87. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействия. "Вопросы стилистики", Саратов, выпуск 25, 1993.
88. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
89. Грамматика современного калмыцкого языка. Элиста, 1983.
90. Григорьева А.Д. Об основном словарном фонде и словарном составе русского языка. М., 1953.

91. Грунин Т.И. Имя прилагательное в тюркских языках. ВЯ, № 4, 1955, с. 55.
92. Гумбольдт В.О. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. - русский перевод П.С. Билярского, СПб., 1859.
93. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.
94. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М., 1974.
95. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
96. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
97. Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе, 1971.
98. Дарваев П.А. Сказание о Чингис-хане. - Литературный перевод "Сокровенного сказания монголов"., Элиста, 1990.
99. Дарваев П.А. Краткое введение в сравнительную монголистику. Учебное пособие для студентов Калмыцкого университета. Элиста, 1988.
100. Дарваев П.А. Самоучитель калмыцкого языка. Элиста, 1992, 1995.
101. Джачгар. Калмыцкий народный эпос. - пер. Семена Липкина, Элиста, 1989.
102. Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ, 2002.
103. Добрович А. Общение: наука и искусство. М., 1978.
104. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
105. Дыйканов Карбоз. Кыргыз тилинин тарыханан. Из истории киргизского языка. Лексика. Фрунзе, Мектеп, 1980.
106. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758., М., 1964.
107. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Словарь Б-К., М., 1971.
108. Иностранцев К. Хунну и гунны. СПб., 1900.
109. История Монгольской народной республики. М., 1967.
110. Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
111. Кара Дердь. Книги монгольских кочевников. М., 1972.
112. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его с другими языками тюркского корня. Казань, 1903.
113. Катушов К.П. Калмыкия в геопространстве России. Элиста, 1998.
114. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
115. Киргизско-русский словарь. Сост. К.К. Юдахин. М., 1965.
116. Кичгэ Төлэ. Келсн үг - керчсн модн. Элст, 1983.
117. Кичиков А.Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963.

118. Каляев А.Л. Стилистика калмыцкого языка. Учебное пособие. Калмыцкий госуниверситет, Элиста, 1997.
119. Калян Санж. Хальмг келн. һурвн ботьта үүдэврмүдин хуранһун 2-гч боть. Элст, 1981, 48-гч халх.
120. Ковтун Л.С. О значении слова. В.Я. № 5, 1955.
121. Кожина М.Н. Стилистика русского языка, 1993.
122. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.
123. Корш Ф. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877.
124. Косвен М.О. Очерки первобытной культуры. М., 1953.
125. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915.
126. Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
127. Крейнвич Е.А. Нивхский-гиляцкий язык. Сб. "Языки и письменность народов Севера", ч. 3, М.-Л., с. 194., 1934.
128. Кротевич Е.В. Предложение и его признаки. Львов, 1954.
129. Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
130. Кузнецов П.С. Генезис видовременных отношений древнерусского языка. "Труды института языкознания", т. 2, с. 240, 1953.
131. Лавров Б.Б. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. Л., 1941.
132. Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разуме. - русский перевод, М., 1936.
133. Лигети Л. Табгачский язык - диалект сяньбийского. "Народы Азии и Африки", В.Я. № 1, с. 107-117, 1969.
134. Лихачев Д.С. Из наблюдений над лексикой "Слова о полку Игореве". Изв. АН СССР, ОЛЯ, № 6, с. 553, 1949.
135. Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X-XVII веков. Л., Наука, 1983.
136. Лувсанвандан Ш.О. О некоторых корнях и основах в монгольском языке. Улан-Батор, 1963.
137. Лыткин Ю. Исторический очерк письменности монголов и ойратов. "Астраханские губернские ведомости" за 14 августа 1859 года.
138. Маадай Кара. Алтайский героический эпос. М., 1978.
139. Макаренко А.С. Избранные педагогические произведения. М., 1945.
140. Максимов С. Крылатые слова. СПб, 1899.
141. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
142. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. Изд. 2, Л., 1948.
143. Мейе А. Общеславянский язык, перевод с французского на русский. М., 1951.
144. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании, перевод на русский. М., 1954.

145. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, русский перевод. М., 1938.
146. Милых М.К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков, 1956.
147. Митиров А.Г. Ойраты - калмыки. Века и поколения. Элиста, 1998.
148. Михельская А.К. Основы риторики. Мысль и слово., 1996.
149. Монгол-орос толь. Монгольско-русский словарь. Сост. Лувсандэндэв А., М., 1957.
150. Мурат В.П. Об основных проблемах стилистики. М., 1957.
151. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
152. Немировский М.Я. Способы обозначения пола в языках мира. Сб. "Памяти акад. Н.Я. Марра"., М., 1938.
153. Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.
154. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1952.
155. Ольдерогге Д.А. Язык хауса. Краткий очерк грамматики, хрестоматия и словарь. Л., 1954.
156. Олядыкова Л.Б. Лексика монгольского происхождения в древнерусской письменности до XIII века. Учебное пособие. Элиста, 1990.
157. Орловская М.Н. Язык "Алтан тобчи". М., 1984.
158. Очир-Горяев В.Э. К истории формирования отечественного калмыковедения: первые грамматики калмыцкого языка. Сб. Калмыковедение "Вопросы историографии и библиографии". Элиста, 1989. с. 145.
159. Очиров Н.О. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. Изв. Русск. Комит. для изучения Средней и Восточной Азии. № 10, СПб., 1910.
160. Очиров Н.О. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков. Отчет Изв. Русск. Комит. для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. II, № 2, СПб., 1913.
161. Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964.
162. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста, 1968.
163. Павлов Д.А. Исследования по калмыцкому языку и письменности. Докл., представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1971.
164. Павлов Д.А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по "Тодо Бичиг". Уч. зап. Калм. НИИЯЛИ, вып. 7, сер. филологическая, Элиста, 1969.

165. Павлов Д.А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка. Уч. зап. Калм. НИИЯЛИ, вып 3, сер. фиологическая, Элиста, 1964.
166. Павлов Д.А. Формирование и развитие калмыцкого национального языка. Сб. "Проблемы монгольского языкознания", Новосибирск, с. 94-107, 1988.
167. Павлов Д.А. Фонетика современного калмыцкого языка. Элиста, 1983.
168. Павлов Д.А. Становление и развитие единых норм калмыцкого литературного языка. Сб. "Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка". Элиста, 1994, с. 39.
169. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6, М.-Л., 1938.
170. Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948.
171. Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайских языков. Изв. АН СССР, с. 1197-1204, 1927.
172. Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
173. Поппе Н.Н. Аларский говор., ч. 1, Л., 1930.
174. Поппе Н.Н. Дагурское наречие. Материалы комисс. по исслед. Монголии и Тувинской народной республики и Бурят-Монг. АССР. Вып. 6, Л., 1930.
175. Поппе Н.Н. Сравнительная грамматика алтайских языков. Ч. 1, Висбаден, 1960, на немецком языке.
176. Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии. СПб., т.4, 1883.
177. Потапов Л.П. Очерки истории алтайцев. М.-Л., 1953.
178. Потапов Л.Г. Этнический состав и происхождение алтайцев. М., 1969.
179. Проблемы современного калмыковедения. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 75-летию проф. Араша Борманжинова, Элиста, 2001.
180. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. М., 1984.
181. Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.
182. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.
183. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста, 1979.
184. Рамстедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.
185. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
186. Рамстедт Г.И. Калмыцкий словарь. Хельсинки, 1935 - на немецком языке.
187. Рассадин В.И. Монгольские заимствования в алтайском языке. "Советская тюркология", № 1, с. 62, 1973.

188. Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.
189. Рашид-ад-дин. Сборники летописей. т. 1, кн. 1, М.- Л., 1952.
190. Рейсер С.А. Основы текстологии. Л., 1978.
191. Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? ВЯ, № 1, с. 62, 1974.
192. Рясанен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1956.
193. Садыков С. Монгольско-киргизские параллели. Диссертация кандидата филологических наук. Фрунзе, 1967.
194. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., АН СССР, 1940.
195. Санжеев Г.Д. Дарханский говор и фольклор. Л., 1931.
196. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
197. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков., т. 1., М., 1953.
198. Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
199. Севортян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках. Сб. "Вопросы грамматического строя". М., 1955.
200. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
201. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. - русский перевод. М., 1934.
202. Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках. Автореферат докторской диссертации. М., 1956.
203. Серебренников Б.А. О недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании. Изв. АН СССР, ОЛЯ, № 3, 1955.
204. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
205. Сарин Герл. Сост. перевод с монг. и ойрат-го предисловия. Словарь А.В. Бадмаева. Элиста, 1991, с. 146-158.
206. Смирницкий А.И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. Изд. МГУ, М., 1955.
207. Соколов В.В. Культура речи и культура общения. М., 1995.
208. Сокровенное сказание монголов. Пер. на калм. и русск. языки, коммент. Дарваева П.А., перевод на бурятский язык Г. Г. Чимитова. Элиста, 1990.
209. Солнцев В.М. Проблема частей речи в китайском языке. ВЯ, № 5, с. 27, 1956.
210. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. - пер. на русский. М., 1933.
211. Сухбаатар Г. Сяньби. Уланбаатар, 1971.
212. Суюнчев Х.И. Монгольские и карачаево-балкарские лексические параллели. Черкесск, 1977.

213. Тадыкин В.Н. К вопросу о современном состоянии и уровне развития лексики алтайского литературного языка. "Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе". Новосибирск, с. 60-67, 1967.
214. Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1967.
215. Тенишев Э.Р. Строй сарык-югурского языка. М., 1976.
216. Тенишев Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля. ВЯ, № 1, с. 82-87., 1976.
217. Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. М., 1981.
218. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.
219. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
220. Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1974.
221. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, 1976.
222. Тарахтеров А.Л. Основные вопросы теории слога и его определение. ВЯ, № 6, с. 22, 1956.
223. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме. ВЯ, № 1, с. 65-77, 1958.
224. Убрятова Е.С. Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам, а также монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960
225. Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста, 1979.
226. Убушаев Н.Н. Происхождение этнонима "ойрат". "Теегин герл", № 3, 1994.
227. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 1953.
228. Филин Ф.П. Лексика русского лит. языка древнекиевской эпохи. Л., 1949.
229. Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. - русский пер. М., 1952.
230. Фрезер Джеймс. Золотая ветвь - русский перевод, выпуск 2. Табузапреты. М., 1928.
231. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. - русский перевод, ч. 1., М., 1953.
232. Хорошая речь. Коллективная монография под ред. М.А. Кормилициной и О.Б. Сиротининой, Саратов, 2001.
233. Цинциус В.И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков. "Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков". Л., 1972. с. 11-12,
234. Цыдендамбаев Ц.Б. Вурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
235. Чемоданов Н.С. Сравнительное языкознание в России. М., 1956.
236. Черемисов К.М. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1973.

237. Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.
238. Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965.
239. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2, М., 1954.
240. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. СПб., 1911.
241. Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.
242. Шапиро А.Б. Русское правописание. М., 1951.
243. Шапиро А.Б. Некоторые вопросы теории синонимов. "Докл. и сообщения Института языкознания", т. 8, с. 80, 1955.
244. Шахматов А.А. Очерки современного русского литературного языка. Изд. 3, Л., 1936.
245. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
246. Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. ВЯ, № 2, с. 67, 1956.
247. Ширяев Е.Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина. "Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики", ч. 1, М., 1991.
248. Ширяев Е.Н. Современная теоретическая концепция культуры речи. Культура русской речи. Учебник для вузов. М., 2000.
249. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. Изв. АН СССР, ОЛЯ, № 3, с. 107, 1940.
250. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
251. Щерба Л.В. Очередные задачи языкознания. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
252. Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании. ВЯ, № 6, 1959.
253. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. М.-Л., 1970.
254. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л., 1977.
255. Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. ВЯ, № 3, с. 23, 1966.
256. Энгельс Ф., Маркс К. Немецкая идеология. М., 1934.
257. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Изд. 3, Элиста, 1985.
258. Юнусалиев Б.Ю. Киргизская лексикология. Ч. 1, Фрунзе, 1959.
259. Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста, 2000.
260. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
261. Ярцева В.Н. Пути развития словосочетаний. "Вопросы грамматического строя и словарного состава языка". Л., 1952.
262. Ярцева В.Н. Теория субстрата в истории языкознания. "Докл. и сообщения Института языкознания", выпуск 4, 1956.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. К истории калмыцкого языка	6
1.1. Носители калмыцкого языка	6
1.1.1. Об этнониме "калмык"	8
1.1.2. Об этнониме "дербет"	10
1.1.3. Об этнониме "торгут"	11
1.1.4. Об этнониме "хошуд"	14
1.1.5. Об этнониме "бузавы"	15
1.2. Этапы развития калмыцкого языка	17
1.2.1. Алтайская эпоха - до 3 века до н.э.	18
1.2.2. Хунно-сяньбийская эпоха - с 3 в. до н.э. по 5 в. н.э.	21
1.2.3. Тюркюто-киданьская эпоха - с 6 в. н.э. по 12 век н.э.	22
1.2.4. Среднемонгольская или ойратская эпоха - с 13 по 17 в.	26
1.2.5. Новомонгольская или калмыцкая эпоха - с 18 по 1917 г.	29
1.2.6. Новейшая или современная эпоха - с 1917 по 2001 г.	31
1.3. Говоры калмыцкого языка	33
1.3.1. Дербетский говор	33
1.3.2. Торгутский говор	36
1.3.3. Бузавский говор	38
1.4. История становления калмыцкого литературного языка ..	40
1.4.1. Первые шаги кодификации калмыцкого языка	47
1.4.2. Нормы современного калмыцкого литературного языка ..	58
ГЛАВА II. Теоретические предпосылки понимания и определения культуры калмыцкого языка и речи	65
2.1. О культуре калмыцкого языка	65
2.1.1. Степень развития и богатства калмыцкой лексики	65
2.1.2. Отточенность семантики лексико-морфологических единиц	75
2.2. О культуре калмыцкой речи	81
2.2.1. Степень незатрудненности речевой деятельности	82
2.2.2. Смысловые задания и возможности калмыцкоготекста ..	95
2.2.3. Качества речи, выделяемые в сознании калмыцкого народа	104

ГЛАВА III. Коммуникативные качества калмыцкой речи	110
3.1. Правильность калмыцкой речи	110
3.2. Точность калмыцкой речи	118
3.3. Логичность калмыцкой речи	122
3.4. Чистота калмыцкой речи	127
3.5. Выразительность калмыцкой речи	130
3.6. Богатство или разнообразие калмыцкой речи	135
3.7. Уместность калмыцкой речи	140
3.7.1. Уместность стилевая	142
3.7.2. Уместность контекстуальная	143
3.7.3. Уместность ситуативная	145
3.7.4. Уместность личностно-психологическая	146

ГЛАВА IV. Языковые и речевые стили калмыцкого языка в отношении к культуре калмыцкой речи и роль текстологии в уяснении этих проблем	148
4.1. Функциональные стили калмыцкого литературного языка	148
4.2. Стили языка и стили речи в калмыцком языке	150
4.3. Речевая культура в научном и учебном общении	153
4.4. Культура калмыцкой речи и публичное выступление	161
4.5. Другие науки в отношении к культуре калмыцкой речи	165
4.6. Калмыцкая речевая культура и текстология	171
4.6.1. Установление основного текста	173
4.6.2. Варианты и транскрипция	178
4.6.3. Конъектуры или исправление ошибок	179
4.6.4. Пунктуация и орфография	180
4.6.5. Датировка произведения	181
4.6.6. Установление авторства или атрибуции	182
4.6.7. Типы изданий и их комментарии	184
4.6.8. Указатели - неотъемлемая часть текста	186

ГЛАВА V. Теория культуры калмыцкого языка и речи - ключ к практическому решению проблемы возрождения калмыцкого литературного языка	188
5.1. Критерий определения качеств калмыцкого текста	190
5.1.1. Текстологический анализ стихотворения С. Каляева "Хальмг кели".	190
5.1.2. Текстологический взгляд на "Историю Убаши-хун-тайджия и его войны с ойратами"	196
5.1.3. Текстологический взгляд на "Сокровенное сказание монголов"	203
5.1.4. Текстологический взгляд на речь эпоса "Джангар"	210

5.1.5. Текстологический взгляд на народные сказки, песни и другие произведения калмыцкого фольклора	212
5.2. Незатрудненность письменной речи - главное качество калмыцкой орфографии, способствующей возрождению калмыцкого языка	213
5.2.1. Процесс редукции или сокращения гласных, изменение их качеств	214
5.2.2. Чередование долгих и кратких гласных корня	215
5.2.3. Редуцированная гласная	215
5.2.4. Сочетаемость согласных	216
5.2.5. Слоги в калмыцком языке	216
5.2.6. Количество слогов в калмыцком языке	216
5.2.7. Правила полногласной орфографии	218
5.3. Выразительная устная речь - главное качество калмыцкой орфоэпии	257

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	263
----------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	265
-----------------------------	-----

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	267
-----------------------------	-----

ОГЛАВЛЕНИЕ	278
----------------------	-----

